ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

КОЛЬЦА ДУХОВ

Кольца духов
Лоис Макмастер Буджолд

Аннотация
Лоис Буджолд. Кольца духов
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Эпилог

Послесловие автора

Аннотация

Только вчера шестнадцатилетняя Фьяметта осваивала секреты мастерства под руководством своего знаменитого отца, скульптора и ювелира Просперо Бенефорте, планируя, как ее мечты воплотятся в сотни прекрасных произведений – от изысканных ваз, блюд и солонок до колец и ожерелий.

Сегодня же Фьяметта – обездоленная беглянка, в одночасье лишившаяся и дома, и всех надежд. Но ей придется быстро повзрослеть, потому что лишь она одна обладает достаточными знаниями, чтобы противостоять демоническим козням…

Лоис Буджолд
Кольца духов

Lois McMaster Bujold
Spirit Ring

© Vonda N. McIntyre, 1978
© Перевод. И. Гурова, наследник, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Глава 1

Фьяметта повернула ком теплой красной глины, держа его в пальцах.

— Вы полагаете, батюшка, оно уже готово? — спросила она с тревогой. — Можно его разбить?

Ее отец накрыл ком ладонью, проверяя температуру.

— Еще нет. И положи его! В руках он быстрее не остынет.

Она вздохнула от нетерпения, но положила глиняный шар на рабочий стол под лучи утреннего солнца, лившиеся сквозь железную решетку окна.

— А вы не могли бы наложить на него остужающее заклятие?

— Вот я наложу остужающее заклятие на тебя, девочка, — засмеялся он. — Слишком уж много в тебе от стихии огня. Даже твоя мать это говорила. — Мастер Бенефорте машинально перекрестился и склонил голову, как положено, когда вспоминают покойников. Смех в его глазах поугас. — Не гори так жарко. Жар до утра сохраняют угли, если их сгрести в кучу.

— Но с ними спотыкаешься в темноте! — возразила Фьяметта. — Что горит жарко, горит ярко!

Она уперлась локтями в стол и, ерзая туфелькой по плиткам пола, посмотрела на плод своих трудов. Глина с золотым сердцем. В воскресных проповедях епископ Монреале частенько повторял, что человек есть прах. А прах ведь та же глина! На нее нахлынуло ощущение, что она едина с шаром на столе. Буроватый, неуклюжий снаружи (она опять вздохнула), но исполненный тайного обещания, если бы только его можно было взломать.

— Вдруг оно получилось с изъяном, — сказала она тревожно. — Пузырек воздуха… грязца…

Неужели он не чувствует его? Чистого, высокого тона, точно биение маленького сердца?

— Тогда ты его опять расплавишь и начнешь все сначала, пока не получится. — Ее отец пожал плечами. — Вина будет твоя, и поделом! Незачем было торопиться залить форму без меня. Ну, металл не пропадет. То есть не должен пропасть. Я тебя поколочу, как настоящего подмастерья, если ты позволишь себе такие штуки, на которые горазды подмастерья. — Он свирепо нахмурился, но не всерьез, как заметила Фьяметта.

Ее тревожила не потеря металла. Но она не

собиралась открывать свою тайну, рискуя навлечь на себя неодобрение или насмешки. Когда она услышала шаги отца в прихожей, то тут же поплевала на фигуру, стерла ее рукавом, а символические предметы — соль, засушенные цветы, кусочек самородного золота, зерна пшеницы — смахнула со стола вместе с листком указаний, переписанных самым лучшим ее почерком. Фартук, в который она их смахнула, приютился на краешке стола, жутко бросаясь в глаза. Отец ведь разрешил ей применить только золото, а не… Она прислонилась бедром к высокому табурету, потерла кожаный фартук, прикрывавший ее серое шерстяное платье, и втянула носом знобящий весенний воздух, который проникал в комнату сквозь незастекленное окно. «Но он сработал! Мой первый вклад сработал. Или хотя бы… не навредил».

Тяжелую дубовую входную дверь сотряс стук, и сквозь нее пробился мужской голос:

— Мастер Бенефорте! Эй, в доме! Просперо Бенефорте, вы что, спите?

Фьяметта вскарабкалась на стол, прижала лицо к решетке, заглядывая за край оконной ниши.

— Двое мужчин… дворецкий герцога мессер Кистелли, батюшка. И. — она просияла, — капи-

тан-швейцарец.

— Ха! — Мастер Бенефорте поспешно снял собственный кожаный фартук и расправил тунику. — Может, он наконец принес мою бронзу! Пора бы уж! Никто не отодвинул засовы на двери нынче утром? — Он высунул голову в другое окно, выходившее во внутренний дворик, и взревел: — Тесео, отвори дверь! — Его седеющая борода металась влево и вправо. — Где этот ленивый мальчишка? Беги открой дверь, Фьяметта. Только подбери волосы под чепчик, ты растрепана хуже прачки!

Фьяметта спрыгнула на пол, развязала ленты простенького чепчика из белого полотна и принялась зачесывать пальцами черные кудри, которые выбились наружу, пока она была поглощена работой. Затем завязала ленты потуже, но все равно пышные кудри вырывались из-под чепчика сзади и ниспадали заметно ниже плеч. Она пожалела, что поторопилась и не заплела их в косу на заре; прежде чем мчаться разводить огонь в маленьком горне с тиглем в углу мастерской до того, как отец проснется и спустится вниз. Еще лучше было бы надеть кружевной чепчик из Брюгге, который ей прошлой весной подарил отец в день ее пятнадцатилетия.

Стук возобновился.

— Эй, в доме!

Фьяметта, пританцовывая, пробежала по каменному полу прихожей, отодвинула засов, открыла дверь и сделала реверанс.

— Доброе утро, мессер Кистелли. — И чуть смущеннее: — Капитан Окс!

— А, Фьяметта. — Мессер Кистелли кивнул ей. — Мне нужен мастер.

Мессер Кистелли носил длинные черные одеяния будто ученый муж. Гвардеец, Ури Окс, был одет в ливрею герцогского дома — короткая черная туника с рукавами в красные и золотые полоски, черные чулки-трико. В это мирное утро он не надел ни металлического нагрудника, ни шлема, не взял с собой пики — только меч свисал с его бедра. Каштановые волосы прикрывала черная бархатная шапочка с кокардой герцога Монтефолья. Кокарду — пчела на цветке — ему сделал мастер Бенефорте, и позолоченная медь выглядела совсем как золото, не выдавая относительной бедности капитана. Швейцарец половину своего жалованья посылал на родину матери, шепотом рассказывал мастер Бенефорте, покачивая головой, то ли в восхищении от такой сыновней преданности, то ли осуждая такую

нерасчетливость — Фьяметте это так и осталось неясным. Однако чулки обтягивали ноги капитана Окса без единой морщинки, не повисая складками, как у тощих юных подмастерьев или у высохших стариков.

— От герцога? — с надеждой спросила Фьяметта. Кожаный кошель, свисавший с пояса мессера Кистелли рядом с его очками, выглядел пузатеньким самым многообещающим образом. Но с другой стороны, герцог всегда обещает, говаривал батюшка. Фьяметта проводила их в большую мастерскую, где их встретил мастер Бенефорте, приветственно потирая руки.

— Доброе утро, почтенные господа! Уповаю, вы принесли мне добрые вести о бронзе, которую герцог Сандрино обещал для моей великой работы? Шестнадцать чушек меди, вот как! Не меньше. Все уже устроено?

Мессер Кистелли только плечами пожал на такую настойчивость.

— Еще нет. Хотя, думается мне, мастер, к тому времени, когда будете готовы вы, будет готов и металл. — Он чуть насмешливо приподнял бровь, и мастер Бенефорте нахмурился. Фьяметта затаила дыхание: он умел учуять даже легкий намек на оскорбление, точно охотничья собака — дичь.

Однако мессер Кистелли продолжал, погладив кошель на поясе: — Я принес вам от его светлости деньги на дрова, воск и плату подручным.

— Даже я не такой великий заклинатель, чтобы сотворить бронзу из воска и поленьев, — проворчал мастер Бенефорте. Но руку за кошелем протянул.

Мессер Кистелли чуть повернулся.

— О вашем умении, мастер, речи нет. Его светлость усомнился в быстроте вашей работы. Быть может, вы набираете слишком много заказов в ущерб всем?

— Я должен использовать свое время с толком, иначе моим домашним будет нечего есть, — уничтожающе сказал мастер Бенефорте. — Если его светлости герцогу будет угодно, чтобы его супруга перестала заказывать украшения, ему следует поговорить с ней, а не со мной.

— Солонка! — требовательно сказал мессер Кистелли.

— Тружусь над ней не покладая рук. Как я уже докладывал вам.

— Да, но окончена она?

— Осталось только наложить эмаль.

— И, быть может, действенное заклятие? — заметил мессер Кистелли. — Его вы уже нало-

жили?

— Нет, не наложил! — произнес мастер Бенефорте тоном оскорбленного достоинства. — Ваш господин ждет от меня не призрачного заклятия знахаря или знахарки. Это заклятие неотъемлемое, накладывается с каждым ударом моего чекана.

— Герцог Сандрино поручил мне узнать, как продвинулась работа, — сказал мессер Кистелли чуть уступчивее. — Пока еще не объявлено, но мне велено сообщить вам под секретом, что идут переговоры о помолвке его дочери. И он желает, чтобы солонка была кончена вовремя для пира в честь помолвки.

— А! — Лицо мастера Бенефорте просветлело. — Случай, достойный моего творения. А на какое время назначен пир?

— На конец месяца.

— Так скоро! А кто же предполагаемый счастливый жених?

— Уберто Ферранте, синьор Лозимо.

Наступила многозначительная пауза.

— Теперь я вижу, почему его светлость так торопится.

Мессер Кистелли опустил ладони, кладя конец дальнейшим обсуждениям.

— Фьяметта! — Мастер Бенефорте повернулся к дочери и снял с пояса связку ключей. — Сбегай за золотой солонкой в сундуке у меня в спальне. Только не забудь запереть и сундук и дверь.

Фьяметта взяла ключи и вышла чинной походкой скромной девицы — не приплясывать же под взглядом капитана! Зато по лестнице из внутреннего дворика на верхнюю галерею она взбежала, прыгая через две ступеньки.

В большом, обитом железом сундуке в ногах кровати ее отца хранились десяток переплетенных в кожу книг, несколько толстых пачек бумаг и заметок, перевязанных лентами (она с тревогой попыталась припомнить, уложила ли она их в прошлый раз строго по порядку) и лакированная шкатулка. Сундук благоухал запахами бумаги, кожи, чернил и магии. Она вынула тяжелую шкатулку, заперла сундук, а потом и комнату железными ключами с бородками прихотливой формы. Она почувствовала, как предохранительные заклятия скользнули на место вместе с засовами — легкое жжение в кончиках пальцев. Очень мощные, раз их вообще можно ощутить, памятуя, как ее отец стремится овладевать все новыми тонкостями своего искусства. Она спустилась в мастерскую. Ее легкие

кожаные туфельки ступали по каменному полу почти бесшумно. Приближаясь к двери, она услышала голос капитана, и его слова заставили ее замереть у косяка.

— ...так матушка вашей дочери мавританка или арапка?

— Да эфиопка же! — вставил мессер Кистелли. — Она была вашей рабыней?

— Нет, она была христианкой, — ответил отец Фьяметты. — Из Бриндизи. — В его тоне Фьяметта различила сухость, относящуюся то ли к христианкам, то ли к Бриндизи, этого она решить не могла.

— Она, видимо, была красавица, — учтиво заметил капитан.

— Что так, то так. Да и я не всегда был такой дряхлой развалиной, каким стал сейчас. До того, как мне перебили нос, а волосы поседели.

Капитан Окс виновато хмыкнул, давая понять, что он вовсе не намекал на наружность мастера. Мессер Кистелли, человек тоже далеко не первой молодости, одобрительно усмехнулся.

— Она унаследовала ваш талант в вашем искусстве, мастер Бенефорте, хотя и не ваш нос? — осведомился мессер Кистелли.

— Она бесспорно куда искуснее моего косо-

рукого подмастерья, который годится только, чтобы дрова носить. Ее рисунки и модели очень хороши. Ей я этого, конечно, не говорю, ведь нет ничего мерзее гордой женщины. Я позволил ей работать с серебром. А только что — и с золотом.

Мессер Кистелли испустил надлежащее изумленное «о» и добавил:

— Но я имел в виду ваше другое искусство.

— А-а. — Голос мастера Бенефорте куда-то ускользнул, оставив вопрос без ответа. — Такая напрасная трата усилий обучать дочь, которая все плоды вашего обучения и ваши секреты отдаст мужчине, ставшему ее мужем. Хотя, ежели некие благородные особы будут недоплачивать то, что положено художнику моего ранга, ее знания, возможно, окажутся единственным приданым, какое я за ней дам. — Он испустил тяжкий многозначительный вздох в сторону мессера Кистелли. — Я вам не рассказывал, как папа пришел в такой восторг от прекрасной золотой медали, которую я ему вычеканил для его облачения, что удвоил мою плату?

— Да, несколько раз рассказывали, — быстро вставил мессер Кистелли, — но без толку.

— Он намеревался, кроме того, сделать меня мастером монетного двора, но тут мои враги

нашептали ему всякие клеветы, обвинив меня облыжно в некромантии, и я год гнил в темнице замка Святого Ангела…

Фьяметта слыхивала и эту историю. Она отступила на два-три шага, шумно зашаркала подошвами по плитам и вошла в мастерскую. Осторожно поставила ореховую шкатулку перед отцом и отдала ему ключи. Он улыбнулся, обтер руки о тунику и, шепотом произнеся какое-то слово, открыл крышку. Потом отогнул края шелковой обертки, извлек содержимое и поставил среди прямоугольничков солнечного света на столе.

Золотая солонка засверкала, заискрилась, и у обоих посетителей перехватило дыхание. Фигуры были укреплены на овальном основании из черного дерева, богато изукрашенном. Прекрасная нагая женщина и сильный бородатый мужчина с трезубцем в руке (фигуры из золота величиной в ладонь) сидели, сплетя ноги.

— Как иные заливы заходят внутрь земли, — увлеченно объяснял мастер Бенефорте символический смысл этого.

Корабль (Фьяметте он казался более похожим на лодку) возле руки морского царя был самой тонкой работы и предназначался для соли; грече-

ский храмик под изящно задрапированной рукой Земли-царицы служил перечницей. Вокруг мужчины резвились морские кони, рыбы и какие-то непонятные ракообразные; возле женщины радовались жизни счастливые создания суши.

У капитана отвисла челюсть, а мессер Кистелли отцепил очки от пояса, водрузил их на нос и жадно впился глазами в чудесную работу. Мастер Бенефорте, зримо надуваясь гордостью, указывал на мельчайшие, но важные детали и упивался изумлением своих посетителей. Первым опомнился мессер Кистелли:

— Да, но действует ли она?

Мастер Бенефорте щелкнул пальцами:

— Фьяметта! Принеси мне две рюмки и вина — кислого, которое Руберта употребляет для стряпни, а не хорошего кьянти. И еще белого порошка, которым она травит крыс в кладовой. И побыстрее!

Фьяметта убежала, наслаждаясь своей тайной. «Дельфинов нарисовала я! И зайчиков». Позади нее раздался громовой голос мастера Бенефорте, вновь призывающего Тесео, подмастерья. Она пронеслась через дворик в кухню и, прежде чем Руберта успела выговорить ей за спешку, объявила:

— Батюшке нужно…

— Да, девочка, побьюсь об заклад, обед ему тоже будет нужен, а огонь в печи погас. — Руберта ткнула деревянной ложкой в сторону выложенной голубым кафелем печи.

— Только и всего! — Фьяметта нагнулась, открыла чугунную дверцу и повернула лицо так, чтобы взглянуть в темный квадрат. Она на мгновение привела свои мысли в полный порядок. — Пиро![1] — еле выдохнула она. Над погасшими углями взметнулись и затанцевали яркие голубовато-желтые языки пламени. — Этого должно хватить. — Она с удовольствием ощутила у себя на языке жар заклятия. Ну, хотя бы одно у нее получается. Вот даже батюшка об этом знает. А если одно, так почему бы и не другое?

— Спасибо, душенька, — сказала Руберта, повернувшись, чтобы взять чугунный котелок. Ароматы, веявшие над доской для рубки, свидетельствовали, что она намерена сотворить чудеса из лука, чеснока, розмарина и весеннего ягненка.

— Не стоит благодарности.

Фьяметта быстро положила на поднос все, что

---

[1] Примечания: 1

Пиро — огонь *(греч.)*.

требовалось для показа, а рядом поставила две рюмки венецианского стекла — две прозрачные рюмки, уцелевшие из набора, которые разбили возчики, когда они переехали сюда, в Монтефолью, почти пять лет назад. Отец забыл упомянуть про соль и перец, и она быстро сняла баночки с высокой полки, водрузила на поднос и отнесла все это в мастерскую, держа спину прямо.

Улыбаясь про себя, мастер Бенефорте насыпал немножко соли внутрь корабля. На мгновение он словно обратил взгляд внутрь себя, прошептал что-то и перекрестился. Фьяметта потрогала мессера Кистелли за локоть, заметив, что он уже открыл рот, чтобы заговорить: она знала, что сейчас все решается. Гудение солонки, ответившее на шепот мастера Бенефорте, было низким, бархатным, но очень, очень слабым, хотя музыкальным и красивым. Еще год назад она бы его не ощутила. Как вот теперь мессер Кистелли.

— Перец, батюшка? — Фьяметта протянула ему банку.

— Сегодня нам перец не понадобится. — Он покачал головой, а потом положил полную ложку крысиного порошка в рюмку и обвязал ниткой ее ножку. После чего налил вина в обе рюмки. Порошок растворялся медленно, на поверхность

поднимались мелкие пузырьки.

— Где этот пентюх? — пробормотал мастер Бенефорте, когда миновало несколько минут пустого ожидания. К счастью для Тесео, он не успел раздражиться еще больше: хлопнула наружная дверь, и подмастерье ввалился в мастерскую — шапочка съехала на ухо, один чулок обвисал, шнурки развязались. В подрагивающих руках он сжимал что-то, завернутое в тряпку.

— Мастер, на мусорной куче я только одну изловил, — виновато сообщил Тесео. — Вторая тяпнула меня и убежала.

— Ха! Может, придется взамен попробовать на тебе! — Мастер Бенефорте нахмурился. Тесео побледнел.

Мастер Бенефорте взял у него тряпку, в которой, как оказалось, была заключена крыса — большая, злобного вида, с желтыми обломанными зубами и облезлой шерстью. Тесео пососал прокушенный большой палец. Крыса лязгала зубами, шипела, извивалась и пищала. Крепко держа ее за шкирку, мастер Бенефорте взял тонкую стеклянную трубочку, опустил ее в рюмку с ниткой, набрал немножко ставшего мутно-розовым вина, влил его в крысиное горло и почти сразу опустил зверька на пол. Крыса снова лязгнула зубами, по-

бежала, вдруг закружилась и начала кусать себя за бока. Потом свалилась в судорогах и издохла.

— Теперь смотрите, добрые господа, — сказал мастер Бенефорте.

Его гости наклонились поближе, а он взял щепотку соли и бросил ее в рюмку с нетронутым вином. Ничего не произошло. Тогда он взял щепотку побольше и бросил в отравленное вино. Соль будто вспыхнула, ее гранулы оранжево засверкали, с поверхности жидкости поднялось голубоватое пламя, словно зажгли коньяк, и продолжало гореть с минуту. Мастер Бенефорте неторопливо помешал жидкость трубочкой. Теперь она стала такой же прозрачной и рубиновой, как вино в нетронутой рюмке. Он взял обвязанную рюмку.

— Ну… — Его взгляд упал на Тесео, который пискнул, совсем как крыса, и испуганно попятился. — Ха! Недостойный пентюх, — бросил мастер Бенефорте презрительно. Он посмотрел на Фьяметту, и его губы изогнулись в странно-вдохновенной улыбке. — Фьяметта, выпей!

Мессер Кистелли охнул, а капитан протестующе сжал кулаки, но Фьяметта выпрямилась, одарила их гордой уверенной улыбкой и взяла рюмку из рук отца. Она поднесла ее к губам и

осушила залпом. Капитан Окс снова подскочил, когда ее лицо исказилось, и в глазах мастера Бенефорте мелькнула легкая тревога, но она подняла руку, успокаивая их.

— Солено-кислое вино. — Она провела языком по зубам и слегка срыгнула. — На завтрак!

Мастер Бенефорте с торжеством улыбнулся дворецкому герцога:

— Действует ли она? Как будто бы да. Что и засвидетельствуете своему господину.

Мессер Кистелли захлопал в ладоши:

— Чудесно! — Однако его глаза то и дело обращались на Фьяметту.

А она с сожалением подавляла злокозненное желание схватиться за живот, упасть на пол и завизжать. Случай, хоть и мимолетный, был удобнейшим, однако мастер Бенефорте не понимал шуток, если шутили над ним, а его уважение к мести не распространялось на воздаяния за оскорбления, которые он наносил другим. «Такая напрасная трата усилий обучать дочь…» Фьяметта вздохнула.

Мессер Кистелли прикоснулся к золотому великолепию:

— И долго ли это будет сохраняться?

— Солонка — вечно, ибо такова неприступ-

ная природа золота. Заклятие очищения — лет примерно двадцать, если вещь как-нибудь не повредят и если ею не станут пользоваться без нужды. Молитва активации будет выгравирована на дне, ибо я убежден, что она переживет меня.

Мессер Кистелли почтительно шевельнул бровями:

— Так долго!

— Моя работа стоит полной цены, — сказал мастер Бенефорте.

Мессер Кистелли понял намек и отсчитал положенное герцогом жалованье, после чего Фьяметта была отправлена запереть в кованом сундуке и солонку, и кошель.

Когда она вернулась, мессер Кистелли уже ушел, но капитан Окс задержался и беседовал с ее отцом, как бывало часто.

— Идемте, Ури, во двор, — говорил мастер Бенефорте, — Взгляните на своего воинственного двойника до того, как я одену его в глиняную тунику. Я кончил накладывать воск всего два дня назад. Глина выдерживалась несколько месяцев.

— Кончили? Я и не думал, что вы так продвинулись, — сказал капитан Окс. — Так вы пригласите герцога осмотреть его нового воина?

Мастер Бенефорте кисло улыбнулся и прижал палец к губам.

— Я бы и вам не сказал, если бы мне не требовалось кое-что проверить напоследок. Я намерен отлить его втайне и преподнести моему нетерпеливому герцогу Монтефолья законченную статую. Пусть-ка мои враги обвинят меня тогда в медлительности!

— Но вы ведь работаете над ней более трех лет, — с сомнением сказал Окс. — Впрочем, всегда лучше обещать меньше и сделать больше, чем наоборот.

— Верно.

Мастер Бенефорте проводил молодого человека в открытый двор. Плиты там все еще укрывал утренний сумрак, хотя по стене прямо на глазах сползала полоса света, по мере того как солнце поднималось по небосводу. Фьяметта шла позади тихо-тихо, чтобы не привлечь внимания отца и не получить какого-нибудь докучного поручения, которое помешает ей послушать их разговор.

Под холщовым навесом стояла бугристая фигура в полтора человеческих роста, закутанная в полотно, будто в саване, призрачная в сером свете. Мастер Бенефорте встал на табурет и осторожно размотал предохранительные по-

лотняные полосы. Первой появилась высоко поднятая сильная мужская рука, держа фантастическую отрубленную голову со змеями вместо волос, искаженную смертной гримасой. Затем спокойное героическое лицо под крылатым шлемом, затем — мало-помалу и вся нагая фигура. Правая рука сжимала узкий изогнутый меч. Выпуклые мышцы словно играли, и под воздетым с торжеством жутким трофеем статуя была будто сжатая, готовая взметнуться пружина. Ее почти прозрачная поверхность была покрыта золотисто-коричневым воском, от которого исходило легкое благоухание меда.

— Поистине, — благоговейно прошептал Ури, подходя ближе, — поистине это магия, мастер Просперо! Он словно вот-вот сойдет с пьедестала. Даже лучше гипсовой модели!

Мастер Бенефорте довольно улыбнулся.

— Тут нет магии, юноша. Чистое искусство, и только. Когда он будет отлит, то прославит мое имя вовеки! Просперо Бенефорте, мастер-скульптор. Невежественные болваны, называющие меня просто златокузнецом и медником, будут полностью посрамлены и онемеют в тот день, когда с него на площади совлекут покрывало. «Ювелир герцога»! Ха!

Ури как завороженный смотрел на восковое лицо героя.

— Я правда выгляжу так? Боюсь, вы слишком мне польстили, мастер Бенефорте!

Тот пожал плечами:

— Лицо идеализировано. Персей был греком, а не швейцарцем, не в рябинах, точно сыр. Бесценным для меня было ваше тело — как модель. Отлично сложенное, сильное, но без бугристости, столь частой у силачей.

Ури притворно задрожал:

— Великолепно или нет, но уж больше вы меня не уговорите служить нагой моделью зимой, пока сами сидите, кутаясь в меха.

— Так я же следил, чтобы в жаровне было полно углей. А мне казалось, что вы, горные козлы, к холоду не чувствительны.

— Когда не стоим на месте. Наши зимы заставляют нас трудиться как следует! А вот застывать, извернувшись точно веревка, это меня доконало. Целый месяц отделаться от насморка не мог.

Мастер Бенефорте равнодушно махнул рукой.

— Оно того стоило. А теперь, раз вы уже здесь, снимите-ка правый сапог. Меня что-то беспокоит ступня. При отливке статуи я должен буду загнать металл вниз почти на пять локтей. С головами

забот не будет, ведь огонь устремляется вверх, но это же должен быть Персей, а не Ахилл, а?

Капитан покорно снял сапог и зашевелил пальцами ноги. Мастер Бенефорте сравнил плоть и воск, а потом удовлетворенно буркнул:

— Ну, если что-нибудь не получится тут, я сумею исправить.

— В этой восковой плоти видна каждая жилочка, — сказал Ури, наклоняясь ближе. — Я готов удивиться, что вы не изобразили мои заусеницы и мозоли, такой он живой. А из глины он выйдет таким же прекрасным в бронзе? Плоть ведь так нежна! — Он запрыгал на одной ноге, натягивая сапог.

— Ха! Это я могу показать вам наглядно. Мы только что отлили хорошенькую безделицу из золота. Я сколю глину у вас на глазах, и вы сами увидите, сохранятся ли заусеницы моей статуи.

— Ах, батюшка! — поспешно перебила Фьяметта. — Можно я сама его освобожу от глины? Ведь все остальное я делала одна!

Конечно, конечно, он ощутит ее заклятие, если возьмет глину в руки, оно же так свежо!

— Как, ты все еще шляешься без дела? Разве тебе нечем заняться? Или просто понадеялась еще разок поглазеть на голого мужчину? — Мастер

Бенефорте дернул подбородком в сторону своего воскового Персея.

— Вы же хотите поставить его на площади, батюшка. И все девицы его увидят, — сказала Фьяметта, оправдываясь. Неужели он заметил, как она подглядывала, пока он лепил модель?

У живого Персея — Ури — лицо стало таким, словно это была для него новая и неприятная мысль. Он вновь взглянул на статую, будто собираясь попросить о бронзовой набедренной повязке.

— Ну, — мастер Бенефорте снисходительно усмехнулся ее смущению, — ты смелая хорошая девочка, Фьяметта, и заслуживаешь награды за кислое вино, которое выпила на завтрак и тем помогла мне сразить этого Фому неверного, Кистелли. Идемте! — И он повел обоих назад в мастерскую. — Вот увидите, капитан. Работать с воском так просто, что это и ребенку под силу.

— Батюшка, я уже не ребенок, — перебила Фьяметта.

— Как будто бы да. — Его улыбка стала пустой.

Глиняный шар лежал на столе, где она его оставила. Фьяметта взяла самую маленькую стаменску с полки-подставки на стене, на миг сжала шар в ладонях и вознесла безмолвную молитву.

Неслышное гудение заклятия перешло в совсем уж неуловимое мурлыканье. Отец и капитан оперлись локтями на стол справа и слева от нее, внимательно следя за каждым ее движением. Она принялась постукивать стамеской, отбивая кусочки глины. Заблестело золото.

— А! Так это кольцо! — сказал Ури, наклоняясь еще ниже. Фьяметта улыбнулась ему. — Маленькая львиная маска, — продолжал он с интересом, пока ее пальцы осторожно убирали иглой остатки глины. — Только поглядите на эти крохотные клыки! Как он ревет! — Капитан засмеялся.

— В клыки должен быть вставлен рубин, — объяснила Фьяметта.

— Гранат, — поправил мастер Бенефорте. — Рубин будет ярче.

— И дороже.

— Кольцо, по-моему, будет хорошо смотреться на руке вельможи, — заметил Ури. — И вы вернете цену рубину.

— Это кольцо для меня, — сказала Фьяметта.

— А? Но оно ведь будет впору только мужчине.

— Оно для большого пальца, — объяснила Фьяметта.

— Форма, которая обошлась мне в такое количество золота, какого хватило бы на два простых

кольца, — вставил мастер Бенефорте. — В следующий раз, давая обещание, я буду точнее.

— И это магическое кольцо, мадонна?

Мастер Бенефорте погладил бороду и ответил «нет» вместо нее.

Фьяметта покосилась на отца из-под защитной завесы ресниц. Он не улыбался, но и не хмурился, но она ощутила, что под личиной равнодушия он внимательно следит за ней. Она резко повернулась, положила кольцо на ладонь капитана и затаила дыхание.

Он покрутил кольцо в пальцах, погладил мизинцем крохотные волны львиной гривы, но не попробовал его примерить. В его глазах появилось недоумение.

— Знаете что, мастер Бенефорте? Вы горько жаловались на своих ленивых и неуклюжих подмастерьев. И сейчас мне в голову пришла мысль… что, если я напишу моему брату Тейру в Бруинвальд? Ему только семнадцать, но он с самого детства работал там на рудниках и в кузницах. Он очень сметливый и пособлял мастеру Кунцу у печи. Так что его не придется обламывать и обучать всему с самого начала, как невежественного мальчишку-подмастерья. Он уже много знает о металлах, особенно о меди. И, наверное, успел

подрасти и стать куда сильнее, чем был, когда я его видел в последний раз. Именно то, что вам нужно для вашего преславного Персея.

— Вы часто пишете брату? — осведомился мастер Бенефорте, следя, как он крутит кольцо в пальцах.

— Нет… Господи, я же не был дома четыре года! Жизнь рудокопа тяжела и скудна. Даже и сейчас меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю эти темные душные туннели. Я два раза предлагал Тейру место в гвардии герцога, но он отвечал, что ему и думать противно о том, чтобы стать солдатом. Я-то говорю, он не понимает, что для него лучше. Но хоть славные знамена герцога не выманили его из той черной ямы, ваша слава искуснейшего художника его прельстит. — Рука Ури сомкнулась на кольце, он отдал его Фьяметте и рассеянно потер ладонь.

— Так он помогал медь выплавлять? — сказал мастер Бенефорте. — Да… Ну что же, напишите ему. Посмотрим, как все обернется.

Капитан улыбнулся.

— Сейчас же и напишу, — сказал он, изящно поклонился Фьяметте, пожелал мастеру Бенефорте доброго утра и удалился быстрым шагом.

Фьяметта села на табурет, держа кольцо, и ис-

пустила тяжелый вздох разочарования.

— Вы правы, батюшка. Бесполезно. Я просто не могу творить магию.

— Ты так думаешь? — мягко спросил мастер Бенефорте.

— Заклятие не сработало! Я вложила в него все сердце и душу, и ничего не произошло! Он даже на минутку кольца на палец не надел. — Она подняла глаза, вдруг осознав, что выдала свою тайну, но лицо мастера Бенефорте было скорее задумчивым, чем сердитым. — Но… но я ведь не была такой уж непослушной, батюшка. Вы не сказали, что я не должна накладывать заклятие на кольцо.

— Ты не спрашивала, — ответил он резко. — Тебе известно, что я никогда тебя этому не учил. Магия металлов слишком опасна для женщин. Во всяком случае, так я всегда думал. Но теперь я начинаю думать, не опаснее ли оставлять тебя необученной.

— Я для кольца пользовалась только заклинаниями, дозволенными Церковью, батюшка!

— Да, я знаю… Ты считаешь, что ты так уж непрозрачна, Фьяметта? — добавил он, заметив, как она расстроена. — Я мастер, дитя. Даже другой мастер не сумел бы воспользоваться моими

книгами и инструментами так, чтобы я об этом не узнал.

— Но моя магия не удалась. — Она понурила голову.

Он взял кольцо и поднес его к свету.

— Мне следовало бы побить тебя за твои хитрости и обман… — Он отбросил край фартука, свернутого на краю рабочего стола, осмотрел то, что лежало внутри, и неодобрительно сжал губы. — Ты воспользовалась заклинанием истинной любви мастера Клюни, так?

Она горестно кивнула.

— Эти чары не сотворяют истинной любви, дитя. Это было бы неразрешимым противоречием, ибо чувство, вызванное магически, не может быть истинным. Чары лишь позволяют узнать истинную любовь.

— О!

— Но твое кольцо, возможно, сработало, хотя магия мастера Клюни не для упражнений подмастерьев. Оно истинно открыло, что красивый, хотя и рябой капитан Окс — не твоя истинная любовь.

— Но… он мне нравится. Он добрый, учтивый. Держится благородно, не как грубияны-солдаты.

— Он просто первый мужчина, которого ты

увидела, а вернее, заметила. И уж конечно, ты видела его целиком.

— Я в этом не виновата, — огрызнулась она.

— Все твои хихикающие подружки! Без них ты до такой нескромности не додумалась бы.

— Мне скоро шестнадцать, батюшка. Вы же знаете, соседскую Маддалену в прошлом месяце помолвили. Она уже примеряет свадебный наряд. А утренние новости? Дочке герцога Джулии всего двенадцать.

— С ней чистая политика, — сказал мастер Бенефорте. — И отнюдь розами не благоухающая. Да прикуси язычок, не то, если пойдут слухи, я буду знать, кто в них виноват. Синьору Ферранте уже не тридцать пять, и говорят о нем всякое. Его второй жене еще не было шестнадцати — твоя ровесница, ты только подумай! — когда она умерла родами два месяца назад. Вряд ли ее судьба кажется тебе такой уж завидной.

— Да нет, нет! И все-таки… вдруг чуть не все выходят замуж. Кроме меня. Всех мужчин получше разберут, а вы меня будете держать при себе, пока я не стану толстой старухой, просто чтобы я была под рукой для вашего чародейства. «Немножечко твоей крови в эту новую чашу из сырой древесины, доченька, одну капельку»,

пока я с ног не свалюсь. Кровь девственницы. Волосы девственницы. Слюни девственницы. Урина девственницы. В иные дни я чувствую себя магической коровой.

— Твои уподобления слишком уж замысловаты, моя Фьяметта.

— Вы понимаете, о чем я! А тогда помолвите меня с каким-нибудь старым петухом с тощими ногами и лысым, как яйцо.

Мастер Бенефорте подавил смех:

— Что же, богатым вдовушкам неплохо живется.

— Ха! Тут нет ничего смешного, батюшка. — Она замолчала, а потом произнесла тихо: — Или вы уже попробовали, но меня никто не захотел взять, потому что я такая чернушка. Или бесприданница.

— Мою дочь никто бесприданницей не назовет! — прикрикнул он, на этот раз слишком уязвленный, чтобы сохранить насмешливость, которая выводила ее из себя. Но тут же совладал с собой и продолжал: — Охлади свою пылающую душу, Фьяметта, пока я не отолью моего великого Персея и герцог не наградит меня, как я того достоин. И в мужья я тебе куплю не какого-нибудь нищего солдата. У твоих подружек-болтушек

рты поразеваются и языки отнимутся — почаще бы! — от зависти, когда они увидят свадебную процессию дочери Просперо Бенефорте! — Он отдал ей кольцо. — А потому сохрани эту золотую безделицу как напоминание, что доверять надо своему отцу, а не своему невежеству. Маленький лев еще зарычит на твоей свадьбе.

«Я же выпила твое отравленное вино. Какого еще доверия ты требуешь?» — Фьяметта опустила кольцо в самую глубину своего кармана и пошла за метелкой, чтобы смахнуть с рабочего стола кусочки глины.

Глава 2

Сапоги Тейра Окса скользили по снегу на тропе, уводившей из деревушки Бруинвальд в долине к навесу над шахтой рудника. Он задумчиво пнул в серо-белую кучу у тропы, и она разлетелась безобразными комьями — не облаком холодной серебристой пыли, как несколько недель назад, и не весенними комочками напополам с брызгами. Да уж лучше весенняя снежная слякоть — любой предвестник наступления теплых дней. Свинцовый рассвет сулил еще один свинцово-серый зимний день. Зима словно бы решила длиться вечно. Ну да дневного света он увидит мало. Тейр вновь вскинул кирку на плечо, а свободную руку сунул под мышку в тщетной попытке согреться. Сверху донесся крик, он поднял глаза и поспешно отпрыгнул к краю тропы, благоразумно укрывшись за деревом. Мимо пронеслись деревянные сани с тяжелым кулем руды, на котором восседал мальчишка и вопил, как конный татарин. За первыми санями почти сразу промелькнули вторые: видимо, мальчишки устроили гонки — кто первым достигнет дна долины. Да как бы не с

переломанными костями, если они не подберут ноги перед следующим поворотом. Однако мальчишки благополучно скрылись за поворотом, и Тейр ухмыльнулся. Два года назад свозить руду к речке внизу было его любимой зимней работой, но тут он вырос, раздался в плечах, и все, не сговариваясь, начали поручать ему работу потяжелее.

Он подошел к деревянному сараю, укрывавшему подъемник и мехи вентиляционного устройства, и с радостью спрятался там от леденящего утреннего ветра, который свистел над склонами, срываясь с голых вершин. Там уже был рудничный надзиратель — он наливал дневную порцию ворвани в их фонари. Хенци, приятель Тейра, снял запор с блока, проверил барабан и шестерни ворот. Может, в будущем году им будет по карману установить машину побольше, так чтобы в движение ее приводила упряжка волов или лошадей. Ну а пока руду все равно надо поднимать, а потому двое дюжих мужчин бежали в колесе, которое поворачивалось под их напряженными ногами. Тяжелая работа. Но зато они видят дневной свет!

— Доброе утро, мастер Энтльбух, — сказал Тейр надзирателю со всей учтивостью, надеясь, что его поставят вертеть колесо. Но мастер Энтльбух

крякнул что-то невнятное и сунул ему фонарь.

Вошел Фарель, рудокоп, притоптывая, чтобы стряхнуть снег с сапог, и тоже получил фонарь, заправленный ворванью, корзины и деревянные лотки для черной медной руды.

— Мастер Энтльбух, а священник придет окурить рудник от кобольдов? — с тревогой спросил Фарель.

— Нет, — буркнул мастер Энтльбух.

— Они там совсем обнаглели. Вчера опрокинули два фонаря. А цепь водяного насоса, она не просто от ржавчины лопнула…

— От ржавчины, — сердито ответил надзиратель. — Потому что кто-то смазал ее кое-как, не иначе. Ну а фонари — можно сказать «кобольд», а можно «косорукий», и второе, на мой взгляд, вернее будет. Так что отправляйтесь вниз и отыщите нынче хорошую руду, пока мы все с голоду не поумирали. Вы двое начинайте в верхнем забое.

Тейр и Фарель уложили свои инструменты в ведро и начали спускаться по деревянной лестнице.

— Нынче он что-то лютует, — шепнул Фарель над головой Тейра, едва они спустились на несколько перекладин в обшитом досками стволе. — Об заклад побьюсь, не хочет раскошелиться

священнику на ладан.

— Скорее не может, — вздохнул Тейр.

Немногие жилы, которые они теперь выламывали, становились из месяца в месяц все беднее, и руды вымывалось столько, что плавильня мастера Кунца работала не больше двух раз в месяц. Не то Тейр был бы сейчас в плавильне, чистил бы остывшие печи, подбрасывал топливо в ревущий огонь и следил бы, как мастер Кунц превращает черные куски в чистый, дышащий жаром жидкий металл. Работай он у мастера Кунца, так не стучал бы зубами от холода. Не наняться ли к углежогам? Да только раз плавильня простаивает, так и древесный уголь мало кому требуется. Управляющий грозил закрыть рудник, если добыча не вырастет. Потому-то, сказал дядя Тейра, надзиратель так злится. Ну что же… надо просто остерегаться кобольдов.

Они добрались до низа, и Хенци спустил ведро с инструментами. Тейр натянул капюшон на светлые волосы, чтобы в них не набилась каменная пыль, и надежно укрыл затылок и шею. Они пошли по наклонной штольне в оранжевом мерцании фонарей, и на уши Тейра навалилось тягучее безмолвие камня. На многих эта тишина наводила жуть, но Тейр ощущал в ней

что-то утешительное, терпеливое, неизменное, материнское. Другое дело неожиданный шум, внезапный стон смещающейся каменной глыбы — вот они были страшны.

Шагов через пятьдесят штольня разделилась на две уводящие в недра горы кривые галерейки, оставшиеся от выработки богатых медных жил. Одна круто уходила вниз, и Тейр обрадовался, что сегодня не будет таскать по ней вверх корзины с рудой. Чернели дыры, из которых после выработки жилы забрали крепежные стойки. Тейр с Фарелем пошли по верхней горизонтальной галерке. Вскоре она уперлась в каменную стену.

Фарель аккуратно поставил фонарь так, чтобы его не могли задеть летящие осколки, и взял кирку.

— Ну давай, малый.

Тейр встал так, чтобы при размахе не задеть Фареля, и они принялись долбить тусклые пятна на камне — остатки медной жилы. Через полчаса такой работы оба начали задыхаться.

— Неужто олух Энтльбух еще не запустил мехи? — Фарель утер мокрый лоб.

— Пойди покричи, — предложил Тейр, сгребая в корзину отбитую руду, чтобы Фарель захватил ее с собой. И половины не набралось.

В наступившей тишине Тейр уловил отголоски стука кирок в нижней галерейке. Порода была твердой, жилы узкими, и за последние три месяца они продвинулись на какие-то пятнадцать футов. Тейр надел сшитые ему матерью кожаные наколенники и начал долбить стенку внизу, пока не задохнулся. Тогда он разогнул ноющее тело, встал и оперся на кирку, чтобы немного отдышаться.

Фарель еще не вернулся. Тейр огляделся, потом подошел к стене забоя и прислонился к ее выщербленной иззубренной поверхности. Он прижал растопыренные пальцы к пятну руды и закрыл глаза. Гомон его мыслей растворился в неясной тишине, единой с тишиной камня. Он стал камнем. Он ощущал прожилки руды, словно сухожилие, тянущееся в его руке. Истончающийся через десять футов, сходящий на нет… и все же в нескольких футах дальше, словно косой удар меча — богатейшая жила, самородная медь, будто застывшая ледяная река, молящая о свете, чтобы она могла засиять…

— Этот металл зовет меня, — прошептал про себя Тейр. — Я его чувствовал. Я чувствую!

Но кто ему поверит! И откуда эти видения? Или они — ложь, приманки дьявола? Штуси, кожевник, когда-то в горячке бормотал о виде-

ниях, а потом у него из носа выполз длинный червяк, и он умер. Видение Тейра пульсировало опасностью, мучительно смутной, исчезающей, как туман, едва его пустоту заполняла неясность именно этого вопроса. Что?.. Его руки вцепились в камень.

Уголком глаза он уловил какое-то движение — гаснет фонарь? Или возвращается Фарель? Он, краснея, отпрянул от стены. Но шарканья сапог не было слышно, а фонарь мигал не больше обычного.

Вот оно! Тень в колеблющихся тенях… этот странной формы камень зашевелился! Тейр застыл, едва дыша.

Камень распрямился — смахивающий на бурую корягу человечек, высотой фута в два с чем-то вроде кожаного фартука рудокопа на чреслах. Он хихикнул и отпрыгнул в сторону. Черные глазки блестели в лучах фонаря, точно отполированные камешки. Он подскочил в корзинке Тейра и словно положил в нее кусок руды.

Тейр сохранял неподвижность. Впервые за все время, проведенное в рудниках, он увидел гнома так близко и так ясно, а прежде — только уголком глаза вроде бы движение, но стоило ему повернуться туда, и оно как будто сливалось со стеной.

Человек снова хихикнул и наклонил острый подбородок к плечу с комично вопросительным видом.

— Доброе утро, малыш, — прошептал Тейр завороженно, надеясь, что того не спугнет звук его голоса.

— Доброе утро, мастер-металльщик, — ответил кобольд дребезжащим голоском.

Он впрыгнул в корзинку, посмотрел через край на Тейра и выпрыгнул. Его движения были быстрыми и дергающимися. Тощие руки и ноги завершались длинными приплюснутыми пальцами с суставами, как узлы на корнях.

— Я не мастер. — Тейр улыбнулся, присел на корточки, чтобы не возвышаться угрожающе, и нащупал на поясе фляжку, в которую его мать перед зарей налила козьего молока. Осторожно он протянул руку к бато — широкому деревянному блюду, на которое укладывались куски лучшей руды, перевернул его, потряс, стряхивая грязь, а потом налил в него молока и приглашающе придвинул к человечку. — Пей, если хочешь.

Тот снова захихикал и подскочил к краю. Он не поднял блюда, а наклонил голову и принялся лакать, будто кошка, — острый язычок так и мелькал. Но его блестящие глазки не отрываясь

смотрели на Тейра. Молоко было выпито быстро. Кобольд сел, тоненько, но вполне внятно рыгнул и утер губы похожей на веточки кистью.

— Вкусно!

— Матушка наливает его на случай, если мне до обеда захочется пить, — машинально ответил Тейр и тут же почувствовал себя глупо. Уж наверное ему следовало схватить эту нечисть, а не пускаться с ней в разговоры. Сдавить хорошенько: пусть скажет, где скрыто золото, или серебро, или клад. Однако лицо, морщинистое, как печеное яблоко, выглядело скорее почтенным, а не злым или угрожающим.

Человечек бочком подскочил к Тейру. Тот напрягся. Медленно прохладный узловатый палец вытянулся и прикоснулся к запястью Тейра. «Вот сейчас и схватить его!» Но он не мог, не хотел пошевелиться. Кобольд проскакал по неровному полу и потерся о пятно жилы в стене. Он расплылся, словно бы таял… «Удирает!»

— Мастер Кобольд, — с отчаянным усилием прохрипел Тейр, — скажи мне, где я найду свое сокровище?

Кобольд задержался, его полуприкрытые веками глазки уставились прямо на Тейра. Ответом был скрипучий полунапев, словно ворот запел,

поднимая тяжелый груз:

— Воздух и огонь, мастер-металльщик, воздух и огонь. Ты земля и вода. Иди к огню. Ледяная вода тебя погасит. Холодная земля закроет твой рот. Холодная земля хороша для кобольдов, а не для мастеров-металльщиков. Могильщик, могильщик, иди к огню и живи!

Он втаял в жилку, оставив после себя только замирающее хихиканье. Загадки! Задай проклятущему гному прямой, простой вопрос, а в ответ услышишь загадку. Мог бы заранее знать! А голосишко звучал так, что слова получали двойной смысл. Могильщик! Хмурый рудокоп? Или человек, который сам себе вырубает могилу? И о ком это? О нем, о Тейре? От стынущего на коже пота его до костей пробрал озноб. Дрожа, он упал на колени. Сердце у него колотилось, в ушах стоял рев, точно в печи мастера Кунца, когда работают мехи. И в глазах потемнело… нет, огонек в фонаре стал маленьким, тусклым… Но ворвани же было вдосталь!

В уши режуще ворвался голос Фареля:

— Богоматерь, ну и смердит же здесь! — А потом: — Эй, малый, э-эй!

Сильные пальцы сомкнулись на плече Тейра и грубо подняли на ноги. Тейр зашатался. Фарель

выругался, закинул руку Тейра себе на шею и повел по штольне.

— Дурной воздух, — сказал Фарель. — Вентиляционные мехи вовсю работают. Наверное, трубу засорило. Черт! Может, кобольды закупорили.

— Я видел кобольда, — сказал Тейр. Сердце у него стучало все так же, но в глазах прояснялось, хотя что можно толком увидеть среди теней в сердце горы?

— Камнем в него швырнул? — сказал Фарель с надеждой.

— Напоил молоком. Ему как будто понравилось.

— Олух! Господи помилуй! Мы стараемся очистить рудник от нечисти, а не приваживать новых! Покорми его, так он заявится опять со всей своей братией. Понятно, почему от них тут деваться некуда!

— Да я в первый раз увидел кобольда. И он вроде был очень приветлив.

— Брр! — Фарель покачал головой. — Скверный воздух, вот что. От него всякое привидится.

Они вышли к началу развилки. Воздух тут был достаточно свежим. Фарель посадил Тейра возле деревянной трубы, через которую мехи гнали воздух в нижние штольни.

— Посиди тут, а я сбегаю за мастером Энтльбухом. Потерпишь, а?

Тейр кивнул, и Фарель скрылся в туннеле. Тейр услышал, как он, стоя у ствола, орет, перекрикивая скрип и стоны деревянных механизмов. Тейра все еще бил озноб. Он покрепче обхватил руками грудь и поджал ноги под себя. Фарель забрал фонарь, и вокруг сомкнулась чернота.

Наконец вернулся Фарель с мастером Энтльбухом, который поднес фонарь к лицу Тейра и с тревогой вгляделся в него. Он расспросил Тейра, что он чувствовал, и пошел назад по штольне с Фарелем, стуча палкой по деревянной трубе. Потом вернулся Фарель с фонарем и инструментами Тейра.

— Обвал проломил трубу. Мастер Энтльбух сказал, чтоб в верхнем забое сегодня не работали. Как оправишься, спустись в нижний, поможешь подносить корзины.

Тейр кивнул и встал на ноги. Фарель открыл свой фонарь, чтобы Тейр мог взять огня для своего. «Воздух и огонь, — подумал Тейр. — Жизнь».

Теперь ему стало заметно легче, и он спустился по нижней галерейке в поисках других рудокопов. Он осторожно ступал по крутому наклону, чтобы не расплескать ворвань, и еще более осто-

рожно слезал по приставной лестнице вниз еще на тридцать футов. Эта нижняя галерейка осталась после выработки извилистой жилы, сначала уходившей вниз, а затем повернувшей вверх. В дальнем конце четверо парами посменно рубили породу и сортировали отколотые куски, что заодно служило и отдыхом. Они поздоровались с ним обычным тоном — Никлаус бодрым, Бирс унылым, а остальные двое не слишком бодро и не слишком уныло.

Тейр наложил отобранную руду в корзину, поднял ее на плечо и пошел вниз-вверх по галерейке к стволу. Там ссыпал руду в кожаное ведро, взобрался по перекладинам, повесив корзину на локоть, воротом поднял ведро, пересыпал руду в корзину, отнес ее к стволу клети, опрокинул руду в большую деревянную бадью и крикнул Хенци, который взялся за большой ворот, и бадья исчезла из вида в стволе. А Тейр пошел насыпать корзину еще раз, а потом еще раз, пока не потерял счет. Он совсем изнемог от работы и голода, когда Хенци наконец спустил ведро с хлебом, сыром, пивом и ячменной водой. Всему этому рудокопы в нижнем забое оказали куда более приветливый прием, чем прежде Тейру.

После обеденного перерыва к ним присоеди-

нился Фарель.

— Мы с мастером Энтльбухом выпилили разбитый кусок трубы, и он пошел за новым целым, отпиленным по мерке.

Фареля встретили обычным бурканьем. Тейр поработал киркой и молотом там, где порода была особенно твердой — камень звенел, осколки разлетались во все стороны. Руки, спина и шея у него все сильнее ныли, рудничные запахи словно набивались в голову — запахи холодной сухой пыли, нагретого металла, горящей ворвани, ее едкого дыма (ведь ворвань эта была не самой лучшей), пропотевшей шерсти, дыхания его товарищей, разившего луком и сыром.

Когда они наконец отбили достаточно хорошей руды, чтобы наложить корзину с верхом, Тейр и Фарель понесли ее вместе. Они прошли полпути до лестницы, когда в оранжевом свете фонаря мелькнула изогнутая фигурка, скользящая вдоль стенки штольни.

— Проклятое демонское отродье! — крикнул Фарель. — Проваливай!

Он выпустил ручку корзины, взмахнул киркой и запустил ее в кобольда. Тихо охнув, фигурка слилась с камнем.

— Ха! Вроде бы я его задел! — сказал Фарель и

шагнул к кирке, которая вонзилась в стену.

— Зря ты, — сказал Тейр, волей-неволей выпустив и свою ручку. Он поставил фонарь на руду. — Они кроткие создания и никакого вреда вроде бы не чинят — просто, что ни случится, винят их.

— Не чинят, как бы не так! — проворчал Фарель, дергая кирку, которая крепко застряла. Он дернул еще раз, потом уперся ногой в стену и рванул. Кирка выскочила, отломив большой кусок породы, а Фарель отлетел назад и стукнулся затылком о крепежную стойку. — Не вредят! — завопил он, потирая голову. — Это, по-твоему, не вредят? — Он поднялся с пола.

От новой дыры поползла щель, странно темнея на глазах у Тейра. Из нее засочилась вода.

— О-ох! — прохрипел Фарель, глядя через его плечо.

Гора застонала — глубокие содрогания, которые Тейр каким-то образом слышал не ушами, а нутром. Капли превратились в струйку, потом в струю, которая ударила в противоположную стену. Из глубины штольни донеслись треск, крики и агонизирующий вопль.

— Кровля рушится! — с ужасом взвизгнул Фарель. — Бежим! — Он бросил кирку и кинулся

вверх по штольне. Тейр побежал за ним, испуганно поднимая руки, чтобы не стукнуться в темноте лбом о поперечный брус крепи.

У подножия лестницы они остановились.

— Но ведь ничего больше не обвалилось, — сказал Тейр растерявшемуся Фарелю.

— Пока, — ответил Фарель. Его рука появилась из ниоткуда, нашаривая Тейра. Тейр схватил ее. Она была ледяной от пота.

— Похоже, там внизу кого-то поранило, — сказал Тейр.

Он услышал, как сглотнул Фарель.

— Я сбегаю за мастером Энтльбухом, — сказал Фарель не сразу. — Приведу подмогу. А ты вернись, посмотри, что случилось.

— Ладно. — Тейр повернулся и побрел назад по штольне. Он ощущал всю тяжесть горы, нависающей сверху. Если гора еще содрогнется, бревна крепи переломает, как лучинки. «Холодная земля закроет твой рот, могильщик...» Оттуда, куда он брел, больше не доносились ни вопли, ни крики, только шипение воды.

Впереди показалась накренившаяся корзина с рудой и фонарь на ней — он все еще горел. Вода, бившая из стены, стекала по наклонному полу. Тейр взял фонарь и пошел дальше, скользя и

спотыкаясь на мокрых камнях. У изгиба выработанной жилы колыхалась лужа. Она тянулась до того места, где кровля штольни скашивалась ей навстречу. Неудивительно, что он ничего не слышал. Люди в забое оказались в воздушном кармане, слой воды гасил их крики. А вода, хитро пробираясь сквозь все трещинки, какие могла отыскать, все сжимала и сжимала этот карман.

Мокрая голова разорвала непрозрачную мерцающую поверхность, человек сплюнул и начал судорожно глотать воздух. Рядом возникла вторая голова. Тейр поспешно протянул руку и помог рудокопам выбраться из воды — второй цеплялся за первого. У него был оглушенный вид, лоб рассечен, и из-за стекавшей с него воды казалось, что кровь из раны льет рекой. Глаза первого были выпучены от страха.

— Остальные шли за вами? — спросил Тейр.

— Не знаю, — пропыхтел Матт, первый. — Никлауса вроде бы камнями придавило.

— А Бирс остался с ним?

Храбрый Бирс. Во всяком случае, храбрее Тейра, это уж так. Будь у отца Тейра такой вот храбрый напарник шесть лет назад, он бы жил и жил!

Матт покачал головой:

— Я думал, он с нами. Только он воды до ужа-

са боится. Знахарка ему нагадала, что никакая смерть ему не страшна, если он не утопист. Он воду даже не пьет. Только пиво.

А вода поднималась и лизала носки Тейра. Он попятился. Они все вглядывались в воду, но ни одной головы больше не вынырнуло. Человек с кровоточащей раной во лбу пошатнулся.

— Уведи-ка ты его отсюда, а не то нам придется его нести, — сказал Тейр. — Помощи ждать уже недолго. Я… посторожу тут. Скажи им там, наверху, чтобы качали воздух. Может, это задержит воду.

Матт кивнул, обнял раненого за пояс, и они пошли вверх по штольне. Тейр стоял и смотрел, как поднимается темная вода. Чем дольше они будут ждать, тем глубже она будет становиться и тем труднее будет… «Ледяная вода тебя погасит». Головы не выныривали. Вода вновь уже лизала носки Тейра, и вновь он отступил. Он подавил крик отчаяния, и у него вырвался только писк, как у раненого кобольда. Тейр поставил лампу на пол, в нескольких шагах от воды, повернулся и вошел в воду.

Когда она поднялась выше сапог и ледяная волна захлестнула ему пах, он на миг перестал дышать, но продолжал идти, пока его подошвы

не оторвались от пола. Он набрал в грудь побольше воздуха, повернулся и начал продвигаться дальше, отталкиваясь от ушедшей под воду кровли. Ниже… ниже… Он ощущал нарастающее давление в ушах, они все больше немели. И тут — подъем, слава Богу! Дальше галерейка уходила вверх. Он начал отталкиваться быстрее. Если воздушного кармана там не окажется, тогда он…

Его рука с плеском вырвалась в несопротивляющийся воздух, а затем и голова. Он задышал так же судорожно, как Матт. И было не совсем темно. Чей-то фонарь продолжал гореть. Его ноги нащупали пол, и он зашлепал по сухому камню. У него даже глаза замерзли, кожу на голове стянуло, пальцы изогнулись в окостенелые клешни. Знобкий оранжеватый воздух казался горячим.

У края воды стоял Бирс и рыдал.

На полу у стены забоя что-то копошилось. Никлаус! Он осыпал Бирса проклятиями. И вдруг прервал их.

— Тейр? Это ты?

Тейр встал на колени в сумраке возле Никлауса и больше на ощупь разобрался, что произошло. Ногу Никлауса придавило краем косо упавшей плиты. Кость была раздроблена, мышцы раздавлены, и нога уже опухала, как определили пальцы

Тейра. Проклятая плита была такой большой! Тейр схватил кирку, подсунул ее конец под плиту и нажал. Плита только чуть оторвалась от пола.

— Бирс, помоги мне! — потребовал Тейр, но Бирс захлебывался слезами, словно ничего не слышал и не видел — настолько завороженный своей воображаемой погибелью, что не замечал того, что происходило у него за спиной. Тейр подошел и потряс его за плечо — сначала легонько, потом изо всех сил. — Полоумный, очнись! — закричал он в лицо Бирсу.

Бирс не перестал рыдать, но помогать ему начал. С помощью кирки, лопаты, лома, подкладывая под них камни после каждого нажима, они, кряхтя, приподняли плиту. Никлаус закричал, когда кровь хлынула в его онемевшую ногу, но все-таки успел выдернуть ее и откатиться в сторону.

— Вода продолжает подниматься, — сказал Тейр.

— Так было предсказано! — простонал Бирс.

Тейр сжал кулаки и надвинулся на него.

— Знахарка правду сказала. Тебе суждено утонуть. Я сам суну твою голову под воду и подержу там, если ты мне не поможешь.

— Втолкуй ему, Тейр! — прохрипел Никлаус с

пола. Бирс попятился, подавляя скулящие рыдания, а с ними и свой ужас.

— Возьми Никлауса под другую руку. Набери воздуха и отталкивайся, это же просто. Те двое выбрались.

Они подтащили Никлауса к воде и вошли в нее. Тейр оттолкнулся подошвами и нырнул под свод. Замахав руками, Бирс с паническим воплем отпрянул.

Ну что же. Таща за собой Никлауса, у которого, во всяком случае, хватило ума свободной рукой цепляться за стену и помогать отталкиваться, Тейр плыл. На этот раз тепло быстрее высасывалось из его ноющих мышц и костей. Когда они всплыли на поверхность, у Никлауса глаза закатились от напряжения и боли.

Но их там ждали мастер Энтльбух с Фарелем и еще двумя рудокопами. Втроем они быстро уложили Никлауса на одеяло и зашагали по штольне.

— Кто-нибудь остался? — спросил мастер Энтльбух.

— Бирс. — Тейр расчихался, его бил озноб, по телу пробегали судороги.

— Его что, придавило?

— Нет. Но его всего скрутил ужас перед водой

из-за какого-то дурацкого предсказания.

— А ты не можешь сплавать за ним?

— Он бы сам выбрался, если бы захотел. — Шерстяной капюшон, туника и башмаки набрякли, налились свинцовой тяжестью от воды, обременяли его тело. В раздражении Тейр сорвал брызжущий капюшон через голову, будто хомут, и он шмякнулся на пол.

Гора снова застонала. Бревна крепи загудели, как волынка, и внутри их словно защелкали градины.

— Вот-вот обвалится! — Голос мастера Энтльбуха напрягся. — Мы должны очистить этот забой сейчас же.

Приглушив свой внутренний вопль, Тейр повернулся и третий раз вошел в воду. Тело у него так онемело, что он почти не почувствовал холода. В голове стучало, перед его крепко зажмуренными глазами свивалось странное красное кружево, но тут он вновь вдохнул воздух. Когда он с трудом выбрался из воды на этот раз, сухого камня до стены забоя оставалось не больше ярда. Там скорчился Бирс, молясь или просто выкрикивая «Боже! Боже! Боже!» Тейру показалось, что блеет баран.

— Идем! — заорал Тейр. — Нас тут погребет!

— Я утону! — взвизгнул Бирс.

— Не сегодня, — рявкнул Тейр и ударил его в подбородок стиснутым кулаком. К его удивлению, Бирс стукнулся о стену и упал, оглушенный первым же ударом. Тейр в первый раз ударил кого-то со всей своей силой взрослого мужчины, не как в щенячьих потасовках с другими мальчишками. Челюсть Бирса как-то странно скособочилась. Но это потом. Тейр зажал голову Бирса под мышкой и втащил его в ледяную воду.

Но и оглушенный, Бирс начал вырываться, едва они погрузились под воду. Тейр еще крепче зажал его голову, цепляясь и отталкиваясь другой рукой. Его легкие гнали воздух к плотно сомкнутым губам, и он невольно выдохнул немного. «Ледяная вода тебя погасит…» Но не сегодня, не сегодня, не сегодня. Господи, спаси меня для веревки…

Он вынырнул в ошеломляющую непроглядную черноту. Мастер Энтльбух ушел и унес фонарь. Свободная рука Тейра заметалась, ища стену, или пол, или кровлю — хоть что-то, чтобы разобраться. Наконец он задел стену, которая словно ожгла его вытянутые пальцы. Его ноги отыскали наклонный пол. Холод согнул его почти пополам, руки и ноги были в узлах, словно под кожу загнали грецкие орехи. Он выбрался из воды со своей

ношей. Бирс хрипел, выплевывал воду и, значит, был жив и не утоп. Тейр боялся выпустить его в темноте, хотя Бирс извернулся и изверг ему на колени кварту проглоченной воды. Тейр поднялся на ноги и поволок Бирса по штольне.

Лестница нижнего ствола оказалась кошмарным препятствием, Тейр никак не мог, втолкнув Бирса на нижнюю перекладину, заставить своего оглушенного товарища вскарабкаться по ней. Он грозил, ободрял:

— Лезь же, лезь! Хватайся руками! Поднимай ноги!

У него самого пальцы почти парализовало, они загнулись в растопыренные клешни. И тут же из галерейки под ними донеслось почти ритмичное потрескивание, а затем оглушительный грохот. Сапоги Бирса исчезли из-под носа Тейра. «Упал!» — панически подумал Тейр, но тотчас ему на голову посыпались камешки, так отчаянно выкарабкивался Бирс из ствола. «Нет, он пришел в себя». Тейр тоже начал карабкаться, а когда выбрался в верхнюю штольню, побежал вперед, словно скорчившийся заяц.

Он присоединил свои вопли к хриплым крикам Бирса у ствола подъемника. Казалось, прошла вечность, прежде чем им спустили бадью. Тейр

свалил в нее Бирса, а сам полез вверх по перекладинам. На полпути он чуть не потерял сознание, но серый свет над головой тянул его к себе как серебряное обещание рая. Когда он выбрался в сарай, Хенци извлекал Бирса из бадьи. Тейр стоял, обхватив руками колени, легкие у него работали, как мехи.

— А инструментов ты никаких не вынес? — обеспокоенно осведомился у него мастер Энтльбух.

Тейр уставился на него, как бык, которого ударили обухом по лбу. Бирс, едва встал на ноги, промямлил что-то невнятное, но, судя по тону, злобное, замахнулся на Тейра, но удар пришелся мимо, и Бирс свалился на пол. За дверью сарая под хлещущим ветром шуршала весенняя ледяная крупа.

— Я пойду домой, — сказал Тейр.

* * *

Окостенев от холода, он наконец добрел до своего домика. Мать с ужасом оглядела его, тут же стащила с него задубевшую одежду, уложила в собственную постель между двумя пуховыми перинами, куда сунула нагретые камни, напоила горячей ячменной водой, подслащенной медом, и

ни словом не заикнулась ни об инструментах, ни даже о пропавшем капюшоне. Но прошло целых два часа, прежде чем он наконец перестал дрожать и трястись словно в пляске святого Витта. Матери он отрывисто рассказал о случившемся, опуская подробности, но все равно лицо у нее потемнело, губы сжались. И она не отходила от него ни на шаг, пока у него не перестали стучать зубы.

Когда его голос стал почти обычным и она наконец уверилась, что он, наверное, останется жив, то прошла через комнату к полке над очагом и вернулась с листом бумаги, который похрустывал, пока она его разворачивала.

— Вот, Тейр. От твоего брата Ури. Пришло утром. Он нашел для тебя очень хорошее место.

Ури все еще пытается заставить его взять пику наемника? Красная сургучная печать уже была сломана: их полная дурных предчувствий мать каждое редкое послание встречала со скрытым ужасом, ожидая известия о болезнях, воспалившихся ранах, ампутациях, о проигрыше всех денег или гибельной помолвке с какой-нибудь из шлюшек, вьющихся возле казарм, — о любой из смертельных опасностей, угрожающих солдату.

Но Тейра отталкивали вовсе не опасности

солдатского ремесла. Вся жизнь состоит из опасностей. И он охотно ковал бы мечи. Ему случалось видеть работу миланских оружейников, от которой дух захватывало. Но затем взять это произведение искусства и воткнуть его в живого человека… нет! Он испустил страдальческий вздох и взял письмо.

Его руку до плеча пронизало странное ощущение. Пальцы согрелись. И пока он читал, усталость отпустила его, и он сел в кровати. Стать вовсе не солдатом… Его глаза быстрее побежали по строкам: «…подмастерьем золотых дел мастера герцога и мастера-мага… чудесная бронзовая статуя, изготовляющаяся для его светлости герцога… нуждается в сильном смышленом юноше… такой случай…» Тейр погладил лист. Солнце уже жарко греет на южных склонах за перевалом в Монтефолье. Летом солнце будет пылать как плавильная печь! Он облизнул губы.

— А как думаешь ты? — спросил он у матери.

Она мужественно собралась с духом.

— Я думаю, тебе следует отправиться туда. Пока дьявольская гора не съела тебя, как твоего отца.

— Но ты останешься одна.

— Твой дядя приглядит за мной. А мне будет легче знать, что ты в Монтефолье, а не в этом

мерзком руднике день за днем. Если бы Ури думал сделать из тебя солдата, другое дело. Ты знаешь, как против я была, когда он пошел в наемники. Ведь так часто мальчики возвращаются домой — если возвращаются! — либо искалеченными и больными, либо совсем другими — черствыми, жестокими. Но это…

Тейр поглядел на письмо.

— Но знает ли мастер-маг, что у меня нет дара к чародейству?

Его мать поджала губы.

— Признаюсь, вот это мне не по душе. Этот мастер Бенефорте — флорентиец. Может, он искусен в черной магии, а то и в еще худших черных чарах, которые так же опасны для юношей, как и для девушек. Однако он работает для герцога Монтефолья, который, по словам Ури, для владетельной особы очень благороден.

— Монтефолья! — Он никогда прежде не замечал, каким теплом веет от самого этого названия.

— Ты умеешь читать и писать на двух языках и в латыни немножко разбираешься. Когда брат Гларус учил тебя, он как-то сказал мне, что ты мог бы отправиться в Падую и выучиться на доктора. Я часто об этом мечтала, но тут убило твоего отца,

и жизнь стала тяжелой.

— Я латынь не любил, — осторожно признался Тейр, вдруг сообразив, что есть судьбы и похуже, чем стать солдатом. Но его мать не продолжила этого разговора, а отошла помешать бурлящую над очагом гороховую кашу — с добавкой ветчины в честь чудесного спасения Тейра из рудника.

Он опять заполз под пуховую перину и прижал письмо к груди. Тело у него все еще было холодным, как застывшее сало, но от бумаги словно исходило тепло. «Могильщик, могильщик, иди к огню…» Он засмеялся и приглушил смех, когда его мать обернулась с улыбкой, хотя и не поняла, что его развеселило. Монтефолья. «Клянусь Богом и кобольдом, думается, я так и сделаю!» Он откинулся на подушку и смотрел, как на беленом потолке между темными балками играют отблески огня, точно отражаясь от воды, и грезил о жарких летних днях.

Глава 3

Руберта, домоправительница, помогла Фьяметте надеть через голову тяжелое платье из красного бархата и расправить его складки на нижней юбке из тонкого полотна. Фьяметта погладила эти широкие складки, которые потребовали столько бархата, и удовлетворенно вздохнула. Платье было куда великолепнее, чем она смела надеяться. Мастер Бенефорте неожиданно достал его из старого сундука, когда Фьяметта посетовала, какой жалкой будет она выглядеть на герцогском пиру в сером шерстяном платье, таком простом! Платье это принадлежало матери Фьяметты. Фьяметта с Рубертой неделю перекраивали его и перешивали. Судя по мерке, Фьяметта теперь была почти такого же роста, как ее мать, хотя и более худощавой. Странно! Мать ей помнилась высокой, а не миниатюрной — высокой, смуглой и такой теплой!

Фьяметта вытянула руки, и Руберта натянула на них рукава, которые тут же привязала к платью в плечах, а затем для контраста распушила у локтей рукава нижнего платья. Красные бархат-

ные рукава были вышиты серебряными нитями, что гармонировало с серебряной каймой по всему чудесному подолу.

— Не дергайся так, душечка, — мягко попеняла Руберта и даже прикусила губу, стараясь завязать банты по всем правилам. Она отступила на шаг и оглядела Фьяметту с взыскательной гордостью. — А теперь волосы.

— Да-да, пожалуйста! — Фьяметта послушно села на табурет.

Нет уж, сегодня она не наденет шапочку, какие носят девочки, и не заплетет простую косу, падающую на спину. Вместе с платьем из сундука появилась сетка для волос из серебряных нитей и жемчужин, чудом не потемневших от времени. Руберта разделила волосы Фьяметты на две одинаковые, правда, кудрявящиеся волны, свернула их валиками у затылка, а затем закрепила сетку, скрывшую их пышность, оставив возле ушей по кокетливому локону. Фьяметта жадно посмотрелась в зеркальце и с восторгом начала поворачивать голову то так, то эдак, любуясь колыханием локонов.

— Спасибо, Руберта! — Она обхватила опоясанную передником талию домоправительницы и крепко ее обняла. — Ты такая искусница.

— Ах, твои туфельки — они же остались на кухне! Сейчас принесу.

Руберта торопливо вышла, а Фьяметта посмотрела на себя в зеркальце под разными углами и опять провела ладонью по мягким богатым складкам. Она забрала в рот нижнюю губку и, подчиняясь порыву, встала и подбежала к сундуку в ногах своей кровати.

Раздвинув белье, она нашла плоскую дубовую шкатулку и открыла ее. Там покоилась смертная маска ее матери. Многие люди хранили восковые маски дорогих сердцу покойников. Просперо Бенефорте отлил маску матери Фьяметты в бронзе, которой его искусство придало теплый коричневый оттенок, такой же, какой отличал ее кожу при жизни. Темные глаза над мягким изгибом носа и широкого рта были закрыты словно во сне. Только сон был странно грустным. Фьяметта приложила маску к груди и поверх нее взглянула в зеркальце. Она скосила глаза в усилии слить маску и платье в одно неясное пятно. Потом спустила маску к подбородку и сравнила два лица. Какая часть более бледного принадлежала Просперо Бенефорте, а какая — этой исчезнувшей женщине? Переносица у Фьяметты была заметно выше, а подбородок изящнее, чем у этого темного

лица, но в остальном… «Кто я? И чья я? Кому я принадлежу, матушка?» По галерее приближались шаги Руберты. Фьяметта поспешно уложила маску в шкатулку и снова ее заперла. Руберта протянула в дверь начищенные туфельки.

— Поторопись! Отец ждет тебя внизу.

Фьяметта сунула ноги в туфельки и, выпорхнув из спальни, побежала по верхней галерее, выходящей на двор. Спускаясь по лестнице, она подобрала платье, а потом расправила складки и дальше пошла чинно, ведь она была причесана, как знатная девица. И платье было не платьем рабыни или служанки, но доказывало, что ее мать была истинно христианской женой великого мастера. Фьяметта гордо вздернула подбородок.

Мастер Бенефорте ждал в выложенной каменными плитами прихожей. Он тоже выглядел великолепно, решила Фьяметта. Плащ черного бархата ниспадал до колен, головной убор из той же материи обвивал голову наподобие тюрбана, а конец щегольски колыхался сбоку. Туника из бархата цвета темного меда с вырезом у самой шеи, где сияла белизной, выглядывая из-под него, полоска полотна, завершалась сборчатыми складками, черные чулки-трико дополняли его наряд. Вопреки седине в волосах мастер Бенефор-

те все еще не носил длинных одежд почтенных старцев, и темные цвета, которые он предпочитал, указывали на зрелость, еще полную сил. На грудь он надел гармонирующую с туникой золотую цепь, свое собственное изделие, свидетельствовавшее о его искусстве.

Он обернулся, услышав шаги Фьяметты:

— А, вот и ты. — Он оглядел ее с головы до ног, и в его глазах появилось какое-то отрешенное выражение. Он что-то буркнул и помотал головой, будто отгоняя видение.

— Я хорошо выгляжу, батюшка? — спросила Фьяметта с испугом.

— Ты выглядишь хорошо. Ну-ка! — Он протянул к ней руку.

Через его ладонь был перекинут серебряный пояс чудесной работы. Фьяметта с удивлением взяла его. Он был сделан в форме серебряной змеи, круглой и гибкой, почти как веревка. Сверкающие чешуйки, совсем такие же, как у настоящей змеи, накладывались друг на друга, пряча то, что скрепляло их воедино. Голова была литого серебра, тоже совсем как настоящая, а глазами служили два мерцающих зеленых осколочка… изумруда? Стекла?

— Надень, — сказал мастер Бенефорте.

— Как? Я не вижу застежки.

— Просто оберни вокруг талии. Он удержится.

— Он заколдован, правда?

— Просто маленькое заклятие, чтобы оберечь тебя.

— Спасибо, батюшка. — Она надела змею как пояс, заведя кончик хвоста за голову, и действительно этот пояс держался крепко. И только тогда она сообразила спросить: — А он снимается?

— Когда захочешь.

Фьяметта сняла, а потом снова надела его.

— Вы его только сейчас сделали? — А она-то думала, что он дни и ночи трудится, чтобы закончить солонку.

— Нет. Он у меня довольно давно. Я только его почистил и обновил заклятие.

— Он был матушкин?

— Да.

Фьяметта погладила пояс, ее пальцы заскользили по чешуйкам. Они отвечали слабым музыкальным звуком, почти неуловимым для слуха.

Солонка герцога стояла в ожидании на скамье у стены. Новая шкатулка для нее была изнутри обита атласом и сделана из того же черного дерева, что и основание солонки, с золотыми замочками и золотыми ручками по бокам. Фьяметта помога-

ла собирать шкатулку и полировать ее. Ей бы и в голову не пришло, что ее отец чего-то опасается, но он открыл шкатулку, чтобы в последний раз проверить, все ли в порядке, а затем перепроверил надежность замочков, после чего ушел в мастерскую и выглянул в окно.

— А! Наконец-то! — услышала она его голос, и он сразу же вернулся в прихожую, чтобы отодвинуть засов и впустить капитана-швейцарца и двух гвардейцев. Нагрудники гвардейцев сверкали, как зеркала, а капитан Окс был одет в свою лучшую и самую чистую ливрею — новая куртка с золотыми пуговицами была выдана в честь помолвки.

— Все готово, мастер Просперо? — Капитан с улыбкой кивнул на шкатулку из черного дерева. — Приказать моим людям нести ее?

— Пожалуй, понесу ее я сам, — сказал мастер Бенефорте, подняв шкатулку. — Пусть один идет впереди, а другой сзади.

— Очень хорошо.

Сам капитан и Фьяметта пошли по сторонам ювелира.

— Дверь до моего возвращения держи на засове, Тесео, — крикнул через плечо мастер Бенефорте, и подмастерье с неуклюжим поклоном закрыл

за ними дверь. Мастер Бенефорте постоял, пока не услышал звук задвигаемого засова, а тогда кивнул и пошел вперед по булыжной мостовой.

Был солнечный день две недели спустя после святого праздника Пасхи и еще достаточно прохладный, чтобы не изнемогать в бархате. За недели, прошедшие с того дня, когда Фьяметта отлила свое кольцо, почки на деревьях успели развернуться. Она стиснула львиное кольцо на левом большом пальце и подставила гранат (со вздохом) лучам солнца, так что в нем заиграли огоньки. Тот же свет отражался от желтых кирпичей, камней и черепичных крыш. Тускло-бурая зимой, Монтефолья в долгие летние дни казалась золотым городом. Они прошли улицу с большими домами, между которыми стояли дом и мастерская ее отца, а затем свернули в более древний, более тесный квартал. В боковом проулке, тянувшемся к воде, Фьяметта увидела лодки и пристань. Несколько ленивых озерных чаек с криком устремлялись вниз и снова взлетали. Может быть, батюшка, когда летом снова возьмет ее удить рыбу, все-таки научит ее тайному заклинанию, которым пользуется, наживляя крючок. Узкое озеро тянулось на одиннадцать миль к северу от Монтефольи, к предгорьям Альп, по ту

сторону которых лежала родина капитана Окса. Неделю назад через перевал Монтефолья прошли первые в этом году караваны, как слышала Фьяметта. Хотя путь этот проходил выше и был труднее прославленного Бреннерского перевала дальше к востоку, но маленькому герцогству вполне хватало своего перевала. Монтефолья была горным суровым краем, который от полной нищеты спасали только небольшая торговля и рыболовство на озере.

На восточном берегу к северу от города монахи монастыря Святого Иеронима разбили виноградники, сеяли на террасах яровую пшеницу, содержали яблоневый сад и разводили овец. Главная дорога пролегала по восточному берегу под каменными стенами монастыря. Западный берег был слишком крутым и скалистым, там вились только козьи тропы. Фьяметта увидела на белой пыльной ленте нескольких всадников и медленно ползущую повозку, запряженную волами. В скрипториуме Святого Иеронима переписывались и иллюминировались книги для библиотеки герцога — гордости замка, который стоял на утесе, господствуя над расстилавшимся перед ним городом. Герцог гордился тем, что в его библиотеке не было ни единой современной

дешевой печатной книги, а только каллиграфически безупречные рукописи, переплетенные в кожу с богатым тиснением, — более ста томов. На взгляд Фьяметты, это было стеснительным ограничением, по, возможно, герцог Сандрино так ценил каллиграфию потому, что, умея читать, писать не умел. Старые люди нелепо цеплялись за непонятно что.

— А как празднуется помолвка? — спросил мастер Бенефорте у капитана, и поотставшая Фьяметта поспешила нагнать их.

— Ну, герцогиня устроила иллюминацию в саду вчера вечером с живыми картинами и мадригалами. И пение было очень приятным.

— Я бы занимался костюмами для них всех, если бы герцог не требовал ее. — Мастер Бенефорте приподнял черную шкатулку. — Удивляюсь, как этот олух ди Римини ничего не испортил! Он не способен толком нарисовать даже дверную ручку.

Капитан иронично улыбнулся на эту шпильку по адресу самого сильного соперника мастера Бенефорте среди местных искусных ремесленников.

— Он справился. Для вашего утешения скажу, что была скверная минута, когда свеча подожгла

головной убор, но мы успели облить бедную даму водой вовремя и погасили огонь, так что она осталась цела и невредима, если не считать ее перьев. Я знал, что поступил правильно, когда потребовал, чтобы позади сцены поставили ведра с водой.

— Ха! Но насколько я понял, будущий жених хотя бы сегодня утром приехал вовремя.

— Да. — Капитан нахмурился. — Должен признаться, мне не понравилась его свита. Видно, что с ними шутки плохи. И пятьдесят дружинников, по-моему, слишком много для подобного случая. Не знаю, о чем только думал герцог Сандрино, когда разрешил синьору Лозимо взять с собой их столько. Он говорит, что это честь, положенная его будущему зятю.

— Ну, Уберто Ферранте был кондотьером до того, как два года назад унаследовал Лозимо, — рассудительно заметил мастер Бенефорте. — Он прожил тут недостаточно долго, чтобы заручиться верностью местных людей. А этим он, предположительно, доверяет.

— Унаследовал, как бы не так! Подкупил папскую курию, чтобы она не признала права более близкого родственника, и снова, чтобы получить разрешение на брак с наследницей. Полагаю,

кардинал Борджиа хотел, чтобы Лозимо владел гвельф[2] для уравновешивания притязаний Венеции и гиббелинов.

— Насколько я могу судить по собственному моему опыту с курией, вы совершенно правы. — Мастер Бенефорте кисло улыбнулся. — Хотя меня и удивляет, откуда у Ферранте взялись деньги.

— Честолюбивые замыслы Милана мне кажутся более настоятельной угрозой. Бедная Монтефолья, зажатая точно орех в таких щипцах!

— О, Милан — назидательный пример того, как высоко может подняться простой солдат! Уповаю, синьор Ферранте не слишком близко ознакомился с жизненным путем покойного Франческо Сфорцы. Женись на дочери, потом сделай себя хозяином страны… Запомни, Ури.

— Увы! — вздохнул капитан. — Я не знаю ни единой наследницы. — Он задумчиво помолчал. — Собственно, именно это Ферранте и проделал в Лозимо. Будем надеяться, он не повторит того же в Монтефолье.

— Думается, наш герцог и его сын в достаточно крепком здравии, чтобы воспрепятствовать подобному, — сказал мастер Бенефорте и погладил

---

[2] Примечания: 2

Гвельфы — политические группировки в городах Италии в XII–XV вв. Противостояли сторонникам императора — гиббелинам.

черную шкатулку. — И быть может, я сыграю свою маленькую роль, чтобы оно и впредь осталось крепким.

Капитан уставился на носки своих сапог.

— Ну, не знаю. Зато знаю, что герцог Сандрино не слишком рад этой помолвке, а герцогиня Летиция и того меньше. Не вижу, какие у Ферранте могут быть средства, чтобы настоять на своем, и все же чувствую… из-за приданого шли жаркие споры.

— Жаль, что синьор Ферранте не моложе, а мадонна Джулия не старше.

— Или и то и другое. Я знаю, герцогиня настояла, чтобы в брачном договоре было указано, что венчание будет через год, не раньше.

— А тем временем конь синьора Ферранте, быть может, сбросит его ногами вверх, чтобы он сломал шею.

— Добавлю это к моим молитвам, — улыбнулся капитан, но он словно бы не шутил.

Они умолкли, переводя дух перед крутым подъемом к замку. Прошли в ворота с двумя квадратными массивными башнями из тесаного камня и желтого кирпича, обычного для более новых построек в Монтефолье. Солдаты проводили их через мощеный двор и вверх по великолепной

повой лестнице, которую построил нынешний герцог, чтобы как-то смягчить и украсить суровую громоздкую архитектуру своего родового гнезда. Мастер Бенефорте мимоходом выбранил резьбу перил и пробормотал свой обычный приговор:

— Надо было нанять настоящего скульптора, а не деревенского камнереза…

Они прошли через два темных зала к двери, ведшей во внутренний сад. Тут, среди цветов и фруктовых деревьев, были расставлены столы для пира.

Гостей как раз рассаживали, как и надеялся мастер Бенефорте, считая эту минуту наиболее подходящей для представления плода своего искусства. Семья герцога, а также синьор Ферранте, аббат монастыря Святого Иеронима и епископ Монтефольи — два сана, один человек — восседали за длинным столом на возвышении под балдахином из гобеленов. Ниже прямоугольником стояли четыре стола для гостей рангом пониже.

Герцог Сандрино — приятно дородный мужчина пятидесяти лет с носом и ушами благородных пропорций, мыл руки в серебряном тазике, полном горячей воды, в которой плавали лепестки роз. Тазик держал его дворецкий мессер Ки-

стелли. Десятилетний сын и наследник герцога синьор Асканио сидел справа от отца. Служитель в ливрее синьора Ферранте подставлял под сапоги своего господина скамеечку с кожаным верхом и в форме сундучка с резным гербом Лозимо. Видимо, скамеечка была каким-то капризом синьора Ферранте, так как ноги у него и по длине, и по общему виду казались здоровыми. Но возможно, шелковые чулки-трико скрывали старую военную рану, все еще дающую о себе знать. Фьяметта твердо решила не глазеть по сторонам, но тем не менее старалась запомнить как можно больше подробностей великолепной выставки бархата, шелков, шляп, гербов, драгоценных украшений и причесок, окружавших ее.

Мадонна Джулия, сидевшая между матерью и своим нареченным, была в весенне-зеленом бархатном платье с золотой вышивкой и в — ха! — шапочке, какие носят девочки. Правда, эта зеленая шапочка была богато вышита золотыми нитками и усажена мелкими жемчужинами. В падавшую на спину белокурую косу были вплетены зеленые ленты. Может быть, герцогиня Летиция намеренно старалась подчеркнуть юность дочери? Легкий румянец смущения на щеках Джулии еще усиливал ее контраст с си-

ньором Лозимо, сидевшим по другую ее руку. Смуглый, мужественный, сильный, явно верный поклонник Марса. Губы синьора Ферранте улыбались, не показывая зубов. Может быть, зубы у него гнилые?

Аббат-епископ сидел слева от синьора Ферранте — несомненно, и чтобы оказать ему эту честь, и чтобы у Ферранте был достойный собеседник, если девичье щебетание или стыдливое молчание Джулии ему наскучит. Аббат Монреале в юности был доблестным рыцарем, но, получив тяжкую рану, дал на смертном одре обет посвятить свою жизнь Церкви, если Господь его пощадит. И свой обет он исполнил блистательно: теперь, убеленный сединами, он пользовался славой как великий ученый и отчасти мистик. На пир он явился в облачении епископа, а не настоятеля: белое свободно ниспадающее одеяние, красная мантия с золотой каймой, положенная его сану, и шапочка из белой парчи на тонзуре. Кроме того, именно Монреале ежегодно проверял и мастерскую и душу Просперо Бенефорте, после чего продлевал церковное разрешение практиковать белую магию. Отвесив поклон герцогу, его семье и синьору Ферранте, мастер Бенефорте поклонился аббату с глубоким и искренним почтением.

Как они заранее отрепетировали, мастер Бенефорте преклонил колено и открыл шкатулку черного дерева, а Фьяметта с грациозным реверансом преподнесла солонку герцогу. Белоснежная скатерть послужила прекрасным фоном сверкающему золоту и ярким эмалям. Сидевшие за столом, подчиняясь единому порыву, захлопали в ладоши, и мастер Бенефорте просиял. Герцог Сандрино улыбнулся с видимым удовольствием и попросил, чтобы сам аббат благословил первую соль, которой дворецкий поспешил наполнить сияющий золотой корабль.

Мастер Бенефорте ждал затаив дыхание. Ведь наступила минута, когда, как он сказал Фьяметте после их репетиции, герцог должен будет оправдать его упования и насыпать в его сложенные ладони золотые дукаты щедрым жестом на глазах у всех гостей. В предвкушении он прицепил под плащом пустой кошель, чтобы быть готовым к этой золотой минуте. Но герцог всего лишь — правда, милостиво — указал им на приготовленные для них места за нижним столом.

— Ну, у него достаточно забот. Подождем, — пробормотал мастер Бенефорте себе в бороду, пряча горькое разочарование, когда они сели.

Слуга принес им серебряный тазик для омове-

ния рук — работы ее отца, как заметила Фьяметта. Подали вино, блюда с жареными равиоли, начиненными рубленой свининой с душистыми травами, и сливочный сыр, осыпанный сахарной пудрой. Пир начался. Затем последовали корзины с хлебом, испеченным из чистой белой муки, и подносы с телятиной, курами, ветчиной, колбасами и говядиной. И снова вино. Мастер Бенефорте настороженно посматривал на верхний стол. Но ни над одной тарелкой там не взметнулось голубое пламя. Фьяметта поддерживала вежливую беседу с сидевшей по другую ее сторону женой кастеляна, пухлой толстухой, которую звали дама Пия.

Когда дама Пия на минуту встала из-за стола в ответ на кивок мужа, мастер Бенефорте наклонился поближе к дочери и понизил голос. Фьяметта скрепила сердце, готовясь выслушать ворчание по поводу желанных герцогских дукатов, но вместо этого он неожиданно спросил:

— Ты заметила маленькое серебряное кольцо на правой руке синьора Ферранте, дитя? Ты стояла к нему ближе, чем я.

Фьяметта недоуменно заморгала:

— Да, теперь вспоминаю, когда вы сказали.

— Что ты о нем думаешь?

— Ну-у… — Она попыталась мысленно воссоздать кольцо. — Оно показалось мне на редкость безобразным.

— А его форма?

— Маска. Лицо младенца, по-моему. Не то чтобы по-настоящему безобразное, но… оно мне просто не понравилось. — Она засмеялась. — Ему бы заказать вам, батюшка, перстень покрасивее.

К ее удивлению, он мелко перекрестился, словно отгоняя беду.

— Не говори так. И все же… как он посмел носить его открыто, на глазах у аббата? Или оно попало к нему случайно и он не знает, что это такое. Или он как-то приглушил его.

— Мне оно показалось новым, — сказала Фьяметта. — Батюшка, что вас тревожит?

У него был обеспокоенный вид.

— Я почти уверен, что это кольцо духов. Но если оно действует, где он мог скрыть… — Он замолк, крепко сжал губы и продолжал исподтишка поглядывать на верхний стол.

— Черная магия? — шепнула Фьяметта с возмущением и страхом.

— Не… обязательно. Однажды я… э… видел подобное, и оно не было великим грехом. И Ферранте ведь синьор. Такому человеку подо-

бает обладать силами, которые невместны для простых людей, но правителю приличествуют. Таким, как великий герцог Лоренцо во Флоренции.

— Я думала, магия бывает либо белой, либо черной.

— Когда ты доживешь до моих лет, дитя, ты узнаешь, что в этом мире нет ничего совсем белого или совсем черного.

— А аббат Монреале с этим согласится? — спросила она недоверчиво.

— Да-да, — вздохнул он и поднял брови так, будто пожал плечами. — Ну, у синьора Ферранте есть еще год, чтобы показать себя в истинном свете. — И он скрючил пальцы, словно обрывая разговор, так как вернулась дама Пия.

Слуги унесли мясные блюда — то немногое, что от них осталось, — и перед гостями появились подносы с финиками, инжиром, ранней земляникой и сластями. Фьяметта и дама Пия сотрудничали в выборе и нанесли большой урон корзиночкам с сушеными вишнями. В дальнем конце сада заиграли музыканты, и музыка вплеталась в гул разговоров, звяканье тарелок и ножей. Дворецкий герцога и его помощники разливали сладкие вина в ожидании заключи-

тельных здравиц.

Из замка выбежал мессер Кистелли, вступил под балдахин, осенявший высокий стол, и, наклонив голову, что-то зашептал герцогу на ухо. Герцог Сандрино нахмурился и что-то спросил. Мессер Кистелли пожал плечами. Герцог покачал головой словно с досадой, но наклонился к герцогине, произнес несколько слов и встал, чтобы пойти за своим мажордомом в замок.

Жена кастеляна, перегнувшись через Фьяметту, попросила мастера Бенефорте починить ее серебряный кувшинчик, у которого отвалилась ручка. Фьяметта заметила, что ее отцу отнюдь не польстило, что ему предлагают работу, для которой хватило бы и подмастерья. И тут его взгляд упал на дочь.

Он слегка улыбнулся:

— Его может починить Фьяметта. Это будет твой первый собственный заказ, дитя.

— О! Ты можешь его починить? — Дама Пия поглядела на нее с сомнением, но и некоторой почтительностью.

— Я… наверное, мне следует прежде посмотреть на него, — ответила Фьяметта осторожно, пряча охватившую ее радость.

Дама Пия посмотрела на высокий стол:

— Пока герцог не вернется, пить здравицы они не начнут. И что могло его так задержать? Пойдем ко мне в комнату, Фьяметта, посмотришь кувшинчик теперь же.

— Как вам угодно, дама Пия.

Когда они встали, вернулся мессер Кистелли, и на этот раз заговорил с синьором Ферранте. Тот недоуменно поморщился, но, видимо, подчинился требованиям своего хозяина. Он махнул двум своим людям, приказывая следовать за собой. Повстречай Фьяметта их на улице, то без колебаний сочла бы их брави. Старший, свирепого вида бородач, лишившись нескольких передних зубов, был раньше представлен обществу как главный лейтенант Ферранте. Капитан Окс, любезничавший с дамой за одним из нижних столов, поднял голову, нахмурился и последовал за ними. Ему пришлось убыстрить шаги, чтобы нагнать их.

Жена кастеляна подождала, чтобы мужчины скрылись за дверью, и повела Фьяметту в замок. Пока они шли через зал, Фьяметта с любопытством оглядывалась. В глубине за открытой дверью кабинета она увидела герцога. Он стоял у своего письменного стола рядом с двумя забрызганными дорожной грязью людьми: одним был священник с озабоченным лицом, другим — явно

разгневанный знатный синьор. Но тут синьор Ферранте и те, кто его сопровождал, заслонили от нее дверь, и она пошла дальше за супругой кастеляна.

Комнаты кастеляна находились в одной из квадратных башен. Дама Пия сняла кувшинчик с полки в своей тесной спальне, где негде было повернуться между сундуками и кроватью, и с тревогой следила, как Фьяметта, отойдя к узкой амбразуре, служившей окном, долго его рассматривала. Втайне Фьяметта обрадовалась, что починка оказалась более сложной, чем она предполагала. Ручка в виде изогнувшейся русалки, не только отломилась, но и треснула, так что просто припаять ее на место было бы недостаточно. Фьяметта заверила жену кастеляна, что сделает все быстро, они завернули кувшинчик в полотняную тряпку и направились назад в сад.

Когда они шли через залу, Фьяметту испугал сердитый голос герцога Сандрино, доносившийся из кабинета. Он стоял, опираясь сжатыми кулаками на стол. Перед ним, скрестив руки, стоял синьор Ферранте, выставив подбородок, багрово покраснев. Его бас произнес в ответ отрывистые слова, но так тихо, что Фьяметта их не расслышала. Двое приезжих следили за происхо-

дящим. Лицо синьора сияло злорадной злобой. Священник был бледен. Капитан Окс словно бы небрежно прислонялся к косяку, но его рука лежала на эфесе меча. Дама Пия испуганно сжала плечо Фьяметты.

Голос герцога Сандрино то гремел, то прерывался:

— …ложь и убийство… черная некромантия! Неопровержимое доказательство… моя дочь никогда… оскорбление моему дому! Убирайся вон немедленно или готовься к войне и потерять свою гнусную голову, кондотьерское отродье!

Брызгая слюной от ярости, герцог Сандрино укусил свой большой палец и потряс им перед лицом синьора Ферранте.

— Мне готовиться не нужно! — взревел в ответ Ферранте, наклоняясь к нему. — Твоя война начнется сейчас же!

И Фьяметта, остолбенев, увидела, как синьор Ферранте левой рукой выхватил кинжал и на том же движении полоснул им по горлу герцога Сандрино с такой силой, что кинжал рассек шею почти пополам и ударился о кость. Удар был нанесен столь неистово, что Ферранте не удержался на ногах и упал со своей жертвой на стол, словно обнимая ее. На его одежде появились багровые

полосы.

С гневным криком, похожим на скорбный вопль, капитан Окс выхватил меч из ножен и ринулся вперед. В тесноте кабинета меч был немногим полезнее кинжала, а оба брави уже выхватили свои. Щербатый лейтенант пронзил сердце знатного приезжего ударом, почти столь же внезапным и сильным, каким был удар его господина. Старый мессер Кистелли увернулся, но слишком медленно — кинжал второго браво повалил его на пол. Ури мечом отклонил кинжал, опускавшийся еще раз, и схватился с браво врукопашную.

Священник воздел руку, и синьор Ферранте взмахнул в его сторону сжатым кулаком. Серебряное кольцо зловеще сверкнуло, священник с криком прижал ладонь к глазам, и синьор Ферранте вогнал кинжал в его незащищенную грудь.

— Я должна предупредить мужа! — Жена кастеляна, уронив кувшинчик, подхватила юбки и побежала в сад. Лейтенант оглянулся на шум, нахмурился и шагнул в сторону Фьяметты. Глаза у него были ледяными. В полном ошеломлении Фьяметта вихрем повернулась и кинулась следом за дамой Пией.

Она почти ослепла от солнечного света. На середине сада жена кастеляна, уцепившись за мужа, выкрикивала предупреждения, а он только качал головой, словно ничего не понимал, хотя Фьяметте казалось, что та объясняет все ясно. Она лихорадочно искала взглядом в белом свете дня большой черный головной убор своего отца. Вон он! Кивает какому-то человеку. Лейтенант высунул голову в дверь, потом кинулся обратно. Фьяметта бросилась на грудь мастера Бенефорте, впиваясь пальцами в его тунику.

— Батюшка! — еле выдохнула она. — Синьор Ферранте только что убил герцога!

Из двери спиной вперед выскочил Ури. Его меч был в крови.

— Предательство! — закричал он, и изо рта у него брызнула кровь. — Убийство и предательство! Монтефолья, к оружию!

Солдаты Ферранте, столь же растерявшиеся, как и монтефольские, начали собираться в группы. Лейтенант, преследовавший капитана Окса, позвал своих товарищей на помощь.

— Дьявол! — прошипел мастер Бенефорте сквозь стиснутые зубы. — Платы мне не получить! — Его пальцы сомкнулись на локте дочери, и он повернулся, оглядываясь по сторонам. —

Этот сад — смертельная ловушка. Нам надо выбраться отсюда сейчас же!

Мужчины вынимали из ножен мечи и кинжалы. Невооруженные хватали ножи со столов. Женщины визжали и стонали.

Мастер Бенефорте пошел, но не к двери, а к столу на возвышении. Туда же направились лейтенант и капитан Окс, пробираясь бегом через толпу. Щербатый лейтенант прыгнул и взмахнул мечом над скатертью. Он снес бы голову маленькому синьору Асканио, если бы капитан Окс не отбил его удара своим мечом. Аббат Монреале вскочил и опрокинул стол на щербатого лозимонца в тот момент, когда тот изогнулся для нового удара. В сумасшедшем прыжке мастер Бенефорте умудрился поймать свою солонку, пока она описывала в воздухе сверкающую дугу, и завернул ее в полу плаща.

— Быстрей, Фьяметта! К двери!

Фьяметта судорожно дернула юбку, придавленную тяжелым столом.

— Батюшка, помогите!

Герцогиня Летиция прижала к себе дочь и не то прыгнула с ней, не то упала в гобелены позади возвышения. Ури рванулся вперед, схватил Асканио и толкнул его к аббату Монреале.

— Уведите мальчика, — еле выговорил он. Аббат захлестнул красную мантию вокруг перепуганного Асканио и отразил удар браво пасторским посохом, а затем без раздумий пнул его с силой в пах.

— Святой Иероним! Ко мне! — взревел Монреале, и к нему на помощь тут же бросились его приор и дюжий секретарь.

Новый выпад браво был отражен странным движением епископского посоха; внезапно лицо лозимонца утратило всякое выражение, и он, пошатываясь, побрел по краю возвышения, опустив меч. Его свалил один из монтефольских гвардейцев, бросившийся в свалку. Мастер Бенефорте почти уже у двери услышал крики Фьяметты и поспешил обратно.

Ури, защищая аббата с Асканио и тех, кто окружил их, вступил в смертельный поединок со щербатым лейтенантом. Он дышал с каким-то странным бульканьем. Делая выпад, Ури отшвырнул ногой сундучок-скамейку синьора Ферранте. Сундучок свалился на землю боком и открылся. Из него на ноги Фьяметты посыпались крупные куски соли.

А вместе с солью — и высохший трупик новорожденного младенца. Фьяметта закричала и

отпрянула, оторвав подол защемленной юбки. Ури покосился на ее вопль, его глаза расширились, и щербатый лейтенант всадил меч в новую куртку капитана. Фьяметта увидела, как из спины капитана на пять дюймов высунулось лезвие. Щербатый повернул меч, уперся ногой в живот Ури, дернул, и меч вышел из тела с отвратительным чмоканьем. Из обеих ран хлынула кровь — спереди и сзади. Капитан упал. Фьяметта застонала, нагнулась и со всей мочи швырнула в лозимонского лейтенанта тяжелый поднос. Мастер Бенефорте ухватил ее за локоть и потащил к двери.

Но ее загораживали дерущиеся люди. Мастер Бенефорте отступил в растерянности. Он сунул завернутую в плащ солонку Фьяметте, покачал головой и прорычал:

— Смотри не урони! И больше не отставай от меня ни на шаг, черт побери!

Он схватил с ближайшего стола флакон и обнажил свой собственный парадный кинжал с рукояткой, инкрустированной драгоценными камнями. Зеркально гладкое лезвие, еще ни разу не пускавшееся в ход, блеснуло в солнечном луче.

Вновь мастер Бенефорте попытался проложить

себе путь через единственный выход из сада. Внезапно закупоривших дверь людей вышвырнули наружу спешившие на помощь монтефольские гвардейцы. Мастер Бенефорте проскочил в образовавшуюся брешь. У порога на него замахнулся кто-то из людей Ферранте. С воплем он парировал удар и выплеснул содержимое флакона в лицо нападавшего. Лозимонец взвизгнул и прижал к глазам свободную руку. Мастер Бенефорте отвел его меч, и они оказались внутри.

— Магия? — ахнула Фьяметта.

— Уксус, — огрызнулся ее отец.

На мраморной лестнице кипела еще одна схватка. Мастер Бенефорте без предупреждения перекинул Фьяметту через балюстраду и прыгнул за ней. Они помчались по двору к воротам между башнями, за которые теперь шел жаркий бой между дружинниками Ферранте и Монтефольи.

Сам синьор Ферранте размахивал там мечом, подбодряя своих людей:

— Удержите ворота, и они все у нас в руках! Удержите ворота!

Почти небрежно его меч блеснул и перерезал горло кинувшемуся на него солдату в ливрее Монтефольи. В честь помолвки солдат привязал к кокарде с цветком и пчелой ленты цветов Фер-

ранте, и пока он падал, они взметнулись вверх.

— Господи Иисусе, это же бойня! — простонал мастер Бенефорте.

Синьор Ферранте обернулся, увидел его, отступил назад, глаза его сузились, и он выставил сжатый правый кулак, кольцом вперед.

— Дурак! — глухо проворчал мастер Бенефорте и быстро помахал рукой в странном жесте, ритмично перебирая пальцами.

Фьяметту словно ударило в живот ощущение двух столкнувшихся чар. В столкновении этом не было никаких тонкостей. Серебряное кольцо засветилось, внезапно испустило ослепительную вспышку и оглушительный треск.

Завопил синьор Ферранте, а не мастер Бенефорте. Он уронил меч и ухватил левой рукой правое запястье; запахло паленым мясом и еще чем-то — этот запах Фьяметта не узнала.

— Убейте их! — взревел синьор Ферранте, топая ногами от жгучей боли, но солдаты в панике пятились от мастера Бенефорте. А он отпрыгнул на несколько шагов, размахивая кинжалом. Фьяметта припустила во весь дух, и они вместе выскочили из ворот замка, напрягая все силы.

У подножия холма Фьяметта обернулась. Синьор Ферранте указывал на нее, потрясая

кошельком и что-то выкрикивая. Из ворот выскочили два брави. Когда они добрались до первых домов, мастер Бенефорте юркнул между двумя лавками в проулок, а из него в другой проулок, они запетляли между чьим-то сушащимся бельем и перепрыгнули через спящую собаку. Фьяметта ловила ртом воздух. Ее словно пырнули в бок кинжалом — такая боль пронизывала ее измученные легкие и набитый яствами желудок.

— Остановись, Фьяметта…

Они вышли на берег озера позади домов. Мастер Бенефорте привалился к стене из бурых кирпичей. Он тоже задыхался, наклоняя голову. Правой рукой он массировал живот прямо под грудью, словно отгоняя боль. Когда он поднял лицо, оно не было пунцовым, как у Фьяметты, но свинцово-бледным, глянцевым от пота.

— Мне не следовало… так предаваться обжорству, — буркнул он. — Даже если платил герцог. — А потом добавил странным, еле слышным голосом: — Я не могу больше бежать! — У него подогнулись колени.

Глава 4

— Батюшка! — Нельзя, чтобы он упал! Ей его не поднять. Она подлезла отцу под мышку и закинула его руку себе на плечо, другим локтем прижимая к боку завернутую в плащ солонку. Он повис на ней невыносимой тяжестью. — Мы должны идти, мы должны вернуться домой!

Ужас сжал ей горло, но вызванный жуткой серостью его лица, а не мыслью о брави, которые рыскали, ища их по закоулкам, как два охотничьих пса.

— Если Ферранте… захватит замок… он захватит и город. А если он… захватит город… наша старая дубовая дверь не остановит его солдат. Особенно если они будут думать, что внутри их ждут сокровища. И если он… захватит… город… то захватит и герцогство. Нам некуда бежать.

— С пятьюдесятью людьми? — сказала Фьяметта.

— Пятьдесят человек… и удобная минута. — Он помолчал. — Нет. Только город. Потом подождет подкреплений и заберет остальное. — Его лицо поморщилось от боли. Он обхватил туловище ру-

ками и согнулся, еле удерживаясь на ногах. — Ты беги, моя Фьяметта. Господь не допустит, чтобы они тебя схватили. Их надолго охватит кровожадное безумие. Мне доводилось видеть, как люди… становятся такими.

От каменной набережной отходило несколько деревянных пристаней. Маленькая рыбачья лодка терлась о сваи. В ней был только загорелый мужчина: он как раз забросил чалку за тумбу, а потом повернулся к своему квадратному парусу из грубого коричневого холста, который, подходя к пристани, приспустил. Теперь он расправил складки и спустил его до конца, затем выпрыгнул на пристань и взял чалку, чтобы отбуксировать лодку на ее обычное место с подветренной стороны.

— Лодка! — шепнула Фьяметта. — Идемте!

Мастер Бенефорте скосил глаза на пристань, его борода вздернулась.

— Может быть… — И они, спотыкаясь, побрели к пристани.

— Мастер лодочник, — сказала Фьяметта, когда они подошли поближе, — вы не одолжите нам вашу лодку? — Тут она вспомнила, что у нее нет ни единой монеты и у мастера Бенефорте тоже.

— А? — Крестьянин обернулся, сдвинул шляпу

на затылок и тупо уставился на них.

— Мой отец заболел. Вы сами видите. Я хочу… отвезти его в монастырь Святого Иеронима к брату Марио, целителю. — Она оглянулась через плечо. — Сейчас же.

— Так мне надо рыбу выгрузить, мадонна. Может, тогда.

— Нет. Сейчас же. — Когда он недовольно насупился, она сорвала серебряную сетку с волос и протянула ему. — Возьмите. В моей сети столько жемчужин, сколько в вашей — рыб. Отдаю вам их по равному счету, и не спорьте со мной!

Удивленный рыбак взял сетку.

— Ну-у… никогда еще я не выуживал жемчуг из озера Монтефолья!

Фьяметта подавила стон и кое-как усадила мастера Бенефорте на край пристани, откуда он тяжело соскользнул в открытую лодку и с тревогой указал на узел у нее под мышкой. Она сунула ему свою ношу, и он прижал укутанную солонку к груди. Вид у него стал хуже — рот открылся от боли, ноги судорожно согнулись в коленях. Она прыгнула к нему, борясь со своими юбками. Лодка заплясала. Ошарашенный лодочник сбросил ей с пристани чалку, а потом, посмотрев на горсть жемчужин, — и свою соломенную шляпу.

Шляпа, кружась, опустилась на дно лодки. Фьяметта села, пригнулась, взяла тяжелое весло и оттолкнулась от сваи.

Из проулка вышел человек в ливрее Ферранте, увидел их и что-то крикнул через плечо. А потом побежал к пристани, держа в руке обнаженный меч.

Фьяметта крикнула, показывая рукой:

— Берегись, лодочник! Эти двое украдут твои жемчуга.

И с досады изобьют до смерти, испуганно подумала она. Злобные волки.

— Что? — Крестьянин обернулся и в панике уставился на двух брави, которые почти добежали до пристани. Он крепче сжал в кулаке свое сокровище.

Фьяметта нашла веревку, поднимавшую парус, и повисла на ней, перехватывая руками по очереди. Теплый летний ветер был слабым, но ровным, а главное — задувал с юга, относя их от берега, даже пока она возилась с парусом и не могла взяться за весло. Они отплыли от пристани на добрые сорок футов, когда два вопящих брави подбежали к ее краю.

Они грозили Фьяметте мечами, выкрикивая непристойные и свирепые угрозы, а потом повер-

нулись, чтобы разделаться с беднягой, который помог ей. Но тут крестьянин попятился, схватил длинное весло и кинулся на них, держа его наперевес, будто рыцарь — копье на турнире. Оно ударило одного машущего мечом браво прямо в центр стального нагрудника, и он с воплем слетел спиной в воду, погрузившись с головой. А крестьянин, теперь крутя весло, точно дубину, поразил второго браво в подбородок так, что треск разнесся по всему озеру. Тот попятился, потерял равновесие и рухнул в воду следом за товарищем.

К тому времени, когда они, отправив на дно озера тяжелое оружие и доспехи, чтобы такой ценой спастись от смерти, и мокрые насквозь прошлепали на берег, их победитель бесследно исчез. Теплый воздух наполнил коричневый парус маленькой лодки. Сердитые фигуры на берегу трясли кулаками, в бессильной злобе кусали пальцы и выглядели такими же крохотными и слабыми, как гномы.

Мастер Бенефорте, с величайшей тревогой следивший за ними через борт, разжал побелевшие пальцы и со вздохом вновь опустился на дно лодки. Его лицо все еще было смертельно бледным, однако дышал он чуть легче. Но все равно ему

было плохо, и мастер страдал от боли, раз не выбранил дочь за то, как она управляется с лодкой. Она почти жалела, что не слышит язвящих слов, они бы ее успокоили. Сдало ли его сердце или в такое состояние его ввергли злые чары синьора Ферранте? Или и то и другое?

— Жемчуга в этой сетке стоят куда дороже такой дырявой посудины, — сказал он затем, но словно просто делал вывод, а не сердился. — Не говоря уж о дневном улове. — Рыба, которую он подразумевал, лежала под крышкой в деревянной бочке на носу, а рядом сохли сложенные сети.

— Но не в этом случае, — упрямо возразила Фьяметта.

— Справедливо, — прошептал он. — Совершенно справедливо, — и утомленно откинулся, сдвинув головной убор так, чтобы он служил подушкой.

Фьяметта, сидя на корме рядом с кормилом, ослабила веревку так, чтобы лучше подставить парус легкому ветерку. Вокруг царили чудесный мир и тишина, нарушаемые только поскрипыванием снастей, шлепками маленьких волн да побулькиванием воды за кормой. День, предназначенный для прогулок, а не для кровавой резни.

Парус был небольшим, лодка не слишком быстрой, ветер слабым. Упрямый всадник или двое, скача по белой дороге вдоль восточного берега, вполне могли их опередить. Воды у них сколько угодно, и уж конечно, в пище они не нуждаются — ее желудок все еще был переполнен после пира. Но рано или поздно им придется пристать к берегу. Где будут ждать, мужчины с жестокими лицами… Зеленая полоса берега затуманилась — на глаза ей навернулись слезы и заструились по щекам влажными противными змейками. Она нагнула голову и утерла их рукавом. На красном бархате запеклись темные пятнышки. Кровь капитана Окса. Она ничего не могла с собой поделать и разрыдалась всерьез. И все-таки продолжала править веслом, чтобы лодка плыла прямо между двух берегов. Как ни странно, мастер Бенефорте не потребовал, чтобы она перестала распускать нюни, не то он ее выдерет, а только тихо лежал и смотрел на нее, пока она не справилась с собой.

— Что ты успела увидеть в замке, Фьяметта? — спросил он немного погодя, даже не подняв головы.

Голос у него теперь был усталым, медленным, и если не смысл, то тон вопроса ее чуть-чуть

успокоил. Дрожащим голосом она перечислила людей, слова и удары, какие запомнила.

— Хм… — Он задумчиво пожевал губами. — Сначала я подумал, что синьор Ферранте давно замыслил это коварство: убить герцога на пиру, забрать его дочь и герцогство… Но это было бы глупо, потому что дочь он уже получил, а убить мог бы тайком, выбрав подходящую минуту, если таково было его намерение. Но если, как думаешь ты, эти двое привезли такие черные вести, что герцог решил разорвать помолвку, вот тогда синьору Ферранте пришлось поспешить с исполнением своего коварного замысла. Дальнейшее докажет, насколько находчив он оказался… или наоборот. Теперь уж он должен довести дело до конца. Как печальна судьба Монтефольи! — Он вздохнул, но Фьяметта не поняла, имел он в виду герцога или герцогство.

— Но что нам делать, батюшка? Как добраться домой?

Его лицо сморщилось от страдания, смешанного со злостью.

— Мои начатые работы… драгоценности, деньги — все пропало! Мой великий Персей! О злополучный день! Если бы я из глупого тщеславия не пожелал вручить солонку прямо на

пиру, мы могли бы затаиться, и пусть власть имущие сами решают свои дела. Фортуна крутит свое смертоносное колесо, растаптывая одного герцога, вознося другого. Может, если бы Ферранте утвердился правителем Монтефольи, он бы подтвердил мои заказы. Ну а теперь… теперь он меня знает. Я обжег его. Боюсь, это было опасной ошибкой!

— Может, — с робкой надеждой сказала Фьяметта, — может, синьор Ферранте будет побежден. Вдруг его уже сразили?

— Хм. Или Монреале удастся забрать из замка маленького Асканио. Я бы не стал сбрасывать Монреале со счетов. Но в таком случае начнется усобица. Избави меня, Господи, от дел власть имущих! Но ведь только их покровительство открывает возможность для создания великих произведений. Мой бедный Персей! Венец моей жизни!

— Но Руберта и Тесео?

— Они-то сбегут. А моя статуя этого не может. — Он мрачно задумался.

— Но… если солдаты войдут в наш дом… может, они не заметят Персея, — предположила Фьяметта, напуганная тем, как волнение ухудшило его и без того плохое состояние.

— В нем семь футов, Фьяметта! Не заметить его довольно-таки трудно!

— Вовсе нет. Он же сейчас облеплен глиной и стоит во дворе глыба глыбой. А такого большого не унести. Уж конечно, солдаты будут искать золото и драгоценности, которые могут припрятать на себе.

Но вдруг они возьмут… бронзовую маску? Она маленькая, ее унести нетрудно.

— А потом поищут вина, — простонал мастер Бенефорте. — И тогда напьются. И начнут все крушить. Глина и мой гений — они так хрупки! — Казалось, он тоже вот-вот заплачет.

— Вы спасли солонку.

— Проклятое изделие! Так бы и швырнул ее в озеро. Пусть накликает беду на рыб. — Однако он этого не сделал и только крепче прижал к себе узел.

Фьяметта зачерпнула озерной воды для них обоих оловянной кружкой рыбака, которую нашла под скамьей. Мастер Бенефорте попил, зажмурился от яркого света и потер морщинистый лоб скрюченными пальцами.

— Вас беспокоит солнце, батюшка. Почему бы вам не надеть эту соломенную шляпу, чтобы защитить глаза.

Он взял шляпу, перевернул и брезгливо фыркнул: «Воняет!» Но все-таки надел, и его могучий нос укрыла тень. Он потер грудь. В ней все еще таилась боль. Глубокая, щемящая, решила Фьяметта, заметив, с каким трудом он перевернулся на бок, а потом опять на спину в поисках облегчения.

— Почему, батюшка, вы не прибегли к магии, чтобы спастись из замка? — Она вспомнила, как синьор Ферранте поднял сверкающее кольцо на сжатой в кулак руке. — Или… вы к ней прибегли?

«Будь я ученым магом, я бы попробовала спасти храброго капитана!» Но попробовала ли бы? В ту минуту она себя не помнила от ужаса и смятения. И еле-еле спаслась вопреки собственной предательской юбке.

— Магия на службе насилия губительна. — Мастер Бенефорте вздохнул. — Но я прибегал к магии, и, Господи помилуй меня, творил насилие, даже убийства. Я ведь рассказывал тебе, как отомстил капралу Баргелло за смерть моего брата. Мне тогда только двадцать исполнилось. Я был горяч и глуп, но грех я совершил великий, хотя папа и даровал мне прощение. Но с помощью магии я насилия не творил никогда. Даже

в двадцать я не был настолько глуп. И пустил в ход кинжал.

— Но кольцо синьора Ферранте? Я дважды видела, как он творил им насилие.

— Но один раз оно прожгло его и другой службы не сослужило. — Мастер Бенефорте улыбнулся в бороду, но тут же его улыбка угасла. — Это кольцо оказалось полно зла даже больше, чем я думал.

— А что такое кольцо духов, батюшка? Вы говорили, что видели такое кольцо у владетеля Флоренции, и это не было грехом.

— Кольцо духов, ныне на пальце Лоренцо Медичи, дитя, сделано мной! — с тихим вздохом признался мастер Бенефорте и с тревогой взглянул на дочь из-под полей шляпы. — Церковь запретила эти кольца, и по веской причине, но я счел, что то, как мы взялись за него, даст мне возможность создать сильный талисман, но остаться чистым. Не знаю… Видишь ли, если сохранять труп умершего без покаяния и непогребенным (что есть нарушение святого закона), то, только что отлетевши, дух остается возле тела. И если сделать все надлежащим образом, этого духа можно подчинить чьей-то воле.

— Обратить в рабство? — Фьяметта нахмурилась: это слово оставило на ее языке неприятный

привкус железа.

— Да… или… в кабалу. А во Флоренции дело обстояло так: у синьора Лоренцо был друг, который запутался в долгах, а потом смертельно заболел. И синьор Лоренцо заключил с ним договор. За службу его души в кольце после его естественной кончины Лоренцо обещал содержать его семью. И клятву эту, насколько мне известно, синьор Лоренцо свято блюдет по сей день. И еще он поклялся освободить дух покойного, когда почувствует приближение собственной смерти. Магия духов чрезвычайно сильна. Мне кажется, в том, что мы сделали, греха не было. Но реши какой-нибудь узколобый инквизитор иначе, гореть бы Лоренцо и мне спина к спине на одном костре. А потому сохрани мой рассказ в тайне, дитя. — Мастер Бенефорте добавил, вспоминая: — Тело мы спрятали в старом сухом колодце под одной из новых построек Медичи, в самом сердце Флоренции. Сила кольца уменьшается, если забрать его далеко от былого телесного приюта.

Фьяметта задрожала:

— Вы видели мертвого младенчика, когда сундучок с солью раскрылся?

— Да, видел. — Мастер Бенефорте испустил тяжкий вздох.

— Это не мог быть… малый грех.

— Да. — Губы мастера Бенефорте сурово сжались. — Ты стояла ближе. Ты не разглядела, была это девочка?

— Да. Боюсь… это была собственная мертворожденная дочь синьора Ферранте. Противно естеству…

— Мертворожденная? Или убитая? Но конечно же, только бедняки тайно придушивают нежеланных дочерей.

Мастер Бенефорте склонил голову.

— В этом секрет, видишь ли. Дух убитого… обладает особыми силами. Особой злобой. Убитый, некрещеный, непогребенный младенец… — он поежился, несмотря на жару.

— И вы все еще считаете, что в мире нет ничего совсем черного.

— М-м… — Он скорчился в лодке. — Признаюсь, — прошептал он, — я боюсь подумать, какого цвета сердце Уберто Ферранте.

— Младенец не может по своей воле отдать свой дух в кабалу. Значит, ее поработили, — сказала Фьяметта, нахмурясь. — Принудили без ее ведома.

Губы мастера Бенефорте изогнулись.

— Но это позади. Я выпустил ее из кольца. Она

унеслась в той вспышке, которую ты видела.

Фьяметта выпрямилась.

— Ах, батюшка, как хорошо! Спасибо!

Он поднял брови, сбитый с толку ее горячностью, тронутый вопреки своему обычному брюзжанию.

— Ну… не знаю, хорошо ли это обернется. Синьор Ферранте, наверное, на многое пошел, лишь бы подчинить эти силы своей воле. И ярость его будет безгранична — сразу лишиться плода стольких стараний! Ожог на пальце — ничто в сравнении с потерей такого могущества. Но ожог будет служить ему напоминанием. О да. Он меня не забудет.

— Но вы всегда хотели, чтобы вас помнили.

— Да, — вздохнул он. — Но боюсь, такая слава может оказаться слишком губительной.

День тянулся и тянулся. Под южным ветерком тяжелая лодка двигалась еле-еле, ее и пешком можно было бы обогнать, но зато ровно и непрерывно. Берег менялся: крестьянские дома, виноградники, рощи справа, осыпи, колючие кусты, каменные обрывы слева. К большому облегчению Фьяметты, мастер Бенефорте некоторое время дремал. Она молилась, чтобы, проснувшись, он почувствовал себя лучше. И правда, когда его

глаза открылись в косых лучах предвечернего солнца, он впервые сел прямо.

— Как мы плывем?

— По-моему, озеру придет конец тогда же, когда и дневному свету.

Она почти пожалела, что озеро не тянется на север без конца, но когда холмы у этой последней излучины разошлись, за ней оказалась не уходящая вдаль водная гладь, а замыкающий берег и крохотная деревушка Сеччино, примостившаяся на его краю.

— Ну, пока ветер не стихнет…

— Последний час он стал капризным, — призналась Фьяметта и снова поправила парус.

Мастер Бенефорте смотрел на бирюзовую чашу неба, изогнувшуюся между холмами.

— Будем уповать, что вечером не разразится буря. А если ветер совсем стихнет, у нас есть весла.

Она поглядела на весла с тревогой. Тщетной оказалась ее последняя надежда избежать страшного берега, пусть даже ветер и стих бы совсем, что как будто и должно было произойти. Последние полчаса они еле продвигались вперед. Поверхность озера стала совершенно шелковой, и пошлепывание в борта маленьких поднятых ветром волн совсем стихло. До деревни оста-

валась еще миля. Фьяметта наконец сдалась и опустила парус.

Она вставила тяжелые весла в уключины и хотела пересесть на среднюю скамью, но мастер Бенефорте сердито фыркнул.

— Пусти-ка! — сказал он. — Твои детские ручонки и до ночи туда не догребут.

Он прогнал ее со скамьи взмахом руки и сел на весла. Крякнув, он погнал лодку вперед сильными гребками, всплескивая воду и оставляя крутящиеся воронки на зеркальной поверхности. Но минуты через две он опустил весла, и его лицо вновь стало серым даже в оранжевых отблесках заката. Он отдал ей весла без возражений и некоторое время сидел молча.

Уже смеркалось, когда Фьяметта наконец уткнула нос лодки в галечный пляж. Ковыляя на затекших ногах, они выбрались из лодки и втащили ее еще повыше на берег. Мастер Бенефорте бросил чалку на хрустевшую под ногами гальку.

— Мы останемся тут на ночь? — с тревогой спросила Фьяметта.

— Нет, если мне удастся раздобыть лошадей, — сказал мастер Бенефорте. — Тут не спрятаться. Я вздохну свободнее, только когда мы переберемся через границу. Укроемся где-нибудь, где синьору

Ферранте до нас не дотянуться, и тогда подумаем, что делать дальше.

— А мы… когда-нибудь вернемся домой?

Он поглядел на юг над темнеющей водой озера.

— Мое сердце осталось у меня во дворе в Монтефолье, спрятанное под глиной. Клянусь Господом и всеми святыми, я не могу долго оставаться в разлуке с моим сердцем.

На протяжении следующего часа им пришлось убедиться, что рыбаки — не большие любители лошадей. Лодкам ведь не требуются дорогое сено и ячмень. Один покачивающий головой хозяин хижины отсылал их к другому с радушием, которое заметно убывало по мере того, как сгущался мрак. Под конец Фьяметта и ее отец оказались в сарае на самом конце деревни, где стоял жирный белый одер с разбитыми коленями, седой мордой в жесткой щетине и самого почтенного возраста.

— А вы уверены, что нам не придется тащить его на себе? — уныло спросил владельца мерина мастер Бенефорте. Фьяметта поглаживала бархатистую морду и слушала. У нее никогда прежде не было лошади.

Хозяин принялся подробно описывать силу и многочисленные достоинства своего коняги,

добавив, что он ему просто сын родной.

— Дедушка, — проворчал в бороду мастер Бенефорте. Но после дальнейших переговоров сделка была заключена: драгоценный камень и лодка за мерина. Мастер Бенефорте выковырял алмаз из рукоятки кинжала под подозрительным взглядом продавца. Но резко возразил, когда тот потребовал еще алмаз за седло. Слово за слово — и сделка чуть было не оказалась расторгнутой.

Тем не менее владелец мерина предложил им хлеба, сыра и вина. Мастер Бенефорте ответил, что не хочет есть, но немного вина они с Фьяметтой выпили. А сыр и хлеб завернули на дорогу.

Восходящая луна как раз выплыла из-под восточной гряды холмов, когда крестьянин наконец подсадил Фьяметту позади ее отца на широкую теплую лошадиную спину. Прогнутость крупа оказалась удобным седлом. Ночь была ясной, и луна, хотя и шла на ущерб, светила достаточно ярко, чтобы можно было видеть дорогу перед собой. А быстрота, на которую был способен их скакун, делала ее вполне безопасной. Мастер Бенефорте усмехнулся, ударил каблуками по жирным бокам мерина, и тот затрусил вперед. Когда деревушка осталась позади, мерина такая перемена в его жизни, видимо, подбодрила, и

он… сказать перешел на быструю рысь было бы, пожалуй, слишком сильно. Но, во всяком случае, на вполне пристойную рысцу.

Крепкое красное вино вдобавок ко всем ужасам и тяготам этого дня заставило глаза Фьяметты сомкнуться. Она прислонила голову к отцовской спине и задремала, убаюкиваемая мерным покачиванием и ровным перестуком лошадиных копыт. Бывший хозяин мерина убедительно предостерегал их против демонов, бродящих вокруг по ночам. Но после событий дня демоны казались Фьяметте куда безобиднее людей. И темнота ее совсем не страшила при условии, что люди в ней не бродят.

Внезапный рывок белой лошади разбудил Фьяметту. В ушах у нее шумела кровь. Ее отец бил мерина, стараясь заставить его бежать быстрее. И нет — дробные звуки рождались не у нее в голове, а врывались в ее уши извне. Конский топот на дороге позади них. Ее подбрасывало, она соскальзывала и потому обхватила мастера Бенефорте обеими руками вокруг пояса, а затем, принудив свою раскалывающуюся от боли голову обернуться, посмотрела через плечо.

— Сколько их? — спросил мастер Бенефорте напряженным голосом.

— Я… я толком не вижу. — Всадники, да, темные силуэты на дороге позади, холодный блеск металла. — Но больше двух. Четверо.

— Мне бы купить черную лошадь! Эта проклятая животина сияет точно луна, — простонал мастер Бенефорте. — А укрытия тут и плевка шлюхи не стоят! — Тем не менее он повернул мерина на купающийся в серебристом тумане луг, к рощице молодых деревьев.

Но было поздно. Позади них раздался крик, послышались ругательства и улюлюканье — преследователи увидели их и погнали своих коней быстрым галопом.

На полпути через луг мастер Бенефорте натянул поводья так, что завернул морду мерина назад, и выхватил кинжал.

— Слезай и беги к деревьям, Фьяметта.

— Батюшка, нет!

— Помочь ты не можешь, только помешать. Мне нужно сосредоточиться. Беги, черт побери!

Фьяметта возмущенно фыркнула, но тут же соскользнула с крупа, удержалась на ногах и попятилась. На луг выскочили четыре темных всадника и развернулись веером, готовясь к стремительному нападению с трех сторон. Впрочем, не такому уж стремительному: их лошади,

подчиняясь натянутым поводьям, перешли на медленную рысь, словно приближение в темноте к мастеру-магу гасило охоту наброситься на него. «Они же не знают, как он болен!» — подумала Фьяметта.

Главарь указал на нее и отдал команду одному из своих подчиненных, и тот сразу же повернул в ее сторону с куда более убедительным рвением. Фьяметта подобрала юбки и помчалась к роще. Деревья росли густо — если она успеет добежать туда, верхом ему между ветками не пробраться. А если нет… Бросив панический взгляд через плечо, она увидела, что остальные трое приближаются к мастеру Бенефорте, а он ждет их, подняв кинжал. Драматичность момента несколько портил белый мерин, который пытался опустить голову и начать щипать траву.

— Свиньи! — донесся до нее голос мастера Бенефорте. — Грязь! Подъезжайте и будете зарезаны, как режут свиней вроде вас!

Мастер Бенефорте часто говаривал, что лучшая защита — это нападение, потому что почти все люди в сердце своем трусы. Но тяжелое дыхание лишило его слова необходимой грозности.

Однако человек, посланный за Фьяметтой, ее, совершенно очевидно, ничуть не боялся. Она

нырнула в хлещущие ветки, опередив его лишь на несколько шагов. Он натянул поводья так, что его лошадь вздыбилась, и спешился. Он даже меча не обнажил. Сапоги у него были тяжелые, а ноги длинные. Она петляла между стволами, спотыкаясь в легких туфельках о неровности почвы. Он надвигался, в рывке схватил ее за юбку и опрокинул ничком. Она больно ударилась подбородком, выплюнула землю. Тут он навалился на нее, вдавливая в траву. Она извернулась, готовая вцепиться ему в глаза. Он запыхался, но хохотал: в темноте блестели его зубы и белки. Он сжал ее запястья одной рукой. У нее жгло легкие, не хватало дыхания, чтобы закричать. Она попыталась укусить его за нос. Он еле успел отдернуть голову и грязно выругался.

Одной рукой, не торопясь, он принялся снимать с нее украшения. Серебряные серьги и ожерелье, не очень дорогие, если не считать чудесной работы, он сунул за пазуху. К счастью, проволочки поддались, прежде чем порвали мочки ее ушей, но боль все равно была жгучей. Ему пришлось лечь ей поперек груди и использовать обе руки, чтобы отогнуть ее большой палец и сдернуть львиное кольцо. Она пыталась ударить его ногами, но не доставала. Он подставил кольцо под луч

луны, буркнул «ха!», обрадованный его тяжестью, а затем небрежно положил на землю, приподнялся на ладонях и оглядел ее тело. В пятне лунного света среди теней листвы блестели грани зеленых глаз серебряной змеи.

— Ого! — воскликнул он, ухватил свободной рукой пояс и дернул. Но пояс не поддался. Он снова дернул, сильнее, так что приподнял бедра Фьяметты. Его рука выпустила пояс, скользнула вниз и больно ущипнула ее сквозь толстый бархат.

Глаза змеи зажглись красным огнем. Серебряная головка приподнялась, качнулась из стороны в сторону, изогнулась, широко разинулся рот, и два серебряных клыка глубоко вонзились в шарящую руку.

Насильник завопил, как приговоренный к смерти, — пронзительный, нелепо высокий вопль для такой могучей груди. Он прижал руку к плечу и скатился с Фьяметты, сжался в комок, не переставая вопить. Теперь уже слова.

— О Господи, я горю! Я горю! Черная колдунья! О Господи, я горю!

Фьяметта, выпрямившись, сидела на прелых листьях. Он катался по земле как одержимый, спина его судорожно выгибалась. Фьяметта пошарила вокруг себя, нащупала львиное кольцо,

надела его на большой палец, вскочила и побежала, продираясь сквозь весенние кусты.

Конечно, они решат, что она постарается убежать отсюда подальше. А потому она сделала круг и вернулась к опушке. Там, проломив кусты, лежал ствол старого бука с вывороченными корнями. Она вытянулась в его тени и замерла на лесном мусоре настолько неподвижно и беззвучно, насколько позволяли ее тяжело вздымающаяся грудь и прерывистое дыхание.

Она слышала, как перекликаются нападавшие, но мастер Бенефорте безмолвствовал. Жертва змеиного укуса, все еще вопя, наконец добрел до своих товарищей, и его безобразные стенания поутихли. Нестройный хор их хриплых грубых голосов звучал по-прежнему в отдалении от нее.

Медленно Фьяметта справилась с дыханием. Потом послышался удаляющийся лошадиный топот. Но все ли они уехали или кого-то оставили? Она ждала, напрягая слух, но только шуршали ветки, пищали комары, и где-то раздалась соловьиная трель. Луна, уже в зените, сплетала тени листьев в парчовый узор.

Настороженно вглядываясь в полумрак широко открытыми глазами, Фьяметта тихонько вышла на край луга. Никакой браво не выскочил

из засады. Она увидела только белую лошадь на середине луга, опустившую голову в молочный туман. Она услышала, как на зубах мерина хрустит сочная луговая трава, и начала красться по росистому холодному ковру.

Неподалеку от мерина она увидела труп отца. Он лежал, изогнувшись, на спине, посеребренная борода торчала вверх, открытые глаза мутнели в лунном свете. Лозимонские брави забрали его солонку, плащ, золотую цепь, украшенный драгоценными камнями кинжал и ножны, а также перстни, но она другого и не ждала. Забрали они и его тунику, шляпу и башмаки, оставив ему только разорванную льняную рубашку и черные чулки-трико, наполовину расшнурованные. Вид был тягостно непристойный. Словно старика застигла смерть, когда он собирался одеться.

Она боязливо ощупала его, ища колотые раны. Но их не было. Она прижала ухо к уже покрывшейся росой груди. Но что можно услышать, когда сердце разорвалось? И кто услышит ее сердце, если оно разорвется сейчас.

Видимо, его сразил недуг, прежде чем он успел нанести хотя бы один удар, защищаясь. Быть может, это усилие оказалось для него роковым. Ей казалось, что день этот лишил ее способности

чувствовать, но выяснилось, что она еще может плакать. Только ее глаза плакали словно без ее участия, словно она разделилась пополам. Другая ее половина спокойно оттащила неподвижное тело к краю овражка, по которому во время дождя с луга стекала вода. Она ухватила мерина за поводья — лозимонцы, видимо, побрезговали старым одром, — отвела его туда, поставила в самом низком месте и взгромоздила мастера Бенефорте поперек покачивающейся спины. Покинутую оболочку мастера Бенефорте. Где бы ни пребывал сейчас ее отец, здесь его не было.

Белые волосатые уши мерина подергивались, его как будто смущала необычная поклажа. Руки ее отца болтались над землей, его волосы свисали вниз, прямые и какие-то непривычные. Она, чтобы вести лошадь, встала с другой стороны, придерживая ногу пустой оболочки, уравновешивая ее. Все еще плача и испытывая непонятное спокойствие, она вывела лошадь на дорогу и пошла на север.

Глава 5

От зимы до лета было всего два дня пути, удовлетворенно заметил про себя Тейр. Он похлопал по плечу крупного бурого мула, которого вел во вьючном караване караванщика Пико. Накануне утром они миновали снежные высоты Монтефольского перевала — голые скалы, коварный лед, кусающийся царапающий ветер. Нынче вечером они двигались по обсаженной тополями дороге, радуясь зеленой сени, укрывавшей их от пылающего солнца, заходящего за волнистую гряду холмов. Он пошевелил пальцами: ноги у него были теплыми.

Длинные пушистые уши мула, свисавшие по сторонам морды, вдруг чутко насторожились, и он ускорил усталый шаг. Впереди Пико остановился, снял жерди, перегораживавшие ворота пастбища, и впустил туда караван. Судя по тому, как они повеселели, всем восьми мулам место это было хорошо знакомо, но Тейру тут все было в новинку.

— Ведите их до рощи, — крикнул Пико через плечо двум своим сыновьям и Тейру, указывая

на купу деревьев в глубине пастбища. — Там и устроимся на ночлег. Снимем с них вьюки и пустим пастись.

Мул пытался подтолкнуть Тейра к сочной траве на бережках ручья, но Тейр послушно увел его в рощу и привязал к дереву.

— Тебе же будет вольготнее без вьюка, — утешил он его. — Сможешь покататься по траве.

Мул подергал длинными ушами, словно возражая, вздернул кремовую морду и шумно фыркнул. Тейр ухмыльнулся.

Он снял тяжелый вьюк — слитки меди и шкуры, а потом вьюк со второго мула, который следовал за первым на веревке, и пустил обоих пастись. Мулы тяжело зарысили к ручью, радостно взвизгивая. Старый белый одер с вогнутой спиной, одиноко бродивший по пастбищу, поглядывал на это вторжение с интересом, по и с подозрительностью. Выражение его длинной седой морды напомнило Тейру лицо ученого монаха, старого брата Гларуса, когда тот оглядывал компанию новых шумных учеников.

Тейр повернулся помочь Зильо, младшему сыну Пико, с тяжелыми вьюками двух его мулов — казалось, вьюки вот-вот его раздавят. Зильо благодарно улыбнулся и прямо-таки затанцевал,

точно мул, с которого сняли узду.

Пико, его сыновья и Тейр составили вьюки вместе, а сверху положили яркие полосатые попоны изнанкой кверху, чтобы просушить и проветрить. Мальчики принялись распаковывать скудные принадлежности для устройства ночлега, а Пико уже разводил огонь на старом кострище, благо рядом лежала куча хвороста. Тейр с интересом оглядывался по сторонам. По ту сторону дороги тянулся длинный оштукатуренный дом в два этажа со службами позади него во дворе. Штукатурка была розоватой, как и высокая оштукатуренная стена, опоясывающая все строения и дом. Верх стены щетинился вцементированными в него ржавыми гвоздями и битым стеклом, однако широкие деревянные ворота были гостеприимно распахнуты.

— Если хочешь, можешь переночевать на постоялом дворе, — сказал Пико, проследив взгляд Тейра и кивнув на дом, — коли устал спать на земле. У Катти, хозяина, постели хорошие. Но запомни одно: он великий сквалыжник и за свои простыни семь шкур сдерет. Правду сказать, погонщикам мулов он предпочитает прелатов — если сумеет их заполучить.

— Спать вы там будете?

— Нет, я всегда остаюсь с моими мулами и моим грузом, разве что дождь льет или там метель. Он и так с меня много берет за пастбище и хворост. Ну да место хорошее, трава отличная, и мулам тут нравится. А если отправишься пораньше, так летом я успеваю добраться домой в Монтефолью еще засветло. А в те вечера, когда костер дождь заливает, жена Катти всегда хорошим ужином накормит. Ветчина у нее — прямо редкостная. Да, чуть не забыл, я обещал привезти окорок соседу, который за моим домом присматривает, пока меня нет. Напомни, когда я пойду туда расплатиться.

Тейр кивнул, вытащил из сумки обмылок и пошел к ручью умыться. Вода была ледяной, но освежающей, а вечерний воздух — таким теплым, что он не удержался от соблазна, вымыл волосы, а потом вымылся до пояса, а потом (гораздо быстрее) еще ниже. Тич, старший сын Пико, долговязый пятнадцатилетний юнец, с интересом следил за ним. Потом стянул сапог, попробовал ногой воду и взвыл — таким холодом его обожгло.

— Водичка в самый раз, — мягко сказал Тейр.

Тич прыгал на одной ноге, стряхивая капли.

— Горец полоумный! — крикнул он, тыча мок-

рой ступней в сапог.

— В руднике вода куда холоднее.

— В таком случае избави меня Господи от рудника! — истово воскликнул Тич. — Мне подавай пути-дороги. Вот это жизнь! — И он раскинул руки, словно обнимая сгущающиеся вечерние сумерки, будто все вокруг до горизонта принадлежало ему. — Ты бы лучше с нами остался, Тейр, чем корпеть взаперти в темной душной мастерской.

Тейр с улыбкой покачал головой:

— Все дело в металле, Тич. Сотни людей трудятся, чтобы медь, которую мы везем, попала в руки мастера, а кому честь? Ему, кому же еще. А потом… — Тейр замялся, не решаясь открыть свою мечту, которая вряд ли нашла бы сочувствие. «Я хочу научиться делать замечательные и прекрасные вещи». — А потом, темнее и душнее, чем в руднике, там не будет.

— Ну да, конечно, кто к чему привык, — согласился Тич, по доброте сердечной избегая спора.

К ним неторопливо подошел Пико и востребовал энергию Тича для других целей:

— Пошевеливайся, малый. Почисти-ка мулов.

Тейр натянул пропыленную шерстяную тунику и чулки. С ними придется потерпеть до Мон-

тефольи, а там подыскать прачку. Может, она согласится, чтобы он в уплату поработал — наколол дров или еще что-нибудь. Сопровождая Пико, Тейр еще не израсходовал ни единой монеты из своего скудного запаса и надеялся растянуть их подольше, чтобы не слишком зависеть от щедрости своего брата Ури.

Он предложил обмылок Пико, а Тич вступил в перепалку со своим десятилетним братом Зильо, пытаясь разделить с ним работу. Зильо горячо возражал против этого плана. Но тут голоса мальчишек затихли в отдалении, потому что он и Пико уже перешли через дорогу, направляясь к постоялому двору. Солнце у них за спиной уже касалось гряды, и их тени ложились далеко вперед перед ними. Тейр ускорил шаг. Розовый дом словно притягивал его, суля какую-то неясную радость. Просто ему очень хочется пить, решил Тейр.

Он вошел следом за Пико, который уже громко призывал Катти. Большая выбеленная комната была уставлена столами на козлах и скамьями. В очаге тлела ровная горка углей, готовых воспламенить поленья из аккуратного штабелька рядом, когда в свои права вступит ночная прохлада. У стены на козлах многообещающе

выстроились бочонки с кранами.

Из заднего помещения, вытирая руки грязным льняным полотенцем, вышел мастер Катти: поседевшие волосы, брюшко — более дань возраста, чем обжорства. Он быстро семенил на коротких ногах.

— А, Пико! — дружески приветствовал он гостя. — Я видел, как ты свернул на луг. Знаешь, что приключилось в Монтефолье? — Его улыбка была дружеской, но в глазах пряталась озабоченность.

Пико оторвал взгляд от бочонков, настораживаясь: слишком тихо было это сказано.

— Нет. А что?

— Четыре дня назад герцога Сандрино убили на пиру.

— Что! Да как же это? — У Пико отвисла челюсть. Приятное тепло в животе Тейра исчезло. Туда словно сунули кусок льда.

Катти покачивался на каблуках, мрачно смакуя эффект, который произвела его новость.

— Говорят, у него вышла ссора с синьором Лозимо на пиру в честь помолвки его дочери Джулии. Были обнажены кинжалы… и последовало обычное. Страшная резня, как я наслышался от тех, кто ехал оттуда. Отряд синьора Ферранте захватил Монтефолью. Во всяком случае, пока.

— Боже ты мой! И они разграбили город? — спросил Пико.

— Не слишком. У них все еще хватает забот с…

— Мой брат служит в гвардии герцога! — в ужасе перебил Тейр.

— А? — Катти поднял брови. — Ну так он потерял службу, вот что я думаю. — И добавил помягче: — Говорят, части гвардейцев удалось бежать с маленьким синьором Асканио и своими ранеными и укрыться за стенами монастыря Святого Иеронима вместе с аббатом Монреале.

А части, следовательно, не удалось. Но Тейр легко представил себе, как Ури защищает маленького синьора, увозит его в надежные монастырские стены. И конечно, ворота закрылись за ним последним.

— Солдаты Ферранте маршируют перед монастырем и угрожают, но пока не осмеливаются напасть на монахов. Пока. Ферранте держит герцогиню и мадонну Джулию заложницами и послал в Лозимо за новыми подкреплениями с распоряжением поторопиться.

Пико присвистнул.

— Скверное дело!.. Ну да я-то живу в стороне от города, и особо у меня поживиться нечем. Благодарение Пресвятой Деве, на этот раз я взял

Зильо с собой, а не оставил у соседа, как часто делал. Пожалуй, мне лучше будет подождать денек-другой у тебя, Катти, если позволишь попользоваться твоим лугом, пока не придут вести, как там и что.

— А по-моему, ты за свой металл можешь взять хорошую цену что с той, что с другой стороны, — возразил Катти. — Им ведь требуются доспехи, оружие, бронза для пушек…

— Куда вернее, что у меня его отберет та или другая сторона, — буркнул Пико. — Нет. Разумнее будет направиться через предгорья в Милан. Хотя за время пути мулы съедят добрую часть прибыли. — Он взглянул на Тейра. — Ты волен отправиться в Монтефолью, если хочешь, Тейр. Узнать про своего брата. Хоть мне и жаль лишиться твоей крепкой спины.

— Сам не знаю… — Тейра сковали сомнения и тревога.

— Переночуй, — предложил Катти. — Решишь утром.

— Да, так лучше будет, — согласился Пико. — А тогда, глядишь, узнаем что-нибудь повеселее. — Он похлопал Тейра по плечу с неуклюжим сочувствием.

Тейр кивнул с благодарностью, против воли

соглашаясь.

— А окорок тебе еще требуется? — напомнил он.

— Пожалуй, что нет… Вот что, Катти, если у твоей хозяйки есть ее большие копченые колбасы, я бы взял одну. Поджарим ломти нынче на ужин, а остального хватит до Милана.

— Вроде бы еще остались после последней свиньи. Висят в коптильне, но…

— Вот и хорошо. Тейр, выбери для нас одну, ладно? А мне надо сообщить моим ребятишкам дурные вести. — Хмурясь, Пико вышел и пересек дорогу.

Катти пожал плечами и повел Тейра через дом на задний двор. Тейр сразу распознал коптильню в сараюшке по ароматной сизой дымке, которая просачивалась между стрехами и соблазнительно повисала в неподвижном вечернем воздухе… Следом за Катти Тейр нырнул в дымную полутьму. Катти нагнулся и бросил пару мокрых яблоневых полешек на угли в яме посреди земляного пола. От новой волны душистого дыма у Тейра защекотало в носу, и он чихнул.

— Осталось четыре. — Катти встал на цыпочки и ткнул в один из бурых, завернутых в реднину цилиндров, которые свисали с закопченной бал-

ки. Тот закачался. — Выбирай любую.

Тейр взглянул вверх и как завороженный уставился на то, что лежало в полутьме на балках. Поперек них была уравновешена доска. А на доске покоился нагой труп седобородого мужчины, завернутый точно в саван в ту же реднину, что и колбасы. Кожа трупа сморщилась и задубела от дыма.

— Пико верно говорил, — заметил Тейр после мгновения ошеломленного молчания. — Твоя жена и правда коптит редкостную ветчину.

Катти проследил направление его взгляда.

— Этот-то? — буркнул он с отвращением. — Я как раз хотел рассказать Пико. Беглец из Монтефольи. Да только ему не повезло. И ни единой монетки, когда дело дошло до уплаты.

— А ты часто так разделываешься с постояльцами за неуплату? — осведомился Тейр изумленно. — Предупрежу Пико, чтобы он расплатился не мешкая.

— Да нет же, он сюда уже мертвым попал, — раздраженно воскликнул Катти. — Три дня назад. А священник в отъезде. А из соседей никто не согласится, чтобы мертвяка, неотпетого колдуна, похоронили в их земле. Как я и сам, сказать по чести. А чертова девка не платит. Вот он и

полеживает тут и будет лежать, пока за него не заплатят. Так я жене и сказал. И пусть со злости убирается к своей сестрице, коли хочет, но я не позволю, чтобы меня надула служанка сдохшего флорентийца! — Катти скрестил руки на груди, подчеркивая свою решимость.

— Почтенный хозяин, по-моему, ест и пьет он мало. Так сколько вы хотите взять с него за дым?

— Да, но видел бы ты, сколько жрет мерин, на котором он приехал! — простонал Катти. — На крайний случай я заберу конягу. Только я бы лучше взял в залог кольцо. Кольцо-то копыт не откинет, а от этого одра всего ждать можно.

Он нетерпеливо отмахнулся от клуба дыма, сдернул колбасу с крюка и махнул Тейру, чтобы он вышел из коптильни первым.

— Видишь ли, — продолжал Катти, набрав в легкие побольше воздуха, — утром три дня назад эта полуэфиопка в грязном бархате привезла его, перекинув через спину белого одра, которого ты, думается, видел на пастбище. Она сказала, что им удалось спастись от резни в Монтефолье, а потом их ограбили, а его убили люди синьора Ферранте, которые нагнали их за Сеччино. Да только убит он не был — у него на теле нет ни единой раны, а ее не ограбили — у нее же на большом пальце

золотой перстень, его бы не проглядел и слепой бандит. Я сразу заподозрил, что не все чисто, но она словно бы очень горевала, а у моей хозяйки ум за разум заходит, ну она и приняла ее, позволила привести себя в порядок и успокоиться. А я чем больше раздумывал, тем сильнее становились мои подозрения.

Чтобы одурачить старого Катти, надо встать ни свет ни заря. Она заявила, что старик был флорентийским магом, а ей приходится отцом. Про флорентийца я верю, только думаю, что она-то была его рабыней. Его по дороге хватил удар, а может, сгубила черная магия. А она забрала все его вещи, припрятала их, вывалялась в грязи, растрепала волосы, да и заявилась сюда со своей сказочкой, задумав подбросить его мне, а сама бы кружным путем вернулась за его сокровищем. И есть доказательство: перстень-то мужской! Небось сняла с пальца своего господина. Ну, я разгадал ее замысел и обличил ее.

— И что дальше? — спросил Тейр.

— Она стала визжать как припадочная и не отдала краденый перстень. Кричала, что будь ее отец жив, он бы превратил меня в клопа в собственной моей постели. Ну, ей-то, думается, пиво в мочу не превратить. Заперлась в лучшей моей

комнате, сыплет на меня проклятиями сквозь дверь, грозит поджечь мой дом и не желает выйти! Сам посуди, это ли не доказательство? А она одержимая, верно?

— Прямо кажется, что она боится, как бы ее не ограбили еще раз, — пробормотал Тейр.

— Совсем ополоумела. — Катти нахмурился, затем смерил Тейра угрюмым взглядом, и в его глазах засветился слабый огонек надежды. — Знаешь, парень ты рослый, крепкий. Получишь кувшин пива, если вытащишь ее из моей лучшей комнаты, ничего там не сломав и не разбив. Что скажешь?

— А почему ты сам ее не выгонишь? — Светлые брови Тейра поднялись.

Катти пробурчал что-то о «старых костях» и «бешеной кошке». Тейр подумал, что, может, Катти так и видит себя клопом. Но в силах ли маг превратить человека в насекомое? А если да, то будет это насекомое величиной с человека или крохотное? Ну, он подумывал, не потратиться ли ему на пиво, чтобы вечером было чем запивать жареную колбасу. Из залы доносилось заманчивое благоухание, исходившее от бочонков.

— Попробовать можно, — осторожно согласился Тейр.

— Вот и хорошо! — Катти встал на цыпочки и похлопал его по плечу. — Идем, я тебя провожу. — И он повел Тейра в дом.

На втором этаже Катти показал на закрытую дверь и шепнул: «Тут!»

— А как она ее заперла?

— Там есть засов, но не слишком крепкий. Так она чем-то подперла дверь. Думается, придвинула к ней кровать.

Тейр оглядел деревянную дверь. Снизу донесся мужской голос:

— Катти! Эй, Катти! Ты что, уснул там? Спускайся-ка и налей мне пивка, не то я сам себя угощу.

Катти в отчаянии заломил руки.

— Ты уж постарайся! — подбодрил он Тейра и поспешил вниз.

Тейр еще минуту смотрел на дверь. Странное неясное томление, которое он раньше принял за жажду, теперь стало сильнее, жгло и сводило его внутренности. Во рту у него пересохло. Пожав плечами, он подошел к двери, навалился на нее боком, уперся ногами в пол. Дверь не шелохнулась, он нажал сильнее. Изнутри донесся зловещий треск. Тейр замер. Неужто он лишился обещанного пива? Он снова нажал и продолжал нажимать под скрип дерева о дере-

во, напомнивший ему стоны ворота в руднике. Дверь приоткрылась, он всунул в щель голову и заморгал.

Чугунные болты вырвались из скобы засова, и он торчал, ничего не запирая. Кровать с четырьмя столбиками, поддерживавшими полог, отодвинулась под напором дубовой двери. И в двух шагах от него стояла очень смуглая девушка в красном платье с длинными льняными нижними рукавами. В высоко поднятых руках она держала тяжелый, расписанный цветочками ночной горшок из обожженной глины. Под глиняной крышкой грозно плескалось его содержимое.

У Тейра перехватило дыхание. Он никогда еще не видел ничего подобного. Полуночно-черные волосы, клубящиеся, как грозовая туча. Кожа, точно поджаренный хлеб, дышащая жаром средиземноморского полудня. Миниатюрная, стройная, хотя и округлая, где требуется, фигура напомнила ему вырезанных из орехового дерева ангелов в руинвальдской приходской церкви. Сверкающие глаза теплого карего цвета — цвета палочек корицы, которыми так дорожила его мать. Она выглядела… она вся выглядела удивительно теплой. А она отпрянула, яростно глядя на него.

Так не годится! Он протиснулся в дверную щель так, что кровать отъехала с новым отчаянным скрипом, а он прижал ладонь к ладони, надеясь, что жест этот выглядит мирным. Его руки показались ему такими же огромными, как головки сыра, и такими же нескладными. Он сглотнул и наконец вспомнил, что следует выдохнуть.

— Привет вам. — Он вежливо наклонил голову в ее сторону и откашлялся.

Она отступила еще на шаг. Руки с ночным горшком чуть опустились.

— Вам не следует здесь оставаться. То есть надолго, — сказал Тейр. Ее руки дрожали. — Этот сквалыга-хозяин не приносил вам никакой еды?

— Да… то есть со вчерашнего утра, когда ушла его жена, — ответила она, запинаясь и не спуская с него настороженных глаз. — У меня была бутыль вина, и я растягивала ее как могла, но уже все выпила.

Она не спускала с него взгляда, словно он был каким-то чудовищем. Но не такой же он все-таки великан. Он чуть-чуть согнул колени, сгорбил плечи и тщетно попытался съежиться. А впрочем, как ему и выглядеть в тесной комнатушке? Другое дело в зале или под открытым небом.

Тут его глаза приковало кольцо на ее большом

пальце, всунутом в ручку горшка. Львиная маска с красным камнем в пасти, казалось, пылала жаром Сахары и притягивала его точно огонь. Он кивнул на кольцо:

— Катти хочет присвоить вот этот перстень?

Она улыбнулась с горечью:

— Хочет-то хочет, да не может. Он два раза пытался, но даже ухватиться за него не сумел. Носить это кольцо дано только одному мужчине. Я докажу это. — Она тряхнула буйной гривой кудрявых волос и поставила горшок на пол. — Я собиралась разбить его о голову Катти, но до твоей мне не дотянуться. — Она поморщилась и оттолкнула горшок ногой, сдернула кольцо с пальца и с угрюмым торжеством протянула ему. — Вот попробуй надень и увидишь, что у тебя ничего не получится.

Кольцо засияло у него на ладони. А когда он зажал его в кулаке, оно показалось ему живым бьющимся сердцем. Сам не зная как, он надел его на безымянный палец левой руки и поднял, подставляя под последний солнечный луч — золотую полоску света, которая пробилась в щель ставней и яркой чертой легла на стену. Крохотная львиная грива замерцала поющими волнами, маленький камень вспыхнул огнем. Тейр повернул

руку, и красные отблески затанцевали на стене точно хоровод фей. Он отвел взгляд и увидел, что смуглая девушка смотрит на него с выражением глубочайшего ужаса, совсем исказившего нежные черты ее прекрасного лица.

— Э… простите, — извинился он, сам не зная за что. — Вы же сами велели, чтобы я его надел. Вот, возьмите! — Он дернул, но кольцо уперлось в складочки кожи на суставе.

— Погонщик мулов? — прошептала она. — Мое кольцо привело ко мне вонючего погонщика мулов? Глупого немецкого верзилу?

— Швейцарского, — поправил Тейр, все еще дергая кольцо.

Глупый швейцарский верзила — верно. Наверное, она углядела его в окно, когда они заводили мулов Пико на пастбище. Он стал таким же красным, как камешек в львиной пасти. Его сустав побагровел, побелел и начал пухнуть.

— Вы уж простите, оно застряло. — Он начал в смущении крутить кольцо, но стянуть с пальца все равно не смог. — Может, если намылить… У меня во вьюке есть кусочек мыла. Можете пойти со мной. Я не собираюсь красть ваше кольцо, мадонна. Я направлялся в Монтефолью. Мой брат устроил меня подмастерьем золотых дел мастера,

или собирался, но теперь не знаю, что будет. Мой брат Ури — капитан в гвардии герцога, понимаете? И я не знаю… я боюсь… я не знаю, жив он или мертв… — Он стал дергать и крутить кольцо еще отчаяннее, потому что ее окаменевшее было лицо вдруг залили слезы, но ничего не получалось. Кольцо безнадежно застряло. — Простите! Не могу ли я… не могу ли я помочь, мадонна? — Он протянул к ней ладони, предлагая… но что он мог предложить? Ну во всяком случае, свои руки.

К его ужасу, она опустилась на пол, пряча лицо в ладонях, и зарыдала. Он неловко сел рядом с ней.

— Я сниму кольцо… Как-нибудь сумею. Пусть даже придется палец отрубить, — в отчаянии пробормотал он.

Она безнадежно покачала головой и проговорила, всхлипывая:

— Дело не в нем. Но все, все это…

Тейр помолчал, а потом сказал очень мягко:

— Это же правда ваш отец в коптильне? Мне так жаль. Здешний хозяин просто чудовище, боюсь, что так. Я проломлю ему голову, если хотите.

— О… — Она опустила руки на пол и устало оперлась на них. Некоторое время рассматривала их, потом подняла глаза на Тейра и вгляделась

в его лицо. — Ты не очень похож на Ури. Вот не думала, что его младший брат настолько выше его и шире в плечах. И ты такой светловолосый, такой бледный в сравнении с ним!

— Я почти всю зиму работал в руднике и совсем не видел солнца. — Наверное, ей он кажется противнее белого червя, вывороченного вместе с камнем… Его мысль оборвалась, заметалась. — Вы знаете моего брата Ури? — Он добавил с еще большей настойчивостью: — Вам известно, что с ним произошло?

Она выпрямилась и протянула ему руку с грустной иронией:

— Привет тебе, Тейр Окс. Я Фьяметта Бенефорте. Просперо Бенефорте мой отец. Ты прибыл как раз вовремя, чтобы стать подмастерьем прокопченного трупа. — Ее губы сжались, подавляя гневное рыдание.

— В письме Ури не было ничего про дочь, — растерянно брякнул Тейр и стремительно схватил ее за руку, чтобы она не успела ее отдернуть. — Он всегда пишет слишком уж коротко, говорит матушка.

— Когда я в последний раз видела капитана Окса, — ее голос стал тише, — ему пронзили грудь мечом. Он защищал маленького синьора Аска-

нио от кровожадных прислужников Ферранте. Не знаю, жив он, или умер, или вместе с другими ранеными ему удалось добраться до целителей в монастыре Святого Иеронима. Но рана была не из легких. — Она высвободила руку из его пальцев и начала пощипывать смятый бархат юбки, сбившейся комом на коленях. — Сожалею, что не могу сказать ничего утешительного или более нового. Мы с отцом бежали, спасая свои жизни, или, вернее, попытались их спасти.

— Что произошло? — В животе у него стыл лед, лед, лед.

Короткими отрывочными фразами она рассказала о страшном кошмаре последних четырех дней. Тейр вспомнил горе и ощущение неизбывной утраты, которые пережил, когда его отец погиб в руднике. В тот зимний день он сидел на уроке брата Гларуса в школе и новости об обвале услышал в сбивчивом пересказе. После долгих дней отчаянных и тщетных усилий добраться до погребенных священник освятил место обвала, погибшие остались лежать там, похороненные под глыбами, и Тейр больше не видел отцовского лица. А Фьяметте пришлось везти тело одной, ночью. Тейр ужасался тому, что ей пришлось вынести, но и испытывал непонятную зависть.

Пусть ее отец умер, но он хотя бы не был лишен последних услуг, какие могли оказать ему живые, пусть окуривание и копчение не входят в благочестивые обряды, какие принято совершать над покойными отцами семейств.

— …во второй раз, когда он попробовал сорвать его у меня с пальца, я пнула его в колено и заперлась здесь. Это было… это было вчера, — закончила она, уперлась подбородком в колено и повернула лицо к Тейру, чуть покачиваясь. — А как ты попал сюда?

Он коротко рассказал о письме брата и как в обмен за свой труд он обрел в Пико проводника, а в его сыновьях — приятных спутников.

— Нет, но сюда! На этот постоялый двор, как раз вовремя, чтобы встретиться со мной.

Тейр заморгал. Он обладал редкой способностью находить потерянное, но заявить об этом дочери настоящего мага было бы бахвальством — не придавать же сверхъестественный смысл щемящему чувству в животе и комку в горле, мешавшему дышать.

— Пико всегда останавливается тут. Между Бергоа на границе и Сеччино найти ночлег можно только здесь.

— Так, значит, я все-таки сделала все пра-

вильно? — растерянно прошептала она. Ее рука сжалась в кулак. — Ты легко надел мое кольцо…

Тейр снова подергал кольцо.

— Я сниму его. Обещаю.

— Нет. — Она села совсем прямо и растопырила пальцы, повернув розовые ладони вниз. — Оставь его себе. Пока. Уж с твоей руки жирный Катти сдирать его не станет.

— Я не могу его взять, оно слишком дорогое! — Но только что ему делать, пока сустав не станет тоньше? — Вот что, мадонна Бенефорте. У меня есть горстка монет. Думаю, их хватит, чтобы выкупить тело вашего отца у этого алчного скряги. Чтобы забрать его из коптильни и помочь вам предать его честному погребению.

Она наморщила лоб.

— Да, но где? Здешние невежественные крестьяне все боятся похоронить его на своей земле, потому что он был магом. А я не допущу, чтобы его зарыли посреди дороги.

— Вчера я проходил через деревню Бергоа. Там есть церквушка и священник. Я помогу вам отвезти его туда завтра.

Она наклонила голову и прошептала: «Благодарю тебя». Теперь, когда одиночество и страх уже не придавали ей сил, она, заметил Тейр, с ног

валилась от усталости.

— Мне… мне после этого надо будет отправиться на юг, — сказал Тейр. — Я должен узнать судьбу моего брата.

Она подняла голову.

— Будет тем опаснее, чем ближе ты окажешься к Монтефолье. Наемники синьора Ферранте будут красть, грабить, чтобы насытить свою алчность, убивать всех, кто вздумает им воспротивиться, или… или насильно брать себе на службу. Или ты думаешь предложить свои услуги гвардейцам герцога, если они все еще удерживают монастырь?

Тейр покачал головой:

— Я не создан быть солдатом. Разве что мне пришлось бы оборонять Бруинвальд, как люди Швица нанесли поражение арманьякам в битве Сант-Якоб-андер-Бирс. Но я не могу вернуться домой к матери, не зная твердо, что случилось с Ури. Если он ранен, я должен так или иначе отвезти его домой.

— А если он умер?

— Если умер… мне надо знать. — Тейр пожал плечами. — Но вам, бесспорно, нельзя ехать туда, мадонна Бенефорте. Может, священник в Бергоа сможет найти для вас безопасное убежище, пока

я, пока мы не вернемся.

— Ты вернешься?

— Залогом будет ваше кольцо. Раз я не могу его снять, то должен буду вернуться с ним, ведь так?

Ее пухлые губы сжались в страдальческом недоумении.

— Но это же изначально неверно?

— Долг — это обязательство. Его нужно уплатить.

— Ты необычный человек. Погонщик мулов. Рудокоп. — Она подняла бровь. — Маг?

— Нет, я не маг. Я хотел стать подмастерьем вашего отца, это так, но думал, что буду больше таскать дрова и поднимать чушки. Просто прислуживать.

— Я единственная наследница моего отца. — Она закусила нижнюю губу крепкими белыми зубами. — Твоя крепость как подмастерья, будь она подписана, входила бы теперь в мое наследство. Хотела бы я знать, что из остального еще не забрали лозимонцы?

— Значит, так, — бодро сказал Тейр. — Добрая встреча, мадонна, хоть и в дурные времена.

— Добрая встреча, погонщик мулов, — прошептала она. Ее кривоватая улыбка не была злой, а брови вопросительно хмурились, словно

она начинала свыкаться с ним или с мыслями о нем. — Хотя времена очень дурные.

Он неуклюже поднялся и протянул ей руку, помогая встать.

— Идемте-ка. Поедим. Не думаю, что Катти откажется от моих монет.

— Нет-то нет, да только, раз его жена ушла, неизвестно, чем он нас угостит, — предостерегла Фьяметта. — Как я поняла, вся готовка лежала на ней и еще много чего.

— Если хотите, можете поужинать моей жареной колбасой у костра Пико. И переночевать можно на нашей стоянке. Пико против не будет.

Она поморщилась:

— Да уж лучше спать под деревом, чем провести еще одну ночь под крышей Катти!

Они пошли к лестнице, которая вела в залу. Снизу доносились мужские голоса На площадке Фьяметта внезапно замерла и жестом остановила Тейра.

— Ш-ш! — прошептала она и внимательно прислушалась, наклонив голову набок — Господи, мне знаком этот голос. То, как он шепелявит.

— Друг? — с надеждой спросил Тейр.

— Нет. Словно бы голос того, кто предводительствовал брави Ферранте в ту ночь, когда они

убили моего отца.

— А вы бы его узнали, если бы поглядели на него сквозь перила?

(В перилах были прорезаны декоративные трилистники.) Она покачала головой.

— Его лица я не видела.

— Меня они не знают, — шепнул Тейр, немного подумав. — Спрячьтесь тут, а я пойду посмотрю, что происходит.

— Поверни кольцо камнем внутрь. Они могут его узнать, — шепнула Фьяметта, и он, кивнув, повернул львиную маску к ладони и слегка согнул пальцы. Она села на ступеньку, соскользнула на следующую и прижала глаз к резному отверстию. Ахнула, и ее руки сжались в кулаки, — видимо, она его все-таки узнала. Тейр спокойно спустился в залу.

Туда успели забрести трое-четверо завсегдатаев. Примостившись на скамьях, они отхлебывали из кружек. Грязная одежда выдавала в них крестьян или батраков. Двое приезжих стояли, попивая пенящееся пиво, и разговаривали с Катти. Они, несомненно, приехали сюда верхом, о чем свидетельствовали забрызганные грязью сапоги, короткие плащи, куртки и толстые чулки-трико. Кроме кинжалов, которые носили все,

у обоих были стальные мечи. Ни эмблем, ни цветов, которые указывали бы, что они служат синьору Ферранте или какому-то другому синьору. Старший, бородатый, запрокинул кружку, допил пиво и поставил ее. Тейр увидел, что у него не хватает нескольких передних зубов. Сам он незаметно пристроился среди крестьян.

— Ну так веди нас к нему, хозяин, и мы посмотрим, тот ли он вор, которого мы ищем, — сказал бородатый, утирая губы рукавом.

— Уплатите его должок и забирайте, — пробурчал Катти. — Я знал, что тут чем-то скверным попахивает. Вот сюда.

Катти зажег фонарь и повел их через дом на задний двор. Тейр пошел за ними, а следом еще и пара любопытных батраков. Небо еще хранило отблески заката, хотя над западными холмами уже горела вечерняя звезда.

Катти с фонарем и бородатый нырнули в коптильню. Вышли они оттуда почти сразу же. Лозимонец сказал своему товарищу, не бривше-муся дня три:

— Нашли его. Сходи за лошадьми.

Тот опасливо взглянул на быстро темнеющее небо.

— А не лучше ли переночевать тут? Уедем

утром пораньше.

Голос бородатого перешел в угрожающее ворчание:

— Если мы задержимся или опять дадим маху, ты пожалеешь, что не повстречался с ночной нечистью. Он сказал: без проволочек. Иди за лошадьми!

Тот пожал плечами и затрусил за угол дома. Катти радостно потирал руки Тейр подошел к нему.

— Так ты выгнал эту бешеную кошку из моей лучшей комнаты? — сказал Катти.

— Да.

— И где она?

— Убежала по дороге.

— В темноте? Проклятие! Перстня-то я не забрал! Ну хоть мерин мне остался. Скатертью ей дорога! Вроде бы я и от второй заботы сейчас избавлюсь.

Вернулся младший товарищ бородатого, ведя трех лошадей. Две — под легкими кавалерийскими седлами, а третья с пустым вьючным седлом. Он разложил на земле большую старую холстину и бросил рядом пару веревок.

— А кто они? — шепотом спросил Тейр у Катти.

— Гвардейцы из Монтефольи. Седобородый

мертвяк у меня в коптильне, оказывается, вор. Украл из замка драгоценную золотую солонку, говорят они. Ну и избавят меня от него.

— Так труп же не солонка. А вешать его поздновато, — сказал Тейр.

Лозимонцы вошли в коптильню, откуда тут же донеслось глухое постукивание, а затем вышли с телом старика на доске. Выдернув доску из-под трупа, они принялись закатывать его в холстину.

— А зачем он им? Да и чьи они гвардейцы? Герцога или синьора Ферранте?

— Какая разница, были бы их монеты полновесными, — буркнул Катти.

Лозимонцы обмотали сверток веревкой, подняли его и, кряхтя, уложили поперек вьючного седла. Бородач принялся приторачивать его, а младший нырнул в коптильню еще раз, вышел с двумя окороками и повесил их через свое седло.

— Нехорошо это, мастер Катти, — торопливо зашептал Тейр. — Не позволяйте, чтобы они его забрали. У меня во вьюке есть монеты. Я сейчас же за ними сбегаю и выкуплю его у вас вместо них.

— Не трудись, — оборвал его Катти. — Я возьму их монеты. Они предложили сделку повыгоднее.

— Что бы они ни предложили, я дам больше.

— Где тебе, погонщик! — Катти отмахнулся от него и, расплываясь в улыбках, подошел к лозимонцам. — Вижу, вам понравились мои окорочка. И не зря, уж поверьте. Так сколько же это будет? Выкуп за него, да две кружки пива, да два окорока, получаем… — Он начал подсчитывать на пальцах.

Тейр понял, что сейчас произойдет. Он отступил к коптильне и выхватил длинное полено из поленницы у стены.

Младший вскочил на свою лошадь, а старший ухватил считающего Катти за плечо и притянул к себе.

— Получай, хозяин. — В складках его плаща блеснула сталь кинжала, вонзившегося в живот Катти.

Катти вскрикнул от боли и неожиданности, попятился, ухватившись за живот, а браво отшвырнул его от себя. Двое батраков, стоявшие в сторонке, не сразу сообразили, что случилось, но тут же двинулись на него. Бородач щербато ухмыльнулся и вспрыгнул на лошадь. Его товарищ уже поскакал к дороге, дергая повод вьючной лошади. Тейр изо всех сил метнул полено ему в спину, но без толку. Оно пронеслось по воздуху и

попало в цель, но плащ и куртка смягчили удар. Из-под лошадиных копыт взметывались комья грязи, и брави скоро исчезли в сгущающейся тьме.

Тейр бросился за ними, огибая дом. Но когда он добрался до ворот, эхо конского топота уже затихало вдали. Посреди дороги стояла Фьяметта и смотрела на юг вслед исчезнувшим всадникам. Лицо ее как-то сразу осунулось, темные глаза казались огромными.

— Они украли тело вашего отца, — еле выговорил Тейр. — Я не сумел им помешать.

— Знаю. Я видела.

— Но зачем? Что за безумие! И забрали два окорока. Не собираются же они его съесть!

— О… — пробормотала она. Отчаяние на ее лице сменилось напряжением мысли. — Наверное… но это чудовищно… он не может… я должна помешать… — Она сделала несколько шагов, сжимая кулаки точно в забытьи.

Тейр схватил ее за рукав:

— Куда ты побежишь по дороге ночью одна!

Она извернулась и посмотрела через луг на смутное белое пятно среди мулов Пико — на свою белую лошадь.

— Так я поеду верхом.

— Нет!

— Что?! — Она блеснула на него глазами из-под нахмуренных бровей.

— Я поеду. Завтра. — Она гневно вздохнула, и он поспешил добавить: — Мы поедем вместе.

Она заколебалась. Разжала кулаки и обвела взглядом темноту вокруг. Плечи ее поникли.

— Не знаю, что мне… как… да. Ты прав. Хорошо. — И, повернувшись, она побрела за ним к дому.

Глава 6

Суматоха на постоялом дворе еще усилилась из-за того, что туда явились две семьи беглецов из Монтефольи как раз тогда, когда высокий светловолосый швейцарец и батраки вносили в дом раненого Катти. Все немного пришло в порядок, только когда вернулась жена Катти, за которой сбегала запыхавшаяся соседка. Фьяметта неуверенно попятилась, когда в дверь влетела хозяйка — так-то она отплатила этой женщине за ее доброту! Но мадонна Катти, хотя и сурово нахмурилась, ни в чем винить ее не стала, а, наоборот, поручила Фьяметте принести воды и тазики новым постояльцам и приготовить им постели, а сама занялась мужем. Несколько раз она выходила из спальни прикрикнуть на своих конюхов и указать слугам из Монтефольи, чтобы они приготовили и подали на всех ужин из хлеба, сыра, копченой колбасы, вина и пива. Фьяметта не прикоснулась к колбасе.

По просьбе мадонны Катти Пико вместе с мулами, грузом и сыновьями перебрался во двор, после чего ворота были крепко заперты на ночь.

Монтефольцы перепугались, узнав, что бесчинствующие солдаты, от которых они бежали, рыщут так далеко к северу, и решили уехать дальше, едва рассветет. Ну а пока, считая отцов, братьев, слуг, конюхов Катти, Пико с сыновьями и швейцарца, на постоялом дворе собралось четырнадцать вооруженных мужчин. Опасным мог оказаться только большой конный отряд. «Но синьор Ферранте заполучил то, что ему требовалось, — с тоскливой уверенностью думала Фьяметта. — Сегодня ночью они не вернутся». Да, постоялому двору ничего не угрожает, пока синьор Ферранте не появится здесь победителем во главе своей дружины.

Фьяметта двигалась точно заводная кукла. Работа помогала не думать, не чувствовать. Но неизбежно она закончила все приготовления, и ей больше нечем было занять себя. Шум голосов, суета затихли, люди задували свои свечки и ложились. Из спальни вышла жена Катти с окровавленными бинтами и рубашкой мужа, чтобы положить их в холодную воду отмачиваться. Воду принесла ей Фьяметта из колодца во дворе. В свете фонаря они поставили ведро у черного хода снаружи.

— Как мастер Катти? — виновато спросила

Фьяметта.

— Если рана не загноится, — вздохнула мадонна Катти, — жив он, наверное, будет. В его жирное брюхо кинжал вошел не очень глубоко. Если он попросит есть, ничего ему не давай. — Она сунула смятые бинты и рубашку в ведро, а потом устало выпрямилась и вытерла руки о передник.

— Мне горько, что я навлекла на вас все эти беды.

— Если бы алчный старый дурень отправил тебя к попу в Бергоа, как я просила его во имя милосердия, эти беды выпали бы на долю кого-то другого! — сердито сказала мадонна Катти. Она посмотрела на темный дом и поджала губы. — Опасайся он взаправду духа мертвого колдуна, так похоронил бы его как подобает, а не засовывал бы в мою коптильню. А теперь она будет проклята. Наверняка мое мясо все протухнет и зачервивеет.

— Мой отец был не из тех, кто прощает обиды, — неохотно признала Фьяметта. — Но думаю… но боюсь, сейчас его духу не до этого. — Ее пальцы мяли складки юбки.

— О? — Мадонна Катти внимательно на нее посмотрела. — Ну… ложись-ка спать, девочка. Но завтра утром уезжай.

— Могу я взять мою лошадь? — спросила Фьяметта робко.

— И лошадь, и все остальное. Я не хочу, чтобы здесь осталось что-то твое! — Она покачала головой, и Фьяметта следом за ней вошла в дом.

Веранда или лоджия на втором этаже, выходившая на задний двор, обычно использовалась для сушки белья, но на эту ночь превратилась в спальню для служанок двух монтефольских семейств. Себе Фьяметта постелила поближе к перилам. Теперь она пробралась между громко храпящими, измучившимися за день женщинами, сняла верхнее платье, положила его поверх одеяла и сдернула льняное нижнее, которое напуском укрывало серебряную змею от жадности Катти. Не замечая ночной прохлады, она облокотилась на перила и оглядела двор. Тусклая ущербная луна поднялась по небосклону на четверть. У дальней стены вдоль коновязи стояли мулы Пико с наваленным у их ног сеном, чтобы они вели себя поспокойнее. Из коптильни все еще сочился дым — туманное облачко в смутном лунном свете. Пико, его сыновья и швейцарец легли в маленькой крепости, сложенной из вьюков возле мулов. Она видела, как поблескивают остриженные в кружок светлые волосы швей-

царца, когда он заворочался на своей постели. Фьяметта потерла большой палец на левой руке, там, где прежде было кольцо. «Что я наделала? Мое кольцо привело его ко мне? Неужели он и вправду — моя истинная любовь? А он это знает?» Не о том она думала, когда отливала это кольцо с заклятием истинной любви в первый день весны. Она бы не смогла объяснить, о чем мечтала в своем неясном стремлении почувствовать себя любимой. Она смотрела на бесформенный бугор одеяла внизу во дворе и тщилась испытать пылкую страсть или хотя бы нежный интерес. Ничего. Не то чтобы он внушал ей неприязнь. Просто он был тут, пугающе настоящий, живой. И бесспорно дружелюбный — точно большой избалованный щенок мастифа, который никогда не получал шлепков и радостно тычется носом, чтобы его приласкали.

Ей и в голову не приходило, что она сразу же не воспылает любовью к своей истинной любви. Но ведь она ожидала кого-то, ну, пониже ростом. Не зеленого юнца. С более полированными манерами. И, во всяком случае, лучше одетого. И побогаче.

«Для погонщика мулов он почти не пахнет».

Ее охватило бессмысленное желание содрать

кольцо с его пальца и постучать им по ближайшему столу, словно ее заклятие можно было выбить, как что-то в нем застрявшее. Но даже на таком расстоянии она ощущала все то же еле уловимое успокоительное гудение магии. Когда швейцарец надел кольцо, заклятие ничуть не воспротивилось, а обвило его палец, мурлыча, точно безмятежно счастливая кошка, только что наевшаяся до отвала рыбой и сливками. Правильно сотворенное заклятие оставалось скрытым даже от внутреннего глаза ученого мага. А чувствам обычного человека открывалось, только если было наложено неумело, не обладало нужной силой — режущий диссонанс, ни на что не воздействующий. Первые попытки Тесео были почти мучительно громкими и сыпали видимые искры. Но присутствие заклятий мастера Бенефорте было почти неразличимо. Они действовали согласно природе, а не вопреки ей.

«Видишь ли, если сохранять труп умершего без покаяния и непогребенного, только что отлетевший дух можно подчинить чьей-то воле».

Замыслил ли синьор Ферранте обрести новое кольцо духов? Убитый мастер-маг должен быть источником великой силы. Синьор Ферранте, конечно, не останется нечувствительным к по-

добной ироничной симметрии: принудить того, кто уничтожил его кольцо, самого войти в другое. А если Ферранте разграбил их дом, одному Богу известно, что еще он отыскал там для утоления своей жажды власти.

Она перебирала в уме прошедшие дни. Ночь и день, чтобы лозимонцы добрались до замка со своими ранеными и магической солонкой. День на то, чтобы занятый осадой синьор Ферранте сообразил, что они оставили гнить на лугу куда более могучий источник колдовства. День на то, чтобы они вернулись и ничего не нашли, день, чтобы расспрашивать по дороге о необычном трупе…

Она потерла ноющие виски. Смерть отца должна бы положить конец ее страхам за него. Ведь положено считать, что мертвые, навеки чуждые страданиям, обрели исцеление и утешение в объятиях Господа Иисуса и святых. В ту первую ночь к ее горю примешивалось странное чувство облегчения, будто у нее с плеч свалился груз, которого она прежде не замечала, будто ее мир вдруг широко раскинулся над ней, стал доступным. Нежданно она стала хозяйкой своей жизни, могла поступать, как сочла бы нужным. В ее сердце билась тихая радость, пока ее горло душили

рыдания. Конечно же, радость была великим грехом. Ей следовало чувствовать только горе и страх перед миром, в котором она осталась без защитника. Только горе, а не былую обиду.

И вот беды мастера Бенефорте вновь омрачили ее жизнь, точно черная стая ворон-падальщиц, и вновь ей на плечи лег груз. «Это нечестно. Ты умер. Я должна быть свободна от тебя». И теперь ему грозила не смерть, но вечная погибель, а черную магию ей не пересилить.

«Что мне делать? Я прошла лишь часть обучения. Ты сам не счел нужным обучать меня. Ты виноват, что я не знаю, с чего начать. Я только слабенькая девушка».

Завтра она вместе со служанками монтефольцев отправится на север. А рослый дурак-швейцарец пусть едет куда хочет, только не туда, куда она. Пусть свалится в первую же канаву, ей-то что. Век бы его не видеть. И Монтефолью, и ее дом. И ее спаленку, теплую, уютную…

Дрожа, с носом, заложенным из-за непролитых слез, она завернулась в одеяло и спрятала лицо, насколько удалось, в тощую подушку. Вихрь ее мыслей наконец замер под властью сна.

Фьяметта очнулась от тревожного сновидения, в котором бродила по своему дому в Монтефолье,

преобразившемуся в непонятный лабиринт. Он стоял в развалинах, заброшенный; гнилые половицы галереи предательски крошились под ее ногами, ставни свисали на одной петле, стены осыпались. Она пыталась разжечь огонь, но не могла, а в дверь колотили вооруженные кредиторы, требуя свои деньги, которые мастер Бенефорте спрятал, а она не могла отыскать, хотя лихорадочно обшаривала комнату за комнатой…

Ее подушка была сырой и холодной, а одеяло сверху увлажнила роса, но под ним тепло ее собственного тела согревало ее. Ущербная луна плыла в зените, бросая лишь смутные лучи во двор. Все еще полная безотчетной тревоги, рожденной сном, она перекатилась на бок и посмотрела между планками, скользнув взглядом по верху стены, огораживающей двор. Но там не мелькали угрожающие тени вооруженных мужчин, под куполом ночного неба царила тишина. Только ее страхи лишали этот сонный мирок безмятежности, хотя от мулов у коновязи и веяло успокоительным животным теплом. Все же что-то, неясно почему, было не так. Она целую минуту вглядывалась в темноту и только тогда поняла, что именно.

Последние струи дыма из коптильни завивались вниз, а не вверх, скапливаясь посреди двора в туманное облако, точно там вдруг разлилось озерко. Но дым сгущался, сжимался. Бесформенная, ищущая форму субстанция… Ее сердце застучало по ребрам. Она затаила дыхание, встала на колени, забыв о холоде, прильнула лицом к щели.

Серебристо-серый дым сгустился в мужскую фигуру: ноги в чулках, туника со сборчатыми складками, большой головной убор, с полосой материи, завернутой на манер тюрбана, дымный ее конец щегольски ниспадал сбоку. Убор задрался кверху, в сторону лоджии, в сторону Фьяметты. Ниже колечки дыма завивались в бороду. Лунный луч вызвал блеск в дымных глазах — серебряный, точно обводка тучки, заслонившей солнце.

— Батюшка? — прошептала Фьяметта. Слово застряло у нее в горле. Она сглотнула.

Фигура поманила ее с видимым усилием — при этом движении от ее плеча отделились клочки дыма. Леденящий узел внутри ее вдруг сменился странной нелепой радостью. «Я рада, что вижу тебя…» Но ведь призраки — грозное явление, они должны внушать ужас? Однако мастер Бенефорте выглядел таким… совсем обычным. Нетерпели-

вым и раздраженным, как всегда. Она словно услышала его голос: он приказывал, давал ей поручения, грозил избить за неловкость, за мешканье — угрозы, которые он почти никогда не приводил в исполнение, кроме тех случаев, когда находился в тисках безденежья. Но в такое время она научилась быть осторожной… Прозрачная фигура снова ее поманила.

Фьяметта перебралась через перила, повисла на руках и спрыгнула во двор. Она подбежала к привидению, но остановилась, борясь с желанием прикоснуться к нему, боясь, — было видно, что он лишь с трудом удерживает дым воедино. Она читала это в его выражении, в том знакомом напряженном сосредоточении, которое преображало его лицо, когда он творил свои тонкие чары. Его дымные ладони повернулись к ней, губы шевелились.

— Батюшка, я вас не слышу.

Он покачал головой, снова зашевелил губами Ничего. Он указал на юг.

— Что вы хотите мне сказать? — Она подпрыгивала, разделяя его разочарование.

«Дура», — произнесли его губы. Это слово она распознала по давней своей привычке. Но то, что последовало, было слишком быстрым и слож-

ным. Ее руки сжались, как у него.

Младший сын Пико, разбуженный ее голосом, привстал, сел, протер глаза и прищурился на дымную фигуру через вьюк. Он взвизгнул от ужаса, кинулся к постели отца и забрался под одеяло, разбудив Пико на середине раскатистого храпа. Разинув рот, Пико натянул одеяло на сына и до собственного подбородка. Тейр все в той же тунике и штанах приподнялся, потом встал, широко раскрыв глаза. Тич, старший сын Пико, продолжал безмятежно храпеть.

Тейр глубоко вдохнул и осторожно подошел к ней, став даже бледнее обычного, переводя взгляд с ее лица на лунно-дымное.

— Это ваш отец, мадонна Бенефорте? Что он говорит?

Смутная фигура в смертной муке начала разрываться на клочья под ночным ветром. Его рассеивающиеся руки протянулись к ней, ее — к нему. Внезапно дым собрался в белую сферу величиной с французский теннисный мяч, а затем она вновь разлетелась с одним-единственным словом:

— Монреале!

— Монреале? — недоуменно повторил Тейр. — О чем он?

— Монреале! — Фьяметта гневно топнула ногой. — Ну конечно, он будет знать, что делать. И он спасет батюшку, если это хоть кому-то по силам. Но только… — Она запнулась. — Если верить этим болтливым служанкам, он внутри осажденных стен.

Швейцарец кивнул, словно не поняв, что это не просто интересная новость, но крушение всех надежд.

— Внутри стен осажденных солдатами Ферранте, — объяснила Фьяметта.

— Солдаты Ферранте что-то нравятся мне все меньше, — мягко сказал он.

— О, конечно, их это очень огорчит, — огрызнулась Фьяметта. — Без сомнения, они разбегутся и пропустят нас внутрь.

Он виновато улыбнулся, смущенно выставив ладони.

— Мы что-нибудь придумаем. Но прежде надо добраться туда. Во всяком случае, мне. А вам не лучше ли будет отправиться завтра на север с другими монтефольцами? Безопаснее?

— Ты меня не бросишь в придорожной канаве? — возмущенно вскричала она. Он попятился, отрицательно помахивая своими большими руками. — Это мое дело. Может быть… только

может быть, я позволю тебе сопровождать меня. Вот и все.

— Благодарю вас, мадонна, — сказал он с глубокой серьезностью.

— Не смей насмехаться надо мной. — Губы Фьяметты подозрительно искривились.

Он открыл рот, закрыл его, а затем удовлетворился той безопасной глуповато-дружеской улыбкой, с которой смотрел на нее, пока она угрожала ему ночным горшком. Она вдруг заметила, что вся дрожит от холода, что ночной ветер треплет ее тонкое нижнее платье.

Проснувшиеся служанки в лоджии плакали и молились. И с их легкой руки в гостинице воцарился хаос, почти равный тому, который вызвала рана Катти. К тому времени, когда история с появлением призрака была вновь и вновь рассказана теми, кто его видел, тем, кто не видел, обрастая все новыми леденящими душу подробностями, мадонна Катти пришла в отчаяние.

— Я разорена, я разорена!

— Не думаю, что он сюда вернется! — процедила Фьяметта сквозь зубы.

— Я позову священника и освящу мою коптильню!

— Как? Того самого священника, которому вам

нечем было заплатить, чтобы похоронить его?

Они обменялись сердитыми взглядами. Служанки, всхлипывая, болтали всякий вздор. Тич громко негодовал, что его не разбудили поглядеть на привидение. Фьяметта вернулась в свою ледяную постель и накрыла голову подушкой. Никто не осмелился подойти к ней.

Нескончаемая ночь потом все-таки отступила перед туманным оранжево-розовым рассветом. Голова Фьяметты раскалывалась, во рту пересохло, а под веки словно насыпали песка. Она натянула свое погубленное верхнее бархатное платье. Ей хотелось одного: уехать отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Во всяком случае, Тейр не заставил себя ждать. Он уже оделся, скатал и упаковал постель, едва встал с нее. В зале они позавтракали, сидя на скамье, сухим хлебом, запивая его пивом. Задержал их только белый мерин, никак не дававший себя поймать. Мадонна Катти посмотрела-посмотрела, как они несколько минут гоняются за ним по росистой траве, покачала головой и сходила за миской овса, приманила его и сама взнуздала. Поводья она вручила Тейру, который вручил их Фьяметте.

— Ты что, не умеешь ездить на лошади? — спро-

сила Фьяметта у своего непрошеного спутника.

Он покачал головой:

— Матушка держала только двух-трех коз. Корова была нам не по карману, а о лошади и говорить нечего. — После неловкой паузы он добавил: — Но я могу вести ее на поводу, ну, как мула.

— Ну-у… ладно, — сказала Фьяметта с сомнением. Она стояла рядом с мерином, еле доставая носом до его холки. — Подведи его к изгороди, чтобы я могла на него забраться.

— Это просто, — сказал Тейр, обнял ее за талию и вскинул на лошадь, как трехлетнюю девочку, а в ответ на ее яростный взгляд добавил виновато: — Вы куда легче воловьей шкуры, полной чушек, мадонна Бенефорте!

Она расправила юбки, положила вьюк Тейра перед собой, ухватилась за длинную грязную гриву, сглотнула и сказала, кивнув:

— Ну, веди.

Белому мерину не хотелось покидать сочное пастбище, но теперь он покорился судьбе и послушно зашагал по дороге рядом со швейцарцем. Мадонна Катти смотрела им вслед, словно желала удостовериться, что они и их злосчастья действительно покинули ее дом. Утренний свет был ровным и золотистым, зажигая искорки

в клочьях тумана на лугах, отбрасывая им под ноги четкие черные тени тополей и кипарисов вдоль дороги. Влажный, нагревающийся воздух благоухал весенними цветами и свежим запахом ручейков, журчавших поперек дороги там, где она уходила вниз, а потом снова поднималась. Солнце и тепло лошадиной спины мало-помалу изгоняли ночной озноб из костей Фьяметты. Если бы не свинцовая усталость, не ноющая боль во всем теле, ехать так было бы даже приятно.

Тейр размашисто шагал рядом с мерином, иногда ласково поглаживая его по шее. Казалось, ночное происшествие никак на него не подействовало. Когда они поднялись по очередному склону, он посмотрел через плечо на Фьяметту.

— Ваш отец сказал «Монреале». А вы назвали его аббатом. Это не тот епископ Монреале, про которого мой брат упоминал в письмах?

— Да, тот самый. Хотя в отличие от римских прелатов он исполняет обязанности, которые налагают на него оба сана, говорит батюшка. Говорил. Отцом аббата Монреале был савойский синьор, который женился на знатной ломбардской девице. Монреале был младшим сыном и отправился попытать счастья, служа капитаном во французском войске, когда они изгоняли ан-

гличан из Бордо. Твой брат Ури любил слушать, как он рассказывал о тех временах, а делал он это охотно, хотя теперь и притворяется, будто стыдится такого прошлого. Монреале все уговаривал Ури тоже стать монахом и служить Богу, а не герцогу Сандрино. Вроде бы это стало для них привычной шуткой, да только шуткой это не было. — Фьяметта закусила губу: теперь это навсегда перестало быть шуткой.

— Батюшка и аббат были вроде бы приятелями, Вначале, думается, потому, что оба были лучшими магами в Монтефолье, ну и конечно, батюшка старался заслужить милость Монреале, чтобы тот, как епископ, давал ему разрешение заниматься белой магией. Но мне кажется, они по-настоящему нравились друг другу. Когда Монреале посещал городской собор по делам епархии, они иногда сидели у нас в саду за вином и беседовали. А то отправлялись вместе на озеро поудить рыбу. Батюшка больше интересовался, как овладеть магией на практике, а Монреале занимала суть колдовства в отношении его обязанностей духовного пастыря, так мне кажется. Иногда батюшка обращался к нему за подсказкой, когда работал над новым заклинанием. Монреале должен быть осведомлен о магии духов, должен

был ее изучать, чтобы бороться с ней.

— Какая магия духов?

— Черная некромантия. — И она рассказала про серебряное кольцо с младенческим личиком, которое носил синьор Ферранте, о ларце с высохшим засоленным трупиком и о связи между ними, которую заподозрил, нашел и уничтожил мастер Бенефорте.

— Боюсь, такое колдовство выше моего разумения, — смиренно сказал Тейр.

— Да, я вижу, — вздохнула Фьяметта, но честность заставила ее добавить: — И выше моего тоже. Но не разумения Монреале. Ни мастера Бенефорте — что уж теперь скрывать!

Хотя Фьяметта была почти уверена, что ее отец, не поведал аббату-епископу о том, что сделал во Флоренции. Если ее смутные представления были верны, то теперь синьор Ферранте покачивал духом мастера Бенефорте на ниточке над бездной вечной погибели. Даже и сейчас его душе грозила опасность быть навеки отторгнутой от Бога.

— Надеюсь, осада оставит аббату Монреале хоть немного времени, чтобы помочь одной несчастной гибнущей душе! — сказала она.

Тейр, сдвинув брови, смотрел на уходящую вдаль дорогу.

— Если синьор Ферранте подчинил дух вашего отца и если магия духов так могущественна, как вы думаете, тем большая опасность грозит беднягам, которых старается спасти Монреале. Судьба вашего отца соприкасается с тем, что сейчас навлекает на него беды. Он постарается помочь. — Его лицо посуровело. — Мне надо только доставить вас туда благополучно.

Фьяметта вцепилась в гриву, пока Тейр и мерин перебирались через каменистое ложе ручья под склоном. А потом спросила:

— А в чем, Тейр, твоя магия? Твой брат должен был подозревать в тебе какой-нибудь талант, иначе он не попытался бы устроить тебя подмастерьем к магу.

Тейр растерянно искривил губы.

— Сам не знаю. Настоящий мастер меня никогда не испытывал. Я умею находить воду лозой. И матушка говорит, что мне дано отыскивать потерянное. Один раз я отыскал маленькую дочку мельничного засыпки Хельгу, когда она заблудилась в метель. Но искали-то ее мы все, и, значит, мне могло просто повезти. И я давно думал… — он откашлялся, слегка смутившись, — думал, что умею чуять руду в породе. Но я боялся сказать: ведь ошибись я, все на меня разозли-

лись бы. Искать жилу, которой нет, — чертова работа. — Он поколебался, а потом застенчиво признался: — Я один раз видел кобольда. Совсем недавно. — Он вертел львиное кольцо на пальце, словно собирался добавить что-то, но потом покачал головой. — А вы, мадонна Бенефорте? Вы, наверное, очень искусны?

Она нахмурилась. Да, ей следовало быть искусной. Но…

— У меня хорошо получается с огнем, — сказала она наконец. — Даже батюшка позволял мне зажигать огонь для него. И у меня хорошее латинское произношение, говорит… говорил батюшка. — Ее лицо просветлело при этом воспоминании. — Самое лучшее, что мне удалось, это когда я с разрешения батюшки помогла ему наложить заклятие от бесплодия для мадонны Туры, жены торговца шелковым товаром. У нее не было детей, хотя со дня свадьбы прошло четыре года. Заклятие требовало уравновешивания мужского и женского элементов, понимаешь? Мы изготовили его в виде пояса из маленьких серебряных кроликов. Так он позволил мне нарисовать и вылепить кроликов — всех разных. Мне пришлось завести двух живых кроликов, чтобы рисовать с них. Белых французских. Лоренцо и Цецилию.

У них родились крольчата — я просто в них влюбилась — такие мягонькие! Они входили в заклинание. Но потом они нарожали еще крольчат, и все время подкапывались под свою загородку в огороде, и съели все травы Руберты, и замусоривали весь дом своими орешками, а убирать за ними батюшка заставлял меня! Ну и когда заклинание было завершено, батюшка сказал, что нам надо съесть всех кроликов. Конечно, тридцать шесть их было все-таки слишком, но все равно я еще долго не могла простить Руберту, нашу кухарку. Жаркое из кролика, равиоли из кролика, кроличья колбаса… Я предпочитала оставаться голодной, — добавила она добродетельно, но тут же несколько подпортила страстную повесть о мученичестве своих любимцев, добавив: — Вот Лоренцо я съесть помогла, потому что он меня всегда кусал.

Она нахмурилась на ухмылку Тейра, и он мигом посерьезнел.

— А Цецилию я выкрала и отпустила на волю за городом.

— И получилось? — спросил Тейр, когда она умолкла.

— Что? А, заклятие! Да, мадонна Тура разрешилась мальчиком в прошлом месяце. Надеюсь, с

ними ничего не случилось.

Шелка, конечно, приманка для грабителей. Но быть может, мадонна Тура успела бежать к другим родственникам…

Тейр подставил львиное кольцо солнечным лучам и пошевелил пальцами, чтобы оно заблестело.

— А это кольцо магическое, мадонна?

От этих слов она похолодела, такими похожими они были на слова его… покойного?.. брата.

— Да… но только ничего не получилось, и я носила его просто как украшение. — Она настороженно посмотрела на него, но он сказал только:

— Оно очень красивое.

Все это время она жила от часа к часу, не заглядывая вперед — и вот она в дремучем лесу (или, во всяком случае, едет через чью-то рощу) с почти незнакомым мужчиной. Неделю назад она сочла бы подобное верхом непристойности. Но теперь все эти охранительные запреты казались зыбкими и фальшивыми. И тем не менее — навстречу какой судьбе она едет?

Приданым ей должны были послужить деньги за большого бронзового Персея, но мастер Бенефорте не дожил, чтобы отлить его, а герцог Сандрино — чтобы вознаградить за него.

Предположительно она унаследует дом, хотя он, разумеется, уже разграблен. Разве что отцовские кредиторы предъявят на него права, отсудят его и деньги поделят между собой, оставив ее в полной нищете… С беззащитными вдовами и сиротами в судах случалось и не такое. Без денег свободное будущее, которое ей предстояло, было страшным. Богатая молодая женщина обладала властью над своей жизнью, равной только ее власти над своим имуществом. Нищая молодая женщина… точно то же. Только по-иному.

Но если синьору Ферранте удалось захватить Монтефолью, надеяться ей не на что. Получить хоть часть своего наследства она сможет, только если Ферранте потерпит поражение.

Она посмотрела на Тейра, шагающего рядом. Его волосы заблестели ярче львиного кольца, когда они вышли из гудевшей насекомыми рощи на солнце. Ее уколола совесть: она тревожится о деньгах, когда неизвестно, какая судьба постигла его брата Ури. Или известно? А она только постаралась смягчить страшную правду? Рану он получил, несомненно, смертельную. Но хотя бы из-за неуверенности их пути соединились. Знай он твердо, что его брат погиб, зачем бы ему было сопровождать ее? В свидетельство кольца ей не

верилось. «Как ты можешь быть моей истинной любовью? Ты же меня совсем не знаешь. Наверное, тебя ослепляют какие-то магические чары, а чуть ты узнаешь, какая я на самом деле, так возненавидишь меня». Глаза ей затуманили слезы. «Дура, перестань распускать июни!» — сурово одернула она себя.

На исходе утра они добрались до луга и рощицы, где мастер Бенефорте был убит… или умер своей смертью. Лошадь паслась, пока Тейр дал отдых ногам. Фьяметта бродила по лугу, но чувства, что ее отец здесь с ней, у нее не возникло. В свете солнца луг выглядел красивым и безмятежным. Вскоре они продолжили путь, Тейр, шагая под еще припекающим солнцем, рассказал ей кое-что о своей жизни. От природы он был не слишком словоохотливым, но рассказывать и правда как будто было не о чем. Он немного учился у местного священника — Фьяметта с облегчением услышала, что он хотя бы умеет читать и писать. Младшая сестра умерла от чумы — возможно, судя по году, во время той же вспышки, которая унесла мать Фьяметты. Гибель отца в руднике положила конец учению и обрекла Тейра на тяжкий труд в долине, а его брат Ури выбрал более многообещающую жизнь наемника. В руднике,

видимо, царила беспросветная скука. Она и не догадывалась, сколько человеческих рук, сколько работы, сколько сожженных деревьев требовалось, чтобы поблескивающие слитки металла обрели свое назначение в мастерской ее отца. Тейр ни разу не видел города, ни разу не покидал Бруинвальдскую долину до последних дней. Он был поражен и преисполнился благоговения, услышав, что ей довелось пожить и в Риме, и в Венеции. Он взирал на убегающие вдаль холмы и разбросанные среди них фермы, точно они были каким-то чудом. Фьяметта с горечью решила, что в практических делах толку от него будет не больше, чем от младенца.

Ури оказался превосходным натурщиком для Персея. Она рассматривала Тейра, прикидывая, для какой статуи мог бы послужить натурщиком он. Среди греческих героев она не нашла никого. Аякс слишком уж воинственен, Улисс слишком уж хитер. Геркулес, пожалуй, слишком уж туп. Гектор был жирным семейным человеком, которому не повезло с братом… Это было бы дурным предзнаменованием, если вспомнить печальный конец Гектора. Ну, так какой-нибудь северный герой. Роланд? Рыцарь короля Артура? Кто-то из Библии? Святой? Нет, это было бы еще нелепее.

Почему-то Тейр никак не укладывался в героическую форму. Фьяметта вздохнула.

К середине дня долина расширилась — они приближались к северной оконечности озера и деревне Сеччино. Тейр объявил, что вполне свеж и готов идти дальше. Фьяметте не хотелось останавливаться в деревне — вдруг ее узнают? Хотя сейчас у нее украсть нечего, и вряд ли рыщущий браво или кто-нибудь еще заинтересуется ею, разве что по пустой злобе. Держа мерина на поводу, Фьяметта позволила ему пастись, а Тейр пошел в деревню купить еды. Он вернулся с сыром, хлебом, свежей редиской, крутыми яйцами и вином. Почти казалось, что они выехали на загородную прогулку, как в былые лучшие времена. Тейр уговорил ее подкрепиться, и она правда потом почувствовала себя лучше. Но тревога возобладала над сонливостью, и они отправились дальше почти сразу же после еды.

Когда наступил вечер, до монастыря Святого Иеронима все еще оставалось шесть-семь миль. Они устроили привал, немного поели из оставшихся припасов и допили вино, разведя его водой.

— Дальше, наверное, идти будет все опаснее, — боязливо сказала Фьяметта. — Синьор Ферранте, уж конечно, выставит дозорных вокруг мона-

стыря.

— Но вы же говорили, что у него не хватало людей?

— Сначала их у него было всего пятьдесят. Возможно, он вызвал из Лозимо еще конников, но пешие его солдаты никак не могли сюда добраться. И ему нужно оставить отряд в городе.

— Значит, разумнее всего нам попытаться проникнуть в монастырь сегодня ночью. Если мы не видим их, то и они нас не видят.

— Не знаю… В восточной стене монастыря возле леса есть боковая дверь. По-моему, нам лучше попробовать там. За главными воротами следят, конечно, строже. Можно пройти кружным путем через овечье пастбище и виноградники.

— Ну так ведите!

— Да, но я не знаю, когда свернуть с дороги. Чем позднее, тем лучше, но…

Тейр понюхал воздух:

— Думается, пока еще не надо. Я не чую запаха лагерных костров.

— А!

Они устало побрели вперед. Справа за деревьями темной бездной простиралось озеро. Крестьянские домики слева были погружены во тьму и жуткую тишину. В камышах по берегу

квакали лягушки. Остывающий воздух обрел липкую влажность. Старый мерин начал беспокоиться и упираться, так что Тейру приходилось тащить его за повод. Фьяметта спешилась. Ноги у нее подгибались. Нет, плыть на лодке было куда легче! Время от времени она нюхала воздух, и они с Тейром внезапно остановились, как по уговору.

— Жареная баранина, — шепнул Тейр. — На юге. Откуда дует ветер.

— Да, я тоже заметила. — Она заколебалась. — Вон та каменная стенка — ограда дальнего монастырского овечьего пастбища. Значит, мы уже близко. Но как нам пробраться через лес с этим глупым конягой?

— Оставим его на пастбище, — предложил Тейр. — Ему тут будет хорошо. И никто в здравом уме на него не польстится, чтобы ездить верхом, А солдаты есть его не станут, пока им хватает овец.

Вероятно, Тейр так же устал тащить одра, как тот устал, что его тащат. Но мысль была дельной. Вглядываясь, вслушиваясь, Фьяметта увела их с дороги в низину, затененную дубами. Стенка оказалась Тейру по пояс, по он сделал ее еще ниже, бесшумно сняв два верхних ряда камней. Наконец им удалось заставить упирающегося

мерина переступить через нее. Фьяметта сняла уздечку с поводьями и запихнула ее во вьюк Тейра, который он затем вскинул себе на спину. Мерин отошел, подозрительно обнюхивая ощипанную овцами траву. Фьяметта почувствовала, что стала куда более незаметной.

Пригибаясь, она повела Тейра вверх на холм и вокруг широкого пастбища. Выглянув из-за каменной глыбы, Тейр молча указал на низинку в дальнем конце. Там в оранжевых отблесках костра двигались мужские силуэты, ветер доносил голоса вместе с запахом дыма. Солдаты Ферранте ужинали краденой святой бараниной.

Только чуть зашуршав, Фьяметта и Тейр перелезли через следующую стенку и скрылись в винограднике. По нему они добрались до леса, который Фьяметта обошла с востока по верху склона. Как ни осторожно они ступали по бурьяну, их шаги отдавались у нее в ушах свистом серпов. Наконец она решила, что пора свернуть под деревья, надеясь выйти к боковой двери в стене монастыря. Она вглядывалась в густую тень под ветвями с глубокой тревогой. Около монастырской стены, конечно же, должно быть больше солдат! Тейр, перебрав несколько сухих сучьев, выбрал толстую обломившуюся ветку, в

которой сохранилось еще достаточно сока, чтобы она не переломилась при первом же ударе. «Пресвятая Дева! Почему я не убежала на север, пока могла?» Ухватив Тейра за свободную руку, Фьяметта скользнула с ним в лес.

Глава 7

Все шло хорошо, пока они не споткнулись о спящего солдата.

Он лежал на земле, завернувшись в серое одеяло, и в тусклом свете луны походил на обломок упавшего стола. Он был поставлен следить за тем местом, куда направлялась Фьяметта, — за ложбиной на опушке леса, откуда было хорошо видно поле по ту сторону ворот. На каменной стене над маленькой дверью ярко горели два фонаря, отбрасывая полукружие света на зеленую траву. Несомненно, вход охраняли люди, остерегавшиеся ночного нападения. Фьяметта вся сосредоточилась на своей цели, которая была так близка, сулила столько надежды и, слава Богу, оказалась такой достижимой, и мысленно уже бежала по зеленому дерну. Она даже не смотрела под ноги, пока ствол, на который она нарочно наступила, чтобы получше видеть, не продавился, судорожно не дернулся и не вскочил, изрыгая проклятия. Она отпрянула с криком ужаса. В ушах болезненно отдался свист извлекаемого из ножен меча.

Перед ее глазами поплыли образы бойни на пиру: сверкающий металл, вонзающийся в плоть.

Тейр сбросил вьюк и встал между Фьяметтой и солдатом, крепко сжимая сук в правой руке. Солдат во всю силу своих легких завопил: «Лозимо! Лозимо!» — и рубанул Тейра по шее. Тейр подставил сук, и лезвие застряло в нем. Он чуть было не вырвал меч из рук солдата, но тут наполовину перерубленный сук переломился. Тейр поднырнул под меч и ухватил обеими руками запястье правой руки солдата с мечом.

Солдат продолжал звать на помощь. Видимо, где-то близко были его товарищи. Тейр молча боролся с ним, стараясь боднуть разинутый рот. Оба натужно кряхтели, пытаясь взять верх, и тут из укрытия на опушке, в нескольких сотнях шагов к югу, выскочил второй солдат. Он держал арбалет, взводя его на бегу. Зубцы механизма потрескивали, будто кости. Он остановился на расстоянии верного выстрела и заложил в желоб короткую толстую стрелу, металлически блеснувшую в тусклом свете. Он прицелился в Тейра, выжидая, чтобы не попасть в товарища. Тейр обернулся на предостерегающий крик Фьяметты, увидел арбалет и извернулся, подставляя под него противника.

Арбалетчик был волосат — курчавая шапка волос, густая, вьющаяся черная борода. В ее гущине блеснули зубы — он оскалился, прицеливаясь снова. Фьяметта ничего не могла придумать, и вдруг ее осенило — она ведь может поджечь его бороду! Он кружил вокруг борющихся, выжидая подходящего мгновения, и Фьяметта начала творить привычное домашнее заклинание, сощурив глаза, стиснув руки, чтобы перебороть страх.

В ушах у нее зазвучал голос отца: «Нет, Фьяметта! Это грех!» Рот у нее полуоткрылся, она стремительно обернулась, но ничего не увидела, никакой сгустившейся из дыма фигуры.

С земли перед арбалетчиком взметнулись листья, пыль, комочки грязи, обломки веток и превратились в мужскую фигуру. Лесной мусор, гниющие останки старого бука сложились в ноги, тунику со сборчатыми складками, большой головной убор… Батюшка! С растерянным воплем арбалетчик попятился, и пущенная стрела унеслась в лес.

Хрустнули кости запястья под рукой Тейра, и его противник с воплем боли выронил меч. Арбалетчик взвыл — мусорная фигура рассыпалась, смерчем закружилась вокруг его головы, засыпая пылью глаза, прутьями — бороду. Тейр нагнулся,

схватил с земли меч, оттолкнув противника. Он описал мечом прихотливую восьмерку, выдававшую его неопытность, но все равно достаточно грозную. Арбалетчик со стоном прижал ладонь к глазам.

«Бегите!» — неизвестно откуда донесся голос мастера Бенефорте.

Фьяметта бросилась к Тейру, ухватила его свободную руку и дернула:

— Бежим к двери!

Задыхаясь, он кивнул. Они выскочили из ложбины. Длинные ноги давали Тейру преимущество, и Фьяметта подпрыгивала на бегу, потому что он почти тащил ее за собой. Ее лопатки холодели в предчувствии удара арбалетной стрелы — тяжелая сталь сокрушает ребра, вонзается в легкие…

Казалось, они никогда не доберутся до двери, маячащей в озерке света, точно отступающий мираж. Фьяметта ударилась о нее, забарабанила кулаками, хрипло повторяя «помогите!», но голос ее был способен только шептать, а руки стали слабыми, как у ребенка. Но от ударов Тейра дубовая дверь задрожала на невидимых железных петлях. И он взревел «Помогите!», не поддавшись ложной гордости.

— Кто идет?! — донесся сверху ворчливый бас. Фьяметта отступила на шаг и задрала голову, но различила лишь две смутные головы — одну с тонзурой, другую в шлеме. Глаза ей слепил свет фонарей.

— Помогите! Дайте нам убежище во имя Господне! Нам нужно увидеть аббата Монреале!

Голова в шлеме свесилась ниже.

— Да я же ее знаю! Дочка герцогского золотых дел мастера. А вот мужчину в первый раз вижу.

— Его зовут Тейр Окс, он брат вашего швейцарского капитана, — нетерпеливо крикнула Фьяметта. — Он ищет своего раненого брата. Впустите же нас побыстрее, за нами гонятся!

— Аббат запретил нам отпирать дверь, — сказала голова с тонзурой.

— Так спустите нам веревку, — начал Тейр рассудительным топом, но на слове «веревка» он испустил вопль: в ярде от него арбалетная стрела отбила кусок камня и рикошетом отлетела в темноту. В ярком свете они с Фьяметтой были отличными мишенями. Тейр заслонил ее от мрака у них за спиной.

— Девушку-то можно бы впустить, — заявил шлем.

— Грешно допускать ее в эти стены. Уж лучше

его.

— Ха! Ваш приют, брат, полон сейчас вопящих баб. Не лукавь!

— Не мешкайте! — вскричала Фьяметта, когда в дубовую дверь впилась новая стрела и задрожала с басистым гудением.

Наконец сверху упала веревка с узлами. Тейр подсадил Фьяметту. Ей казалось, что ее руки, такие маленькие, не выдержат веса тела. Но надо было взобраться побыстрее, чтобы успел влезть на стену и он. Ободрав ладони в кровь, она все-таки добралась до верха и перевалилась на животе за стену в вихре юбок.

— Тейр, быстрее!

Солдат и монах стояли на деревянном помосте, довольно шатком, построенном наспех, чтобы можно было сторожить дверь. Солдат в шлеме вгляделся в темноту, поднял собственный арбалет и с проклятием пустил стрелу в ответ на прожужжавшую над самой его головой.

— Может, это научит сукиных детей держать головы пониже! — буркнул он, пригибаясь.

Тейр, в свою очередь, перекатился через стену и упал на помост, который заходил ходуном. Монах поспешно втянул веревку. Солдат снова выглянул из-за каменного края — осторожно,

так что снаружи были видны только его глаза да шлем, Фьяметта с панической быстротой ощупала Тейра, но крови на нем не нашла.

Вероятно, глаза арбалетчика все еще были запорошены, хотя, судя по силе ударов его стрел, он преследовал их почти до самой стены.

— Мне надо… увидеть аббата, — задыхаясь прошептала Фьяметта монаху, припавшему к помосту. — Дело не терпит отлагательства.

— Святые мощи, что так, то так! — буркнул солдат.

Монах нахмурился:

— Если нас разрешили от обета молчания, это еще не значит, что нам дозволены непотребные речи в святых стенах.

— Я обета молчания не давал.

Монах поморщился: видимо, спор этот начался уже давно. Он повернулся к Тейру:

— Зачем она хочет видеть аббата?

— Из-за моего отца, — ответила Фьяметта. — Боюсь, ему угрожает страшная опасность. Опасность для его души. Мы были свидетелями того, что синьор Ферранте прибегал к черной магии.

Солдат перекрестился, и монаха ее слова, видимо, встревожили.

— Ну… скажи ей, пусть идет за мной, — объ-

явил он Тейру и слез по треугольным распоркам между столбами помоста — как оказалось, на монастырское кладбище.

— Но почему ты сам ей не скажешь? А мне тоже идти? — спросил Тейр, ничего не понимая.

— Да-да, — нетерпеливо ответил монах.

— Он избегает говорить с женщиной, — объяснила Фьяметта шепотом.

— А-а! — Тейр заморгал. — Он что, не верит в силу разрешения, которое получил от своего аббата?

Фьяметта мрачно улыбнулась на маячившую внизу тонзуру:

— Может, в сердце своем он монах-ослушник.

Монах ответил ей испепеляющим взглядом, но вид у него стал вдвойне растерянным. Они спустились следом за ним — Тейр первым, и помог Фьяметте благополучно спрыгнуть с последней распорки. Монах молча сделал им знак следовать за ним, вошел через другую дверь в темный коридор, провел их через еще более темную комнату и вышел во внутренний двор. Затем в их сопровождении поднялся по лестнице на галерею и постучал в дверь. Ее приоткрыл другой монах и высунул голову наружу. Из щели полился оранжевый свет свечей. Фьяметта с

облегчением узнала брата Амброза, секретаря аббата Монреале, дюжего мужчину, питавшего слабость к кошкам, кроликам и другим зверькам. Она несколько раз встречала его в обществе аббата-епископа.

В силу старой привычки их проводник молча указал на Тейра и Фьяметту.

— Фьяметта Бенефорте! — удивленно воскликнул секретарь. — Откуда ты?

— Ах, брат Амброз, помогите мне! Я должна увидеть аббата Монреале!

— Входи, входи!.. Благодарю тебя, брат! — сказал он их безмолвному проводнику. — Можешь вернуться на свой пост.

Секретарь провел их в небольшую келью, место занятий аббата. Там стоял письменный стол, и восковые свечи лили свет на бумагу и гусиное перо, которое секретарь, видимо, только что отложил. Другой канделябр ярко пылал на маленьком аналое под небольшим деревянным распятием на стене напротив, перед которым молился аббат Монреале. Он поднялся с колен, едва они вошли.

Теперь на нем было серое одеяние его ордена с откинутым капюшоном. Только ключи на поясе напоминали о его сане. Его словно вырезанное из камня лицо выглядело усталым и озабочен-

ным. Бахромка седых волос окружала его тонзуру — их цвет гармонировал с его одеянием, которое придавало массивность его внешности, хотя годы аскетической умеренности сделали его тело худым.

Он взглянул на них, и седые брови удивленно поднялись:

— Фьяметта! Ты спаслась! Я рад видеть тебя живой и невредимой. — С ласковой улыбкой он подошел и взял ее руки. Она поцеловала пастырское кольцо на его пальце, сделав глубокий реверанс. — Твой отец с тобой? Он сейчас мне очень нужен!

— Ах, отче, — начала она, ее лицо сморщилось, по щекам поползли слезы усталости. В лесу она крепилась, но не выдержала, когда почувствовала себя в безопасности под защитой Монреале. — Он умер, — всхлипнула она.

Монреале с удрученным видом подвел ее к скамье у стены и усадил. С любопытством посмотрев на Тейра, он жестом пригласил сесть и его.

— Что произошло, дитя?

Фьяметта хлюпнула носом и справилась со своим голосом.

— Из замка мы, по-моему, выбрались раньше вас.

— Да.

— Мы бежали в лодке. Внезапно батюшке стало очень худо. Я думаю, у него заболело сердце от того, что ему пришлось долго бежать, и от ужаса, и от того, что он плотно поел на пиру.

Монреале кивнул. Сам он целителем не был, но, по обязанности надзирая за монастырскими целителями, хорошо узнал и физические и духовные людские недуги.

— В Сеччино батюшка купил лошадь, и мы поехали дальше прямо ночью. Но солдаты, которых послал в погоню за нами синьор Ферранте, настигли нас. Батюшка вступил с ними в бой, а я спряталась. Потом я нашла его на лугу, мертвым, но без единой раны. Думаю, у него разорвалось сердце. Они ограбили его, раздели донага. Я отвезла его тело на постоялый двор, где меня нашел Тейр… ах! Тейр, спроси о своем брате! Он младший брат капитана Окса, — объяснила она. — Как раз направлялся в Монтефолью и… так спроси же, Тейр! — Не только ее тут снедала жестокая тревога, но швейцарец был терпеливее.

— Вы видели моего брата, святой отец? — спросил Тейр. Голос у него оставался ровным, но пальцы крутили львиное кольцо. — Он здесь?

Монреале обернулся к Тейру:

— Сожалею, сын мой. Я видел, как твой брат упал, но среди тех, кого мы унесли, его не было. Я… полагал, что удар он получил смертельный, но мы должны были торопиться, и я не могу поклясться, что он испустил свой последний вздох. Боюсь, я не могу утешить тебя надеждой, что он жив, но не тревожься о его душе — он был очень благородным человеком, если это может дать тебе утешение. Однако… все-таки возможно, что он еще жив и находится в замке с другими ранеными. Его тело не выдали с остальными после вчерашних переговоров. Я… сказать правду, я не узнавал. Я был занят другим.

— Ничего, — сказал Тейр. Вид у него был ошеломленный. Он рассчитывал, что так или иначе он избавится от своих опасений, а теперь ему и дальше предстоит терзаться. Он сгорбился, машинально поглаживая кольцо правым большим пальцем. Монреале внимательно в него всматривался.

— Переговоры? — повторила Фьяметта. — Но что произошло?

— Да-да. Уцелевшие гвардейцы герцога Сандрино окружили нас — меня и синьора Асканио. Мы бежали через ворота, хотя теперь, задним числом, я думаю, нам следовало бы остаться и

вступить с ними в бой… рассуждая по-военному. Мы прошли, обороняясь, через город и заперлись в монастыре. С тех пор тут нашли убежище множество беглецов. Не хватает места их размещать. — Он покачал головой, — Столько крови пролилось и так внезапно! Словно кара. Я должен остановить кровопролитие, пока оно подобно чуме не охватило всю Монтефолью.

— Что вы делаете?

— Синьор Ферранте тоже ищет остановить эту непредвиденную войну. Он вступил в переговоры со мной, как заменяющим канцлера бедному Асканио. Малыш сейчас спит в моей келье.

— Перемирие с синьором Ферранте? — в ужасе спросила Фьяметта.

— Я обязан взвесить его предложение. Мы здесь в нелегком положении. Гвардейцы герцога ни в чем не уступали лозимонцам, пока ими командовал герцог Сандрино, но теперь они рассеяны, растеряны, лишились своих офицеров.

— Но не могли бы вы послать за помощью… куда-нибудь?

Губы Монреале уныло сжались.

— В том-то и дело. Много лет герцог Сандрино умело балансировал между Миланом и Венецией. Призвать кого-то из них в герцогство, оставшееся

на произвол судьбы, и — ам! — Монтефолья будет проглочена в один миг. Призови второго изгнать первого — и Монтефолья превратится в поле сражения.

— Неужели синьор Ферранте решится напасть на монастырь? — сказал Тейр с возмущением. — Как может такое дело сойти ему с рук?

— Легко. — Монреале пожал плечами. — Сколько раз уже насильники сравнивали монастыри с землей! И если он победит, кто сможет его покарать? Если он утвердит свою власть в Монтефолье вдобавок к Лозимо, справиться с ним будет трудно. Конечно, Венеции или Милану это вполне по силам, но они оставят тогда Монтефолью себе — так какая выгода от этого маленькому синьору Асканио?

— Ну а папские войска? — спросила Фьяметта, цепляясь за соломинку.

— Слишком до них далеко. Даже если бы гонфалоньер отправил их при нынешнем тревожном положении в Романье.

— Но ведь герцогиня Летиция внучка папы!

— Но не того! — вздохнул аббат. — Быть может, на следующих выборах звезда ее семьи вновь взойдет, при ныне здравствующем его святейшестве. В курии практические доводы вос-

торжествуют над правом и справедливостью, С какой стати посылать им войска, чтобы вернуть герцогство слабой женщине и ребенку? Ведь если они ничего не предпримут, оно достанется сильному опытному мужчине и к тому же испытанному гвельфу.

— Вы тоже так решаете? — с негодованием спросила Фьяметта. — Практические доводы, а не право и справедливость?

— Такова политика, дитя. Не знаю, смогу ли я спасти герцогство для Асканио, но, думается, его жизнь я спасу. Ферранте предлагает отправить Асканио с матерью и сестрой в Савойю, в изгнание, с выплатой им содержания в обмен на мир. И это не самое плохое предложение. При подобных обстоятельствах его можно даже назвать почти великодушным. — Монреале выглядел как человек, который вынужден есть лимон и делать вид, будто он сладкий.

— Нет! Тогда ведь Ферранте получит все! — возмущенно вскричала Фьяметта.

Аббат Монреале нахмурился на ее вспышку:

— Так мне надо сражаться до последнего… монаха? Сожалею, Фьяметта, но среди монастырской братии мало кто годится для такой схватки. Я без колебаний воззвал бы к меньшому из них приять

мученический венец во имя веры, но принести их в жертву гневу не значит послужить святому делу. Я не уступаю Ферранте ничего, чего бы он не мог — и с большой охотой! — забрать сам!

— Но синьор Ферранте убил герцога!

— Нельзя требовать от обычного человека, чтобы он не оборонялся. Когда герцог Сандрино бросился на него, Ферранте должен был защищаться.

— Отче, я видела, как все произошло! Герцог Сандрино нападал только словами, хотя и злыми. Синьор Ферранте выхватил кинжал первым и тут же его заколол.

Аббат Монреале насторожился:

— Мне рассказывали иное.

— Посланник Ферранте? Со мной была мадонна Пия. Мы обе это видели. Спросите ее, если не верите мне.

— Ее здесь нет. Насколько мне известно, и она и кастелян были схвачены вместе с герцогиней и мадонной Джулией. — Монреале потер шею, словно она заныла, подошел к узкому окну и уставился во мрак. — Я верю тебе, дитя. Но это мало что меняет. Войско Лозимо уже выступило, и когда оно прибудет, противиться Ферранте — значит просто сделать хуже неизбежный исход.

Я видывал осады и знаю, до чего они доводят людей.

— Но синьор Ферранте пользуется черной магией! Разве вы не видели на пиру мертвого младенца?

— Не видел… что?! — Монреале вздрогнул, словно ужаленный осой.

— Младенца в ларце, в подставке под ногами Ферранте, которую Ури столкнул с помоста перед тем, как его пронзили мечом. — Она попыталась припомнить точно эту минуту всеобщего замешательства. Монреале был по ту сторону перевернувшегося стола, защищая Асканио, размахивая посохом в сумятице нападавших и спешивших на помощь, и пятился, пятился в глубину помоста.

— Подставку я видел, но не видел, как она открылась.

— А я видела. Она опрокинулась почти мне на ноги. Мою юбку защемило столом. Подставка была полна кусками соли, а среди них — этот жуткий ссохшийся трупик. Батюшка сказал, что дух девочки был в порабощении в безобразном серебряном кольце Ферранте с детской головкой — на его правой руке. Неужели вы ничего не почувствовали? Ферранте с помощью кольца

ослепил человека и хотел сделать то же с батюшкой, но батюшка… сделал что-то… и кольцо обожгло самого Ферранте. Батюшка сказал, что он освободил дух младенца, но как, я не знаю.

Аббат Монреале в волнении обернулся к своему секретарю:

— Брат Амброз, ты видел?

— Я был сбоку от вас, святой отец. Лозимонец прицелился снести вам голову мечом, и я отбивался от него стулом. Я очень сожалею.

— Не извиняйся! — Монреале расхаживал взад и вперед. — Кольцо… Кольцо! Ну конечно! Будь я про… то есть Господи меня помилуй! Так вот что в нем было.

— Так вы почувствовали что-то? — с облегчением сказала Фьяметта.

— Да, но мне следовало почувствовать больше! Что мог сделать Ферранте, чтобы спрятать… — Он повернулся к своему массивному книжному шкафу, словно притягиваемый магнитом, но покачал головой. — Попозже. Как жаль, что здесь нет твоего отца, Фьяметта.

— А что вы увидели в этом кольце, отче?

— Оно словно бы заключало простое заклятие против вшей и блох, которое мог бы носить кто угодно в амулете или ладанке у себя в кармане.

Я еще подумал, какое странное щегольство — заключать такой пустяк в серебро. Да, что-то было не так, но я подумал, что причина в плохой отливке. Однако если заклятие против вшей и блох маскировало другое — для отвлечения внимания… а уж за ним… — Он с шипением выпустил воздух сквозь сжатые зубы, и лицо у него посерело. — А что почувствовала ты, дитя?

— Уродливость.

— Устами младенца… Ты меня устыдила. — Он грустно улыбнулся. — Но ведь ты же дочь своего отца.

— Об этом-то я и начала вам рассказывать. Люди синьора Ферранте явились на постоялый двор, куда я приехала с телом батюшки…

И Фьяметта быстро описала свои неприятности с мастером Катти, его алчность, коптильню, странное похищение трупа щербатым браво и явления мастера Бенефорте в дыму и в лесном мусоре. Тейр подтвердил подробности их возвращения. С куда большими колебаниями Фьяметта поведала о признании мастера Бенефорте, касавшемся его предыдущего опыта с кольцом духов, хотя не назвала ни герцога Лоренцо, ни Флоренцию: пусть Медичи исповедуется сам. Она сказала, как страшится, что синьор Ферранте

намерен сделать дух мастера Бенефорте своим новым и более могущественным рабом. Слушая ее, аббат Монреале сутулился все больше.

— Батюшка взывал к вам, — заключила Фьяметта, — просил вас о помощи. Святой отец, что нам следует делать теперь?

Монреале глубоко вздохнул:

— Перед вашим приходом, дитя, я молился, прося Господа умудрить меня, ниспослать знак, показавший бы, что я поступаю правильно, соглашаясь на перемирие. Самая страшная опасность, заключенная в молитве. Порой Бог ниспосылает ответ. — Он устало кивнул секретарю. — Брат Амброз, порви договор.

Дюжий монах осторожно взял документ, который писал, когда впустил Фьяметту с Тейром, и медленно разорвал его пополам, В его устремленном на Монреале взгляде одобрение мешалось со страхом.

— Итак, монастырь ворота не откроет. Святой отец, так что же нам следует делать теперь?

Монреале зажмурился и потер морщинистый лоб.

— Тянуть время, брат. Посылать кроткие ответы и тянуть время. — Он посмотрел на Тейра, потом на Фьяметту. — Отведи этих измученных

детей в странноприимный дом. Я пойду в часовню предаться размышлениям перед службой. Если можно будет снять кого-то с поста пропеть ночные псалмы. — Он добавил вполголоса: — Наконец-то я понял, почему так много говорится о том, чтобы братия училась обходиться без сна.

Его секретарь пробормотал «аминь», взял свечу и сделал знак Тейру и Фьяметте выйти из кельи прежде него.

По пути в странноприимный дом возле главных ворот они прошли через двор с крытым колодцем. Даже в этот поздний послеполуночный час возле него в очереди за водой стояли два монаха, солдат и женщина. Один из монахов держался за ручку ворота, но не вращал ее.

— Как она, брат? — спросил Амброз, проходя мимо.

— Плохая, — ответил тот. — Совсем замутнела. Вот мы и ждем, чтобы ил осел, а потом опять начнем черпать.

Наконец он завертел ручкой и разлил воду из колодезного ведра в сосуды, которые держали солдат и женщина. Потом спустил ведро и вновь начал ждать. Брат Амброз пошел за солдатом.

— Не хватает воды? — спросил Тейр.

— Надо бы, чтобы пошел дождь и наполнил

наши цистерны, — ответил Амброз. — Обычно тут живет семьдесят человек братии. А теперь мы приняли пятьдесят — шестьдесят гвардейцев герцога Сандрино, среди них много раненых, а еще их семьи и те, что бежали от бесчинств в городе. Сейчас тут набито более двухсот человек. В лазарете теснота. Аббат Монреале думает приют отдать женщинам, а если еще будут раненые, укладывать их в часовне.

Когда они приблизились к лазарету, солдат с ведром свернул туда, и через его плечо Фьяметта увидела длинное помещение под каменным сводчатым потолком. Между деревянными кроватями были разложены соломенные тюфяки, и на всех лежали завернутые в одеяла тела. В тусклом мерцании двух масляных светильников блеснули остекленевшие горячечные глаза на заросшем щетиной лице. Между рядами пробирался монах в опущенном на лоб капюшоне, в глубине кто-то стонал от боли — протяжно, словно мычала корова. Через другую дверь брат Амброз провел их в странноприимный дом, единственное место в монастыре, куда в обычное время допускались посторонние. Он поручил Фьяметту усталой пожилой женщине в ночном балахоне. Ее седые волосы были заплетены на

ночь в косу, падавшую на спину. Фьяметта узнала в ней белицу из приюта при городском соборе. Амброз увел Тейра через трапезную для посетителей туда, где спали мужчины. Тейр неуверенно оглянулся через плечо и, прежде чем скрыться за дверью, помахал ей левой рукой.

В женском спальном помещении каменный потолок нависал, как в лазарете, но оно было меньше, и теснота в нем царила еще большая. И здесь между кроватями постелили тюфяки, а то и просто насыпали солому, прикрыв сверху одеялом На них вповалку лежали двадцать пять женщин и вдвое больше маленьких детей и девочек-подростков. Мальчиков постарше, очевидно, положили спать с мужчинами.

Фьяметта пробралась между спящими к дверце в глубине, за которой прятался нещадно использовавшийся и смрадный нужник. Теперь ей стало попятно, почему аббат полагал, что монастырь не выдержит долгой осады, даже если бы им удалось отразить штурм прибывших из Лозимо подкреплений, а это само по себе представлялось весьма сомнительным, В прошлую ночь, в это самое время, она воображала, что стоит им пробраться к Монреале, и он каким-то образом все уладит. И, судя по этой спальне, она была не единственной

монтефолькой, которая думала так. Но теперь…

Когда она вышла из нужника, белица проводила ее к куче соломы, на которой уже спали две девушки. Фьяметта сбросила погибшие туфли и улеглась рядом с ними. Пока хороша была и такая постель.

Глава 8

Ури… Тейр замигал слипающимися глазами, увидел каменный свод мужской спальни и раскинулся на жесткой постели — тонкий слой соломы, накрытый одеялом. Скверный сон, разбудивший его, рассеялся словно туман, когда он попытался вспомнить, что ему привиделось. Судя по тому, как болело его тело, солома не спасла его от каменного пола, хотя, конечно, синяками он был обязан бешеному лозимонцу, с которым дрался накануне ночью. Как же мучается сейчас Ури, тяжко раненный, брошенный в темницу его врагами? Какой ужас его терзает? У него, Тейра, есть солома, одеяло и свобода. А Ури, возможно, лежит на голых камнях.

Некоторые уже встали, другие продолжали спать. Рядом с Тейром заросший щетиной, пропахший застарелым потом монтефольский гвардеец закрыл глаза, перекатился на другой бок, стянув с себя одеяло, громко пустил ветер и снова захрапел. Тейр с трудом поднялся и встал в очередь к нужнику. Ну во всяком случае, темница Ури вряд ли так набита людьми.

Мучиться, одеваясь, ему не пришлось: он спал в одежде, своей единственной, потому что во вчерашней схватке потерял все, что имел. Ну так, значит, ему самое место здесь, среди неимущих монахов, пусть нищим он стал случайно, а не по обету. Он посвятит свою нищету Богу, как здешняя братия, добавив молитву поскорее его от нее избавить.

В трапезной монах давал всем по ломтю ржаного хлеба и наливал пива или разбавленного вина. Ломти были не очень толстыми, но, хотя хлеб оказался вкусным, попросить добавки при таких обстоятельствах Тейр не решился. Пиво же пришлось в самый раз и отлично промыло его пересохшие к утру рот и глотку.

Едва к нему вернулся голос, Тейр принялся расспрашивать об Ури всех, кто мог бы знать его брата. Они были с ним обходительными ради Ури, рассказывали свои страшные истории о кровавых схватках и спасении, но никто из них не видел своего капитана позже и не знал о его судьбе больше, чем аббат Монреале или Фьяметта. От мучительной неуверенности у Тейра заныла шея.

В трапезной были и женщины, но Фьяметты среди них не оказалось. Они говорили впол-

голоса, кроме одной бой-бабы, чьи гнусавые жалобы оглашали трапезную, пока она внезапно не опустилась на пол и не разрыдалась. Другая женщина увела ее в их спальню. Тейр потирал львиное кольцо и прикидывал в нерешительности, не спросить ли о Фьяметте какую-нибудь женщину. Но прежде чем он собрался с духом, его за плечо потрогал брат Амброз:

— Тейр Окс? Тебя хочет видеть аббат Монреале.

Тейр слизнул прилипшие к пальцам крошки, допил пиво, вернул кружку брату-трапезнику и последовал за Амброзом.

Секретарь провел его через двор, по коридорам, по галерее и вверх по деревянным ступенькам. Они вышли на плоскую крышу над кельей, где накануне их принял аббат. На севере изгибался контрфорс часовни. Угол крыши занимала деревянная голубятня. Рядом с ней, откинув капюшон, стоял Монреале. Амброз остановился и жестом остановил Тейра.

На руку аббата, зашумев крыльями, робко опустилась сизая голубка. Казалось, Монреале заговорил с ней, он прикоснулся губами к ее головке и поднял руку. С воркованием она, гремя крыльями, взмыла в небо, дважды облетела ча-

совню и исчезла вдали.

Похрустывая подошвами по высохшему голубиному помету, они направились к аббату, который обернулся на их шаги, улыбнулся им обоим и обвел взглядом небосвод.

— Ни один голубь еще не вернулся, отче? — почтительно осведомился Амброз.

Монрале вздохнул и покачал головой:

— Ни единый. Ни единый! Я страшусь за судьбу вверенных мне созданий Божьих.

Амброз наклонил голову, уловив двойной смысл, и оба посмотрели на юг, в голубую утреннюю дымку, приставив ладонь козырьком ко лбу. Потом Монреале решительно опустил руку и повел их назад по лестнице в свой кабинет, а затем через внутреннюю дверь в соседнюю келью.

Тейр остолбенел. Большие высокие окна прекрасно освещали обширное помещение со шкафами и ларцами для книг по стенам. Полки были заставлены всевозможными медными, керамическими и глиняными сосудами, флаконами из цветного стекла и таинственными коробочками с латинскими надписями. Два больших рабочих стола — один на середине кельи, другой у стены — были завалены всякими документами и тетрадями в матерчатых переплетах, носившими

следы частого употребления. В углу в высоком бочонке стояли посохи из разных пород дерева и длинным рылом вверх торчал мумифицированный крокодил — кожистые губы были вздернуты, открывая челюсть, наполовину лишенную зубов. С балок свисали сумки, и в одной красной шелковой сетке виднелся полупрозрачный клубок сухих сброшенных змеями кож. Еще один угол занимал оштукатуренный очаг. В нем, вычищенный, готовый к употреблению, стоял небольшой тигель, формой напоминавший улей.

Брат Амброз достал из шкафа круглое зеркало величиной с тарелку, вделанное в деревянную раму, и поставил его на стол в центре. Рядом он положил тамбурин — небольшой, обтянутый белесым пергаментом. Монреале сдвинул бумаги и расположил вокруг зеркала с тамбурином сушеные травы по четырем сторонам света, еле слышно бормоча что-то по-латыни. Брат Амброз закрыл ставни, и в выбеленной комнате стало темно и прохладно. Потом секретарь сделал знак Тейру, из деликатности и осторожности остававшемуся у двери, подойти ближе и наблюдать, но прижал палец к губам, показывая, что надо молчать.

Из флакончика голубого стекла Монреале уро-

нил капельку прозрачной жидкости на центр зеркала, и она блистающей пленкой растеклась по нему. Монреале подул на нее, и зеркало засветилось — но не отраженным светом. Тейр смотрел, вытягивая шею и затаив дыхание.

В зеркале закружился, заплясал вихрь разноцветных пятен. Тейр щурился, стараясь разобраться в этих желтых и оранжевых узорах. Внезапно он понял, что смотрит на черепичные крыши, смотрит вниз на город с большой высоты. Город в зеркале уходил назад с нечеловеческой скоростью птичьего полета. Впереди вырисовались желтые каменные и красные кирпичные стены замка, и движение словно устремилось по крутой дуге к вершине его башни и на мгновение прервалось, давая передышку. Тейр, совсем завороженный, сглотнул легкую тошноту. И тут же внизу под ним задергался внутренний двор, куда вела великолепная мраморная лестница, затем в зеркале возникла вторая точно такая же башня, На ее вершине два арбалетчика натягивали тетиву своего оружия, а худой, смуглый бритый мужчина в красном одеянии прислонялся к желтой кирпичной кладке стены и указывал пальцем. Тейр отогнал невольный страх, что смотрят они прямо на него. Худой крикнул,

арбалетчики прицелились и выстрелили. Все дернулось, накренилось. Еще один арбалетчик на первой башне позади птицы был к ней гораздо ближе. Тейр увидел, услышал, как зазвучала его тетива, посылая стрелу, вид в зеркале утонул в слепящей вспышке, и оно потемнело. Тут Тейр понял, что зазвучал тамбурин, но в его мыслях звук этот неразрывно связался с тем, что он видел в зеркале. Монреале охнул, как человек, которого пнули в живот.

— Нет… — простонал брат Амброз. — Еще одна!

Монреале уперся кулаками в стол. Его губы сомкнулись на словах, не напоминавших молитву.

— Они ждали. Ждали наготове, — сказал он яростно. — Каким-то образом они отличают моих птиц от всех остальных. — Он повернулся и раздраженно прошелся по келье. — Все-таки придется вечером испытать нетопырей. Даже у Ферранте не найдется арбалетчика, способного поразить в темноте летящего нетопыря.

— Но и мы в темноте мало что увидим, — сказал брат Амброз с сомнением.

— Зато услышим больше.

— Главным образом храп.

— Да. Но если синьор Ферранте действительно настолько предался черной магии, как его обви-

няют, ночью в замке должно твориться немало такого, о чем мы и не думали.

Брат Амброз помрачнел, перекрестился, кивнул и начал открывать ставни.

Аббат Монреале расправил сгорбившиеся плечи и с вымученной улыбкой обернулся к Тейру. Лицо его было бледным, в складках усталости, кожа под глазами опухла от бессонницы. Тейр спал на соломе и каменном полу, чувствуя себя мучеником. Теперь он подумал, что Монреале вообще не смыкал глаз, и решил не жаловаться на неудобства своей постели.

— Вы поставили меня в тупик, малый. Ты и Фьяметта. И пока ни молитва, ни рассудок не подсказали мне, где выход. А потому я буду еще молиться, а также отыскивать для моего бедного измученного рассудка новые предпосылки для новых поисков. Но как ты видел, мои птицы ко мне не возвращаются.

— Они — магические лазутчики? — спросил Тейр. Зеркало теперь отражало только потолочные балки.

— Таково их назначение. И во всяком случае, их постигает судьба пойманных лазутчиков. — Аббат потер морщины, глубоко залегшие между бровями. — Амброз, ты узнал человека в красном

одеянии на башне?

— Нет, отче. А вы?

— Нет… то есть чем-то он мне знаком. Но никакого имени в памяти у меня не всплывает. То ли я видел его в толпе, то ли очень давно. Что же, рано или поздно я припомню. Мои бедные голубки! — Он повернулся к Тейру. — Мне нужен более умелый лазутчик. Человек, который сам вызвался бы. Такой, чье лицо никому в Монтефолье не известно.

Тейр посмотрел по сторонам. В келье не было никого, кроме них троих, и почему-то ему показалось, что аббат говорит это не для Амброза.

— Узнай: это опасно. Я пробовал не только птиц. И потерял одного из наших братьев.

Тейр сглотнул и сказал с усилием, так что его голос прозвучал в тихой келье неестественно громко:

— Отче, я тоже потерял брата. Что вы хотите, чтобы я сделал?

Монреале улыбнулся и хлопнул Тейра по плечу.

— Хорошо сказано! Да благословит тебя Бог, юноша. — Он откашлялся. — Нам известно, что подручные синьора Ферранте разыскивают по всей Монтефолье людей, знающих металлы,

а сам он объявил о награде, которую получит любой мастер-литейщик, который теперь же явится к нему. Твой брат рассказывал о рудниках и плавильнях Бруинвальда. По-твоему, ты мог бы выдать себя за литейщика?

— Простого — да. Думаю, что выдавать себя за мастера мне долго не удалось бы.

— Сгодится и так. Я хочу, чтобы все было именно очень просто. Тебе надо только проникнуть в замок. И какую бы тебе ни поручили работу, высматривай укромные местечки, чтобы помещать там кое-какие мелкие предметы, которые я тебе дам. Там, где люди разговаривают. Там, где выставляются часовые, в обеденном зале. Если… если ты сумеешь попасть в кабинет герцога или в любую другую комнату, которой синьор Ферранте пользуется особенно часто, это было бы лучше всего. Если бы тебе удалось передать один из них герцогине Летиции… ну, вряд ли простого литейщика допустят в башню, где заперты пленники. Но если сможешь, сделай!

— Но что это будут за предметы, отче?

— Это я должен обдумать и приготовить их. Сегодня ночью, под защитой темноты и заклятия, которое я наложу, мы спустим тебя со стены. Стоит тебе отойти от монастыря, и вражеских солдат

ты вряд ли встретишь. В Монтефолью постарайся войти, когда на заре откроют городские ворота.

— Зачем синьору Ферранте нужны литейщики?

— Если бы я знал! Может быть, ты сумеешь разведать, э? Полагаю, он хочет привести в порядок пушки герцога Сандрино. Например, треснувшую бомбарду, которая разнесет бедный наш монастырь, если ее починят. Более легкие пушки все с отрядом незаконнорожденного отпрыска Сандрино в Неаполе, а то бы они уже долбили наши стены. Кто мог предвидеть, что сейчас неподходящее время отдавать войско внаем? Они ведь даже дальше отсюда, чем папские войска. Но Милан поддерживает мир, Венеции в этом году хватает забот с турками на Адриатике, и ей пока не до Монтефольи. Лозимо же предстояло связать себя с нами узами брака. Мне следовало бы… — Монреале умолк, слепо глядя на тени того, что могло бы быть. — Ну что же! — Он стряхнул с себя мрачность. — Какая у тебя есть одежда, сын мой?

Тейр развел руками:

— Только та, что на мне. Свой вьюк я потерял вчера ночью за стеной.

— Хм! Может быть, брат Амброз подыщет тебе что-нибудь не столь… деревенское у тех, кто

нашел здесь убежище. Такую одежду, в которой ты больше походил бы на того, кого будешь изображать. Да, кстати… — Монреале помолчал. — Откуда у тебя это кольцо?

Тейр прикоснулся к маленькой львиной маске.

— Правду сказать, оно не мое, отче. Это кольцо мадонны Фьяметты.

— А! Это многое объясняет. — Лицо аббата просветлело. — Работа Просперо Бенефорте? Как я не догадался. Советую тебе оставить его у Фьяметты. Литейщики подобных колец не носят. Тебе не следует привлекать к себе внимание, ты понимаешь?

— Я не могу его снять, отче! — И в доказательство Тейр подергал кольцо.

— Хм? — Монреале взял левую руку Тейра и нагнулся над ней, вглядываясь. По внутренней стороне его тонзуры щетинились отрастающие волосы, но ближе к макушке начиналась лысина, гладкая и блестящая. — А-а! Заклятие истинной любви мастера Клюни, бьюсь об заклад. — Он распрямился, улыбаясь. — И оно действует.

— Разве? — сказал Тейр. — Объясните Фьяметте, она будет так довольна! Она думала, что с магией у нее ничего не получилось.

Он умолк. Заклятие истинной любви? Что это

за заклятие? И как оно действует? Его охватил смутный страх. Так новое неясное томление порождено магией? От этой мысли делалось не по себе… Да нет же! Странно, что Фьяметту у него могут отнять. Но она же ему не принадлежит! Его левая рука властно сжалась.

— Его отлила Фьяметта? Не мастер Бенефорте? Прости, но я должен посмотреть на него поближе. — Он взял руку Тейра, но не уставился на нее пытливым взглядом, а закрыл глаза.

Тейр наморщил лоб. Аббат Монреале долго молчал, а когда выпрямился и открыл глаза, лицо его стало очень серьезным.

— Брат Амброз, будь добр, сходи за Фьяметтой Бенефорте.

Оставшись наедине с Тейром, Монреале скрестил руки на груди и прислонился к рабочему столу. Он задумчиво пожевывал нижнюю губу, глядя на свои сандалии. Потом пронзительно посмотрел на юношу:

— Тебе нравится эта девица, сын мой?

— Я… Очень нравится, отче, — твердо ответил Тейр. — То есть… так мне кажется. Нет, не кажется, а я знаю, что нравится. Но как воздействует на меня кольцо?

— На тебя? Никак. А вот ты, однако, воздей-

ствуешь на него. Принуждаешь его. Пожалуй, это можно выразить так. Считается, что заклятие Клюни обнаруживает истинную любовь, но это не совсем верно. Точнее будет сказать, оно обнаруживает верное сердце. — И он улыбнулся Тейру, продолжая пристально смотреть на него.

Тейр облегченно вздохнул. Значит, он не околдован. Ну да он так и не думал.

— Но честны ли твои намерения? — спросил Монреале. — Клюни тут не всегда дает точный ответ.

— Мои намерения? — повторил Тейр растерянно. — Какие намерения?

— Ты помышляешь о женитьбе или поддаешься греховной похоти? — объяснил Монреале.

Женитьба? Его словно отбойным молотком ударили по затылку. Тейр заморгал. Он — муж? Как… Как взрослый мужчина? Внезапно перед ним разверзлась бездна зрелости.

— Но… я не… Отче, если бы все было, как задумывалось… как я думал, когда письмо брата позвало меня в Монтефолью… Ури устроил так, чтобы мастер Бенефорте взял меня в подмастерья. Понимаете? Ну а бедняку-подмастерью ни о чем таком и помышлять нельзя. Много лет. А тогда она бы уж давно была замужем за каким-нибудь

богачом. Смел ли я даже подумать, что мог бы… сделать ее своей. Правда, мадонна Бенефорте нуждается в ком-то… — Тейр умолк. Голова у него шла кругом. Похоть? Но, женившись, он бы получил право на похоть. Благословение!

— Из-за смерти отца Фьяметта очень нуждается в ком-то, — сказал Монреале. — Родственников у нее здесь нет. Женщине не следует жить одной, без хозяина в доме, а юной девушке и подавно. Положение же Фьяметты Бенефорте еще хуже. Ей отовсюду грозят опасности. Да, бесспорно, ты ей неровня, но свидетельство кольца… необычно. Впрочем, ты просто слишком молод и беден, чтобы думать о семейной жизни.

Но он же ни о чем таком не думал, пока сам Монреале не произнес этих слов.

— Но твоя молодость не мешает мне послать тебя навстречу опасности, которая, боюсь… — Монреале умолк. — Помилуй меня, Господи! — Это было сказано почти шепотом, как молитва, но затем его голос снова стал звучным. — Редким счастливцам, сын мой, дано найти свое истинное призвание, свою истинную любовь или истинную веру. — Он кивнул на кольцо. — В нем не таится никакого зла для тебя.

В кабинете послышались шаги, и, наклонив

голову, в келью вошел Амброз, а за ним Фьяметта. Ее буйные кудри были на этот раз заплетены в толстую косу, что придавало ей более чинный и взрослый вид, хотя такому впечатлению несколько мешали соломинки, кое-где прилипшие к ее грязному бархатному платью. Если бы она выглядела не такой усталой и озабоченной, подумал Тейр. Накануне она засмеялась каким-то его словам, и ему захотелось, чтобы она опять засмеялась. Ее смех был как родниковая вода в жаркий день. К желанию как-то избавить ее от забот и тревог внезапно примешалась мысленная картина: она смеется на брачном ложе, ее смуглое нежное тело проглядывает в белой пене ночной сорочки…

Монреале придал лицу строгое выражение и указал на львиное кольцо:

— Его сделала ты, Фьяметта?

Она перевела взгляд с него на Тейра, а потом снова на него и сказала тихо:

— Да, отче.

— Под надзором своего отца?

Фьяметта сглотнула.

— Нет, отче. То есть и да, и нет.

Седые брови Монреале поднялись.

— Так как же? Да или нет?

— Нет! — Ее чеканный подбородок задрался. — Но он знал о нем.

— По-видимому, заниматься сомнительными кольцами — это родовая черта Бенефорте, — сухо сказал Монреале. — Ты же знаешь, что мастер Бенефорте не записывал тебя в свои подмастерья.

— Я училась ювелирному мастерству много лет, вы же знаете, отец Монреале.

— Работа по металлу меня не касается.

— Вы знали, что я помогала ему с заклятиями.

— Да, помощью, какая положена магу, имеющему разрешение. Но это не работа помощника. И не работа неумелого любителя. Откуда у тебя такие знания?

— Я ведь очень часто ему помогала, отче. — После долгого выжидательного молчания она добавила неохотно: — Заклинание я нашла в одной из книг батюшки, Вложить его в кольцо было нетрудно. Как лить золото, я уже знала. И просто старалась во всем следовать правилам. И как будто ничего не вышло. Даже вспышки не было. Сначала я огорчилась, мне показалось, что я не сумела, потому что… потому что Ури не надел его на палец. Я хотела подарить его ему.

— А! — сказал Монреале с внезапным интересом, но тут же замаскировал его откашлива-

нием.

— Но потом оказалось, что его никто не может надеть. Тот солдат и вор — хозяин постоялого двора хотели завладеть им ради золота, но не смогли. — Она покосилась на Тейра. — А… а оно действует, отче?

— Об этом мы поговорим позже. Так ты читала книги отца. С его разрешения?

— А… э… нет.

— Фьяметта, это грех непослушания.

— Вовсе нет. Он мне не запрещал. То есть… я не спрашивала. Но потом я узнала, что он все время следил за мной и ничего не говорил. А это почти позволение, правда?

Тейр мог поклясться, что аббат Монреале сдержал улыбку, услышав этот логичный вывод, но его лицо сохранило суровость.

— Мастер Бенефорте не обращался ко мне за разрешением для тебя.

— Он собирался. Но последнее время был просто слишком занят солонкой, и Персеем, и всеми другими заказами. Но я уверена, он собирался.

Монреале снова поднял брови.

— Ну хорошо, — Фьяметта вздохнула. — Я не уверена. Но мы об этом говорили, правда, правда! Я его просила, уж не знаю сколько раз. Отец Мон-

реале, я хочу стать магом! Я могу многое делать. Я знаю! Лучше, чем Тесео. Это несправедливо!

— Но и не одобрено, — сказал Монреале. — И не проверено надлежащим образом. Я видывал, как такая гордыня губила души, Фьяметта.

— Так дайте мне ваше одобрение! Батюшки нет, чтобы ходатайствовать за меня. И думается, я теперь могу просить за себя сама. Ведь больше некому. Я хочу стать хорошей, так помогите мне!

— Ты опережаешь меня, Фьяметта, — мягко сказал Монреале. — Прежде положены раскаяние, исповедь и епитимья. А потом отпущение грехов. А я еще даже не кончил мою проповедь о раскаянии.

Карие глаза Фьяметты загорелись предвкушением при этом проблеске юмора и поддержки за внешней строгостью Монреале. Она выпрямилась, чуть не запрыгав.

— Ах, поскорее наложите на меня епитимью, отче!

— Ты пойдешь к алтарю Пресвятой Девы в часовне и на коленях будешь молиться о ниспослании тебе терпения и смирения. Когда ты почувствуешь, что молитва твоя услышана, пойди вкуси полуденную трапезу, а затем возвращайся ко мне сюда. Мне немедленно нужен

умелый помощник для брата Амброза, который утомлен не менее меня. Сегодня днем мне необходимо завершить кое-что перед вечерней.

— Какое-то заклятие? И вы позволите, чтобы я… я помогала вам?!

— Да, дитя.

Она затанцевала вокруг аббата, а потом изо всех сил обняла, забыв про его сан. Он отстранил ее, невольно улыбнувшись.

— Но прежде ты должна укрепить свой дух в молитве, не забывай! И не требовать: «Матерь Божья, даруй мне терпение и даруй сейчас же!»

— Но откуда вы знаете? — Глаза Фьяметты заискрились.

— Хм! Ну что же, полагаю, ты можешь попытаться. Кто я такой, чтобы судить, что сделает Богоматерь в неизреченной своей милости? Чем быстрее наградит она тебя терпением, тем скорее я смогу поручить тебе что-нибудь А, да! Еще одно. Я посылаю твоего друга Тейра по одному делу, и, боюсь, большое золотое кольцо на его руке будет слишком бросаться в глаза. Я могу его сиять с помощью небольшого заклинания, но ты можешь просто снять его пальцами.

— Но… оно застряло. Я сама видела. Как же я его сниму, если Тейр не смог?

— Попросту говоря, ему этого не хочется.

— Нет, я правда старался, отче! — сказал Тейр.

— Я знаю. И когда не надо будет так торопиться, поговорю с тобой о структуре заклятия мастера Клюни.

Недоуменно хмурясь, Фьяметта повернулась к Тейру. Он послушно протянул к ней руку, и ее тонкие смуглые пальцы сомкнулись на львином кольце. Оно соскользнуло к ней в ладонь так легко, будто было смазано жиром.

Монреале протянул ей длинный ремешок:

— Советую, Фьяметта, носить его на шее, чтобы никто не видел. Пока не сможешь его вернуть. — Он посмотрел на нее загадочным взглядом.

Палец Тейра стал каким-то легким, холодным, опустевшим без его… нет, ее кольца. Он потер чуть ноющее место, уже чувствуя, как ему недостает уверенности, которую дарило прикосновение к кольцу.

За дверью послышалось шарканье сандалий, в филенку осторожно постучал монах, а потом всунул голову в щель.

— Отче? Герольд синьора Ферранте у ворот.

— Иду, иду! — Монреале махнул, чтобы он удалился. — Тейр, днем отдыхай. Когда настанет время, я пошлю брата разбудить тебя. Фьяметта,

жду тебя здесь после полуденной трапезы. Идите. — Он выпроводил их через кабинет в коридор, а сам задержался у стола с братом Амброзом.

Тейр спустился следом за Фьяметтой по лестнице в прохладу галереи по сторонам двора. На залитой солнцем траве важно прохаживались голуби, тщетно поклевывая землю в поисках крошек.

Между колоннами, поддерживающими арки галереи, стояли каменные скамьи. Соблазнившись, Тейр сел, и Фьяметта опустилась на край той же скамьи. Ее пальцы коснулись нового жесткого ремешка на шее, прижались к губам и легли на прохладный камень.

Вздохи ветра в соседнем лесу, птичий щебет и звонкие трели, приглушенные звуки голосов в монастыре — все навевало обманчивое ощущение мира и покоя. Тейру очень хотелось, чтобы так было на самом деле. Красота дня казалась жестоким обманом. За стенами, потея, кряхтя, угрожая, рыскали тупые звери вроде того, с кем он дрался в прошлую ночь. И он хотел оградить от них Фьяметту.

Фьяметта же все еще хранила блеск в глазах и вся кипела радостью, так что Тейру вспомнилась подпрыгивающая крышка на материнском

чайнике.

— Аббат Монреале верит в меня. — Она захлебнулась смехом. — Хочет, чтобы я помогала… но с чем, хотела бы я знать?

— Может, с соглядатными предметами? — сказал Тейр.

— Соглядатными предметами?

— Он хочет, чтобы я выдал себя за литейщика и пронес в замок Монтефольи соглядатные предметы и попрятал их там и сям. Его птицы-лазутчики перехватываются, понимаете?

— Он хочет, чтобы ты выбрался из монастыря? Несмотря на осаду?

— Мы же пробрались. («Еле-еле!») Он пошлет меня, когда стемнеет.

Фьяметта замерла. Тейр ждал, что она скажет «побереги себя» тем тоном, каким говорила это его мать каждое утро, когда он уходил на рудник.

— Дом моего отца на другом конце города, если идти от замка. Вряд ли ты сможешь туда выбраться и посмотреть, стоит ли он еще, но если представится случай… это последний дом на виа Новара. Самый большой, квадратный. — Она помолчала, и в ее голосе наконец-то зазвучала тревога. — Аббат Монреале ведь не поручает тебе

ничего слишком сложного, правда?

— Нет.

Он отвел взгляд от нее на залитую солнцем траву, где полувзрослый кухонный котенок подбирался к голубям. Большие уши, серая шерсть в черную полоску и не по росту большие белые лапы. Усы у него топорщились, глаза косили — таким напряженным стал его взгляд. Он припал к земле, виляя всей задней частью туловища в подготовке к прыжку.

Женитьба? Жар и мягкость этой девушки принадлежат ему одному? А что, если… Но ведь аббат Монреале сказал бы что-то, если бы…

— Мадонна Бенефорте, — выпалил он, — вы же еще не помолвлены?

Она отодвинулась и неуверенно посмотрела на него.

— Нет. А почему ты спросил?

— Да просто так, — промямлил он.

— Вот и хорошо, — сказала она слабым голосом, вскочила и попятилась вдоль скамьи. — Мне надо в часовню… Прощай. — И она убежала по галерее.

В траве котенок прыгнул и промахнулся. Голубь улетел во всполохе крыльев. Котенок задрал голову, хлеща хвостом и скаля зубы, пока по-

следняя надежда не исчезла за краем крыши. Котенок смущенно побрел к галерее, подошел к Тейру и лег возле его ноги. Потом посмотрел на него и, громко жалобно мяукнув, будто Тейр мог вытащить из кармана бескрылых голубей, как фокусник-маг на ярмарке. Но в ту минуту Тейр ну никак не чувствовал себя магом. Он подобрал котенка и почесал у него за ухом.

— А что бы ты сделал, кис-кис, если бы схватил его? Он же куда больше тебя. — Котенок неистово замурлыкал и потыкался мордочкой в ладонь Тейра. — В моих горах водятся птички, которые запросто позавтракали бы тобой. Сначала тебе нужно подрасти. — И Тейр вздохнул.

Остаток утра Тейр провел, помогая замученным хлопотами монахам. Крутил колодезный ворот, носил воду солдатам на стенах, помог расставить столы на козлах для полуденной трапезы, а потом — убрать их.

Он полагал, что никак не сумеет заснуть, но из почтения к аббату улегся на свое соломенное ложе. После жары и суеты снаружи спальня казалась особенно тихой и прокладной. За плечо его тряс монах, и он с радостью очнулся от еще одного мучительного сна, которого, к счастью, не помнил. Последние багровые лучи солнца,

оглаживая вершины холмов, проникали горизонтально в прорези окон, и в них танцевали оранжевые пылинки.

После ужина из жареного хлеба с тончайшим ломтиком сыра и долькой чеснока брат Амброз повел Тейра в прачечную поискать одежду на него. Они подобрали короткую стеганую коричневую куртку и настоящие вязаные чулки-трико из выкрашенной красной шерсти, которые пришлись ему впору. Одежда была не новой, но зато только что выстиранной. Тейр никогда не носил чулок-трико, а только штаны, скроенные и сшитые матерью «на вырост». Он смущенно оглядел свои алые бедра, такие яркие и словно бы ничем не прикрытые. Красная шапочка довершила его наряд.

Они вышли из прачечной, углубились в лабиринт монастырских переходов и очутились в дворике у подножия колокольни, где уже сгущались светлые сумерки. Брат Амброз остановился там. По толстым плетям обвивавшего колокольню плюща неуклюже спускался монах, поблескивая голыми ногами, полы его одеяния были заткнуты за пояс. В зубах он держал холщовый мешок. Амброз охнул — одна обутая в сандалию нога соскользнула и заболталась в

воздухе, однако монах удержался и благополучно завершил спуск.

Тяжело дыша, он одернул свое одеяние и сунул Амброзу бугрящийся мешок. Бугры двигались.

— Вот твои нетопыри. А теперь я могу пойти поесть?

— Благодарю тебя, брат. Это ведь не было так уж трудно?

Монах одарил его взглядом небратской нелюбви.

— В следующий раз, — просипел он, — попробуй сам. Хватая их, я чуть не сорвался, а два меня укусили. — Он предъявил крохотные ранки на пальце и выдавил из них бисеринки крови в подтверждение своих слов. — Спой эту песню, сказал ты, и они сами залетят в мешок. Ха! Куда там!

— Тебе надлежало пропеть заклинание с истинной любовью и добротой, — попенял ему Амброз.

— К не-то-пы-рям? — Губы монаха искривились от негодования.

— К любому созданию Божьему!

— Как же, как же! — Монах насмешливо ему поклонился. — А теперь я иду ужинать — если на кухне хоть что-нибудь осталось, пока аббату не понадобилось ведро уховерток! — И он возмущенно удалился.

Брат Амброз взял поудобнее шевелящийся мешок и повел Тейра дальше.

Рабочую келью аббата Монреале озаряли свечи. Фьяметта сидела на перевернутом бочонке, упираясь локтями в стол. Тейр с тревогой вгляделся в нее. Она казалась уставшей, но довольной. Аббат расхаживал по келье.

— Отлично, — сказал он, когда Амброз и Тейр вошли. — Тейр, оглядись-ка и скажи, видишь ты тут что-нибудь новое.

Недоумевая, Тейр послушно обошел стол. Сушеный крокодил все так же ухмылялся в своем углу, а расположил ли аббат по-другому хаос на своем столе, Тейр решить не мог.

— Нет, отче.

Монреале улыбнулся Амброзу с некоторым торжеством.

— А перед Фьяметтой на столе — что? Нет, не гляди!

— Поднос.

— Но что на подносе?

— Я… я не знаю.

— Отлично. — Монреале провел ладонью перед глазами Тейра. И Тейр сразу же посмотрел на поднос.

На подносе аккуратными рядами лежали две-

надцать маленьких тамбуринов, обтянутых белым пергаментом, — таких крохотных, что каждый можно было спрятать в ладони. Тейр готов был поклясться, что мгновение назад их там не было.

— Вы сделали их невидимыми, отче? — Тейр взял тамбуринчик и оглядел его со всех сторон.

— Нет. И жалею, что не могу. Как не могу сделать их меньше или придать им вид более обычных предметов. Просперо Бенефорте что-нибудь да придумал бы, не сомневаюсь. — Монреале грустно вздохнул. — Но у нас нет времени на поиски. Ну, их хотя бы нелегко заметить. И все же, когда будешь их размещать, подыскивай такие места, где они будут укрыты от взглядов. Обязательно сухие и так, чтобы ничто не касалось пергамента. Последи, чтобы они могли свободно дрожать.

— А зачем они?

— Это маленькие уши. Уши и рты в гармонизированных парах. Все, что ухо услышит в замке Монтефольи, его рот скажет слушающему монаху здесь в монастыре. Поскольку к каждому рту придется приставить монаха, постарайся укрывать их там, где могут сказать что-то важное, хорошо?

— Попытаюсь, отче. А надолго их хватит?

— На день или около того. Я еще не нашел

способа сделать это заклятие менее летучим. А потому приводи их в действие, только когда спрячешь. Это подобие соглядатного заклятия, которое я накладываю на моих птиц, но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь использовал его без посредства живого существа. Я было подумал о тараканах, но они ведь склонны убегать в безопасные щели, если только их не покалечить. Но тогда они погибают.

А Тейр-то думал, что про уховерток было сказано в шутку!

— Не знаю, пробовал ли кто-то это раньше и потерпел неудачу, или хотя бы отчасти преуспел, но скрыл… Слишком много скрытности в этих делах. Если бы все колдуны объединяли знания во имя общего блага, а не берегли бы ревниво свои секреты, как далеко мы продвинулись бы! Даже в Церкви нас разделяют гордыня и страх. Я размышлял над этим уже довольно долго, но лишь сегодня додумался расщепить пергамент и поделить тонкие половинки между ухом и ртом, чтобы использовать их конгруэнтность. Я не нашел способа заставить ухо слышать, если живое есть только с одной стороны. Но теперь два — это одно, а одно — два.

— А нельзя ли мне иметь при себе рот, чтобы

вы могли говорить со мной?

— Увы, как ни жаль! Но ты ведь не ученый маг и не можешь все время обновлять заклятие и говорить так громко, чтобы тебя слышали. — Он тревожно нахмурился. — Надеюсь, такое расстояние не станет им помехой. Ведь испытать их мы могли только через двор. Молю Бога, чтобы расстояние между замком Монтефольи и нашим монастырем оказалось не слишком большим для них.

Монреале начал укладывать половину тамбуринчиков в старую холщовую сумку среди запасной одежды и прочего, что могло быть у молодого литейщика, ищущего работы. Амброз осторожно подвесил свой мешок к потолочной балке. Тейр спросил у Фьяметты:

— День прошел для вас удачно?

— Да, — ответила она весело. — Хотя делала я почти то же, что для батюшки. И, кажется, он будет пользоваться моей помощью как подмастерья, хоть и не имеющего разрешения.

По ее тону Тейр не понял, довольна она или досадует. Но в ее глазах светилась сдержанная уверенность в себе. Он невольно улыбнулся ей в ответ, а она прошептала, прикрыв рот ладонью:

— Расщепить пергамент придумала я! Вспомни-

ла, как батюшка расщеплял кожу, чтобы сделать потайной карман в своем кошеле.

Монреале взял последний тамбуринчик и рассеянно оглядел его.

— Каким благом было бы… Что, если бы каждый год Церковь собирала в книгу лучшие из новых найденных заклинаний и рассылала их копии во все епархии. Многие предпочли бы такую славу хранению своих секретов… Ну что же. Вот так. — Монреале завязал новую сумку Тейра. — Ты хочешь еще о чем-нибудь спросить?

О чем? Все же было так просто! А давящую внутри его тяжесть Монреале убрать не мог. Но кобольд же обещал, что он останется жив, если отправится к огню. Но чего стоит слово кобольда?

— Отче Монреале, могу ли я полагаться на слово демона?

— Что-о?! — Монреале в изумлении стремительно обернулся. — Какого демона?

— Кобольда. Мы их называем горными демонами. Я разговаривал с одним в руднике.

— А-а! — Монреале вздохнул с облегчением. — Не пугай меня так, малый. Кобольды не демоны.

— Правда?

— И совсем не похожи на них. Кобольды — и наяды, и дриады, и все им подобные — они… э…

естественные сверхъестественные народцы. Так сказать. У каждого есть своя практическая магия, согласная его природе, но она врожденная, а не выученная. Никто из них не способен превзойти свою природу в отличие от мага-человека, объединяющего магию духовную и практическую. Отцы Церкви определили их как отдельное творение Божье, но не принадлежащее телу Христову, как люди, и не подвластное людям, как, например, лошади. Они просто… другие. В сравнении с людьми они живут очень долго, во всяком случае, некоторые, но они смертны. Касательно природы их душ существуют разные мнения и даже ереси, однако толком ничего не известно. Их создал Бог, и значит, у них есть назначение, но ведь Бог создал львов, и волков, и головных вшей. И мы не обязаны терпеть от них докуку. К счастью, духовная магия Церкви в случае нужды лишает силы их практическую магию. — Монреале заметно увлекся, и Тейр воспользовался этим.

— Но тогда что такое демон?

— А!.. — Монреале запнулся и помрачнел. — Боюсь, демоны для нас почти то же, что турки. Наши братья. Демоны — человеческого происхождения, а потому их зло неизмеримо опаснее для нас, чем злокозненные шутки тихого народца.

Фьяметта посмотрела на него. От страха ее глаза сузились. От страха… перед чем? Тейр не осмеливался искать ответа.

— Но что такое демоны по-настоящему, отче?

Монреале беспокойно нахмурился:

— Фьяметта, пойми. Ты не должна обсуждать это без надлежащего духовного руководства, иначе ты можешь впасть в ересь или в заблуждение. Для тебя все должно быть очень ясным. Если ты будешь постигать магию, как надеешься, то перед тобой откроются… некие соблазны, неведомые непосвященным.

— Это имеет какое-то отношение к батюшке? — быстро спросила она.

— Увы, да. — Монреале помолчал. — Демоны — это призраки.

— Батюшка не демон!

— Пока нет, ты права. Но ему, возможно, угрожает опасность стать им. Видишь ли, души, получившие последнее отпущение грехов, отправляются к Богу. Некоторые чистые души возносятся к нему даже без отпущения. Но порой… почти всегда при внезапной безвременной кончине, причина которой — несчастный случай или убийство, дух не отлетает.

— Так говорил и батюшка.

— Да. Со временем большинство из них исчезают подобно дыму под ветром, потерянные для человека и Бога. Или, во всяком случае, для человеческого зрения. Вот таких можно на время заключить в кольцо или иную материальную матрицу, питать и удерживать.

— Как удерживать?

— Такие ритуалы существуют в избытке. Причем действенные смешаны со множеством вздора, безобидного или ужасного. Грех создания кольца духов не только в том, что душе препятствуют вознестись к Богу, но и в этих ритуалах. Когда тщащийся стать магом верует, будто великие преступления даруют великую власть, он часто по-глупому путается и ошибается. Как, наверное, смеется Люцифер! Бесконечный гнусный вздор. Я ненавижу эту чушь. Когда дух перестают удерживать, он понемногу исчезает.

— Разве он не попадает в ад?

— Ад, как открыл нам Святой Августин, это не место. Это вечность. Что совсем не конец времени. Ад — здесь и сейчас. Как и рай. В определенном смысле. — Он заметил ошеломленные лица Тейра и Фьяметты и помахал рукой. — Но оставим это. Есть еще одна категория призраков. Иногда каким-то образом дух удерживает себя

сам без тела, кольца или иного материального якоря. Некоторые становятся пожирателями греховности и питаются страхом, гневом, отчаянием — и тщатся побуждать к таким грехам, чтобы поддерживать себя. Некоторые выискивают колдуний и магов, чтобы соблазнить их, заручиться их помощью. Таково происхождение истинных демонов. Они, благодарение Богу, очень редки. Гораздо более редки, чем рассказы легковерных невежд внушают вам.

Монреале потер лицо, разглаживая глубокие складки тревоги.

— Однако, судя по вашему описанию, призрачная сила Просперо Бенефорте уже почти настолько велика. Создать временное тело даже из такой невесомой субстанции, как дым, было немалым свершением. А в руках Ферранте, порабощенный кольцом, получая в пищу то, чем будут его кормить, он может стать ужасным.

— Батюшка не станет творить зла!

— Просперо Бенефорте был человеком. Очень неплохим человеком по людским меркам. Не отягощенным ленью и чревоугодием… ну, быть может, иногда уступал гордости и гневу. И алчности. Но все мы, даже лучшие из нас, в чем-нибудь да грешны. Возможно, некоторое время он бу-

дет противиться Ферранте. Но рано или поздно приманка жизни, во всяком случае продолжения существования в мире воли, может оказаться неотразимой. Я своими слабыми силами не сумел бы противостоять подобному соблазну и лишь уповал бы на Божье милосердие, моля о спасении.

Фьяметта сидела, словно оледенев. Тейр понял, что она ищет, как избежать этого нового неожиданного ужаса.

— Он взывал к вам, — напомнила Фьяметта.

— Да, — признал Монреале. — Уповаю, он не назвал мое имя вместо Божьего. Я дам тебе особые молитвы, Фьяметта. А пока мы попробуем остановить Ферранте с помощью всех средств, дарованных нам Господом.

Аббат Монреале отвел Тейра на южную стену, к месту далеко в стороне и от главных ворот, и от боковой двери. Чтобы добраться туда, им пришлось пройтись по крыше прачечной. Луны не было, а брат Амброз затемнил свой фонарь. Тейр прищурился, пытаясь взглядом проникнуть в глубь ближнего леса. Если он не сумеет разглядеть солдат, может, и они не сумеют разглядеть его.

Монреале и Амброз казались тенями монахов.

Только льняные рукава Фьяметты белели смутным пятном. Тейр все думал, а вдруг Монреале накинет ему на плечи плащ-невидимку, но Монреале лишь произнес нараспев какое-то заклятие. Быть может, из-за всей этой магии вокруг он стал более восприимчив к ней — во всяком случае, на этот раз он почувствовал, как при словах Монреале его окутало что-то неясное.

— И они совсем не смогут меня увидеть? — прошептал Тейр.

— Почти, — так же тихо ответил Монреале. — Это заклятие сродни тому, которое я наложил на мои ушки. Оно рассеется через несколько часов. Если солдаты Ферранте увидят неясное пятно, услышат какой-то звук, они решат, что это какое-нибудь животное, или подумают, что им почудилось. Но если ты наткнешься на кого-то, как вчера ночью, заклятие тебе не поможет, так что остерегайся.

Неужто они пришли в монастырь только вчера ночью?

— Да, отче. — Тейр взял веревку, проверил ее, вскинул ноги и, сев верхом на парапете, натянул шапочку поплотнее.

Фьяметта стояла на крыше, обхватив себя руками от холода. Ее юбка была как черная колы-

шущаяся вода. Ее лица Тейр не разглядел.

— Тейр… — сказала она. — Побереги себя. Э… новая одежда тебе очень к лицу.

Тейр кивнул, испытывая прилив бодрости. Он пропустил веревку между руками и начал спускаться.

Глава 9

Оставшиеся темные часы Тейр продремал под деревом вблизи дороги, в четверти мили от северо-восточных ворот Монтефольи. Наконец за восточными холмами разлилось золото зари. Он перевернулся на бок и уставился на пыльную дорогу. Он не хотел войти в город первым. Или вторым. Слишком заметно. Пожалуй, третьим. Дорога оставалась странно безлюдной для такого часа и в такой близости от города. Значит, все, кто мог, старались держаться подальше от солдат. Но в конце концов по дороге проехал всадник — скорее всего лозимонец, а затем прошел старик, катя тачку с овощами. Дав ему отойти, Тейр вышел на дорогу.

Впереди возникла городская стена, и Тейр сглотнул. Сложенная из тесаных камней и кирпича подревнее и поновее, она спускалась до берега озера и убегала вверх, обнимая Монтефолью, оберегая ее от бед. Длиной в милю, не меньше, решил Тейр. И Рим такой же? В ясном утреннем свете город казался волшебным, чарующим. «И это построили люди? Так какие еще чудеса спо-

собны сотворить люди?» Правда, местами стена нуждалась в починке, где выкрошились камни. Он еще больше повеселел. Что удерживало его в Бруинвальде, когда в конце дороги его ждало подобное? Ури пытался рассказать ему.

Мысль об Ури, который, возможно, уже много дней лежит раненый среди жестоких врагов без ухода и помощи, подстегнула Тейра, и он вскоре догнал старика с тачкой. Ворота помещались в арке квадратной башни, крытой красной черепицей. Там старика остановили трое стражей. Невооруженный мужчина в городской ливрее и двое лозимонцев с мечом на боку. На обоих все еще были пышные ливреи, сшитые для процессии в честь помолвки — праздничные зеленые с золотыми полосками туники и зеленые короткие плащи с вышитыми на них гербами Ферранте. Теперь эта праздничная одежда стала грязной и рваной — после схватки, для которой отнюдь не предназначалась, и недели осады.

— Редька? — сказал городской стражник недовольно, копаясь в содержимом тачки. — Только редьку вы нам и везете?

Впрочем, в тачке, кроме редьки, лежали пучки салата и весеннего лука.

— Наши молодцы привезут что-нибудь, не по-

хорошему, так по-плохому, — проворчал более высокий из лозимонцев. — Не забудь сказать своим соседям. Если мужичье припрятывает припасы, мы их отыщем!

Старик пожал плечами, не решаясь возразить, и покатил тачку дальше, а городской страж посмотрел на Тейра.

— Какое у тебя тут дело? Ты ведь не здешний.

Тейр робко мял в руках шапочку.

— Ищу работу, господин хороший. Мне говорили, что в замке требуются литейщики.

Городской страж хмыкнул и записал имя Тейра, который назвался Тейром Вилем, а также его дело в свою книгу.

— А откуда ты?

— Из Мейсена. Альтенбурга, — наугад брякнул Тейр. Как-то раз он повстречал калеку-рудокопа из Альтенбурга, полуослепшего, с руками, изъеденными едким кадмием. Место это казалось очень удачным — так далеко отсюда!

— Немецкий литейщик, а? — сказал лозимонец пониже. — Они будут рады заполучить тебя.

Тейр обрадованно обернулся к нему:

— А вы не знаете, куда мне пойти и с кем поговорить, господин хороший?

— Иди в замок. Направо и прямо по главной

улице. Там спроси секретаря синьора Ферранте, мессера Никколо Вителли. Рабочих он нанимает.

— Спасибо вам, господин! — И Тейр поторопился уйти.

Улицы были узкими, точно овраги между высокими каменными домами и лавками. Небо вверху превратилось в голубую ленту. Теперь, глядя на город не с высоты, а изнутри, Тейр не узнавал ничего, кроме красок.

В это утро людей на улицах почти не было. Внезапно Тейра будто что-то ударило: ведь куда проще сначала посмотреть, что сталось с домом Фьяметты, прежде чем в замке его поставят работать, только Богу известно, над чем и как. Он остановил прохожего, гнувшегося под вязанкой хвороста, и спросил, как пройти на виа Новара.

Оказалось, что лежит она в противоположной стороне от замка. Посреди мощенной булыжником главной улицы тянулась сухая сточная канава. Виа Новара он нашел почти у восточной стены города и зашагал по ней вверх.

Вот этот большой квадратный дом?! Тейру он показался дворцом. Весь из тесаного камня, окна внизу защищены затейливыми чугунными решетками — точно виноградные лозы с резными листьями, на втором этаже более высокие окна

закрыты деревянными ставнями. Как подходит этот дом для Фьяметты! Он будет хранить ее будто живую драгоценность в своих стенах, будто маленькую ломбардскую принцессу. Неудивительно, что она так о нем тревожилась.

Толстая дубовая дверь была вделана в арку из белого мрамора, приятно контрастировавшего с желтоватостью тесаного камня стен. Дверь стояла распахнутая и охранялась вооруженным лозимонцем в зеленом плаще с гербом. На улице поблизости молоденький лозимонский конюх со свежим румяным лицом держал поводья двух лошадей. На одной была простая кожаная сбруя. Второй, крупный ухоженный гнедой с броской белой звездочкой во лбу и белыми чулками, щеголял золочеными удилами, зелеными, усаженными золотыми бляхами поводьями и такими же ремнями сбруи, но вдобавок украшенными шелковыми кистями. Тейр нерешительно остановился.

— Чего тебе надо? — подозрительно спросил солдат.

— Мне сказали, что секретарь синьора Ферранте мессер Вителли нанимает литейщиков, — начал Тейр с тяжелым северным выговором и хотел добавить «а я сбился с дороги и заблудился в

городских улицах», но тут солдат пожал плечами и понимающе махнул рукой.

— Так иди.

Тейр в растерянности проскользнул мимо него и остановился в выложенной каменными плитами прихожей, давая глазам свыкнуться с полумраком. Справа от него дверь вела в пустую мастерскую — рабочие столы, повсюду разбросаны инструменты — скинуты со стоек по стенам, понял Тейр. Столы сдвинуты, один опрокинут. Грабители, видимо, тут пошарили, но пока не забрали инструментов. Тейр пошел дальше, на залитый солнцем внутренний двор.

Во дворе был собственный колодец. Небольшой пруд высох. Возможно, прежде здесь был разбит сад, но теперь от него мало что осталось. Он превратился в подобие мастерской, где виднелись начатые и брошенные воплощения каких-то сатанинских замыслов. Взгляд Тейра выискивал смысл в словно бы хаотичном нагромождении воротов, кирпичной кладки, канав и помостов.

Мастер Бенефорте построил горн прямо у себя во внутреннем дворе. Ниже в яме стояла большая глиняная глыба, истыканная мелкими трубками, обхваченная железными обручами, окруженная подпорками. В глыбе чувствовалось что-то смут-

но человеческое, какое-то стихийное болотное чудовище тщилось обрести форму. Несомненно, тот великий Персей, о котором говорила Фьяметта. Древесный уголь в яме указывал, где из формы вытапливали воск, высушивая и готовя ее для расплавленной бронзы. Вокруг фигуры был насыпан земляной вал, там и сям проткнутый глиняными трубками. Надо всем был натянут холст, чтобы предохранить обожженную глину на случай дождя.

С деревянной галереи, опоясывавшей двор вверху, донесся басистый голос:

— Тут тоже ничего.

Послышались шаги, и, обернувшись, Тейр увидел, что на него, опираясь на перила, смотрит сверху обладатель басистого голоса.

Могучего сложения человек лет тридцати в кольчуге поверх стеганой куртки и в кожаных сапогах для верховой езды. Начальник, судя по его мечу и уверенному виду. Темные волосы были подстрижены в кружок так, чтобы не выбиваться из-под шлема. Он был брит, хотя на его подбородке и щеках темнела уже пробивающаяся свежая щетина. Его лицо выглядело бы тяжелым, если бы не живые черные глаза, которые теперь изучали Тейра без малейшего страха, будто взвешивая.

Опирающаяся на перила рука была забинтована полоской белого полотна.

Еще шаги, и на галерее напротив появился еще один мужчина. Тейр придал своему лицу полную неподвижность, потому что узнал его — человечек в красном одеянии, которого он видел на башне в зеркале Монреале отдающим распоряжения арбалетчикам.

— Здесь тоже ничего, — сказал он, поглядел вниз и увидел Тейра. — Кто это? — Он нахмурился. Тейр вновь сдернул шапочку.

— Простите меня, господин. Я литейщик, и страж у городских ворот сказал, что мне надо пойти к мессеру Вителли.

— А! — Человечек перестал хмуриться. — И он послал тебя сюда? Что же, ты меня нашел.

Тейр подумал, что его проклятому таланту отыскивать потерянное недостает разборчивости. Он не знал, насколько он готов к встрече с мессером Вителли. Хотя тот выглядел щуплым писарем, несколько обделенным подбородком, с блестящими глазами, как у дрозда, и каким-то подергиванием в каждом движении. Так почему же Тейру стало не по себе?

— А ты, случайно, не мастер-литейщик? — осведомился Вителли.

— Нет, мессер.

— Жаль. Но по виду ты достаточно силен. Считай себя нанятым. А загадки ты разгадывать умеешь?

— А?

— Силен, но не слишком сообразителен. Поднимись сюда.

Тейр послушно поднялся по лестнице на галерею и остановился перед человечком в красном. К ним неторопливо подошел человек в кольчуге.

— Мы кое-что ищем, — сказал Вителли Тейру. — Книгу, а может, связку бумаг. И запрятано это хорошо.

Дальше на галерее стоял открытый ларец, доверху полный книг и бумаг.

Тейр указал на ларец:

— А там его нет, мессер?

— Нет. Но ищи похожее. Они все ценные, но не то, что мы ищем.

Человек в кольчуге пробасил:

— А почему ты так уверен, что она вообще существовала, Никколо? По-моему, мы только зря теряем время. Или же Бенефорте сжег ее давным-давно.

— Она должна существовать, ваша милость. И если она была у него, он бы ее ни за что не

уничтожил. Ни один маг на это не способен. То есть если он уже прошел эту часть пути.

Ваша милость? Так, значит, это синьор Ферранте собственной персоной? Тейр прикинул, не выхватить ли ему свой маленький кинжал и не попытаться ли покончить с ним теперь же. Однако его кинжал больше привык резать хлеб. А человек в кольчуге совсем не походил на дьявола во плоти, каким его рисовал себе Тейр. Обычный человек, даже привлекательный. И он в кольчуге и не подставляет спину. Видно, это привычка — даже проходя мимо них в следующую комнату, спиной он к ним не повернулся, не допустил даже Вителли оказаться позади себя. Затем из комнаты вышел еще один солдат в зеленом плаще, и удобный миг был упущен.

— Помогай ему, — приказал Вителли Тейру, указывая на солдата. — Простукивайте каждый кирпич, проверяйте каждую доску. Ни одной не пропустите.

— Слушаю, мессер. — И солдат кивнул Тейру, чтобы он следовал за ним.

И вот Тейр начал простукивать камни, проверять штукатурку, скорчившись на полу, просовывать свой кинжал в щелку за щелкой. Так они проверили одну комнату, потом вторую.

Вителли просунул голову в дверь:

— Кончайте с этим этажом. Пойдем проверим подвалы.

«А я бы пошел вверх, а не вниз», — подумал Тейр машинально, но удержался и не сказал этого вслух. Нет уж, сейчас не время блистать своим талантом — или удачей, или тем, чем бы это ни было. Вот в этом он не сомневался. И он ползал по полу, не обращая внимания на потолок.

Следующая комната, как он, вздрогнув, сообразил, когда они в нее вошли, принадлежала Фьяметте. Деревянная кровать была разломана, матрас распорот во время первых поисков сокровищ золотых дел мастера. Два сундука были перевернуты, их содержимое вытряхнуто на пол, хотя теперь от него осталось только несколько старых полотняных рубашек. Конечно же, Фьяметта одевалась не только в них. Но все из хороших тканей, без сомнения, забрали. Испытывая странное чувство, словно было поругано что-то чистое, Тейр поставил сундуки на дно, собрал рубашки, неумело сложил их и убрал в сундук. Хохотали ли солдаты, отпуская грязные шуточки, копаясь в ее одежде? Тейр не желал, чтобы кто-нибудь смеялся над Фьяметтой, над ее достоинством, которое она так упрямо хранила.

— Иди-ка сюда! — скомандовал солдат нетерпеливо, заметив, что он оставил поиски. Тейр послушно начал простукивать стены. В стенах ничего не было, в этом он не сомневался. Одна стена, две, три…

— Эгей! — воскликнул солдат с пола в углу. — Нашел! — Он вытащил короткую половицу, подцепив ее кинжалом. Под ней лежал сверток бумаг, перевязанный шелковой лентой. Солдат схватил сверток, торжествующе взмахнул им, ухмыльнулся и побежал искать своего господина. Тейр последовал за ним.

Синьора Ферранте и мессера Вителли они нашли на кухне — они только что выбрались из овощного подвала, перемазанные и злые.

— Вот, ваша милость! — Солдат возбужденно протянул сверток.

— Ха! — Вителли схватил его, сдернул ленту и разложил листы на кухонном столе, щели которого желтели напоминаниями о муке, пошедшей на тесто для неисчислимых хлебов и клецок. Вителли лихорадочно читал, но почти тут же лицо у него вытянулось:

— Проклятие! Чистейший вздор!

— Не то, значит? — сказал уныло солдат, теребивший плоский кошель у себя на поясе. — Я их

нашел под половицей…

— Почерк не Бенефорте. Наверное, дневник девчонки. Хе! Кое-что о магии, да, но годной только для подмастерья. Сплетни, любовные заклятия и прочая бессмыслица! — Вителли презрительно смахнул листы на пол.

Когда Ферранте и Вителли отвернулись, Тейр поспешно их подобрал, снова перевязал лентой и спрятал в ящике буфета, где хранилась оловянная посуда — старая, вся во вмятинах и царапинах. В дверях Ферранте остановился, пропуская вперед Тейра, Вителли и горько разочарованного солдата.

— Больше я сегодня не могу тратить время зря, — сказал синьор Ферранте, когда они вышли во двор. — Можешь взять людей и попробовать еще раз днем, Никколо, если хочешь. Но нам придется просто обойтись без нее.

— Но она должна где-то быть. Должна! — упрямо сказал секретарь.

— По твоим словам. А если он все держал в голове и не записывал?

Вителли застонал при одной мысли об этом. Ферранте рассеянно посмотрел по сторонам.

— Когда я стану здешним герцогом, я, пожалуй, отдам тебе этот дом.

— Буду премного доволен, ваша милость, — сказал Вителли, чуть успокаиваясь.

— Отлично.

Вителли вышел на солнечный свет и заглянул под холст.

— Ваша светлость, распорядиться, чтобы эти слитки доставили в замок вместе с книгами?

Сверкающие слитки в штабеле весили примерно по сто фунтов каждый, прикинул Тейр. Наверное, поэтому их и не утащили при первом разграблении до того, как явился какой-нибудь офицер Ферранте и заявил о его правах.

— Пока оставь. — Ферранте пожал плечами. — Они ведь не разбегутся. Пока мы не найдем мастера-литейщика, который способен изготовить пушку более опасную для наших врагов, чем для нас, не все ли равно, где им лежать. — Ферранте отвернулся. — Идем, немец.

Тейр поднял свою сумку. У дубовой двери Ферранте остановился и сказал стражу:

— Я знаю, ты там шарил, искал драгоценности.

— Нет, ваша милость! — негодующе возразил солдат.

— А? Не ври мне, не то я вздерну тебя на дыбу. Если ты и твои приятели прикарманили какой-нибудь камешек или пару монет, мне все равно.

Но если я узнаю, что кто-то вынес отсюда хоть один клочок бумаги, пусть даже список ночных горшков, его голова будет торчать на пике еще до заката. Ты понял?

— Да, ваша милость. — Солдат вытянулся и стоял столбом, а Ферранте и Вителли сели на своих лошадей. Мальчик-конюх сбегал за двумя солдатами, которые обыскивали сад и сарай с инструментами. Они были в шлемах и нагрудниках. Эти двое пошли за двумя всадниками, а недавний страж и мальчик шагали впереди.

Ферранте пошевелил пальцем, и Тейр пошел рядом с его стременем. Солдаты подозрительно косились на каждого прохожего, который оказывался слишком близко к маленькой процессии. Впрочем, монтефольцы при приближении Ферранте торопились исчезнуть — сворачивали в переулки, заходили в лавки или распластывались у стены. Никто не выкрикивал угроз или приветствий. Словно синьор Ферранте был заключен в круг безмолвия, который двигался вместе с ним.

Всего четыре телохранителя? Синьор Ферранте так храбр? Он ехал, держась очень прямо и не снисходил до того, чтобы смотреть по сторонам, как его солдаты. В городе жили тысячи монте-

фольцев. Если бы они все высыпали на улицу, Ферранте и его охрана были бы сметены, несмотря на превосходство в оружии. Так чего они ждут? Тейр не понимал. Или герцога Сандрино так сильно не любили? И горожане не видели разницы, будет ли их угнетать прежний тиран или новый? Или же превращение Ферранте из зятя в узурпатора, из друга во врага было слишком внезапным и все пребывали в растерянности? Какую власть имеет Ферранте над монтефольцами? Страх, это ясно, и все же… Конечно, легко вообразить, как рассвирепевшая толпа ринется на улицу, чтобы отомстить за своего герцога, да только кто захочет первым броситься на обнаженные мечи? Тейр здесь чужой, и все это его не касается. Разве? Жив ли Ури? Улица повернула, и впереди вырос замок на крутой скале. Тейр весь похолодел.

— Ну что же, немец, — добродушно спросил Ферранте с седла, — в отливке пушек ты разбираешься?

Тейр пожал плечами, поправляя сумку.

— Я работал в плавильнях, ваша светлость, — выплавлял металл из руды. Чистил печи, помогал подносить топливо и чушки. Приводил в движение мехи. И помогал с отливкой в песчаных ямах. Но только небольших предметов — блях,

подсвечников… И один раз помог отлить церковный колокол.

— Хм… А как бы ты починил треснувшую бомбарду? Если бы понадобилось?

— Я… Смотря, какая трещина, ваша милость. Если продольная, так я слышал, что на ствол надевают раскаленные железные обручи, и они его стягивают. Ну а если трещина поперечная, так, пожалуй, проще взять эту бомбарду за образец и отлить новую. Придется только добавить металла, потому что кое-что останется в горне и в желобах.

— Так-так! — Ферранте посмотрел на него с легким одобрением. — Я видел, как военные инженеры стягивали пушки обручами. Вроде бы ты свое дело знаешь. Отлично. Если я хорошего мастера не найду, сойдешь и ты.

— Я… постараюсь, ваша милость, — неуверенно ответил Тейр.

— Ну, об этом я позабочусь! — Ферранте усмехнулся.

Для убийцы он был словно бы в очень благодушном настроении, и Тейр осмелился спросить:

— А что вы искали в этом доме, ваша милость?

— Тебя, немец, это не касается. — Улыбка исчезла с губ Ферранте.

Тейр понял намек и замолчал. Они уже приближались к холму, где дорога уходила круто вверх, к замку. Уголком глаза Тейр заметил, как какой-то человек метнулся и спрятался за колодой, из которой поили лошадей. Один из трех молодых людей, остановившихся у перекрестка, не спускал глаз с Ферранте. А его товарищи нарочито отвернулись. Ферранте заметил смотрящего, но не ответил на его взгляд. Подбородок у него вздернулся, зубы сжались. Он перебросил поводья в правую, забинтованную, руку, а левую положил на эфес меча. По переулку, пошатываясь и распевая, приближалась компания еще из полудюжины молодых людей, видимо, хмельных. Они сталкивались, хватаясь друг за друга, но пели как-то не очень громко. Телохранители Ферранте ощетинились, точно псы, но мечей не выхватили, поглядывая на своего господина в ожидании распоряжений.

Тейр огляделся, куда бы ускользнуть — в лавку, в проулок, — но ничего подходящего не увидел. В доме справа от него двери были заперты, окна закрыты ставнями. А впереди стоящие трое присоединились к шестерым и все вместе выбежали на улицу. Все — с обнаженными мечами. Теперь они не улыбались, не шутили и не пели. Их лица

отражали решимость, гнев, страх, сомнение. Один, совсем еще мальчик, не старше Тейра, вдруг так позеленел, что Тейру показалось, он вот-вот перегнется пополам и его стошнит.

Двое бросились было вперед, но тут же попятились, потому что товарищи не сразу последовали за ними. Некоторые начали выкрикивать оскорбления — и Ферранте и его телохранителям, но больше, чтобы раззадорить себя, с горечью подумал Тейр. Лицо Ферранте стало чугунным. Он кивнул. Его солдаты обнажили мечи. Вителли, у которого был только кинжал, остановил свою лошадь. Ветераны Ферранте хранили молчание, куда более зловещее, чем выкрики нападавших. Они все подобрались. Да, читать их не учили, но арифметику они знали достаточно, чтобы определить, что десять больше шести. Впрочем, робости в них не чувствовалось, только сосредоточенность, словно им предстояла неприятная, но привычная, хорошо знакомая работа. Юный конюх Ферранте выхватил кинжал и оглянулся через плечо на своего господина, ища поддержки. Ферранте кивнул ему. У Тейра заклокотало в горле. Обнажить нож или нет? И ведь он не с теми, с врагами!

Наконец молодые люди кинулись на Ферранте,

подгоняемые воплями своего вожака, который теперь осыпал красочными проклятиями не лозимонцев, а своих нерадивых товарищей. Трое солдат ринулись им навстречу, и залязгали, заскрежетали лезвия.

Щегольски одетый юноша в голубой куртке и ярко-желтом трико проскользнул между двумя дерущимися стражниками, не спуская глаз с Ферранте. Навстречу ему, размахивая кинжалом, бросился маленький конюх. Схватка была неравной, кинжал — почти бесполезен, и меч монтефольца погрузился в грудь мальчика. Он закричал. Голубая куртка замер, словно ошеломленный и удивленный тем, что сделал.

— Трус! — побагровев, взревел Ферранте, выхватил левой рукой меч и пришпорил могучего гнедого. Его горящие темные глаза грозно впились в Голубую куртку. Тот посмотрел на его лицо, выдернул меч из груди мальчика, разбрызгивая алую кровь, повернулся и кинулся наутек.

Ему почти удалось выманить Ферранте в сторону от телохранителей. К позолоченной уздечке коня протянулись руки, нападающие испустили свирепый вопль. Ферранте повернул к ним и вновь дал шпоры коню. Гнедой с пронзительным ржанием взвился на дыбы, забил копытами, одно

из которых угодило в цель с громким чмокающим звуком. Солдаты кинулись на помощь Ферранте.

Перед Тейром вырос монтефолец с занесенным мечом, и он еле успел вытащить кинжал и отбить удар, а потом, не зная, что делать, прыгнул вперед и заключил своего противника в медвежьи объятия, парализуя руку с мечом. Тот вырывался, и они дышали друг на друга чесноком, луком, отчаянным напряжением и ужасом.

— Отвяжись, дуралей, — прохрипел Тейр в ухо монтефольца у самых своих губ. — Я на вашей стороне!

Монтефолец попытался ударить его макушкой в подбородок.

Сбоку — словно яркая вспышка, и Тейр повернул своего противника в тот миг, когда другой монтефолец сделал выпад. Его меч пронзил спину его товарища насквозь и пропорол живот Тейра. Тейр отпрыгнул с криком от боли и неожиданности, а его противник рухнул на булыжник. Второй монтефолец охнул и выдернул свой меч так поспешно, будто мог взять назад роковой удар.

Тейр потрогал живот. Его трясущаяся рука стала красной, а по новой коричневой тунике расползалось темное пятно. Но рана, почувствовал он, была поверхностной, ни один внутренний орган

задет не был. Он мог выпрямиться, двигаться — и он попятился. Монтефолец не преследовал его, а с плачем старался оттащить в сторону павшего товарища.

Тейр обернулся на оглушительный перестук. Из замка на выручку скакали шестеро лозимонских всадников в зеленых плащах. Они врезались в нападавших сзади, разбрасывая их в стороны, кладя конец их попытке. Те больше не рвались к Ферранте, каждый думал, как спастись самому. Лозимонцы преследовали их вверх по переулку. Тейр ощупал себя сзади: слава Богу, он не уронил сумку, ее предательское содержимое не рассыпалось по булыжнику.

Ферранте, тяжело дыша, успокаивал гнедого, рывшего копытом землю. Глаза коня превратились в сплошные белки, ноздри раздувались, почуяв кровь. Поперек седла Ферранте теперь лежал маленький конюх с серым лицом, неподвижными остекленевшими глазами. Ферранте убрал меч в ножны и, что-то бормоча, повернул к себе голову мальчика. Мгновение он ошеломленно смотрел на мертвое лицо, затем зарычал, точно волк.

Двое солдат получили раны. На булыжнике лежали трое мертвых монтефольцев, включая того,

с кем боролся Тейр. Два спешившихся всадника держали вырывающегося Голубую куртку.

Лицо Ферранте из багрового стало свинцовым. Он ткнул в пленника и сказал капитану своей кавалерии:

— Выжмите его. Узнайте имена его сообщников, а потом разыщите их и убейте. — Гнедой тревожно затанцевал под своим неподвижным всадником.

— Ваша милость! — Вителли убрал кинжал, которым не воспользовался, и подъехал вплотную к Ферранте. — На одно слово. — Он понизил голос. — Этого задержите. Узнайте все, что ему известно. Но не тратьте людей на их розыски теперь. Так вы только навлечете на себя месть их семей.

Тейр испустил вздох облегчения. Голос рассудка и милосердия, готовый остановить чудовищную цепь убийств… Его уважение к Вителли возросло.

— А когда прибудет ваше войско, вот тогда сразу хватайте и нападавших, и всю их родню, — продолжал Вителли. — Не оставьте ни единого мстителя. Это произведет для начала полезное впечатление, после чего ваше правление не будет омрачаться смутами.

Брови Ферранте поползли вверх, он уставился на своего секретаря, словно в легком помрачении, потом буркнул:

— Позаботься об этом, Никколо.

Вителли, чья лошадь пританцовывала, наклонил голову в знак повиновения и сказал:

— Да, кстати. Надо бы выпустить из темниц врагов покойного герцога. Нам понадобится много места.

— Позаботься об этом, — вздохнул Ферранте. Возбуждение схватки на глазах покидало его, сменяясь сонной вялостью. Он посмотрел на Тейра с седла. — Ты ранен, немец. — В его голосе было если не сочувствие, то некоторый интерес.

— Простая царапина, ваша милость, — кое-как выговорил Тейр.

Опытным глазом воина Ферранте оглядел Тейра и согласился с ним.

— Отлично, — кивнул он, — мне нравится, когда люди не хнычут.

Против воли Тейр был польщен его одобрением. «Помни, кто он! Помни, кто он! Помни об Ури!» Он ответил Ферранте неловким поклоном, и Ферранте почему-то сухо улыбнулся.

Последний раз, сжав губы, Ферранте посмотрел на мальчика, откинул волосы с бледного лба и

отдал труп одному из кавалеристов. Потом нахмурился на прижатую к ране ладонь Тейра и протянул левую руку:

— Влезай. Я отвезу тебя к моему лекарю.

И Тейр оказался в каком-то дюйме от спины Ферранте боком на крупе гнедого, цепляясь за резную заднюю луку седла — ухватиться за синьора Лозимо он не смел, да и не хотел. Ферранте въехал в ворота между двумя башнями, ссадил Тейра во дворе и поручил солдату отвести его к лекарю.

— Когда тебе поставят заплату на живот, найди моего секретаря. Он покажет, какая работа нужна от тебя.

Глава 10

Тейр пошел за солдатом через двор. Слуга увел коня синьора Ферранте в противоположном направлении. Слева Тейр узнал лестницу, которую видел в зеркале Монреале. Перешагивая через две ступеньки, Ферранте скрылся в замке. Следом за своим проводником Тейр вошел в куда более скромную дверь в северном углу двора, видимо, предназначенную для слуг. Они миновали выбеленную кухню с каменным полом, где полдесятка потных ругающихся мужчин возились с дровами и бычьей тушей. Две перепуганные старухи месили гору теста. Каморка дворецкого за кухней теперь была занята войсковым аптекарем. Поднявшись по небольшой лестнице и свернув в еще один коридор, они оказались в парадной столовой покойного герцога Сандрино. Ее превратили во временный лазарет, где на соломенных тюфяках лежали раненые и больные — человек десять — двенадцать. Со стен на них смотрели равнодушные к телесной боли глаза румяных полуголых богов и улыбающихся зеленоватых нимф, резвящихся среди листьев аканфа.

Пока его проводник говорил с лекарем, Тейр с тревогой оглядывал лежащих. Все незнакомые. Ури среди них не было. Вот так. А сколько солдат он видел? Считая тех, кто осаждал монастырь, их, конечно, было больше чем пятьдесят — число почетного эскорта Ферранте. Значит, наиболее быстрые кавалеристы уже добрались сюда из Лозимо. На сколько дней от них отстала пехота? Все это следует разузнать, решил Тейр.

Лекарь Ферранте был приземистым смуглым сицилийцем, очень суетливым. Он больше походил на цирюльника, чем на целителя или мага, и разительно отличался от ученых падуанских врачей, которые щупали пульс, нюхали мочу и важно изрекали свои заключения. А этот, казалось, был бы больше на своем месте, если бы копал могилы. Он поджал пухлые губы и передернул плечами, когда Тейр снял куртку и показал свою рану. Кровотечение прекратилось, и края раны из-за эластичности кожи разошлись. Тейр с болезненным интересом вглядывался в багровую мышцу, выпячивающуюся в зияющем разрезе.

Лекарь уложил Тейра на стол, небрежно пробормотал заклинание против нагноения и кривой иглой сшил края раны, а Тейр, скашивая слезящиеся глаза, грыз тряпицу, со свистом

выдыхая воздух сквозь сжатые зубы. Но вскоре лекарь усадил его и обмотал его талию льняной полоской.

— Разрежь нитки и выдерни их через десять дней, если рана не воспалится, — сказал лекарь Тейру. — А воспалится, найди мага. Ну а теперь иди.

Боль то ли притупилась, то ли Тейр привык к ней, но он сумел выговорить «спасибо, господин хороший», сложил окровавленную куртку и осторожно достал из сумки запасную убогую тунику из небеленого холста. Не оставить ли тут маленькое ухо? Что полезного можно тут услышать? Но если не считать расписных стен, слишком уж тут было похоже на монастырский лазарет. Такие же люди лежали здесь, заросшие щетиной, в беспамятстве или бредящие в жару; тот же запах пота, сохнущей крови, мочи, фекалий и паленой плоти. Памятка о прижигании ран.

Лекарь стоял к нему спиной, Тейр зажал пергаментный дик в кулаке и пошарил взглядом, где бы его спрятать. В углу за столом был свален всякий хлам — промятый панцирь, пустая заплечная сумка, пика, пара шестов для носилок. Тейр хотел было нагнуться, но резкая боль в животе остановила его. Он охнул, прошептал будящие слова,

которым его научил аббат Монреале, и уронил диск на кучу. А потом осторожно распрямился.

Лекарь убрал иглу в кожаный футлярчик к другим, еще более устрашающим орудиям пытки такого же рода и запихнул окровавленное тряпье в мешок для стирки. Тейр, завязывая шнурок туники, спросил небрежно:

— Сколько тут солдат синьора Ферранте и сколько пленных?

— Пленных? Здесь? — Лекарь ошалело посмотрел на него. — Еще чего!

Опасно ли назвать имя Ури?

— А раненых в плен вы много взяли?

— Да нет. Почти все убежали с этим воинствующим аббатом, а тех, кто был совсем плох, мы обменяли: пусть подъедают запасы врага, а против нас им уже не выступить. Оно и к лучшему. Мне со своими хлопот хватает.

— А… они где теперь? Ну те, которых вы взяли.

— В темнице, где же еще?

— И офицеры? Даже капитан герцога и его придворные?

— Они все едино враги. — Лекарь пожал плечами.

— А синьора Ферранте за такую суровость не осудят?

Лекарь испустил хриплый невеселый смешок.

— Только не его солдаты! Послушай, ты что, читать умеешь?

— Да, господин хороший. Немножко.

— То-то и оно! А то не повторял бы поповской и бабской чепухи. Я начал лечить в войске одного венецианского кондотьера — не загрязню губ, произнося его имя. Мы гнались за болонцами. Несколько дней. Догнали их у болота, и наш милейший начальник остановился и дал им приготовиться к нашей атаке! Заслужил тем рыцарскую славу и удалился от дел богатеем. А у меня в палатке было полно умирающих, которым жить бы да гнить. Фа! Дайте мне начальника, который в первую голову о своих людях думает. А те крохи забот, какие останутся, пусть получает враг.

— Так, значит, вас восхищает синьор Ферранте?

— Он настоящий солдат. Чем старше я становлюсь, тем больше мне это нравится. — Лекарь покачал головой.

Тейр обдумал эти слова.

— Но теперь синьор Ферранте уже не просто солдат. Он правитель.

— А в чем разница? — Лекарь пожал плечами.

— Ну-у… не знаю. Вроде бы какая-то должна быть.

— Власть — это власть, мой юный философ, а люди — люди. — Лекарь улыбнулся кисловатой улыбкой.

— Я литейщик.

— Оно и видно. — Лекарь хлопнул его по плечу. (Жест этот он, Тейр готов был поклясться, перенял у синьора Ферранте.) — Сделай нам парочку пушек, а наводить их предоставь тем, кто получше тебя.

Тейр криво улыбнулся в ответ и, схватив сумку, сбежал из залы с расписными стенами.

Он шел через нескончаемые комнаты, светлые, со стенами, обшитыми панелями или расписанными фресками, и сумрачные, ничем не украшенные. В небольшой передней двое лозимонских солдат спали на одеялах, сморенные жарой, а еще двое, позевывая, играли в кости. Они даже не посмотрели на Тейра. «Вниз! Мне надо найти вход вниз!» Оттуда Тейр попал в очень большую комнату с мраморным полом. Створки высокой двери были распахнуты навстречу недвижному воздуху и рассеянному солнечному блеску. За ними Тейр увидел сад, огороженный напротив толстой стеной. В светлом мареве сада

сонно жужжали насекомые. В башенках на стене томились арбалетчики. Тейр взглянул, куда падают тени, и решил, что садовая стена тянется по краю обрыва, отвесно уходящего к озеру. Опасаться штурма с этой стороны не приходилось. Да и не только это, угрюмо подумал Тейр. Но, может, синьор Ферранте этого не знает.

Из большой комнаты дверь вела в другую, поменьше, обшитую деревянными панелями. Стол, заваленный бумагами, шкафы с книгами, развернутая карта на столе — все указывало, что это кабинет. Герцога Сандрино? Вдруг сообразив, что ему надо делать, Тейр оглянулся и проскользнул в дверь. Вытащив из сумки маленькое ухо, он пошарил взглядом вокруг.

Деревянный пол испещряли странные бурые пятна, въевшиеся в дубовые половицы. Один книжный шкаф был выше Тейра. Он протянул руку и провел ладонью по верху. Пыль и ничего больше. По мраморному полу застучали шаги. Тейр поспешно пробормотал будящие слова и затолкал круглый тамбуринчик подальше от края. Увидеть его мог бы только человек выше Тейра на полголовы. Он отошел от шкафа.

В кабинет вошел мессер Вителли и подозрительно прищурился на Тейра.

— Что ты тут делаешь, немец?

— Синьор Ферранте сказал, что вы поставите меня работать, мессер, — ответил Тейр, стараясь дышать ровнее.

— А! — Щуплый секретарь порылся в бумагах рядом с картой, взял одну и сделал знак Тейру следовать за ним в нагретый солнцем сад. Тейр закусил от досады губу и пошел за секретарем. Он оглянулся на каменно-кирпичную громаду замка: «Так близко! Мне надо найти вход вниз».

Вителли проводил Тейра в глубину сада напротив конюшен и через калитку, которую отпер и запер. Двое обгоревших на солнце рабочих, голые по пояс, лоснящиеся от пота, неторопливо копали яму. Рядом кучи песка, поленницы, кирпичи и обломки кирпичей указывали на сооружение литейни. Бронзовая бомбарда, позеленевшая временем, была установлена на полозьях. Ее широкая черная пасть задралась к небесам.

— Вот пушка, — сказал Вителли, указывая на нее. Горшок из кухни людоеда. Тейр опустился на колени и начал водить ладонями по заросшим патиной узорам из масок животных, шишек, виноградных лоз, выпукло опоясывавших ствол. Трещина сразу бросалась в глаза. Зазубренная спираль, протянувшаяся на пол-оборота. Видимо,

пушка лопнула, остывая после стрельбы. Такая трещина, возникни она в момент выстрела, разорвала бы бронзу на куски, и бомбардир был бы убит. Так и случилось бы, если бы из нее выстрелили еще раз. А чугунное ядро, извергнутое этим горшком, без всяких сомнений, пробило бы стену, даже такую массивную, как у монастыря Святого Иеронима.

— Как часто можно из нее стрелять? — спросил Тейр у Вителли.

— Примерно раз в час. Так мне говорили. Прежний ее владелец попытался сократить этот промежуток.

Такая бомбардировка и днем и ночью проломит стену монастыря меньше чем через двое суток, прикинул Тейр. Спиральность трещины не позволяла прибегнуть к самому простому и быстрому способу — к железным обручам, не то бомбардир герцога Сандрино уже делал бы это. Несомненно, бомбарду предназначали для переливки.

— Что скажешь, литейщик? — Тейр понял, что Вителли не спускал с него глаз.

Может, сказать секретарю Ферранте, что бомбарду можно стянуть обручами, так чтобы враги себя взорвали? Нет, с сожалением решил Тейр.

Судя по приготовлениям, лозимонцы уже знали, что следует делать. Но полная переливка требует времени и большого труда, а у Ферранте не хватает людей, и мало ли что может не задаться. Уж об этом, вдруг сообразил Тейр, он позаботится. Он не мастер-литейщик, но тут этого и не требуется. Чем больше промашек, тем лучше. Он повеселел.

— Ее нужно перелить.

— А ты можешь?

— Я никогда ничего такого большого не делал, но да! Почему не попробовать?

— Ну хорошо. Берись за дело. Составь список всего, что тебе требуется, чтобы завершить работу, и принеси его мне. И вот что, литейщик… — Скрытная улыбка искривила уголки губ секретаря. — У начальника нашей артиллерии есть железная цепь, длиной футов в шесть. Один конец будет приклепан к зарядному ящику, а на другом конце есть кольцо, которое защелкнут на твоей лодыжке. Тебе будет оказана честь зажечь фитиль для первого выстрела твоего нового орудия. И сразу же после этого ты получишь кошелек, полный золота.

Тейр неуверенно улыбнулся:

— Это шутка, мессер?

— Нет. Таков приказ синьора Ферранте. — Вителли почтил Тейра ироничным поклоном и направился назад в замок. Улыбка Тейра перешла в гримасу.

От двоих рабочих Тейр узнал, что яму они роют для отливки в песке. Выразительно протянутую ему лопату Тейр отклонил, кивнув на повязку, и принялся осматривать приготовленные материалы, стараясь выглядеть знающим и пренебрежительным, как мастер Кунц. Кирпичей полно, а вот дров маловато. Пара бочонков отличной, хорошо выдержанной глины. Песок в кучах был чистым и сухим, но его следовало бы накрыть холстом на случай, если вдруг прольется дождь, о котором молились монахи Святого Иеронима в надежде, что он наполнит их цистерны. Тейр, жмурясь, откинул голову. Небо, хотя и подернутое дымкой, было безоблачным. Ладно. Холстина, чтобы предохранить от мусора. Тейр не забыл, как мастер Кунц начал отливку после того, как его песок посетили деревенские кошки, а рабочие не просеяли песок перед тем, как сыпать его в яму. Расплавленная бронза, соприкоснувшись с кошачьим дерьмом, выбросила облако пара, отливка была испорчена, рабочие избиты, а мастер Кунц следующие две недели швырял камнями

в неразумных кошек, вздумавших прогуляться вблизи литейной.

А не подсолить ли песок Ферранте рыбьими головами, например? «Кис-кис, кис-кис!» Но Тейр вспомнил шестифутовую цепь и отказался от этой мысли. Пока.

Завершив предварительный осмотр, Тейр вернулся в замок поискать мессера Вителли — а заодно и другие подходящие тайнички для маленьких ушей. Как только он их все попрячет, можно будет сбежать, и пусть дьявол заберет литейную Ферранте с его пушкой. Как только он найдет Ури.

К несчастью, Вителли Тейр нашел в первой же комнате, куда заглянул. В кабинете герцога. Секретарь у окна писал письма в угасающем свете дня. При появлении Тейра он перевернул лист лицом вниз.

— Ну, немец?

— Вы сказали составить список всего, что потребуется, мессер.

Вителли взял новое перо и листок бумаги.

— Так говори.

— Ворот или длинные бревна, цепи и прочее, чтобы сделать его. Железные трубки для душников. Побольше холстин, чтобы оберегать

материалы, а также бронзовый лом или новая медь и олово, чтобы восполнять при отливке. Еще дров. Тех, что есть, хватит только на просушку формы. Древесный уголь и лучшая глина для обмазки кирпичей в горне. Бабу для трамбовки. Пару хороших больших мехов из бычьей шкуры и столько сильных рабочих, чтобы они могли подменять друг друга, когда поддувать надо без остановки. Хватит шестерых.

— Я дам тебе для этого солдат. А сколько еще нужно бронзы?

— Пока не знаю. Фунтов двести, а то и больше. — Увидев, как искривилось лицо Вителли, Тейр добавил: — Излишки потом можно извлечь из душников, но если не хватит металла, отливка будет погублена. А форма все равно будет разбита, и второй не изготовить, ведь бомбарда-то уже будет расплавлена.

— Значит, еще бронзы. — Уступив необходимости, Вителли заскрипел пером. Тейр все время одергивал себя, чтобы не покоситься на верх шкафа в глубине кабинета. Вителли нахмурился. — Займись делом, немец.

Да, пока не сбежать! Тейр вернулся в сад и у края ямы разметил размеры горна, а потом велел рабочим уложить основание из вырытой земли.

Но уже смеркалось, и рабочие повели его на кухню, где угрюмый кашевар выдал им жареного хлеба, немного мясных обрезков и дешевое вино. Изголодавшийся Тейр съел свою порцию на ходу, пока его вели в помещение над конюшней, где рабочие спали вповалку с конюхами. Тейр нашел свободный тюфяк (то есть он надеялся, что свободный) и внимательно вглядывался в складочки, выискивая признаки жизни. Убедившись, что на него никто не смотрит, он укрыл еще одно маленькое ухо под краем рваного одеяла, которое получил от старшего конюха. Оставив сумку на тюфяке, он отклонил предложение своих новых знакомцев выпить с ними вина и сыграть в кости, сославшись на то, что должен найти Вителли и поговорить с ним о воротах.

На самом деле Тейр меньше всего хотел бы сейчас повстречать маленького секретаря, наводившего на него жуть. Он спустился с чердака по приставной лестнице и опасливо прошел через конюшню, полную кавалерийских коней лозимонцев. Трое-четверо замученных конюхов разносили сено и воду. Тихонько пересчитав, Тейр сообразил, что тут поместили лишь часть лошадей, а остальные, видимо, пасутся где-нибудь за стенами города под охраной еще десятка-дру-

гого солдат.

Из конюшни он вышел на передний двор с массивными надвратными башнями и мраморной лестницей. Красная черепица на вершинах башен еще блестела в последних отблесках закатившегося солнца точно эмаль, но тут же померкла, обретя обычный цвет глины на фоне остывающего неба. В амбразурах под краем черепицы маячили две головы в шлемах — посты арбалетчиков.

В двух узких прорезях на половине высоты одной из башен колебалось золотое сияние свечей. Комната, где заперты герцогиня и мадонна Джулия? Сквозь эти тесные отверстия наружу мог вырваться только свет да стрела арбалета.

Незаметное, но нескончаемое, как сердцебиение, шестое чувство Тейра вело его через двор к двери слуг. На этот раз он пошел в сторону от кухни по полутемному каменному коридору, который привел его к массивной двери. На перевернутом бочонке сидел лозимонец с коротким мечом на боку. Рядом к стене была прислонена пика.

Он вперил взгляд в Тейра и схватился за меч.

— Чего тебе тут нужно, малый?

— Я… новый литейщик синьора Ферранте.

Мне… надо осмотреть решетку и всякое такое внизу и доложить мессеру Вителли, какие требуются починки.

Более правдоподобной лжи он придумать не сумел. Если она не поможет… Тейр взглянул на пику. «Ури, я иду!»

— А, да! Я знаю, про какую темницу тебе говорили. — Страж многозначительно кивнул. — Сейчас я тебя провожу.

Он встал с бочонка и распахнул дверь. С каменной лестницы за ней донесся крик. По ступенькам с фонарем поднимался еще один лозимонец. Увидев вверху своего товарища, он остановился перевести дух.

— Карло! Помешанный опять выбрался. Будь начеку!

— Он сюда не поднимется.

— Ну так прячется где-то внизу. Будем искать.

— Пока не найдете, я дверь запру. — Он сделал знак Тейру спускаться. — Тут рабочий синьора, пришел проверить темницу.

— Ладно. — Второй лозимонец кивнул и начал спускаться. Тейр последовал за ним в полном недоумении. Но поскрипывание его кожаных подошв по шершавому камню при каждом шаге укрепляло в нем уверенность. «Вниз, да. Этим

путем» У него за спиной в сумраке захлопнулась тяжелая дверь и железный засов с лязгом вошел в скобу.

На втором повороте коридора тесаные камни стен сменились сплошным природным песчаником. Коридор сузился. Еще поворот — и они оказались в небольшом помещении с нужником. Выходившее на озеро зарешеченное окно, впускавшее вечерний свет, явно было пробито в обрыве под садовой стеной. Туда же выходил и косой желоб нужника.

Дальше коридор стал ниже и вел теперь мимо дверей из вертикальных железных прутьев. Железные их петли были глубоко врезаны в песчаник. А внутри темниц виднелись зарешеченные окошечки, так что они были не такими душными, сырыми и гнусными, как предполагал Тейр. Благодаря сквозным дверям они хорошо проветривалась. Но зато были переполнены — по четыре-пять человек в каждой. Тейр замедлил шаг, пытаясь разглядеть лица, фигуры… Всего Ферранте держал здесь двадцать пленников. Ури среди них не оказалось…

— Эй ты, сюда! — Солдат оглянулся, нахмурясь, и Тейр поспешил нагнать его. Влево ответвлялся еще один коридор и вел… наверх, в замок? Слиш-

ком темно, чтобы разглядеть. Солдат указал на пустую темницу в конце ряда. — Вот эта.

— А что не так? — спросил Тейр. От остальных она отличалась только тем, что в ней никого не было.

— А ничего, хоть об заклад побьюсь, — загадочно ответил солдат. — Магия, вот что я скажу. Магия и безумие. — Он мрачно подергал дверь, так что она затряслась на петлях, снял с пояса ключ и отпер ее. — Видишь? Как есть заперта. А помешанный, думается… улетел.

Тейр боязливо вошел в темницу. Ему вдруг представилось, как солдат с криком «ага, попался, лазутчик!» захлопывает за ним дверь. Но тот только почесал нос и услужливо поднял фонарь повыше. Тейр подошел к квадратной дыре оконца, пощупал, потом подергал прутья в нем. Они не шелохнулись. Оконце, собственно, было миниатюрным туннелем, пробитым в камне, имевшим длину фута два. За ним в сизых сумерках поблескивал кусочек озера. На лоскутке неба мерцала одна звездочка. Тейр поспешно отдернул руку: из трещины выскочила сколопендра, заскользила по камню и скрылась за дальним краем отверстия.

Тейр оглядел беленые стены. Помещение было

тесным, но не чересчур. Человеку даже более высокому, чем Тейр, хватило бы места растянуться на обычном соломенном тюфяке, а Тейр и выпрямившись не задел макушкой потолок. Стены выглядели массивными и сплошными. Тейр изнывал под взглядом солдата. «Да уйди же ты!» Он был близко — близко от Ури! Если бы ему хоть ненадолго остаться без надзора!

В коридоре послышались грубые голоса, смешиваясь с какими-то странными звуками… со смехом? Раздался пронзительный визг «ииии-иии-иии!»

— А, изловили! — Лозимонец скроил рожу. — Далеко не ушел. Но как он все-таки выбрался? — Покачав головой, он попятился из темницы. Тейр пошел за ним, подгоняемый темнотой, которая словно засочилась из стен, едва фонарь перестал их освещать.

Двое лозимонцев волокли по коридору пожилого мужчину, довольно дородного. Вероятно, в прошлом он выглядел благообразно и величаво. Разорванная грязная бархатная туника по колено и шелковые чулки-трико указывали на высокое положение, седеющие волосы — на почтенный возраст. Но теперь нечесаные волосы торчали во все стороны, заросшие пегой щетиной щеки

ввалились, покрасневшие глаза глубоко ушли в темные глазницы. Он снова завизжал и замахал кистями рук, зажатых в мертвой хватке солдат.

— Где вы его отыскали? — спросил солдат с фонарем.

— Опять внизу, — пропыхтел один из державших, совсем еще юнец. — В том же самом углу. Сначала мы его как-то не приметили, а когда проходили там во второй раз, гляжу — вон он, корчился у стены… Господи! Может, он и вправду скидывается нетопырем.

— Типун тебе на язык! Из-за тебя он снова начнет, — перебил его товарищ, их сержант, но было уже поздно. Лицо пленника возбужденно побагровело, он задергался и забормотал какую-то невнятицу.

— Нетопырь. Нетопырь. В нетопыре суть. Черный Вителли поддельный нетопырь, а я — настоящий. Улечу. Улечу от вас, и вас повесят. Улечу к моей жене, и вам меня не остановить… грязное отребье! Убийцы! — Заговорщицкая ухмылка на его лице сменилась бешеной яростью, и он принялся вырываться и брыкаться уже всерьез. Его втолкнули в темницу и захлопнули дверь.

Он ударил в нее плечом под рваным бархатом, потом еще и еще, а двое солдат навалились на

нее со своей стороны, сержант всунул ключ в замок — с третьей попытки — и повернул его. Замок щелкнул, и лозимонцы с облегчением перевели дух.

Безумец продолжал биться в дверь и испускать пронзительный визг, видимо, подражая писку нетопыря, или кружил, трясясь всем телом и взмахивая руками, точно разворачивал нетопыриные крылья. Выглядело это нелепо, но Тейру не было смешно. По изможденному лицу под визг катились слезы, дыхание клокотало в истерзанном горле.

— Улечу. Улечу. Улечу… — Наконец он умолк, скорчился на полу, потом сел, бессильно рыдая.

— Кто этот бедняга? — прошептал Тейр, глядя сквозь решетку.

— Был кастеляном покойного герцога, синьор Пия. — Сержант пожал плечами, все еще не отдышавшись после недавней схватки. — Думается, боль и кровь сдвинули ему мозги. И не слишком ему нравится, что он сидит под замком в собственной темнице, можешь мне поверить.

— Да только не подолгу сидит, в том-то и беда, — пробормотал молодой. — Но вот как он умудряется? Вителли клянется, что в замке нет ни следа магии.

При имени секретаря глаза пленника сверкнули, и растерявшийся Тейр перехватил раскаленный, совершенно ясный, полный ненависти взгляд, но глаза тотчас опустились, и бормотание возобновилось. «Он правда сумасшедший или притворяется?» Или и то и другое? Странная мысль! Но, во всяком случае, понятно, почему его держат одного, хотя остальные темницы набиты битком.

Тейр осмотрел решетчатую дверь. Прутья смазаны жиром и не тронуты ржавчиной. Петли прочно вделаны в камень. Он простукал все прутья. Все, как следует — ни пустот, ни желобков, указывающих, что их можно сдвинуть. В замках он понимал мало, но этот, казалось, был в полном порядке.

— Мы все это проверяли, — нетерпеливо сказал солдат с фонарем.

— А ключа у него нет? Вы его обыскали? И темницу?

— Два раза. Донага раздевали.

— Донага. Э… А он не мог… то есть… э… вы не…

— Нет, в задницу он ключа не прятал, — сказал сержант со смешком. — И не проглатывал, чтобы срыгнуть. — (Тейр решил не спрашивать, откуда он это знает.) — Просто кому-то придется сторо-

жить его и днем и ночью, — продолжал сержант.

— Мне надо сходить за ужином, — опасливо сказал молодой.

Сержант смерил его зловещим сержантским взглядом, но пожал плечами.

— Нам везде не хватает людей. Попрошу капитана, чтобы нам дали кого-нибудь из выздоравливающих. Дело нетрудное. Сиди себе на скамье напротив двери и смотри. Ну и не спи, конечно.

— Ну, я тут внизу ни за что не заснул бы! — с чувством сказал молодой солдат.

— Пауков боишься, — съязвил его товарищ с фонарем. — Или крыс? В генуэзской тюрьме мы крыс поджаривали и ели.

— И пауков жарили с чесночком и колесной смазкой, не иначе, — огрызнулся молодой, видимо, уязвленный новым упоминанием о мужестве и стойкости, о которых он, конечно, успел наслышаться предостаточно. — О пауках я и не думаю, а вот в стенах что-то прячется. Жуть какая-то.

Тейра встревожило, что никто не возразил, не сказал, что, мол, с пьяных глаз чего не почудится.

— Оставьте мне фонарь, — предложил Тейр, — и я за ним присмотрю. Может, соображу, как он это проделывал.

Кастелян теперь сидел на полу, поджав под себя ноги, раскачивался из стороны в сторону и глядел в пустоту. Лицо у него стало каменным.

Сержант кивнул, и солдат отдал фонарь Тейру.

— Только близко не подходи. Он тебя ухватит сквозь прутья.

— Я закричу.

— А если он тебя за горло схватит?

Солдаты вернулись к своим обязанностям. Под наблюдением сержанта, державшего взведенный арбалет, они вносили ведра с едой в темницы и забирали ведра, служившие ночными горшками, относили их в нужник и опорожняли. Впрочем, никто из пленников в этот вечер как будто не помышлял о том, чтобы напасть на своих стражей или бежать.

Тейр некоторое время следил за раскачивающимся кастеляном, потом прислонился к стене напротив двери и закрыл глаза. Теперь он не так уж и нуждался в фонаре. Добраться до цели он мог бы и не открывая глаз. Она стучалась ему в голову, близко-близко. «Вниз, вниз».

Когда солдаты ушли в дальний конец коридора и скрылись из вида в помещении с нужником, Тейр взял фонарь и, бесшумно ступая, свернул в темноту бокового коридора. Стены задевали его

плечи, а проход, казалось, вел вверх, в замок. На миг он усомнился в своем подземном путеводном чувстве — фонарь отбрасывал перед ним круг оранжевого света на каменный пол, наклон которого был несомненен. Но тут он увидел ступеньки — одна лестница вела вверх, другая вниз. Он начал спускаться. В узком помещении оказались четыре двери, все деревянные и тяжелые. Две не были заперты, но не они были ему нужны. Тейр ощущал это всем своим существом, но все-таки заглянул внутрь. Кладовые. Лари с мукой, бочонки с вином, покрытые густой пылью… запасы на случай осады, будь то враг или непогода. Свет фонаря вызвал ответные зеленые искры в углу — там пробежала крыса. Углы затягивали фестоны паутины. Пауки были меньше крыс, но все-таки не настолько меньше, как хотелось бы Тейру.

Он вернулся в коридор. Вот эта дверь. Он снова ее подергал. Бесполезно Тогда он попытался выломать ее ударом плеча. Железный замок застонал, но выдержал. Почему он не забрал у рабочих какие-нибудь инструменты, не спрятал их под туникой, прежде чем пойти на поиски? Если сходить за ними, сможет ли он вернуться, обмануть солдат второй раз? И через какое время солдаты наверху заметят его отсутствие? «Теперь.

Теперь или никогда! Ури, я здесь».

Он присел на корточки, стараясь не разбередить занывшую рану, и тихонько прошептал в черноту под дверью:

— Ури? Ури?

«Почему я боюсь ответа?» Ощущение, что кто-то стиснул его внутренности, не имело никакого отношения к ране.

Пыль на полу у его носа задвигалась, закружилась. Но ниоткуда не тянуло сквозняком. Тейр торопливо выпрямился, и боль обожгла его по шву. Он пятился, пока не уперся в стену, которая показалась ему холоднее льда. Он подавил крик и стоял молча с бешено бьющимся сердцем. «Подожди и увидишь».

Пыль завивалась все выше и выше, и блестевшие в свете фонаря пылинки стягивались в знакомую смутную фигуру… Большой головной убор, вьющаяся борода… «Не думай о нем как о призраке. Думай о нем как… как о своем будущем тесте!» — растерянно приказывал себе Тейр.

— Привет вам, — прошептал Тейр. Учтивость и паника стискивали ему горло. — М… мастер Бенефорте. Я пришел…

Намек на головной убор словно наклонился в легком поклоне.

Тейр указал на замок:

— Не могли бы вы помочь?..

Насколько мертвый маг способен управляться с материальными предметами? Не в этом ли тайна исчезновений сумасшедшего кастеляна? Такое объяснение немногим отличалось от предположения, что синьор Пия превращался в нетопыря и проскальзывал между прутьями.

Призрачная фигура словно повела плечами, как человек, готовящийся к трудному делу. Сложенное из пылинок лицо будто сморщилось в ожидании боли. Миг приготовлений, затем пыль собралась воедино и упала. Внутри замка послышался скрежет металла, стих, раздался снова. Лязг — и дверь открылась на ширину пальца. И тишина. Каменное безмолвие.

Тейр перевел дух, протянул руку и распахнул дверь. Крепко сжимая фонарь, он переступил порог и тихонько прикрыл ее за собой.

Это помещение было больше кладовых, и в нем было такое же оконное отверстие, как в темницах над ним, пропускавшее свежий воздух. К одной стене был придвинут стол на козлах, а на нем в беспорядке теснились ящички, флаконы, книги, пергаменты. Все это навело Тейра на воспоминание о магической рабочей комнате аббата

Монреале. Среди бумаг стояла подставка под ноги в виде резного сундучка с кожаным верхом. В двух железных канделябрах торчали наполовину сгоревшие толстые восковые свечи. Прекрасное освещение для того, что творится по ночам. Тейр осторожно извлек сальный огарок из фонаря и зажег часть их. Только тогда он заставил себя пройти через комнату и посмотреть на то, что лежало у дальней стены.

Два продолговатых ящика рядом, каждый на козлах, длиной футов в шесть, сбитые из нетесаных сосновых досок. Сосновую крышку каждого удерживала на месте всего одна веревка, стягивающая ящик посередине.

Тейр осторожно потрогал одну веревку. Она не взвилась, не затянулась у него на шее, не оказалась заклятой как-то иначе. Он дернул скользящий узел, и веревка упала на пол. У Тейра не было тряпицы за пазухой, чтобы прижать к носу, а потому он просто затаил дыхание и сдвинул крышку.

Ну… Собственно, он этого и ждал. Тело мастера Бенефорте, все еще завернутое в ту же реднину, в которой его коптили, лежало на ложе из сверкающей крупной соли. У Тейра вдруг возникло неясное недоумение: почему призрак всегда

являлся в одежде, какая была на нем в миг смерти, а не в этом почти прозрачном саване, более подходящем для привидения. Может, бархатный придворный наряд был его любимым. Запах не оказался таким скверным, как он опасался, — главным образом стойкий и почти приятный запах яблоневой древесины. И все же… Тейр пересчитал жаркие летние дни. Конечно, Ферранте (или Вителли) прибегнул к сильному заклятию, предохраняющему от разложения. Бородатое прокопченное лицо казалось оледеневшим. Никакой призрак не мог бы оживить этот тяжелый плотный прах, как оживлял невесомые дым или пыль. Тейр поискал у себя в сердце суеверный страх, но тело перед ним вызывало сострадание, а не ужас. Истерзанный нагой старик, потерявший все, даже свое тщеславие. Тейр вновь укрыл его сосновой крышкой.

Почти против воли он повернулся и дернул узел веревки на втором ящике, потом помедлил, собирая все свое… нет, не мужество, а упование. «Может, это не Ури. В последние дни в Монтефолье погибло много людей». Еще миг он мог уповать. А потом — узнает.

«Ты уже знаешь. Ты знал с самого начала». И — нет! «Это не может быть он!» В приливе реши-

мости Тейр сдвинул крышку.

Из покрова соли выступало лицо его брата — знакомое и такое чужое! Прекрасные черты остались прежними, не были изуродованы. Но веселый дух, блеск и кипение, желания и честолюбие, быстрый ум… каким пустым было это чужое, заострившееся, бледное лицо без них. «Он умер в муках». Только это и сохраняло застывшее лицо.

Тейр посмотрел на нагое тело. В груди чернела зияющая рана, в сравнении с которой ноющий порез на животе Тейра был язвящей насмешкой. «Он умер быстро. Много дней назад». Ну, хотя бы половину терзаний от мыслей, как страдает Ури в темнице, можно забыть. «Если бы ты мог подождать, брат. Продержаться. Я же шел к тебе. Я…» Терзаний, чтобы заполнить пустоту, было более чем достаточно. Зачем Ферранте эта комната и все ее странное содержимое? Чувствуя, что лицо у него онемело, почти как у брата, Тейр еще раз обошел комнату. На свободном пространстве пола на середине виднелись следы мела и еще чего-то ему неизвестного. Да, черная некромантия, чернее не бывает. Тейр мрачно вытащил из-за пазухи тамбуринчик, прошептал магическую формулу и, встав на цыпочки, нашел для него

укромное место на высокой полке за флаконом. Ну вот. Уж этот не даст скучать слушающим монахам Монреале!

Он вернулся к брату и впервые коснулся холодного лица. Только скорлупа, пустая внутри. Ури ушел. Во всяком случае, покинул этот прах. Но далеко ли? Тейр смотрел — и ничего вокруг не видел, внезапно поняв, что оба терзавших его страха были правдой. Ури умер. И Ури был пленником в этом жутком месте. «Как мне освободить тебя, брат?» Приглушенные отголоски громового баса, шелестящее эхо смешка донеслись из-за двери. В ужасе Тейр задвинул крышку на ящике Ури, больно защемив большой палец, лишь бы она не стукнула. Спастись уже поздно? Он вертел головой, выискивая, где бы спрятаться.

Внезапно свечи разом погасли без малейшего дуновения ветерка, и комната погрузилась во мрак, который ничуть не рассеивало отраженное озером мерцание звезд за узкой амбразурой. Рука (Тейр не сомневался, что не увидел бы ее и при дневном свете) ухватила его за плечо.

— Ложись, малый! — Шепот у него над ухом, которого не коснулось даже легкое дыхание.

Слишком перепуганный, чтобы возразить, он встал на четвереньки и заполз под стол. Стукнула

закрывшаяся дверь, щелкнул, запираясь, замок. Тейр вжался в стену, и в руку ему всунулся комок ткани, будто нос собаки, которая хочет, чтобы ее приласкали. Легкой, мягкой, как тонкое полотно, и он укрылся ею с головой.

Настоящий тяжелый ключ заскрежетал в замке, и он снова щелкнул, отпираясь. Тейр выглянул из-под ткани на скользящий круг желтого света от фонаря в чьей-то руке. Солдаты разыскивают его?

По полу прошагали две пары ног — в сапогах и мягких туфлях.

«Уж лучше бы солдаты!» — подумал он, съеживаясь от страшной догадки.

В каменных стенах глухим эхом отозвался голос мессера Вителли:

— Пахнет горячим воском, ваша милость.

Глава 11

Фьяметта протерла слипающиеся глаза и вскинула руки, потягиваясь, чтобы прогнать сонливость. Разбавленное вино и хлеб, которыми она поужинала, были не настолько обильной трапезой, чтобы ввергнуть в сон, но всю прошлую ночь она проворочалась с боку на бок, шурша соломой, тревожась за Тейра, слушая шорохи, кашель и храп своих соседок в тесноте их спального помещения. Не говоря уж о блохах! Она в кровь расчесала локоть.

Рабочая комната аббата Монреале дышала теплом, которое стены впитали в течение дня, а сияние единственной свечи рядом с ней было золотистым и уютным. Она поерзала по жесткой крышке бочонка, на котором примостилась, положила локти на стол и опустила подбородок на сложенные руки. На подносе перед ней три маленьких тамбуринчика — три рта в пару к маленьким ушам, которые взял Тейр, — хранили упорное молчание. А может быть, их сила уже иссякла? Да нет, за день она так наловчилась подновлять заклятия, что делала это, не замечая,

словно бы рассеянно напевая себе под нос. Они ничего не сообщали, потому что им нечего было сообщить.

Она услышала, как за дверью кабинета аббат Монреале умолк, откашлялся, прошелся взад-вперед и продолжал диктовать брату Амброзу. Письмо к епископу Савойскому, сообщающее об их отчаянном положении, взывающее о помощи — если не военной, то магической. Бесполезное письмо. Как Монреале думает его отослать? День прошел в зловещей горячечной тишине, даже без обычных ругательств и обмена выстрелами из арбалетов между осаждающими и защитниками монастыря на стенах. К воротам не подъехал новый вестник, новый герольд, не искали приюта новые беженцы. Никого и ничего. Будто руки синьора Ферранте сжимали их все крепче, душили.

Она смотрела на пергаментные кружочки и мысленно приказывала им заговорить. Три другие сегодня ожили — два днем, а один в сумерках, когда она уходила поужинать. Трое монахов унесли их к себе в кельи, где сидели с пером и бумагой наготове, чтобы записать все важное. Ну, надо надеяться, они тоже успешно перебарывают сон. Но как бы то ни было, вечером Тейр был все еще жив и свободен.

Она подавила зевок. Если Монреале заглянет сюда и увидит, что она клюет носом, он отошлет ее спать, и следующей вести от Тейра она не услышит. Почему большой дурень не сообразил сказать что-нибудь в ухо-тамбуринчик, когда приводил его в действие, не сообщил о себе? Она скрипнула зубами, справившись с новым зевком. Белые кружочки пергамента плавали у нее перед глазами.

И вдруг один из них вспыхнул. Другого слова Фьяметта не нашла, хотя увидела нечто иное. Глубоко вздохнув от облегчения, она выпрямилась. Тамбуринчик донес до ее напряженного слуха голос Тейра, шептавший латинские слова, скверно произнося их. «Скажи мне что-нибудь, Тейр!» Но раздался только шорох, точно на полке что-то подвинули. По каменному полу протопали шаги, и воцарилась грустная задумчивая тишина. Фьяметта отчаянно пыталась вообразить, что крылось за этими звуками. Каменный пол, гулкое эхо, комната из камня? Вырубленная в скале темница герцога? Истинное второе зрение или самообман? Ее рука дернула ремешок на шее, извлекла львиное кольцо из теплого тайничка между грудями и стиснула его. Что видит Тейр? «Да говори же, швейцарский олух!» Но басистый

голос, который внезапно донесся из тамбурина, не был голосом Тейра. Слов она не разобрала. Затем теноровый смешок, приглушенный стук, торопливые шаги, бряканье, шорох. В голове у нее зазвучали слова, но уловила она их не слухом: «Ложись, малый!» Она в ужасе окаменела. Ее отец? Скрип открывающейся двери, незнакомый высокий голос:

— Пахнет горячим воском, ваша милость.

Ваша милость?! Где Тейр? Успел уйти? Сердце у нее бешено заколотилось.

— От твоего фонаря, Никколо!

Скучающий бас принадлежал синьору Ферранте — в его романском выговоре нельзя было ошибиться.

Она услышала глухой стук, словно что-то тяжелое поставили на деревянный стол.

— Не думаю, — возразил голос… Никколо? — Свечи еще теплые. — И сразу же: — О-ох! — Шарканье мягких подошв, словно кто-то неожиданно отпрянул.

— Это ты сделал, Никколо? — с интересом осведомился Ферранте.

— Нет!

Ферранте бесчувственно усмехнулся:

— Бенефорте опять взялся за свои фокусы. — И

его голос насмешливо продолжал, а воображение Фьяметты добавило ироничный поклон. — Благодарю тебя, слуга мой, что осветил мой путь.

Посасывание. Обожженных пальцев?

— Он еще не наш слуга, — проворчал Никколо.

— Аббат Монреале, — зашептала Фьяметта, но тут же напомнила себе, что звук передается от маленького уха ко рту и только. А что, если это можно изменить? — Отец Монреале! — закричала она. — Скорей идите! Сам синьор Ферранте!

Из кабинета вбежал Монреале. Позади него шаркнуло, об пол грохнулся стул, был поставлен на ножки, и появился брат Амброз, все еще сжимая запачканное чернилами перо. Оба нагнулись над подносом с тамбуринчиками.

— Ты уверена? — спросил Монреале.

— Его голос я запомнила на пиру. А голоса второго не знаю. Ферранте называет его Никколо. По-моему, они в помещении под замком.

— Амброз, смени ее! — Монреале кивнул на рот-тамбуринчик.

«Я пишу не хуже его, отче!» Фьяметта одернула себя, промолчала и передала поддержание заклятия Амброзу. Его губы беззвучно зашевелились, и он опустился на бочонок.

— Так насколько, — спросил голос Ферранте, —

мы осмелимся придать ему сил, прежде чем я действительно подчиню его своей власти?

— Его надо кормить, — угрюмо ответил Никколо. — И само кормление приближает его к нам. Все предусмотрено. Не спорю, я предпочел бы, чтобы мы отыскали его чертовы записи о кольцах с духами. Мы бы легче всего овладели им с помощью его собственной магии. Но навряд ли он знает много больше моего. И скоро он будет наш.

— Чем скорее, тем лучше. Хватит с меня этой полуночной возни! — И Ферранте выразительно сплюнул.

— Великие свершения требуют некоторых жертв, ваша милость. Повесьте эти три мешка на те крючья. Будьте особенно осторожны с кожаным.

— Поостерегусь.

Шелест, шорохи, пока эти двое располагали те таинственные предметы, которые принесли с собой. Глаза аббата Монреале сощурились, а губы полуоткрылись от напряжения: он, как и Фьяметта, пытался отгадать, какие действия кроются за этими звуками.

— Да говорите же, чтоб вам провалиться! — пробормотал он.

— Теперь бы послать голубку! — вздохнул Ам-

броз.

— Они — дневные птицы. А отправлять нетопыря нет времени, да он бы услышал и увидел немногим больше этого. Шшш! — Монреале сделал ему знак молчать, потому что тамбуринчик снова зазвучал.

— Что же, — раздался голос Ферранте. — Так вызовем Бенефорте сейчас же и вынудим его открыть нам тайну этой его солонки?

— Я уверен, что понял тайну соли, ваша милость. Наши опыты с животными и пленниками не оставили никаких сомнений. Одна только ее способность определять яды уже сделала бы ее неоценимым сокровищем для вашего стола. Но свойство очищать… чистейший гений!

— Очень хорошо. Но я не понимаю тайны перца. И не намерен доверять свою жизнь тому, кто от меня утаивает что-то. Соль бела, перец черен. Так лишь логично заключить, что соль воплощает белую магию, а перец черную.

— Клевета! — прошипела Фьяметта. — Дурак! Он что, думает, что батюшка пал бы… — Рука Монреале сжала ее плечо, и она подавила свое негодование.

— Возможно, конечно, — согласился Никколо. — Однако Бенефорте пришлось бы отвести

глаза этому ханже Монреале.

— Быть бы Монреале инквизитором! С таким-то длиннющим носом!

— Духу не хватает.

— Или он хочет, чтобы о нем так думали, — кисло заметил Ферранте.

— Я знаю этот голос, — пробормотал Монреале над ухом Фьяметты. — Никколо… Никколо какой?

— У синьора Ферранте, — сообщил Амброз, — есть секретарь, отче, Никколо Вителли. Ходят слухи, что он тень Ферранте. Мне говорили, что служит он у Ферранте четыре года. Люди Ферранте его боятся. Я полагал, из-за коварства и пронырливости, но, как видно, за этим кроется и еще что-то.

— Я имел в виду… — Монреале покачал головой. — Но полагаю, именно этот Вителли — причина того, что Ферранте, который в дни своего кондотьерства как будто к магии особо причастен не был, теперь, несомненно, совсем ей предался.

— Животным перец вреда не причинил, — вкрадчиво произнес голос Ферранте с пергамента.

— Еще бы! — пробормотала Фьяметта. — Они

ведь лишены дара речи.

— ...и заклинание, выгравированное на дне солонки, отлично воздействовало на соль, — продолжал Ферранте. — Значит, второе должно воздействовать на перец. Думаю, нам надо попробовать еще раз, но на том, кто сможет сообщить о результатах больше, чем собачка мадонны Джулии.

— Мы? — опасливо переспросил Вителли.

— Я произнесу заклинание, — сказал синьор Ферранте, — а ты положишь перчинку на язык. Только не глотай ее.

— Ах так! — последовало уязвленное молчание. — Ну что же. Тогда приступим. Нас в эту ночь ждут дела поважнее.

Теперь шорохи и позвякивание подсказывали Фьяметте ясные образы: Ферранте в свете свечи вглядывается в дно солонки ее отца, возвращает солонку на подставку из черного дерева и кладет щепотку перца в миниатюрный греческий храм под золотой рукой богини. Быстрым шепотом она истолковывала звуки для Монреале и Амброза. И действительно, вскоре голос Ферранте произнес нараспев по-латыни заклинание перца.

— А теперь попробуй! — приказал синьор Ферранте. Мгновение спустя голос Вителли, видимо,

старавшегося не сбросить перец с языка, промямлил:

— Я ничо не чусую, вамилось.

— Не может же он бездействовать! Перец. Язык. Ты не испытываешь прилив красноречия?

— Нет.

— Хм. Ты не чувствуешь, что можешь подчинить чужие мысли? Солги мне и убеди меня, что ложь — это правда. Какого цвета у меня волосы?

— Шерпы, вамилось.

— Скажи: рыжие.

— Ры… шерны! — Последнее слово было выкрикнуто так, что могло сместить перец.

— Но скажи: рыжие!

Краткое молчание.

— Бог мой! — прошептал Ферранте. — Перец заставляет говорить правду?

— Наконец-то сообразил! — проворчала Фьяметта.

— Видимо, правда в его мыслях занимает мало места, — заметил Амброз.

— Нет, не выплевывай! — приказал голос Ферранте. — Я должен убедиться. Сколько… сколько тебе лет?

— Тридцать два года, ваша милость.

— Где ты родился?

— В Милане.

— Как… э… тебя зовут.

— Джакопо Шпренгер.

— Что-о! — Голос Ферранте слился с голосом Монреале в возгласе изумления, когда аббат стукнул кулаком по столу, вскричав:

— Что-о! Этого не может быть!

Из тамбурина донеслось перханье и бурчание человека, отчаянно вытирающего рот полотенцем.

— Заклинание вынуждает говорить правду? — спросил Ферранте у секретаря.

— Видимо, так, ваша милость, — ответил Вителли-Шпренгер с явной злостью. После недолгой паузы под, кто знает, каким яростным взглядом синьора Лозимо, секретарь продолжал неохотно: — Фамилию Вителли я взял… в юности. После… после маленького недоразумения с законом в Болонье.

— Ну… Половина негодяев в моих отрядах напридумывала себе новые фамилии. Но я не предполагал, что ты что-то от меня утаиваешь, милый мой. — Тон Ферранте был снисходительно-прощающим, но в нем пряталась опасная холодность стали.

— Все люди что-то утаивают, — с тревогой ска-

зал Вителли, затем его голос стал вкрадчивым: — Вам угодно самому проверить перец, ваша милость?

— Нет, — ответил Ферранте с той же иронией в голосе. — Я вполне полагаюсь на тебя. Или на Бенефорте. Но, дьявол, какое сокровище! Только вообрази, каким он будет подспорьем при допросе пленных? Или людей, припрятавших свое золото и драгоценности… — От этой мысли у него даже голос прервался.

— Господи! — простонал аббат Монреале совсем иным тоном. — Неужели не существует магии, самой белой, человеческих намерений, самых чистых, которые невозможно извратить? Если даже сама правда не божественна… — Его губы растянулись в гримасе боли.

— Кто такой Джакопо Шпренгер? — прошептал Амброз. Видимо, как и Фьяметта, он не мог одолеть ощущение, что раз они слышат Ферранте, то и Ферранте может их услышать.

— Возможно ли? Тот в красном на башне… но он стал таким худым! Я расскажу вам, но позже, Шшш! — Монреале наклонил ухо над тамбуринчиком, как и Фьяметта, пытаясь угадать, какие новые приготовления Ферранте и Вителли скрываются за различными шорохами. Однако

на этот раз случайное слово, приказание, скрип, казалось, говорили ему гораздо больше, чем Фьяметте, потому что он начал тихо высказывать догадки Амброзу и ей.

— По-моему, они чертят на полу магическую фигуру. Линии, сдерживающие мистические силы планет или их металлов… священные имена, чтобы подчинять себе или сдерживать силы их духов. Должен сказать, очень странное сочетание высшей и низшей магии.

— Они стараются подчинить дух батюшки этому жуткому кольцу с личиком младенца? — расстроенно спросила Фьяметта.

— Нет… то есть не этой ночью, мне кажется. Я не слышал ни единого звука, указывающего, что они устанавливают тигель. А ты? Видишь ли, кольцо должно быть отлито заново, чтобы металл был жидким в момент заклятия и принял внутреннюю форму духа.

Фьяметта, вспомнив, как сама создавала львиное кольцо, закивала.

— Кольцо с младенцем они в любом случае не могли бы перелить для твоего отца, — продолжал Монреале. — Серебро предназначено для женских духов. Для Просперо Бенефорте лучше всего подойдет золото. Если они понимают, что

делают. Но к несчастью, они как будто это хорошо понимают. И неудивительно, если Вителли — Шпренгер. Он был блестящим студентом в… — Монреале умолк, так как из тамбуринчика вновь донеслись голоса.

— Черный кот для колдуна, черный петух для солдата, — сказал Вителли. — Передайте мне мешок с котом, ваша милость, через линии, когда я войду в квадрат и замкну его. — И он перешел на латынь, произнося формулу, гораздо чище, чем Тейр или даже Ферранте.

— Заклинает свой нож, — пробормотал Монреале.

— Для чего он ему? — спросила Фьяметта со страхом.

— Чтобы принести в жертву кота, чья жизнь… сказать «душа» я не могу, но чей дух будет отдан призраку твоего отца, чтобы подкрепить его. Подобно еде.

— Он еще жив? — неуверенно спросил Вителли. Ответом ему послужило жалобное «мяу», исполненное мучительной боли.

— Еле-еле, — ответил Ферранте. Фьяметта и Амброз обменялись взглядами, полными ужаса.

— Несчастный кот! — сказал Амброз, судорожно сплетая толстые пальцы.

— Но что они с ним делают? — спросила Фьяметта.

— То, за что обоих следует сжечь. Шшш! — нетерпеливо оборвал ее Монреале.

Истошный кошачий вопль заглушил латинское бормотание Вителли и тут же оборвался.

— Но батюшка же, конечно, откажется от такого нечистого подношения! — сказала Фьяметта. — Не станет же он… есть? Бедный котик!

Монреале покачал головой. Лицо у него было гранитным. Но затем он удивленно наморщил лоб — Вителли вновь начал читать заклинание.

— Что они… неужели у них два…

Повторилось то же, что было с котом, но на этот раз под черно заклятым лезвием Вителли квохтал и бился петух. И тут в чистой латыни Вителли прозвучало знакомое имя.

— Ури Окс? — в ужасе повторила Фьяметта. — Ах, нет! Так он… так капитан Окс мертв?

— Несомненно, — мрачно сказал Монреале. — Иначе такое заклятие на него не налагали бы. Вот почему его не оказалось ни среди раненых, ни среди убитых, чьи тела выдали… Видно, Ферранте возжелал иметь запасное кольцо.

— Бедный Тейр! — вздохнула Фьяметта. Но где сейчас Тейр? Между тем мгновением, когда он

дыханием привел в действие маленькое ухо, и тем, когда в ужасную комнату вошли Ферранте с Вителли, у него просто не было времени спастись. Но он спасся, иначе его уже обнаружили бы.

— Нет… — поправил Монреале сам себя. — Капитана Окса, несомненно, Ферранте выбрал первым в тот самый день, когда он был убит. В городе у него не было родственников, которые забрали бы его тело для погребения. Это твоего отца, Фьяметта, добавили на всякий случай.

— Ну вот! — В голосе Вителли звучало удовлетворение, затем послышались хлопки, словно он встал и смахивал со своего одеяния следы мела и чего-то похуже.

— Сколько еще времени мы будем терять на это педантство? — сердито спросил Ферранте. — Мне нужны твои кольца. Государственные дела не будут ждать твоих чернокнижных проволочек.

— Бенефорте, ваша милость, весьма опасный дух для заключения в кольцо. Он исполнен вражды и знает слишком уж много. Даже малая ошибка… — Вителли неохотно умолк, затем добавил: — Мне кажется, солдата мы сможем заключить уже завтра ночью. Так разумнее, ибо тогда он поможет нам возобладать над магом. Принесите новую бронзу для кольца. Я позабо-

чусь о топливе. И тогда у вас будет хотя бы одно кольцо для… э… под рукой.

— Да я и вообще предпочту швейцарца, — заметил Ферранте, повеселев. — Он не такой коварный хорек, как флорентиец. Как солдат он, без сомнения, знает, что значит повиновение.

— Так, может быть, мне следует оставить кольцо мага у себя? — предложил Вителли небрежным тоном, не замаскировавшим, однако, жадную дрожь в голосе. — Два кольца, нас двое. Одному вам справляться с двумя будет непросто.

Синьор Ферранте холодно обронил:

— Нет, я так не думаю.

Воцарившееся молчание было явно тягостным, затем Вителли нарушил его, сказав коротко:

— Так завершим. Не снимете ли вы кожаный мешок с гадюкой, ваша милость?

О том, что происходило в следующие минуты, догадаться было трудно, пока Вителли не сказал:

— Вы совершенно уверены, что на этот раз зажали под кожей головной конец, ваша милость?

— Да! — нетерпеливо рявкнул Ферранте. — Открывай мешок и засовывай руку. Или ты предпочтешь, чтобы это сделал я?

— Ну… если вам угодно, ваша милость. Я развяжу узел.

— А! Попалась. Как раз за головой. Посмотри, как она тебе улыбается, Никколо. Хе-хе-хе!

— Да… но не так близко, будьте добры, ваша милость. Она только понапрасну истратит на меня свой яд. Ну, давайте. На сегодня мы почти закончили, и я устал до мозга костей.

Ферранте что-то недовольно буркнул. Дробный стук, словно перекладывались сосновые доски, а затем последовали звуки, в которых Фьяметта ничего попять не могла, в которые вплеталась латынь Вителли с добавкой древнееврейского или, возможно, просто бессмысленный набор слов.

— Что они делают сейчас? — спросила она у Монреале.

— Мне кажется, это заклинание, построенное на принципе противоположности, — сказал он, продолжая внимательно слушать. — Как будто совсем новое… Мне кажется, они заставляют гадюку… э… прости Фьяметта… укусить труп или трупы. Это как будто входит в формулу сохранения…

Снова дробный стук и внезапно крики:

— Берегись! Она бьет хвостом.

— Не урони… — Торопливое шарканье.

— Хватайте ее!

— Сам хватай!

— Уползает под стол… — И после паузы Вителли просительно: — На вас сапоги, ваша милость.

— Рук они мне не защитят, если пошарить там в темноте. Ты ведь об этом? — холодно сказал Ферранте. — Сам лезь туда за ней. Или вымани чарами, мой маленький маг!

— Я совсем истощен волхвованиями, — сказал Вителли и, судя по голосу, сказал чистую правду: тихо и медлительно.

Ферранте снова сплюнул, но возражать не стал, а ограничился распоряжением:

— Возвращайся утром и наведи тут порядок. Когда будешь видеть получше. Поймай ее тогда. Если она не уползет под дверь. А теперь слезай оттуда!

— Хорошо… ваша милость, — устало вздохнул Вителли.

Короткий стук — Вителли слез со стола? — а затем новые шорохи, шелест, шаги, дверь закрывается, скрипит ключ в замке. И нерушимая тишина. Когда за окном рабочей комнаты Монреале раздалась соловьиная трель, Фьяметта подскочила. Свеча уже догорала.

Амброз встряхнулся и начал зажигать новые свечи от старой, пока она совсем не погасла. Более яркий свет словно вернул всех в настоящее. Мон-

реале потер лицо в глубоких складках. Фьяметта потянулась, разминая затекшие руки. Тамбуринчик безмолвствовал. Конечно, конечно, Тейр успел ускользнуть до того, как вошел Ферранте со своим домашним магом. Ей оставалось только радоваться, что он не стал свидетелем жуткого надругательства над телом и духом его брата.

— Батюшка воспротивился жуткому подношению Ферранте, правда, отче?

Монреале ответил не сразу, хотя вымученно улыбнулся ей.

— Оба некроманта сочли, что преуспели, — сказал он наконец. — Однако они могли и ошибаться, Самообман — обычная ловушка для тех, кто прибегает к черной магии.

Фьяметта сочла, что это слабое утешение возникло из борьбы желания успокоить ее и из честности. Монреале был Монреале, и честность возобладала.

Амброз пододвинул аббату деревянное кресло, а сам тяжело опустился на табурет, уныло морща лоб.

— Кто такой Джакопо Шпренгер, отче? Если не считать, что он также Никколо Вителли, секретарь?

Монреале откинулся на спинку с усталым и

расстроенным видом.

— Мне было почудилось, что он — демон, но затем я нашел более правдоподобное объяснение. Лет десять назад мой орден отправил меня изучать высшую духовную сторону чародейства в Болонском университете у кардинала Кардини, дабы Церковь могла поручить мне выдачу разрешений мастерам магам вроде твоего отца, Фьяметта. В то время в моем колледже учился блестящий молодой студент из Милана по имени Джакопо Шпренгер. Он был самого простого происхождения, но стал бакалавром, постигнув семь свободных искусств, и готовился стать самым молодым доктором богословия и чародейства, каких знал ученый мир. На мой взгляд, он был слишком молод. Блистательные способности, без мудрости. Так бывает. — Монреале вздохнул. — Его готовили в инквизиторы. Вновь слишком тяжкое бремя для его возраста, хотя, боюсь, гордыня его была такова, что сам он этого никогда не признал бы. Он начал глубоко изучать черную магию, чтобы помогать инквизиции в разоблачении колдунов и колдуний, творящих зло, прибегая к услугам демонов. Он трудился над трактатом, который намеревался посвятить папе, озаглавив его «Молот ведьм». Эта тема его захватила. Слишком захва-

тила, как мы поняли, когда было уже поздно. Он соблазнился предметом своих розысков, как иногда случается с чародеями, начал применять свои познания в демонологии и вскоре совсем сбился с пути. Кто охранит охраняющих?

Монреале уставился на язычки пламени свечей и обеими ладонями растер немеющее от утомления лицо.

— Боюсь, я принял немалое участие в обличении его… э… ночных занятий. Его исключили и без шума предали суду, чтобы не бросить тени на репутацию колледжа. Я свидетельствовал против него. Но еще до вынесения приговора он в темнице покончил с собой. Проглотил ядовитый сублимат, который ему кто-то тайком передал. Во всяком случае, так сказали мне. Теперь же я полагаю, что его унесли из темницы живым, лишь изображавшим смерть с помощью каких-то средств — медицинских и магических.

— Кардиналу Кардини, мне и доктору из колледжа правоведения, — продолжал Монреале, помолчав, — было поручено заняться его бумагами. Кардинал Кардини намеревался сперва просто внести его книгу в Индекс запрещенных книг, пока мы не изучим ее подробнее. У Шпренгера был жадный ум и поразительная память

— собранных им заклинаний, наглядных случаев, поверий и всяких россказней хватило бы и на десять фолиантов. Но он не обладал логическим умом. Стиль его был легким, даже убедительным, но ученость — легковесной, невзыскательность — безграничной, а познания в судебных процедурах… доктор права только руками всплескивал. Шпренгер настойчиво рекомендовал, чтобы ведьм, черных колдуний, вынуждали под пыткой называть сообщников! Я знаю, к каким пыткам прибегает святая инквизиция и что за люди ими занимаются. Только вообразите, сколько бессмысленных обвинений это породит и каждое приводит к новым арестам, к новым обвинениям… И вскоре вся округа будет ввергнута в ужасающий хаос! Все это вело к прямому безумию. По-моему, в этом воплотилась борьба Шпренгера — дневного Шпренгера — против самого себя, ночного. Я рекомендовал сжечь и книгу, и все его записи.

Амброз, сам понемногу занимавшийся научными изысканиями, вздрогнул. Монреале развел руками.

— Но что делать? Лучше сжечь книгу, чем несчастных старых знахарок, которые по моему опыту — да и по твоему тоже, ты ведь живал в

деревнях — чаще всего либо бормочущие, потерявшие от дряхлости разум старухи, либо жертвы клеветы соседки, ищущей, на кого бы свалить вину за то, что у нее сдохла корова от плохого ухода, а то и за такое естественное явление, как град. И в богословском смысле книга была плохой — в ней даже не упоминалась сила Христова имени, что крайне опасно. И мы все сожгли. Кардинал Кардини колебался, но я чувствовал себя врачом, остановившим гангрену своевременной ампутацией. Как бы то ни было Шпренгер ко времени своей, как мы думали, смерти был уже полностью совращен и всецело предался погоне за демонической властью. Но в тот вечер, когда я услышал о его самоубийстве, я мучился, виня себя за то, что одна душа была потеряна для Господа, а Дьявол смеялся надо мной. — Монреале горько покачал головой.

— Что нам делать теперь, отче? — прервала Фьяметта затянувшееся молчание.

Ироническая, полная страдания улыбка изогнула губы Монреале.

— Это известно лишь Богу. Я буду молиться Ему, чтобы Он меня просветил.

— Но вы обязаны помешать им! — с тоской сказала Фьяметта. — Это же черная магия, а вы

дали священный обет противостоять черной магии. Завтра они думают поработить бедного капитана Окса. Потом батюшку. А затем прибудет войско Ферранте, и тогда уже не останется никакой надежды!

— Если мы… испробуем что-нибудь, сделать это надо до прибытия лозимонской пехоты, — робко согласился Амброз.

— Знаю и без твоих напоминаний, — вспылил Монреале, с видимым усилием подавил раздражение и расправил поникшие плечи. — Не так это просто. Трудно найти силу, способную остановить Ферранте, которая сама не отдавала бы черной магией. Тайным злом, влекущим гибель души.

— Но… все зависит от вас. Как от солдата. Солдаты подчас делают страшные вещи, но они нам нужны, чтобы защищать нас от… других солдат, — сказала Фьяметта.

— О том, что делают солдаты, мне ты можешь не говорить, — сухо заметил Монреале, и Фьяметта покраснела. — Этот гнусный довод мне хорошо знаком. Я слышал, как им оправдывали преступления, каких ты и вообразить не способна. И все же…

— Значит, есть что-то! — Глаза Фьяметты со-

щурились. — Вы знаете, что могли бы сделать, правда? Какие-то чары.

— Прежде я должен помолиться.

— Вы много молитесь. И все еще будете молиться, когда войско Ферранте подойдет к воротам Святого Иеронима и протаранит их? Когда Ферранте будет взмахом руки повелевать духами? — горячо спросила Фьяметта. — Если вы только молиться станете, так почему бы сейчас же не выдать синьора Асканио? Не сдаться? И почему вы не сделали этого вчера?

— Мы могли бы, — медленно сказал брат Амброз, — продолжать борьбу. Обвинить тогда синьора Ферранте в черной магии.

— И какого же Геркулеса пошлем мы арестовать преступников, когда они станут полными хозяевами и Лозимо и Монтефольи? — тихо сказал Монреале, вновь уставившись на огненные язычки. — Шпренгер, конечно, помнит меня, как я его. Иначе он бы так старательно не прятался от меня. Не знаю, доживу ли я до того, чтобы выступить с обвинениями.

— Так чего же ждать! — вскричала Фьяметта.

Руки аббата лежали на коленях, перебирая четки. Он поглядел на нее из-под кустистых бровей.

— Я не… могучий маг, Фьяметта. Слабее твоего

отца, да и некоторых других магов в Монтефолье… Бог свидетель, когда-то я пытался обрести такое могущество. Моим тяжким бременем было обрести понимание, превосходящее мой талант. Те, кто может, обретают. Те, кто не может…

Амброз негодующе охнул и отрицательно махнул руками:

— Нет, отче.

Уголок губ аббата вздернулся.

— Мой добрый брат, по каким меркам ты судишь? Ты думаешь, что здесь, в Монтефолье, меня удерживает монашеское призвание? Лучшие таланты отправляются в Рим, в Священную коллегию. А те, кто помельче, остаются в глухих провинциях. В дни моей юности я мечтал еще до двадцати пяти лет стать маршалом. Этот воинственный бред я оставил только для того, чтобы возмечтать, как стану кардиналом-магом до тридцати пяти лет… Наконец, Господь ниспослал мне смирение, ибо знал, как я в нем нуждаюсь. Талант Шпренгера — если Вителли действительно он — гораздо сильнее его разума. Теперь, после десяти лет обретения хитрости во мраке и тайне, он нашел патрона, который защищает его, снабжает деньгами, позволяет черпать у него жизненную силу, — Ферранте ведь обладает огромной волей,

можете не сомневаться. Добавьте порабощенного духа с могуществом мастера Бенефорте, и их мощь будет… — Он умолк.

Амброз откашлялся:

— Признаюсь, отче, ваши слова сделали меня совсем больным.

— Я поставлен спасать души, а не жизни! — Пальцы Монреале перебирали и перебирали четки.

— Души можно спасти и потом, — настойчиво сказала Фьяметта. — Теряя жизни, вы теряете и жизни и души.

Монреале улыбнулся ей странной улыбкой.

— А ты никогда не желала изучать схоластику, Фьяметта? Впрочем, нет, твой пол воспрещает это.

Фьяметта даже вздрогнула от внезапного озарения:

— Вы страшитесь не того, что потеряете свою душу, вы страшитесь просто потерять… Страшитесь того, что недостаточность таланта, в которой себя вините, подтвердится.

Амброз ахнул, слишком грубым было оскорбление, но усмешка Монреале стала только шире. В его прикрытых веками глазах нельзя было ничего прочесть.

— Иди спать, Фьяметта, — сказал он наконец. — Амброз, я пришлю брата Перотто следить за этим ртом и поддерживать его всю ночь. Хотя, полагаю, больше пока не будет ничего. — Он встал, расправил одеяние, потер лицо. — Я буду в часовне.

Глава 12

Тейр хранил полную неподвижность. Гадюка поуспокоилась, но, вместо того чтобы заползти под его скрепленные ноги, как в расселину на уступе, она обвилась вокруг его икры и бедра. Видимо, прельстившись теплом. Сквозь тонкую вязку чулка Тейр ощутил прохладу гладких чешуй, когда она заползла чуть повыше. Пока Тейр оставался самым теплым местом в комнате, покидать его гадюка как будто не собиралась Тейр не осмеливался даже приподнять темный холст, все еще жестко накрывавший его голову и тело. Ему настоятельно требовалось помочиться, и у него нестерпимо свербило в носу. Он боялся, что вдруг чихнет, морщил нос, вздергивал и вытягивал нижнюю губу, но это не очень помогало. Сколько прошло времени после того, как два чернокнижника ушли из этого каменного мешка? Вечность? Но мрак оставался все таким же густым, не смягченным первыми серыми лучами рассвета. Если бы он хотя бы видел эту проклятую гадину, то померился бы с быстротой ее укуса, постарался бы сжать ее позади головы,

но ощупью… Но он долго так не высидит. Холод каменного пола высасывал последнее тепло из его онемевших ягодиц, а затекшие от неподвижности ноги грозила вот-вот свести судорога.

Он молился, чтобы гадюка наконец уползла, но взамен услышал скрип ключа в замке. Змея крепче сжала в кольцах его ногу. По полу прозвучали легкие шаги ног, явно обутых в сапоги, замерли где-то в углу. Звякнула какая-то посуда, что-то забулькало — словно выливали жидкость из кувшина. А затем… Тейр стал даже еще более каменным — голос Вителли заговорил нараспев по-латыни. Змея дернулась. Вителли повторил слова уже с нетерпением. Змея ослабила кольца, но осталась лежать на коленях Тейра. Ну так она же простая деревенская змея и, наверное, не понимает изысканной латыни секретаря! Тейр с трудом подавил истерический смешок.

Вителли выругался вполголоса:

— Проклятая ползучая дура! Наверное, уже уползла. Придется отправить завтра в Венецию олуха-солдата купить другую.

Сердитое удаляющееся шарканье, скрип запирающегося замка. Змея испустила злобное шипение. Тейр смахнул слезы разочарования и страха, которые поползли вниз, невыносимо

щекоча нос. Нет, надо ее схватить…

По полу комнаты что-то прошуршало. Даже в безмолвии камня и ночной тиши Тейр сумел уловить этот звук только потому, что все его чувства были напряжены. Но и змея, очевидно, его услышала. Ее голова приподнялась, закачалась из стороны в сторону, а затем виток за витком пресмыкающееся соскользнуло с ноги Тейра и выползло из-под холста. На это, казалось, ушел целый век. Тейр еще несколько секунд удерживал дыхание, затем с шумом выдохнул, стремительно выкатился из-под стола, послужившего ему тайником, и сразу вскочил на него. Почти опрокинул железный канделябр, но успел, не видя, схватить его, прежде чем он загремел бы, ударившись об пол. Его глаза после непроницаемой тьмы под холстом кое-что различали в смутном отраженном свете звезд, проникавшем сквозь окошко в толще скалы, — очертания стола под ним, ящиков на козлах. Но чтобы углядеть гадюку, такого света было мало.

— Мастер Бенефорте, — произнес он дрожащим голосом. — Вы бы не зажгли мне одну свечку? — Никакого отклика. — Ури? Прошу тебя, — добавил он совсем уж нерешительно.

Трясущимися руками Тейр пошарил по столу.

Бумаги, ножи, холодные металлические инструменты. Коробочка. С трутом? Тейр открыл, но в ней был только мягкий порошок. Он чуть было не лизнул палец, чтобы по вкусу определить, что это такое, но вовремя спохватился и тщательно вытер палец о тунику. С пола доносились странные шорохи, щелчки, и вдруг раздался мучительный писк, который Тейр постарался пропустить мимо ушей. Способны змеи влезать по ножке стола? Ему доводилось слышать о змеях на деревьях.

Вторая коробочка, потяжелее, оказалась тем, чем нужно. Сталь и кремень приятной тяжестью легли ему на ладонь. Он выбил искры: при их свете нашел трут и после нескольких попыток сумел зажечь щепочку. Она почти погасла, пока он подносил ее к фитилю; но затем крохотная голубая сфера, пропитанная воском, разгорелась желтым пламенем. Стоя на коленях перед ним, Тейр решил, что еще никогда не видел огня прекраснее. Он поджег от него щепочку и засветил остальные шесть оплывших огарков в канделябре и только тогда поискал взглядом гадюку.

Неудивительно, что ему казалось, будто она никогда не кончит сползать с его ноги. В ней было добрых четыре фута. Она свернулась у стены возле блюдца с молоком. Челюсти ее были широко

разинуты, шея расширилась, а из пасти торчали задние лапы и хвост очень большой крысы. Они судорожно подергивались.

Стремительным прыжком Тейр добрался до змеи, обеими руками крепко сжал вздутую шею, чтобы гадина не смогла заглотить крысу и укусить, подбежал к окошку и пропихнул ее между прутьями. Секунду спустя снизу донесся еле слышный всплеск. Тейр тяжело опустился на пол, глотая воздух. Прошло несколько минут, прежде чем мысли его обратились к другим опасностям.

Оглядевшись, Тейр решил, что молоко Вителли принес для змеи. Не для кота же! Тейр покосился на расчлененный трупик в луже свертывающейся крови в центре сложной геометрической фигуры, вычерченной на полу красным и белым мелом. Осторожно обходя ее стороной, он подергал дверь. Замок и из комнаты нельзя было открыть без ключа. Сколько прошло времени? Стражники наверху, конечно, уже хватились его, искали… Хотя только не тут. Тейр не сомневался, что сюда никто не входит по доброй воле, кроме Ферранте и Вителли.

— Мастер Бенефорте? — прошептал Тейр. — Ури? Мастер Бенефорте, вы не можете опять открыть дверь?

И на этот раз духи не откликнулись. Но ведь он же раньше своими глазами видел здесь Бенефорте. И пригнало его сюда необоримое ощущение, что Ури находится здесь. Он поглядел на рассыпанные по столу бумаги. Духа можно вызвать так, что он явится и против воли, но вряд ли ему настолько повезет, что он сразу же найдет тут запись формулы. Он перевернул листы. Снова латынь — кое-какие слова он узнал.

— Мастер Бенефорте, прошу вас.

— Что-что? — Раздраженный голос был дрожащим, удрученным и все же более твердым, чем раньше. Не таким вымученным, как во время первых отчаянных попыток Бенефорте сообщить им что-то.

Тейр повернулся, вглядываясь во все углы. Но нигде призрачная фигура не поколебалась в сквозняке, который пригибал огоньки свечей. Только голос.

— Где… где мой брат? Вы его видите там, где вы теперь? Почему он не говорит? — вопросил Тейр в пустоту.

Долгая тишина. Тейр уже решил, что дух Бенефорте покинул комнату и бросил его на произвол судьбы, когда прозвучал тихий неохотный ответ:

— Он более слабая тень. Он же не провел жизнь

в подчинении материального мира силам духа, какого от меня требовали мое ремесло, мое искусство. Теперь, когда моя плоть стала прахом, моим слепым глазам открылись такие видения… Не думал я, что мне будет так не хватать ощущения моей грубой плоти… — Медлительный голос замер в тоске. Казалось, он сосредоточивался в центре геометрической фигуры.

— Как я могу спасти вас? Что мне делать? Вителли сказал, что поработит завтра ночью моего брата.

— Ферранте, — задумчиво пробормотал голос Бенефорте, — возможно, окажется не таким уж плохим господином. Ферранте, Сандрино, Лоренцо… князь — это князь. А служба — служба. Ферранте поговаривает о том, чтобы отлить моего Персея.

— По-моему, он скорее растопил бы его на пушку! — заметил Тейр.

— Да, правда, он больше покровитель искусства войны, чем искусства скульптуры. Но он не бесчувственен и к такой славе. Прославив себя моим Персеем, он сделает меня бессмертным.

— Но вы же мертвы, — растерянно напомнил Тейр. — Три ночи назад вы взывали о помощи, словно для того, чтобы спасти свою душу. Да-да!

— Ну-у… душу… — призрачный голос замер. — К чему торопиться на тот свет, в конце-то концов?

— А… а вы видите тот свет? — спросил Тейр с благоговейным ужасом.

— Видел проблеск сияния. Оно почти причиняло боль… Нет, не почти, а причиняло!

«Но тебе же вроде положено отправляться туда, а не торчать тут!» Говорил теперь совсем не тот отчаявшийся дух, которого он видел три ночи назад. Тейр похолодел. Насколько черные обряды чернокнижника уже подточили волю Бенефорте?

— Вителли не князь. Вам очень хочется служить ему?

— Миланский неумеха! Посредственная дрянь! Да я бы мог загнать его… — По комнате зигзагом метнулось сияние, словно запечатлевшаяся в глазу яркая вспышка. Вспышка… гнева? Чистой воли? «Твоему отцу, возможно, угрожает опасность стать демоном»…

В нутро Тейра словно засунули кусок льда. Если дух Бенефорте уже совращен, как долго ему еще можно доверять? Он уже, кажется, почти не сопротивляется Ферранте. «Неужели уже поздно? Нет!!!» Но что можно сделать? Трупы… Вителли и Ферранте словно бы нуждаются в них для за-

вершения своих гнусных ритуалов. Нельзя ли их как-нибудь похитить? Нет, ему не поднять и одного набитого солью ящика, так о двух и думать нечего. И лестницы, по которым надо взбираться, и стражи, мимо которых надо проскользнуть. Сумасшедшая мысль о том, чтобы поджечь комнату, превратить трупы в пепел наткнулась на неодолимое препятствие — отсутствие необходимого топлива. А если трупы будут уничтожены лишь частично, Вителли они ведь все равно могут пригодиться…

Тейр присел на корточки перед замком, улыбаясь от отчаяния, как вдруг странно знакомая искра защекотала уголок его глаза. Он наклонил голову, всматриваясь в дрожащие тени, отбрасываемые сваями. Может, Бенефорте… или Ури… пытается принять материальную форму? Эта плавно скользящая тень у стены не крыса и не — пугающая мысль! — не еще одна змея. Тень отделилась от стены, обретая объемность, пробежала и робко укрылась за ножками козел. Человечек… ростом ниже двух футов…

— Господи Боже! — сказал Тейр изумленно. — Вот уж не знал, что у вас тут водятся кобольды.

— В холмах к западу от города их порядочно, — сообщил призрачный голос Бенефорте, словно

поддерживая беседу, что совсем уж наводило жуть.

— А я думал, они обитают в пустынных горах, а к человеческим городам и близко не подходят.

— Вообще-то это так. Но их притягивает магия. Одно время у меня в доме их было целое нашествие. Вылезли из недр у меня под домом, чтобы подглядывать, чем я занимаюсь в мастерской. Назойливы, вечно что-то перетаскивают с места на место, но пакостей не строят, если на них не нападают.

— Наши в Бруинвальде такие же, — согласился Тейр. Смутная фигурка мелькнула и укрылась за ножкой поближе к Тейру. Блеснули глаза-бусины.

— Я как-то изловил одного, — припомнил Бенефорте. — Заставил принести мне самородного серебра и бериллов. Он утверждал, что золота в здешней земле нет ни крупицы. В конце концов я его отпустил, а его родичи стали опасливее и держались от моей мастерской подальше. Больше они мне не досаждали.

— По-моему, их приманивает молоко. Ведь его у них под землей нет. То есть в наших горах. Иногда они крадут его из ведер, оставленных без присмотра, после того как коров или коз подоят. Ну и

кормилица в деревне — ей плохо пришлось, когда у нее нашли серебряные самородки. Обвиняли ее, что она их украла или спала с рудокопами, которые украли их из рудника. А она отвечала, что получала их от кобольдов за свое молоко.

— Молочко! — донесся из-под ножки тонкий голосок, полный надежды. — Мы любим молочко!

— Я поставил молоко приманкой в мою ловушку для кобольдов, — согласился Бенефорте. — Дома у себя они едят почти только хлеб из поганок, которые выращивают под землей возле своих селений. Молоко для них лучше вина. Мне не приходилось слышать, чтобы они крали вино.

— Моя матушка тайно ставит для них молоко в канун Дня Всех Святых, — признался Тейр. — С молитвой об избавлении от бед в руднике. Брат Гларус не одобрил бы. На следующий день плошка всегда сухая.

— Они плавают в каменной толще, точно человек в реке. Странно. — В голосе Бенефорте появилась и решительность. — Теперь я могу их видеть. Хотя мои глаза… Вижу все вокруг, вижу сквозь камень. С тех пор как сюда приехал Вителли, под замком все время болтается полдесятка обитателей каменных недр. Приехал и начал… свою деятельность. По-моему, он их тревожит.

«Вителли нас всех тревожит».

Из-за ножки высунулся палец-прутик, указывая на блюдце с молоком.

— Это не ловушка, господа хорошие? — раздался голосок. — Оно ведь вам не нужно, а?

— Молоко не мое, — ответил Тейр. — Так что пей, если хочешь. Вителли поставил его тут для змеи. Но не пеняй на меня, если оно отравлено.

— Вам требуется моя солонка, — самодовольно заметил Бенефорте.

Тейр взглянул на стол:

— Они забрали ее с собой.

Литое золото! Уж конечно, Ферранте поберег бы ее и без магических свойств.

— А нужна ли мне теперь соль, чтобы распознать… — задумчиво продолжал голос Бенефорте. — Глаза у меня широко открыты, и если я осмелюсь взглянуть…

Тейр ничего не увидел, но волоски у него на руках встали дыбом. Он ощутил чье-то присутствие возле блюдечка. Белая матовая поверхность пошла рябью.

— Вителли подмешал туда опиума, чтобы усыпить змею, — сообщил голос Бенефорте. — Смогу ли я… Посмею ли я…

Над поверхностью молока взметнулось сине-

ватое пламя, втянулось колышущейся лентой и погасло.

— Теперь оно очищено, — сказал Бенефорте. В голосе у него звучало торжество. — Я бы не сумел сделать этого, пока был задавлен своей плотью.

Тейр тревожно покосился на чертеж и нечистые остатки черного жертвоприношения в его центре. «Ты вчера бы не сумел, бьюсь об заклад!» Кобольд настороженно подкрался к блюдечку.

— Благодарю тебя, господин хороший, — сказал он Бенефорте. Где бы тот ни находился.

Второй кобольд, а затем и третий просочились сквозь камень рядом с первым. Все они встали на четвереньки, опираясь на корявые лапки, и принялись лакать молоко — точь-в-точь три тощие амбарные кошки. Эти кобольды с холмов были более светлыми, чем гранитно-серые человечки Бруинвальда, и отливали желтизной монтефольских песчаников. Оба новопришедших были совсем голыми, но их вожак носил фартук, почти такой же, как его горные родичи. Молоко в блюдечке быстро убывало, затем вожак поднял блюдечко (величиной с его голову) и вылизал дочиста. Черные глаза над краем пристально посмотрели на Тейра, и почти сразу же все трое исчезли в камне, даже «спасибо» не сказав.

Тейр замигал и снова подергал дверь. Она осталась запертой.

— Мастер Бенефорте? Как мне спасти вас? И моего брата? — «И себя».

— Я слабею, — еле слышно произнес призрачный голос. — И не могу больше говорить.

Тейр грустно решил, что тень мастера Бенефорте уклоняется от ответа. Плохо! Он старался думать, преодолевая усталость, от которой его лицо окостеневало, а в голове будто клубился туман. Ноги его еле держали.

Ощупал тунику. У него еще оставалось два маленьких уха… Даже три, если он отыщет место получше для того, которое оставил на чердаке конюхов. Аббат Монреале особенно настаивал, чтобы он попробовал каким-то образом передать одно герцогине, заключенной в башне. Что же, вниз он добраться сумел. Монреале надлежало бороться с черной магией. Тейру надлежало выполнять приказания Монреале. Если сумеет. Он стиснул зубы.

Прежде чем думать, как проскользнуть мимо стражи, ему необходимо было найти способ выбраться из этой комнаты. На столе и полках лежало много странных инструментов. На крайний случай можно просто взломать проклятый

замок. Но когда Тейр подошел к двери с первым попавшимся шилом в руке, оказалось, что ему никак не удается вставить острие в скважину или подцепить им шляпку гвоздя. Замок был заклят, защищен так, словно его накрыли невидимым небьющимся стеклом. Призраку Бенефорте, естественно, это помехой не было. Призрак Бенефорте мог проходить сквозь стены, когда ему заблагорассудится. Тейр скрипнул зубами.

— Мастер Бенефорте! — Тейр постарался придать своему голосу смирение и жалобность. — Прошу вас, выпустите меня отсюда.

Никакого отклика.

— Ради Фьяметты!

Слышал он только стук собственной крови в собственных ушах.

— Урн, если ты меня любишь! — Он сглотнул подступавшую к горлу панику, глухо отдавшуюся в его голосе. В равнодушной тишине его все больше охватывал ужас. Быть запертым в этом каменном мешке с мертвецами и дурманящими отголосками черного волхвования. — Помоги мне!

На этот раз он ощутил присутствие не спокойной собранной силы Бенефорте, а чего-то смятенного, необузданного. Странное синева-

тое пламя зигзагом соскользнуло по железному замку, точно молния. Когда замок щелкнул, открываясь, оно отпрянуло, точно раненое. Боль. Цена была заплачена страданием и волей. Да, Ури правда здесь. Немой, но вовсе не обессиленный. И не прислужник Вителли. Пока еще нет.

Тейр наклонил голову.

— Спасибо, брат! — прошептал он и, слегка пошатываясь, зажег сальный огарок в фонаре стражника, который так и простоял все это время у стола, никем не замеченный. С какой стати Ферранте обратил бы внимание на столь привычный и незатейливый предмет, один из тех, какие выдавались всем его солдатам? Тейр задул остатки восковых свечей и выскользнул из комнаты как мог бесшумнее и запер за собой дверь. «Как-нибудь я сумею вернуться, Ури. С планом действия. С аббатом. С войском».

Тейр не сразу сообразил, куда ему повернуть в коридоре. Он осторожно прокрался вверх по узкой лестнице, напрягая слух, чтобы уловить подавленный вздох или шорох движения поджидающего в засаде стража. В коридоре, ведущем к темницам, не оказалось ни одного. Лестница вилась вверх, в замок, как змея Вителли. В глубоком мраке наверху Тейр наткнулся на крепкую

дубовую дверь. Она, конечно, была заперта. Он спустился назад, в коридор с темницами.

Тут раздувшийся мочевой пузырь подсказал ему, что делать. Судя по едкой вони, темное местечко в конце этого коридора и до него использовалось как отхожее место. Там Тейр и облегчился, стараясь, чтобы струя поменьше журчала. Потом задул фонарь, прошел на цыпочках дальше по коридору, растянулся на каменном полу, подсунул руку под голову, закрыл глаза и притворился спящим. И пока он ждал, чтобы его нашли солдаты, в его воображении кружился причудливый хоровод событий этой ночи. Он начал повторять про себя свой рассказ, но его мысли канули во тьму.

Бешеное ругательство разбудило Тейра. Он заморгал. Тело ныло от холода и жесткости камня, он попытался встать, и его свела судорога. Нога в сапоге пнула его, хотя и не очень сильно.

— Что? Кто? — сипло повторял Тейр в растерянности, которая была притворной лишь наполовину. Он и вправду заснул. Над ним с фонарем, свирепо хмурясь, стоял сержант. На его голос прибежал солдат, размахивая обнаженным кинжалом. Тейр чихнул.

— Откуда ты взялся? — сурово спросил сер-

жант. — Где ты был?

Тейр так расчихался, что у него достало времени привести мысли в порядок.

— Матерь Божия! — просипел он с чувством. — Мне такой жуткий сон приснился! — Он сел, протирая глаза. — Я… я заснул? Виноват, я же обещал посторожить… Помешанный, он же не выбрался опять?

Тейр вцепился в сапог сержанта.

— Нет.

— А-а! Чудесно. Слава тебе, Господи. А то я уже…

— Что ты уже?

— Я уже подумал, что все было на самом деле. Что мне не снилось. А какой час?

— Скоро рассветет.

— Да не может быть! Я только что сходил поссать в конец коридора.

— Ты исчез. Тебя всю ночь нигде не было.

— Да нет же! Вы раздавали ужин узникам. Я сбегал в конец коридора и шел обратно. Слышал, как звякали ведра. А потом… потом…

— Что потом?

— Меня вдруг сморила страшная усталость. Будто на меня что-то нашло, ну я и прилег здесь на минутку. И мне приснился этот чудной сон, и

тут вы меня разбудили.

Стражи тревожно переглянулись.

— А чего тебе приснилось, литейщик? — спросил солдат.

— Помешанный кастелян скинулся нетопырем прямо у меня на глазах. А потом и меня превратил в нетопыря. Мы полетели на юг. В Рим. Глупость какая! Я же никогда в Риме не бывал. — Тейр ошеломленно провел рукой по волосам. — С воздуха нам было видно все. Факелы, отражающиеся в Тибре… Папа в белоснежном одеянии стоял на балконе огромного дворца. Кастелян все еще в облике нетопыря, с нетопырьими ушами… только лицо у неге было человечье… опустился на плечо его святейшества и зашептал ему на ухо. А папа зашептал ему и коснулся его своим кольцом. А потом мы полетели обратно, — безыскусно закончил Тейр, вовремя прикусив язык, чтобы не добавить: «До чего же у меня руки устали!» Солдаты Ферранте имели веские причины верить в сверхъестественные силы, но и у их доверчивости был предел.

— Но мы же десять раз проходили здесь! — сказал солдат. — Тебя тут не было.

— Заткнись, Джованни, — перебил сержант. Он грубо поставил Тейра на ноги. Хотя сержант был

ниже его ростом, но очень силен. Он уставился на Тейра сердитыми встревоженными глазами. — По-твоему, тебя могли заколдовать, литейщик?

— Я… я… не знаю. Меня еще никогда не заколдовывали. Я думал, это был сон.

— Надо, чтоб тебя проверил знающий человек.

Вот это в план Тейра не входило.

— Скоро рассветет? Господи! Мне надо работать. Синьору Ферранте пушка нужна без промедлений.

— А где ты будешь работать? — спросил сержант, прищурившись.

— В саду, то есть на заднем дворе, не знаю, как вы его называете. Завтра я должен построить горн… то есть сегодня.

— Ладно. Только чтоб я знал, где тебя найти. Джованни, проводи литейщика его милости во двор, понял? И никому ни гугу. Я сам доложу.

Тейр чувствовал, что времени у него остается немного. Рабочие как раз отправились на кухню завтракать — по куску горячей баранины между двумя ломтями хлеба. Каковы бы ни были другие грехи Ферранте, своих людей он кормил хорошо. Тейр ловко избежал вопросов о том, где он провел ночь.

Вместе с рабочими Тейр вышел в промозглый

утренний туман и побрел в конец обнесенного стеной сада к будущей литейне. Ноги скользили по примятой траве. Но туман рассеивался: взглянув прямо вверх, Тейр сквозь его дымку увидел голубой купол безоблачных небес, уже озаренный солнцем, еще не выплывшим из-за восточных холмов. Как ни рад был Тейр свету после ночных черных дел, он предпочел бы, чтобы время замедлилось, Слишком быстро розовые лучи коснулись башен замка — следующей цели Тейра.

Он привычно отдавал распоряжения рабочим, а сам обдумывал, как ускользнуть от них и пробраться в башню. Он расположил кирпичи по надлежащему изгибу будущего горна, принуждая свою раскалывающуюся от боли голову придумывать, придумывать… Он должен доставить ухо герцогине — ко всем чертям остальные два! — и убраться из проклятого замка еще до полудня. А тогда так или иначе пробраться в монастырь и потребовать магической помощи для Ури. Нельзя ли в темноте подплыть к обрыву на веслах, обмотанных тряпкой? Влезть или воспарить к окну каменного мешка? А тогда… что?

Или не попробовать ли убить Вителли сегодня днем, прежде чем он успеет совершить

следующие мерзкие ритуалы? Хотя Ферранте и принимал в них деятельное участие, все же он не стоял за этой вакханалией черной магии. Тейр вздрогнул, вообразив, как нож в его руке погружается в тугую человеческую плоть. Да и возможно ли убить мага? Глупый вопрос! Вспомни мастера Бенефорте. Смерть приходит к магам, как ко всем людям. Или… пожалуй, не как ко всем людям. Не сотворит ли новое убийство нового злобного духа, а то и похуже? Может, Монреале сумеет отчитать его и отправить в загробный мир. Отчитать их всех.

Тейр выкладывал кирпичами дно горна, решив сбежать, когда дойдет до конца ряда. Скажет, что идет по нужде. От тяжелых бревенчатых ворот конюшни в копне сада донесся громкий стук — кто-то выбивал засов кувалдой. Тейр обернулся. Пара шумных лозимонских солдат в стальных и кожаных доспехах, пятясь, тянули толстую веревку. Крики их звучали слишком благодушно, чтобы иметь какое-то отношение к битвам, и товарищи Тейра, было замершие, расслабились и оперлись на лопаты, чтобы наблюдать с удобствами. Вслед за лозимонцами из ворот показалась вереница мулов, привязанных один к другому. Первый — внушительно серый,

за ним медово-коричневый с кремовой мордой… Тейру были хорошо знакомы эти яркие полосатые попоны. Господи, да это же мулы Пико! Что, если их хозяин выдаст, кто такой Тейр, и полчаса спустя Тейр уже будет висеть на вбитом в стену крюке — пойманный вражеский лазутчик? Тейр пригнулся в полувозведенном горне, испуганно озираясь. Черт побери, Пико же сказал, что отправится в Милан прямо через холмы. Какой ангел надоумил его вместо этого отправиться продавать свою медь в Монтефолью? И именно теперь?

Но когда все восемь мулов, поупиравшись, вошли, он не увидел ни Пико, ни его сыновей. Лишь четверо спешившихся лозимонских кавалеристов подгоняли животных. Тейр выпрямился, сбитый с толку, настороженный.

— Эй, литейщик! — крикнул первый солдат. — Где нам их сгружать?

Тейр чуть было не ответил: «Кладите чушки попарно вон там!» — но вовремя понял свою ошибку и сказал:

— Что сгружать-то? — и направился к мулам, Они были грязными и в мыле под сбруей. Зеленые мухи с радужными крылышками уже кружили над розовыми свежими ссадинами по краям рем-

ней. Один мул хромал и, остановившись, поджал правую ногу. Все нагнули морды к траве и бурьяну, чавкая пересохшими от жажды губами.

— Новую медь его милости! — Солдат откинул холст, накрывавший вьюк, и с гордостью указал на толстый слиток.

Тейр уставился на взмыленных, измученных мулов. Пико никогда бы не позволил…

— А где П… где их хозяин? — спросил Тейр. Дурное предчувствие придало непривычную требовательность его голосу.

— Вознесся к Богу, — ухмыльнулся солдат. — Их завещал нам.

Тейр сглотнул:

— А где вы их нашли?

— Вчера несли дозор к северу от озера. Чертовски далеко от дома, и уже решили возвращаться, как наткнулись на стоянку этого олуха в холмах. Лейтенант решил, что этот подарочек придется по вкусу его милости, ну мы их и забрали. Всю ночь их гнали, чтобы поскорее сюда добраться. Упрямые скоты. Под конец пришлось лупить их мечами плашмя, так они упирались.

Да, крупы почти всех мулов покрывали кровавые рубцы. Но ведь кавалеристы Ферранте были столь же жестоки и с собственными лошадями

и друг с другом. Потное грязное лицо солдата выглядело почти столь же измученным, как морды мулов. Но мулов не поддерживало хищное ликование.

— А П… разве хозяин мулов… Думается, он возражал? — Тейр с трудом придавал своему голосу холодное безразличие.

— Ну, испанский клинок лейтенанта скоро покончил с его возражениями. — Солдат помолчал. — Вот мальчишку он, может, и зря. Парень все кидался на нас, когда все уже было кончено. Свихнулся, надо быть, хотя его старший брат головы не потерял и старался его удерживать. Ну да после последней осады Пизы случались вещи и похуже.

— А он… что он сделал с мальчишкой?

— Да почти снес ему голову. Ну, хоть сразу визжать перестал.

— Убил его? — еле выговорил Тейр.

— Сразу же. — Солдат задумчиво сплюнул. — Могло бы и хуже быть.

Тейр заложил руки за спину и переплел пальцы, чтобы унять дрожь.

— Он… он обоих мальчишек убил?

— Не-а. Тот, что посмышленей, удрал. — Солдат обернулся. — Ага.

Тейр следом за ним посмотрел на двери замка. В сад спускался синьор Ферранте в той же кольчуге и кожаных сапогах, что и накануне утром. Белый воротник чистой полотняной рубашки обрамлял его шею, золотая кокарда на шляпе сверкала алмазами. Сбоку от него шел еще один грязный и усталый кавалерист. Пропыленная черная борода обрамляла темный провал рта, в котором не хватало нескольких передних зубов. Тейр похолодел, но не было причин опасаться, что тот запомнил его на постоялом дворе Катти. Уже смеркалось, а Тейр держался в стороне почти до самого ужасного конца. «Но мне следовало бы сразу догадаться, что это он, по его манере забирать все, чем можно поживиться», — тоскливо подумал Тейр.

— Ну так, — весело сказал Ферранте, подходя к Тейру, — что хорошенького есть у нас тут, немец?

Тейр подошел к вьюку и сделал вид, будто внимательно рассматривает его содержимое.

— Лучшая швейцарская медь, ваша милость.

— Она нам годится? И ее хватит?

— Да, и ее даже больше, чем нужно. — Тейр провел пальцами по метке мастера Кунца, выдавленной в мягком красном слитке. — Я… слышал

про эту плавильню. Очень чистый металл.

— Вот и хорошо.

Синьор Ферранте повернулся к своим солдатам и снял с пояса кошелек. Высыпал на ладонь горсть золотых монет, поднял ладонь так, чтобы все их увидели, ссыпал назад в кошелек, который отдал их щербатому начальнику для дележа. Солдаты разразились радостными криками.

— Разгрузи мулов, а потом отправь своих людей поесть, — приказал Ферранте лейтенанту. — Мулов отведете за стены к моему конюшему. — Ферранте прошелся вдоль мулов и нахмурился. — Прежде чем пойдете есть, приглядите, чтобы с них сняли сбрую, напоили их и задали им корм. Пусть старший конюх посмотрит, что с задней ногой у бурого. Я хочу, чтобы мои мулы служили подольше.

Ферранте повернулся на каблуках и направился к лестнице в замок.

Под надзором удрученного Тейра голодные солдаты быстро разгрузили мулов и сложили медные чушки на земле возле горна. Рабочие вновь принялись копать. Лопаты с хрустом вонзались в твердую землю. Полоса света все расширялась по мере того, как солнце поднималось выше, добралась до штабеля медных слитков, и его

края запылали алым ослепительным огнем. Тейр сглотнул тошноту.

— Я… схожу в нужник, — сказал он, повернулся и, шатаясь, побрел из сада.

Глава 13

Тейр действительно отправился в нужник — к стоку в стене замка за углом конюшни, которым пользовались конюхи и рабочие… Он вышел оттуда, избежав припадка рвоты, которого опасался, прислонился к стенке стойла и слушал, как лошадь неторопливо жует сено. Это соседство немного его успокоило. Животные немы и безгрешны. Однако Бог отверз уста Валаамовой ослицы, дабы она могла свидетельствовать против несправедливости, если верить рассказу брата Гларуса. Но тогда почему же мулы Пико остались немы?

Тейра охватила непонятная дрожь, ему стало трудно дышать. Ненависть. Гнев, как она обозначена в списке семи смертных грехов. Убийство Зильо, младшего сына Пико, описанное с таким равнодушием, язвило его воображение, вызывало чуть ли не больше ярости, чем смерть Ури. Ведь Ури был мужчиной и сам выбрал свою дорогу. Но у лозимонцев не было причин убивать мальчика. Могли бы отшвырнуть его в сторону, связать или еще как-то с ним сладить… Но праведное него-

дование вдруг угасло — он вспомнил землистое лицо маленького конюха, положенного поперек седла Ферранте. В смятении мыслей он потряс раскалывающейся от боли головой.

Через конюшню он вышел в главный двор. Двое конюхов вывели туда мулов Пико и привязали к кольцам на стене во все суживающейся полосе тени. Они их напоили, сняли сбрую, а теперь чистили и втирали гусиный жир в болячки. Мулы выхватывали клочья сена из положенных перед ними кучек, сердито прижимали длинные уши, покусывали друг друга. Тейр прищурился, оглядывая залитый солнцем двор, ослепительно сверкающую мраморную лестницу. Солнце поднялось совсем высоко. Оно всегда поднимается так быстро по утрам! Напротив, у основания северной башни, по сторонам маленькой арки стояли двое стражей.

Тейр нащупал за пазухой оставшиеся уши, и поглядел на стражников. На вид они казались бдительнее, чем солдат, который устало дремал перед темницей накануне вечером. Можно ли второй раз воспользоваться сказочкой о проверке решеток и запоров?

Пока Тейр собирался с духом, низенькая дверь под аркой распахнулась, и стражи взяли на кара-

ул. Оттуда вышел лозимонский офицер, и за ним три женщины, которые остановились, жмурясь от солнца. Две женщины и девочка, поправил себя Тейр. Первой вышла темноволосая пухленькая матрона лет двадцати пяти в светло-желтом полотняном платье. Вторая, средних лет, была в черно-белом шелковом платье — миниатюрная поблекшая блондинка, рыжеватые волосы, веснушки; лицо, затененное широкополой шляпой, выглядело измученным и осунувшимся. Девочка, почти одного с ней роста, была в светло-зеленом полотняном платье и тугой шапочке, из-под которой на спину падала длинная золотая коса. Она крепко держалась за локоть увядшей дамы.

Офицер сделал им знак идти дальше, растопырив ладони, словно подгонял овец. Нахмурясь, они медленно прошли через двор и по мраморной лестнице вошли в замок. Тейр закусил губу, быстро прошел назад через конюшни и перелез через калитку в сад. Его товарищи отпустили несколько колких замечаний о любителях отлынивать от работы, когда он пробежал мимо кучи кирпича. Но он не успел пересечь и половины сада, когда увидел, что в ворота входят те же женщины по-прежнему в сопровождении офицера. Тейр заколебался, сделал вид, будто выковырива-

ет камушек из башмака. Дама в шелковом платье опустилась на мраморную скамью в увитой виноградом нише — молодая листва уже давала достаточно кружевной тени. Девочка и брюнетка в светло-желтом под руку, точно оберегая друг друга, пошли по усыпанной песком дорожке. Видимо, благородных узниц вывели подышать воздухом.

Надолго ли? Что, если просто подойти к ним? Офицер прохаживался поблизости и, конечно бы, услышал. Смущенный таким улыбнувшимся ему сомнительным случаем, Тейр отступил к кирпичам и начал укладывать новый ряд, внимательно следя за происходящим в саду. Один раз шляпа герцогини обернулась в его сторону, но тут же снова отвернулась. Прогуливающаяся пара остановилась возле ее скамьи. А потом направилась в его сторону. Тейр затаил дыхание. Офицер шагнул было за ними, но передумал и остался ждать возле герцогини, прислонившись к столбику ниши и скрестив руки на груди.

А молодые женщины подходили все ближе. Девочка, наверное, мадонна Джулия, матрона — что-то вроде фрейлины. Кто-то из рабочих вполголоса отпустил сальную шуточку.

— Барашек ли, баранинка, все одно они для

стола его милости, — пробормотал его товарищ, кисло улыбаясь. — А нам и объедков не достанется, можешь мне поверить.

— Придержите языки, — проворчал Тейр. Землекоп нахмурился, но — возможно, устрашившись роста Тейра — проглотил уже готовый непочтительный ответ и опять взялся за лопату. Тейр обошел основание горна, прикидывая его размеры с видом начальника. Видимо, в этом он преуспел, так как, подойдя, брюнетка спросила у него:

— Что это вы тут затеяли, милейший? Почему уродуете наш бедный сад?

Тейр наклонил голову в неуклюжем полупоклоне и тут же подошел к ней почти вплотную.

— Строим горн, мадонна, чтобы починить вон ту бомбарду! — Тейр указал на позеленелый горшок.

— По чьему приказу? — спросила она, попятившись.

— Синьора Ферранте, а то чьего же? — Тейр убедительно взмахнул руками и встал настолько близко, что уже мог понизить голос. Он выпалил: — Я Тейр Окс. Брат вашего капитана Ури Окса. Меня послал аббат Монреале. Я только притворяюсь литейщиком.

Брюнетка крепче сжала локоть девочки.

— Сходи за своей матушкой, Джулия.

— Нет! — запротестовал было Тейр, но Джулия уже убежала. — Нас не должны заподозрить, что мы разговариваем о чем-то секретном. — Он повернулся и начал указывать то на то, то на другое, будто объясняя, как устроен горн. Рабочие, которые не могли их слышать, смотрели, куда он указывает, и больше не следили за ними любопытными глазами. Тейр вытащил из-под туники маленькое ухо и прошептал в ладонь заклинание, а потом небрежно опустил руку, на мгновение повернув тамбуринчик к своей собеседнице. — Это магическое ухо. Если вы будете говорить в него, аббат Монреале и его монахи в Святом Иерониме услышат вас. Спрячьте побыстрее!

Глядя на бомбарду, она вытащила из рукава носовой платок и обмахнулась, словно для прохлады. Платок выпал у нее из руки. Тейр нагнулся поднять его, и платок с ухом исчезли у нее в рукаве. Она кивнула ему в знак благодарности, но отступила, словно ей был неприятен его плебейский запах. А может, ей и вправду был неприятен его плебейский запах. Пот утренних трудов под горячими солнечными лучами насквозь пропитал серую тунику.

Тут мадонна Джулия подвела к ним герцогиню Летицию, у которой, во всяком случае, хватило сообразительности сначала оглядеть строящийся горн, а уж потом посмотреть на Тейра.

— Этот литейщик говорит, что его послал епископ Монреале, — шепнула брюнетка.

Тейр сглотнул и поклонился с непритворной неуклюжестью. Деревенского олуха представляют герцогине — на расстоянии эта сцена выглядела убедительно.

Выцветшие голубые глаза Летиции, опухшие и покрасневшие, обрели холодность стали. Она шагнула к Тейру и посмотрела ему в лицо снизу вверх. Ее пальцы судорожно вцепились в его рукав.

— Монрале? — еле слышно сказала она. — Асканио у него?

— Да, мадонна. В монастыре. В полной безопасности.

Опухшие веки закрылись.

— Благодарение Богу! Благодарю тебя, Матерь Божья!

— Но… но монастырь осаждают лозимонцы. Мне надо вернуться туда за помощью. Мой брат убит, и Ферранте и Вителли хотят заключить его дух в магическое кольцо. Я должен помешать им,

но я не знаю как.

Глаза герцогини открылись.

— Просто убить их, — сказала она бесстрастно.

— Я… мне не выпало удобного случая, — пробормотал Тейр, несколько отклонившись от истины. Случаи ему выпадали, но все недостаточно удобные. «Бьюсь об заклад, для Ури они были бы удобными!»

— Будь у меня мои четки черного дерева, клянусь, я сама создала бы удобный случай, — заявила Летиция и отвела глаза, вновь маскируя важность этого разговора. Женщина в желтом скрестила руки на груди.

— Прошу прощения? — сказал Тейр.

— Послушай, любезный, ты не смог бы пробраться в мои покои? В шкатулке там лежат четки из черного дерева. То есть лежат, если их не украли. Их легко узнать по застежкам из золотой проволоки. К ним подвешен шарик из слоновой кости, покрытый тонкой резьбой. Если бы ты сумел найти их и принести мне…

— Треснувшая бомбарда будет потом расплавлена, чтобы хватило металла, — перебил ее Тейр громким голосом. Он широко раскрыл глаза, делая ей знак. Из замка вышел синьор Ферранте. Он огляделся, увидел женщин, отмахнулся от

отдающего честь офицера и начал спускаться в сад. Офицер последовал за ним и остановился на почтительном расстоянии, прислонившись к стене, выходившей на обрыв. Под мышкой Ферранте держал маленькую лохматую собачонку с выпуклыми карими глазами.

Тейр продолжал:

— Остальное мы восполним, расплавив новые чушки. Синьор Ферранте дает нам для нашей работы все, что требуется.

Джулия было отпрянула от матери, но тут же увидела собачку.

— Пиппин! — закричала она. Собачка начала отчаянно вырываться. Ферранте почесал ее за ушами, чтобы успокоить, потом нагнулся и отпустил ее. Она кинулась к своей хозяйке, вспрыгнула с тявканьем на ее юбки, после чего начала бегать кругами по саду, но в конце концов вернулась на зов Джулии, которая подхватила своего любимца на руки и принялась осыпать поцелуями лохматую голову.

Брюнетка сказала негодующе:

— Как можно, Джулия! Перестань целовать собаку.

— Я думала, он убьет бедненького Пиппина! — Яростный взгляд в сторону Ферранте не оставил

сомнений в том, кто был этот «он». В ее глазах заблестели слезы.

— Я ведь сказал, что хочу взять его на несколько минут, — заметил Ферранте спокойным, даже ласковым тоном. — Вот он — целый и невредимый. Вы должны научиться доверять моему слову, мадонна Джулия, если мы хотим поладить.

Все три женщины взглянули на него с одинаковым отвращением, словно на сколопендру или скорпиона. Ферранте поморщился и переступил с ноги на ногу.

— Поладить? — холодно осведомилась герцогиня.

— Взвесьте выгоды! — Ферранте пожал плечами и добавил не менее холодно: — Взвесьте невыгоды, если вы не пожелаете.

— Заключить сатанинскую сделку с убийцей моего мужа и господина? Никогда!

— Никогда — долгий срок. Жизнь продолжается. Вам надо позаботиться о ваших детях. Бесспорно, злополучная случайность нас всех удручила. Я никак ее не ожидал и сожалею, что вышел из себя, но меня нестерпимо оскорбили. Гнев — это грех мужчин!

— И вы все еще смеете предлагать, чтобы я

обрекла Джулию на жизнь под подобной угрозой? — вспылила Летиция. — Чтобы она стала второй в моей семье жертвой вашего гнева? А как умерла ваша первая жена? Поистине вы безумны, синьор.

Ферранте щелкнул зубами. Он изобразил улыбку и вынул кожаный мячик из узорчатой сумки на поясе.

— Вот, Джулия. — Он повернулся к девушке подчеркнуто смягчив голос. — Я принес вам мячик для… э… Пиппина. Почему бы вам не пройти с ним в другой конец сада и не проверить, будет ли он вам его приносить? Бьюсь об заклад, что будет.

Джулия неуверенно посмотрела на мать, которая скрестила взгляд с Ферранте.

— Да, любовь моя, — сухо согласилась Летиция. — Пойди поиграй.

Девочка неохотно опустила собачку на землю и пошла, раза два оглянувшись через плечо. Пиппин побежал за ней, радостно подпрыгивая.

— Ваша светлость? — Женщина в желтом подняла брови, кивнув в сторону Джулии.

— Останьтесь со мной, дама Пия, — сказала герцогиня. — Я хочу, чтобы следующее преступление этого человека было бы совершено при

свидетеле, каким бы оно ни оказалось.

Ферранте досадливо возвел глаза к небу:

— Подумайте, Летиция! Что сделано, то сделано, и никто не может изменить прошлое. Вы должны думать не о прошлом, а о будущем. — Его рука сжалась в кулак, затем разжалась, и он опустил ладонь на кожаный верх сапога рядом с мечом. Тут его взгляд упал на Тейра, который стоял там, стараясь обрести невидимость. — Иди работай, немец! — Ферранте резко махнул рукой, Тейр поклонился и отошел на наиболее близкое к ним место — к куче разбитых кирпичей. Присел перед пей на корточки и притворился, будто раскладывает их по величине. Ферранте хмуро обозрел рабочих, яму, незавершенный горн, затем подошел к Тейру и понизил голос:

— Что же, литейщик, когда будет готова моя пушка?

«Никогда, сукин ты сын!»

— Если я проработаю весь день, ваша милость, то к закату горн должен быть готов. Тогда его нужно будет обмазать глиной изнутри и дать время глине высохнуть, а потом ее обжечь.

— А сегодня же вечером это сделать можно?

— Можно-то можно, но обжигать ее еще сырой опасно, как бы не появились трещины.

— Хм! Все равно попробуй! — Ферранте быстро взглянул на солнце. Время, видимо, и его припекало.

— Надо будет еще сделать форму бомбарды, ваша милость. Пусть горн потихоньку сохнет, пока мы будем ее делать.

— Ладно, — Ферранте рассеянно смотрел на горн. Видел ли он мысленным взором, как его бомбарда сокрушает стены Святого Иеронима? А дальше что? Бой в проломе, монахи и солдаты Сандрино убиты. Женщины — Фьяметта, Боже Великий! — замучены, укрывшиеся монтефольцы разыскиваются, предаются мечу, тщетно ища спасения в часовне. Будет ли среди них Фьяметта? Уж конечно, она будет драться, как кошка, и ее убьют за это, грязно убьют. Тейр не верил, что Фьяметта способна сдаться, смириться. Перепуганного Асканио вытаскивают из-под кровати приора и перерезают ему горло… как сыну Пико. Хотя Зильо не защищали ни солдаты, ни каменные стены. Да только конец все равно один.

«Просто убить их».

Тейр был один рядом с Ферранте. Нож в ножнах на поясе нажимал на его бок, как властная рука. Какого еще случая ему ждать? Правда, на Ферранте кольчуга, но шея у него обнажена, как… как

у мальчика. Но сможет ли он потом спастись? Перемахнуть через ворота конюшни, пробежать через передний двор, прежде чем поднимется тревога? Тейр окаменел, почувствовав, как пика кавалериста на вороном коне впивается ему между лопаток, пока он бежит по дороге. Нет, в это солнечное утро он не хотел умирать. Может, и Ферранте не хочет. «Не мое это призвание. Я пришел в Монтефолью создавать прекрасные вещи из металла, а не трупы из людей. О Господи!» Тейр выпрямился.

Но Ферранте уже повернулся и быстро шел назад, к герцогине. Еще один упущенный случай. Хорошо это или плохо? Плачут ли ангелы или дьяволы скрежещут зубами? Тейр вновь присел перед грудой кирпичей, не спуская глаз с Ферранте и отчаянно напрягая слух, чтобы уловить его слова.

— Мы еще можем все уладить, ваша светлость, самым благопристойным образом, — вновь обратился Ферранте к герцогине, опять владея своим голосом и держа себя в руках. — Смерть Сандрино была несчастной случайностью. Он упал, споткнувшись, и напоролся на кинжал. Мы оба выпили на пиру слишком много неразведенного вина. Мой лейтенант не понял, что происходит.

— Мы все знаем, что это ложь, ложь и ложь, — отрезала Летиция.

— Но знаем это только мы, — вкрадчиво сказал Ферранте после того, как быстрый взгляд на каменное лицо дамы Пии убедил его, что отрицать бесполезно. — Если мы все будем говорить так, то остальные ничего другого знать не будут. Вы спасете честь и высокое положение своей семьи в этом неприятном стечении обстоятельств. Если я женюсь на Джулии и сделаюсь опекуном Асканио, всем станет ясно, что злополучная кончина Сандрино была случайной. Вы ничего не потеряете, даже своего дома, и обретете защитника в моем лице.

— Чтобы ты мог отнять у моего сына его наследство? Чтобы ты мог убить его без хлопот?

— Я бы мог убить его без хлопот прямо сейчас, — крикнул Ферранте. — Отдайте мне должное. Я пытаюсь спасти вас всех.

— Ты просто пытаешься спасти себя. От справедливого возмездия, которое тебя постигнет, если Бог не отвернулся совсем от этого мира.

Ноздри Ферранте раздулись, но он вновь раздвинул губы в улыбке, было с них исчезнувшей.

— Я ведь не бесчеловечен. Я желаю вам добра. Видите, я даже принес вам четки, о которых вы

просили. Мои люди и я — не воры вопреки вашим обвинениям. — Он вытащил из кошеля отполированные черные четки и поднял повыше, чтобы она не могла их взять.

Летиция побледнела, остановила уже приподнятую руку и с легким реверансом приняла, а не выхватила приношение.

— Благодарю вас, ваша милость, — пробормотала она. — Вы не представляете себе, что они значат для меня.

— Думаю, что представляю. — Ферранте улыбнулся. Она пропускала черные шарики через свои белые нежные пальцы, дошла до конца — до черного шарика, удерживаемого на нитке золотой застежкой, торопливо начала перебирать их назад и добралась до другого конца — тоже простого черного шарика. Она подняла глаза, широко открывшиеся от гнева, а Ферранте показал ей шарик из слоновой кости, зажав его между двумя пальцами.

— Вы не его ищете? — спросил он сладким голосом.

— Отдайте! — Летиция рванулась вперед, зашелестев шелком, и тут же остановилась, прижав ладони к бедрам.

— Очень интересная штучка. Я приказал Ви-

телли внимательно его осмотреть.

Дама Пия прижала к груди руки в широких желтых рукавах, но продолжала мужественно стоять у плеча герцогини.

— Замечательное заклинание, — продолжал Ферранте со жгучей иронией. — Способ, каким женщина может убить мужчину, несравненно сильнее ее. Яд, который не подсыпают ни в еду, ни в питье, так что моя солонка не помогла бы. Женщина кладет шарик под язык. Потом соблазняет своего врага поцеловать ее. И кто бы это сделал? Вы или Джулия? Или дама Пия? Как мило — соблазнить меня, пока ее муженек томится в темнице прямо у нее под ногами. Она шепчет слово, отпирающее шарик, и дышит в рот своего ничего не подозревающего любовника. Яд заползает в него в виде змеи из дыма. Он умирает, словно на шее у него затянули удавку — не способным дышать. Полагаю, ей надо поберечься и самой не вдохнуть немножко дыма, э? — Его кулак сомкнулся на шарике.

— Если какой-нибудь мужчина заслужил подобную смерть, так это ты, — прошипела дама Пия.

— А, так моим палачом должны были быть вы? — промурлыкал Ферранте. — Я этого не

забуду. Но нет. Если прибавить это к весьма странному запертому расписному ларцу, который стоит у вас в будуаре, светлейшая Летиция, мне кажется, вас весьма убедительно можно обвинить как отравительницу, прибегающую к черной магии. Поразмыслите над этим.

— Ты обвинишь? Лицемер! Да раздвоит Бог твой лживый язык!

— Можно подумать, что Бог — ваш наемный убийца, если послушать, как вы к нему взываете! — съязвил Ферранте. — Вы ловко храните свои тайны, Прежде мне и в голову не приходило, что у вас есть способности к черной магии. Но это, — он покатал шарик между пальцами, — превосходная работа.

— Его сделала не я! — воскликнула Летиция.

— Так откуда же он у вас?

— От девушки, которая из-за него попала на костер. Она получила его в Венеции от мага-мавра и использовала, чтобы убить изменившего любовника. Я навестила ее в темнице накануне казни из милосердия и во имя Господа нашего Иисуса. Инквизитор со всеми своими орудиями так и не узнал ее тайны, но мне она рассказала и дала его как… как диковинку. Создать что-либо подобное мне не по силам! — Летиция крепко сжала губы.

— Другого вы сказать не можете. Но взгляните на дело с моей точки зрения. Человек, приказавший тайно удавить свою тещу, неизбежно подвергнется строгому осуждению со стороны ее многочисленной родни, как бы мужчины ни одобряли в душе это деяние. Но благочестивец, который сожжет ее на площади за черное волхвование против его жизни, только глубокое сочувствие.

— Судебное убийство, — ледяным тоном сказала Летиция, — остается убийством.

Дама Пия побледнела и еле дышала.

— Но мои-то руки не будут им запятнаны, э? И разве убийств в Монтефолье уже не достаточно? Послушайте, ваша светлость, заключим мир. Сегодня я смиренно прошу и позволяю вам сохранить достоинство, согласившись добровольно. — Благожелательность Ферранте, казалось, вот-вот лопнет по швам.

Летиция отвернулась.

— У меня разболелась голова. Вы слишком долго задержали меня на солнце.

Голос Ферранте стал жестким:

— Завтра у меня будет средство вынудить вас к согласию. И вы пожалеете, что не заключили выгодной сделки, пока могли.

— Я хочу вернуться в свой покой! — Лицо Летиции превосходило холодностью лица мраморных статуй, кое-где украшавших сад.

— Чтобы и дальше настраивать вашу дочку против меня? — Ферранте убрал шарик из слоновой кости в кошель и отвесил ей учтивый поклон. Петиция и дама Пия посмотрели в глубину сада, где на скамье сидела Джулия, боязливо прижимая к себе собачку. Ферранте проследил их взгляд из-под полуопущенных век. — Мне кажется, настало время оградить ее от вас и вашей прислужницы, столь вам верной. Пока вы не принудили меня к такого рода ухаживаниям, каким наши римские благородные предки обрели своих сабинских супруг.

Потребовалось мгновение, чтобы смысл этой угрозы стал ясен. Глаза Летиции загорелись гневом.

— Ты не посмеешь!..

— А вы посмеете тогда отказать мне в разрешении обвенчаться с ней? — Сдвинув брови, Ферранте взвесил эту внезапно его озарившую мысль. — Пожалуй, нет. Не это ли средство против вашего упрямства, Летиция? Конечно, крайнее, но если вы заставите меня быть жестоким, чтобы быть добрым…

— Чудовище! — вскричала дама Пия и замахнулась на его лицо скрюченными пальцами. Он легко перехватил ее руки и с силой дернул вниз, раздраженно сжав губы. Из ее желтого рукава выпал белый кружок и запрыгал по сухой земле. Она охнула и наступила на него — но опоздала. Вокруг ее туфли словно всколыхнулось оранжевое пламя и погасло.

— Это еще что? — спросил Ферранте, легко отодвинув даму Пию на расстояние руки, как она ни сопротивлялась, и нагнулся за смятым тамбуринчиком.

Через минуту-другую откроется, что он — соглядатай! Тейр выпрямился, нащупывая рукоятку ножа. В последний раз он им пользовался, когда резал за завтраком баранину. Лезвие затупилось. Почему он не подумал его наточить? У него перехватило дыхание.

Он выхватил нож и прыгнул в тот момент, когда Ферранте распрямился. Слишком далеко для удара! Солдат у стены бросился вперед с предупреждающим криком. Ферранте полуобернулся и вскинул руку в кольчуге, отбивая нож. Лезвие скользнуло по колечкам и оцарапало шею Ферранте сбоку. В отчаянной попытке вернуть удачный случай Тейр повернул нож и

ударил. Теперь лезвие впилось в шею Ферранте под затылком. Но Ферранте уже перехватил его запястье с силой, неожиданной при таком неудобном повороте его собственной руки, и нож вошел лишь на кончик острия. Ферранте пытался завладеть рукояткой, и тут Тейра словно молния ударила в пах и по всему телу разлилась слепящая боль — колено искушенного в рукопашной Ферранте нашло цель безошибочно и с силой. Тейр согнулся, его подбородок наткнулся на сапог, и его голова откинулась, Это было хуже, чем попасть под камнепад. Снова пинок — теперь в живот, швы лопнули, и порез начал кровоточить.

В ложбинку у горла Тейра уперся кончик длинного блестящего меча, а он лежал на спине и, моргая, глядел на синее небо над головой, на маячащее над ним темное лицо Ферранте. Тот прижал руку к шее, посмотрел на липкую кровь, окрасившую его ладонь, и выругался. Вздернул меч и отступил на шаг. Подбежали еще два солдата и принялись пинать Тейра, хотя в этом не было никакой нужды.

Герцогиня и дама Пия кричали, цепляясь друг за друга. Фьяметта бы по крайней мере схватила кирпич и попробовала бы раскроить Ферранте

голову. Тейр горько сожалел о своей робости. Будь он посмелее, он мог бы добиться от нее поцелуя или даже чего-то большего, перед тем как умереть, умереть…

Ферранте опирался на меч, тяжело дыша, показывая белки глаз. Минуту спустя, когда стало ясно, что Тейр не повторит своей попытки, он махнул стражам.

— Уведите их в башню! — приказал он, и двое солдат подошли к плачущим женщинам, а офицер следом за ними увел Джулию с ее собачкой из светлого сада.

Тейр мигал слезящимися глазами и старался запомнить небо. Ему хотелось упасть туда, уйти к Богу. Он бы, конечно, предпочел, чтобы его последний взгляд упал на Фьяметту, но никак не хотел, чтобы она оказалась тут, а потому достаточно будет неба. Над ним дрожали и расплывались лица врагов. Смазанное, раздвоенное лицо Ферранте, багровое от ярости и страха.

— Почему, немец? — проскрежетал Ферранте, и блестящий меч вновь прижался к горлу Тейра. Он был похож на желоб, восходящий к небесам, словно укороченный блеском солнца По нему можно было скользнуть вверх, в синее небо…

— Швейцарец, — хрипло поправил Тейр. Рот у

него пересох, на зубах скрипел песок.

— Почему ты пытался меня убить?

Почему. Почему. Ну, так вроде бы следовало. Все этого от него хотели. А он, в сущности, не хотел. Он хотел возвращения Ури куда больше, чем смерти Ферранте.

— Ты убил моего брата! — выплюнул Тейр вместе со сгустком крови.

— А? Не швейцарского ли капитана Сандрино? — Зубы Ферранте блеснули в жутковатой довольной усмешке. Видимо, месть за мертвых братьев была в его мире достаточной причиной, чтобы стало больше других мертвых братьев. Есть ли брат у Ферранте? Так и будет эта цепочка тянуться вечно?

Красное одеяние Вителли, секретаря, захлопало на бегу.

— Ваша милость! — кричал он голосом, полным паники.

— Все не так страшно, как выглядит, Никколо, — произнес Ферранте скучающим голосом, вновь полностью им владея.

— Вы истекаете кровью…

— Царапины. Эй, ты, приведи моего лекаря.

— Позвольте, я ее остановлю… — Вителли провел ладонью над шеей Ферранте, и кровь почти

перестала сочиться.

Окровавленными ногтями Ферранте осторожно почесал вокруг ранок, морщась от раздражения.

— Еще бы чуть-чуть, черт побери! Обыщите его, не припрятал ли он еще оружия.

Он кивнул солдату, и тот, встав на колени рядом с Тейром, начал шарить по его избитому телу. Нашел за пазухой его тощий кошель, отдал секретарю, а белый пергаментный кружок небрежно положил на землю. Тейр застонал.

Даже Вителли обратил внимание на кружок только с третьего взгляда.

— Что?.. — Он нагнулся, подобрал его и через секунду выругался. Его пальцы сжали, раздавили тамбуринчик, и между ними вспыхнул и погас оранжевый свет. — Откуда у тебя это?

Тейр мечтательно улыбнулся, плавая в океане боли.

— Отвечай! — завопил солдат и снова его пнул. Тейр охнул и поплыл за отступающей тьмой, которая унесет его от всего этого.

— Ладно! — Вителли протянул руку, умеряя рвение солдата. — Если есть еще, с помощью этого я их отыщу.

— Что это такое? — спросил Ферранте, взяв левый тамбуринчик и сравнивая его с расплю-

щенным.

— Думается, какое-то приспособление для подслушивания, ваша милость. И… и работа искуснейшая. Я чувствую, есть и другие.

Ферранте перевел взгляд с тамбуринчиков на Тейра и сжал губы.

— Он лазутчик?

— Без сомнения.

— Он назвался братом капитана Сандрино. Ну да одно другому не мешает. — Ферранте махнул солдатам. — Повесьте его на южной башне, так чтобы его было видно с северной.

Солдаты подхватили Тейра под мышки, чтобы поднять. Он смутно вспомнил, что молился Богу спасти его от повешения. «Беру эту просьбу обратно». Ведь ему же была обещана смерть в тисках земли и воды, а не болтаясь в воздухе.

— Погодите, ваша милость… — Вителли подошел, нагнулся и вперил взгляд в распухшее окровавленное лицо Тейра. — Брат капитана Окса? Неужели? Они не очень похожи. Ну, пожалуй, подбородок.

— А это имеет значение?

— Выпал случай…

— Что? — раздраженно крикнул Ферранте. — Мне не нравится тянуть с этим. Он лазутчик,

убийца, ну так вздернуть его в назидание другим.

— Вздернуть, да, но… по-моему, мы можем извлечь пользу из его смерти. Внизу. Э? Кошки, петухи — мелочь в сравнении с человеком. А если он правда брат… другого, тогда… Мне придется переделать мои чертежи. Превосходно, ваша милость, поистине превосходно!

— А! — Ферранте задумчиво потер подбородок — Понимаю. — Он помедлил в непривычной для себя нерешительности. — Может, у него есть еще один брат, который прыгнет на меня из темноты? Ну-у, в конце-то концов, он приговоренный к смерти преступник. А жаль. Он мне нравился.

— Тем лучше, ваша милость. — Глаза Вителли хищно блеснули.

Губы Ферранте сложились в узкую линию, но он обернулся к солдатам:

— Отведите его в темницу. Мы допросим его позже и сами казним.

Двое лозимонцев подняли Тейра на ноги. Сад толчками закружился вокруг него, его затошнило. Новая серая туника была безнадежно испорчена кровавыми пятнами, заметил он со слезами огорчения. Матушка расстроится… Они поволокли его через сад. Сумрак замка отсек ясность дня. Вокруг

него плавало глухое эхо оштукатуренных коридоров. Спотыкаясь на ступеньках, он спустился в речную каменную ночь. За углом — знакомые зарешеченные темницы. В уши ему назойливо ввинтились сердитые голоса…

«…яблоку упасть негде»… «Да не туда же!»… «А что? Все равно нам надо все время за ним следить. Может, расшевелит что-нибудь!», «Нет, уж лучше его не расшевеливать!» Наконец мир в форме холодного камня прижался к лицу Тейра, его ладони уперлись в ледяную колючесть, и он бережно повернул набок пронизанную болью голову. Из отверстия в толстой стене над ним сочился отраженный голубоватый свет. Где-то лязгнул замок. Послышались удаляющиеся шаги.

Толстая теплая рука вцепилась ему в волосы, повернула голову. Тейр тупо поглядел на красные глаза, небритые щеки, пегую бороду на отвисающих брылях. Кустистые брови поползли вверх.

— В нетопыре суть, — ласково уведомил его сумасшедший кастелян, разжал пальцы, и Тейр вновь хлопнулся щекой о камень.

Глава 14

— Вот и последнему конец! — угрюмо сказал брат Перотто. Поверхность пергаментного тамбуринчика на столе перед ним на миг излучила смутный оранжевый свет. Он померцал в холодных северных отблесках дня в рабочей келье аббата Монреале и угас.

— Вся наша работа! — простонал брат Амброз. Остальные монахи вокруг стола, каждый сжимавший теперь немой тамбуринчик, согласно закивали. Фьяметта потрогала последний тамбурин. Конец! Он ни разу не заговорил, но теперь его магия не просто бездействовала, она исчезла без следа. «Где ты, Тейр?» Фьяметта только что передала Монреале рот, который попеременно говорил то громко, то странно приглушенно, из рукава дамы Пии, как вдруг из него ворвался крик и оборвался в безмолвие. Аббат поспешно собрал остальных слушающих, и они вместе следили за губительными блужданиями Вителли по замку: кабинет Сандрино, лазарет, чердак конюхов. Слова из маленьких ртов, перед тем как они умолкали, исчерпывались двумя-тремя

— простыми и деловыми. «Вот еще один, ваша милость». «Под одеялом. Ха!» До последнего, разоблачающего, найденного высоко на полке, там, где творилась черная магия. Фьяметта знала, что всю ночь, после того как она по распоряжению Монреале ушла спать, этот рот держал брата Перотто в страшном волнении, но что именно он слышал, Перотто толком не объяснил. Во всяком случае, ей.

Последние произнесенные шепотом слова Вителли наводили ужас, хотя сказал он мало: «Это ты, Монреале, верно? Узнаю твою руку. Но ты ничего не добился. Твоя судьба предрешена, а твой глупый подручный умрет сейчас же». Треск, и рот перед братом Перотто выбросил с таким трудом вложенную в него магию.

Монреале сгорбился и так побледнел, словно его живот раздирали в клочья. Брат Перотто откинулся на спинку и беспомощно развел руками:

— Что случилось, отче? Все, казалось, шло так хорошо, и вдруг…

— Я страшусь за бедного Тейра, — прошептал Монреале своим коленям.

Фьяметта крепко обхватила себя руками, надавливая на львиное кольцо между грудями. Она все еще ощущала его теплый музыкальный напев,

как биение крохотного сердца. А если настоящее сердце Тейра остановится, узнает ли она это? Она обвела взглядом сидевших вокруг стола монахов в серых одеяниях с капюшонами — серьезных, важных, беспомощных.

— Какой от вас толк? — вскрикнула она с внезапной мукой.

— Что? — резко сказал брат Амброз, но Монреале только приподнял голову.

— Какой от вас толк? Церковь должна ограждать нас от зла. О, вы разъезжаете по деревням, пугаете старых знахарок, дескать, они насылают вшей в волосы соседок или варят дурацкие любовные зелья, которые в половине случаев и не действуют вовсе, грозите их душам адским огнем, если они будут упорствовать; вы умеете допекать ремесленников, трудящихся в своих мастерских, но когда нам угрожает настоящее зло, какая от вас польза? Вы боитесь сразиться с ним! Вы караете маленькие преступления маленьких людей, что совсем не опасно, но когда являются с войском великие преступления, куда деваются ваши проповеди? Вы умолкаете! Глупых… мальчишек… вешают, а вы рассиживаетесь и молитесь… — По ее щекам покатились слезы, она захлюпала носом, утерла лицо рукавом и закусила губу. — Ах,

что толку…

Брат Перотто начал было гневно объяснять, что невежественным девчонкам подобает смирение, но аббат Монреале сделал ему знак замолчать.

— Фьяметта отчасти права, — сказал он ровным голосом, потом обвел взглядом стол и горько улыбнулся. — Все добродетели сводятся к мужеству перед острием меча. Но мужество должно умеряться благоразумием. Мужество, растраченное понапрасну и не к месту, — это величайшая трагедия. Существуй восьмой смертный грех, им была бы глупость, из-за которой любые добродетели пропадают втуне, как вода, пролитая на сухой песок. И все же… где кончается благоразумие и начинается трусость?

— Вы послали Тейра туда одного, — выпалила Фьяметта, — чтобы он подтвердил мои обвинения Ферранте в черной магии и убийстве. Моего слова, слова невежественной девушки, было мало против столь великого и до-бро-де-тельно-го синьора, как Уберто Ферранте. И вот мои обвинения получили достаточно подтверждений из их собственных уст. Так чего же вы ждете теперь? Причин ждать нет, есть только причины поторопиться!

Монреале положил руки ладонями вниз на

стол и внимательно посмотрел на них.

— Совершенно верно. — Он со свистом втянул воздух сквозь зубы и сказал: — Брат Амброз, приведи приора и лейтенанта гвардии покойного Сандрино. Брат Перотто, Фьяметта, вы будете мне помогать. Для начала уберите со стола весь этот хлам.

Каким страстным ни был ее призыв, Фьяметта растерялась — слишком уж внезапным оказался отклик. Холодея от страха, она убирала, распоряжалась, доставала принадлежности его искусства, пока Монреале бросал через плечо все новые распоряжения. Оказалось, что Монреале приготовился — во всяком случае, внутренне. Видимо, предаваясь медитациям, он не только молился. Когда вошел лейтенант гвардейцев, укрывшихся в монастыре, Монреале потребовал, чтобы он оставил достаточно арбалетчиков на стенах, а с остальными сделал вылазку и пробился в город. Ферранте и Вителли будут парализованы чарами, которые он намеревался сотворить, а внезапное нападение, он надеялся, ввергнет лозимонских солдат в смятение, и солдаты Сандрино — теперь Асканио — смогут поднять горожан.

— Лозимонцы успели стать им ненавистны-

ми, — рассудил Монреале. — Нашим людям нужна только надежда на успех, уверенность, что их не ждет неизбежный разгром, и они бросятся вам на подмогу. Сразу же прорывайтесь прямо в замок к герцогине. Впрочем, оставшись без предводителя, лозимонцы скорее всего предпочтут сдаться на выгодных условиях и сами откроют ворота.

Фьяметта, слушая, все больше холодела. Однако лозимонские брави Ферранте, хотя и беспощадны, вряд ли готовы жертвовать собой во имя верности. Тем не менее ее сердце сжималось: ведь не проложат же они себе путь сквозь ряды осаждающих мановением магического жезла? С другой стороны, если не Монреале, кто еще способен собрать воедино все порвавшиеся нити? Даже ее отец воззвал к нему!

Монреале благословил очищенный стол, а брат Амброз обошел келью, помахивая курящейся дымом кадильницей и произнося нараспев латинские слова.

— Надо рассеять отголоски предыдущих заклинаний, — объяснил он.

Фьяметта кивнула: ее отец время от времени точно так же очищал дом, перед тем как браться за исполнение особенно важных, трудных

или сложных заказов. Или таких, в удачном исполнении которых он не был слишком уверен. Обряд этот, видимо, очищает не столько комнату, сколько дух, подумала Фьяметта, закашлявшись от дыма.

Монреале сам расположил предметы, необходимые для этого заклинания.

— Это будет более заклинание духа над духом, чем духа над материей. Надо выбрать наилучшие символы для сосредотачивания. И все же я предпочел бы иметь какое-нибудь материальное звено. Прядь, что-то из носильной одежды… Но с тем же успехом я мог бы пожелать, чтобы из-за холмов появилось папское войско. — Он вздохнул, но тут же повеселел. — Однако мне известно настоящее имя Вителли. Без него все, несомненно, пошло бы насмарку, и я бы даже не знал почему. — Он взял новую палочку белого мела и начал тщательно чертить на столе.

Кончив фигуру, Монреале положил нож, обмотанный зеленой с золотом нитью, параллельно жезлу из сухой ивовой ветки, обмотанному красной и черной нитями. Ферранте и Вителли, воин и духовно иссушенный маг. Монреале отступил, разглядывая их.

Достаточно ли?.. Ведь такое расстояние… Боль-

ше мили.

«Их следовало бы скрестить острыми концами вниз в знак их сообщничества и зла в них», — подумала Фьяметта, но промолчала. Отец сурово ее наказывал, если она осмеливалась что-либо советовать на людях.

И уж конечно, Монреале лучше знает, что делает.

А он положил кусок сложенной полупрозрачной ткани возле ножа и жезла. Собственно, это была реднина, взятая из монастырской кухни.

— Шелк был бы уместнее, — пробормотал Монреале. — Но она хотя бы новая.

А еще лучше была бы паутина, подумала Фьяметта. Но не посмела предложить, что наберет сколько нужно. Уж конечно, паутины найдется много в темных закоулках монастыря. Таких темных… странных!

— Заклинание, ввергающее в глубокий сон, — объяснил Монреале. — В сущности, такое же, к какому прибегают наши целители, когда пациент опасается ножа. Очень сильное. Но мы должны еще его усилить, чтобы одолеть сразу двоих, причем без их содействия, не говоря уж о том, что один способен оказать упрямое сопротивление. И возможно, он выставил заслоны…

«Так почему бы не наложить заклятия по очереди? Начав с Вителли?»

— Главное, что меня смущает, — пробормотал Монреале, — это белая сущность заклинания, его духовная благотворность. Это камень преткновения.

— Как? — сказала Фьяметта. — Почему? Оно же не убьет их. Разве что тот или другой будет перевешиваться через перила балкона в минуту наложения, а это маловероятно. Заклинание целителя! Что может быть белее?

— А потом, если мы победим, — губы Монреале искривились, — их обоих ждет костер. Такое ли уж белое намерение, пусть средство и законное?

— А если победят они, то будут считаться с законностью?

— Чтобы удержать захваченное, они должны скрыть свои преступления под покрывалом законопослушности. Свидетели обратного окажутся… в большой опасности.

«И я в том числе», — с дрожью сообразила Фьяметта.

— Теперь это потребует настоящей бойни. — Монреале вздохнул. — Ну, я готов. Пока лейтенант не пришел доложить, что собрал своих людей, давайте помолимся.

«Так я и знала!» Однако Фьяметта послушно опустилась на колени перед распятием на стене кабинета Монреале. Ей было о чем помолиться. Она с грустью вспомнила все молитвы, которые расточала в прошлом во имя пустяков — кружевной шапочки, серебряного браслета, как у Маддалены, пони… мужа. Однако все это было получено: шапочка и браслет от отца, белый мерин… Тейр? Что за непонятная девичья сила, которая вынуждает неумолимый мир к исполнению ее желаний? «Ах, поскорее все кончилось бы!» Наконец оставшийся в живых офицер Сандрино вернулся и коротко побеседовал с Монреале. В тени под стальным шлемом мрачно поблескивали его глаза. Промятый нагрудник был свинцово-тусклым. Не столько вера в успех, сколько решимость заставляла его сжимать челюсти. Но возможно, при встрече с врагом это чувство было надежнее. Предложение десятилетнего герцога самому повести свое войско было тактично отклонено, сообщил лейтенант, но, казалось, оно придало ему сил. Монреале благословил его и отправил в путь, похлопав по кирасе, отозвавшейся глухим лязгом в беленой келье.

Затем Монреале повел Перотто, Амброза и Фьяметту в рабочую комнату. Приор последовал в

качестве святителя. Он был более управляющим, чем магом, целителем и даже, как решила про себя Фьяметта, настоящим монахом. Однако все эти тяжкие дни он оставался правой рукой Монреале во всех житейских хлопотах, заботясь о людях, их размещении, дневном пропитании.

Монреале поставил монахов у стола, где все было приготовлено для заклинания, склонил голову еще в одной, слава Богу, короткой молитве и протянул правую руку Амброзу, а левую Перотто.

— Братья, одолжите мне свою силу.

Фьяметта шагнула к четвертой стороне стола.

— Отче, я с радостью одолжу мою.

На лбу Монреале собрались глубокие морщины.

— Нет… нет, — сказал он медленно. — Я не хочу, чтобы ты попала под ответный удар, если наша попытка окажется неудачной.

— Но моя малая лепта может составить разницу между неудачей и успехом. Да и не такая уж она малая, если на то пошло!

Монреале грустно улыбнулся, хотя брат Перотто негодующе нахмурился.

— Ты добрая девочка, Фьяметта, — сказал Монреале. — Но нет, и, пожалуйста, не отвлекай меня больше.

Он поднял ладонь, предупреждая ее возражения, и она промолчала, а горло ей сжала судорога. Потом она отошла от стола на ту сторону, где стоял приор, и сплела пальцы за спиной.

— Амброз, Перотто, возьмитесь за руки, — сказал Монреале, что они и сделали, сомкнув кольцо. Монреале крепче сжал их руки в своих. — Первый удар потребует всего в нас, чтобы одолеть Шпренгера. — Он опустил взгляд на символы на столе — нож и жезл, и начал говорить нараспев ровным тоном целителя.

Фьяметта почувствовала, как накапливается сила, точно над столом возникала невидимая сфера. По сравнению с выразительными широкими жестами ее отца движения Монреале казались очень точными, тщательными, почти чопорными. «Монреале ничего не тратит напрасно». И все же… такая экономность расходует время и внимание, решила Фьяметта. «Изобилие может позволить себе смелость!» Сфера засветилась видимым мерцающим белым огнем, колыхавшимся и на ее поверхности и в самом сердце, по мере того как нарастала ее мощь. А вот это было расточительством. Ее отец всегда утверждал, что заклятие, налагаемое надлежащим образом, должно сохранять невидимость и не излучать

жара. Но возможно, попытка объединить силы Амброза и Перотто порождает неизбежное трение. Фьяметта затаила дыхание. «Нанеси же удар, не то Вителли почувствует и будет предупрежден».

Но Монреале все еще выжидал, накапливая силу. Кружевная сфера отбрасывала на стены тени монахов. Затем свет точно вода полился в сосуды ножа и жезла. Они наполнились: лезвие ножа смутно засияло, как луна в тумане. Беззвучно реднина поднялась в воздух, скользнула над двумя светящимися символами и мягко опустилась на них.

Глаза Монреале открылись, он прошептал последний слог своего песнопения. Амброз торжествующе улыбнулся, и даже угрюмый Перотто посветлел. Монреале вздохнул и хотел что-то сказать.

Сухой ивовый жезл вдруг запылал, огонь перебросился на реднину и пожрал ее, оставив черный пепел. Белое пламя, загрязненное багровым, полыхнуло в лицо Монреале, будто неправильно подожженный запал. Освещенное снизу, оно судорожно исказилось. В глазах Фьяметты закружились алые и зеленые пятна, и она беспомощно замигала, прижимая ладони ко рту,

чтобы удержать крик.

Глаза Монреале закатились, и он упал, никем не подхваченный: Амброз прижимал руки к глазам, а Перотто сам зашатался. Монреале ударился лбом об стол. Лица всех троих багровели ожогами.

Фьяметта и приор, толкая друг друга, кинулись к столу. Приор опустился на колени возле окровавленного лица Монреале, но побоялся прикоснуться к аббату из опасения прервать новое заклинание. Но прерывать было нечего, почувствовала Фьяметта. Круг и заклятие были разорваны.

— Отец Монреале! Отец Монреале! — испуганно кричал приор. Лицо Монреале побелело, так что пятна ожогов казались еще краснее. От его сгоревших бровей поднимался смрад паленых волос. Преодолев колебания, приор прижал ухо к одеянию на груди Монреале. — Я ничего не слышу.

Фьяметта подбежала к ларцу, схватила лежавшее на нем зеркальце и поднесла его к носу Монреале.

— Затуманилось! Он дышит.

Перотто стонал, Амброз лежал в такой же неестественной позе, как и его аббат.

— Что произошло? — спросил приор. — Вителли нанес ответный удар? Но каким образом?

— Да, но… ответный выпад Вителли можно было предотвратить. Следовало бы предотвратить. Беда была в избытке жара и иссушенности прута. Аббат Монреале допустил, чтобы накопился избыток жара.

Приор нахмурился на такое порицание и вытер кровь с шишки, уже вздувавшейся на лбу Монреале. Потом ощупал его голову:

— Кость цела. Думаю, он скоро придет в себя. «А я так не думаю!» Монреале потерял сознание не просто от того, что расшиб лоб. Причина была в заклинании, повернутом против его источника — она не знала, как Вителли устроил это, но словно бы видела темную руку, прижатую к лицу Монреале. Словно кто-то удерживал голову своего врага под водой. Странно! Она помотала головой, чтобы избавиться от этого наваждения. Последнее время вокруг нее было слишком уж много магии, и пять ее чувств будто песком начистили, и они стали восприимчивыми до болезненности. Может, Амброз сумеет убрать призрачную руку, когда очнется… Если очнется!

Брат Перотто сел сам, без помощи приора. Глаза брата Амброза наконец открылись, но он

был оглушен и не мог собраться с мыслями. Еще постояв в нерешительности, приор побежал за старшим целителем, братом Марио. Целитель приказал еще нескольким монахам унести всех троих и уложить в их постели. Фьяметта подождала, чтобы Марио спросил ее, что произошло, но он и не подумал, а потому она попыталась сама ему рассказать.

— Ты! — Перотто, поддерживаемый двумя монахами, обернулся к ней. — Из-за тебя заклинание не удалось! Тебе здесь не место.

— Из-за меня? Мне приказал быть тут аббат Монреале! — сказала Фьяметта.

— Нечистая… — простонал Перотто.

— Да как вы смеете! — Фьяметта негодующе выпрямилась. — Я девственница.

«К несчастью». И обречена девственницей остаться, судя по помощи, какую теперь получит Тейр! То есть пока лозимонцы не возьмут монастырь штурмом. Не следует ли ей перед тем наложить на себя руки? Но ведь и это обречет ее на вечную погибель. Сердце ей жгли гнев и обида. С какой стати она должна умереть и быть проклятой за преступления мужчин?! Нет уж! Лучше драться, царапаться и избежать судьбы женщин и сирот!

Приор взял ее за локоть и вывел на галерею.

— Нет, нет, он не хотел тебя оскорбить. Но поистине тебе не подобает находиться в этой части монастыря. Вернись в женское помещение, Фьяметта, и оставайся там.

— До каких пор? Пока лозимонцы не хлынут через стены?

— Если аббат не придет в себя в скором времени… — Приор облизнул пересохшие губы.

— Он за-ча-ро-ван! И не придет в себя, пока не снимут заклятие. Наверное, можно найти способ, как его снять. Вителли ведь тоже, как и мы, вынужден действовать на большом расстоянии.

— Я пригляжу, чтобы целители сделали все, что в их силах.

— Здесь требуется не просто целитель!

— Как бы то ни было, нам придется обходиться целителями. Разве что Амброз придет в себя.

— А что вы будете делать, если ни тот, ни другой скоро в себя не придут? Или вообще никогда?

Плечи приора поникли, словно на них легла вся тяжесть забот Монреале.

— Я… я подожду до утра. Может, утро принесет перемены. Но если посланец Ферранте вернется снова нас терзать… может, будет разумнее сдаться на предложенных условиях. Пока не поздно.

— Сдаться Ферранте? И вы думаете, он будет соблюдать свои условия? — вскричала Фьяметта.

Повисшие вдоль боков руки приора бессильно сжались в кулаки.

— Отправляйся в женское помещение, Фьяметта! Ты не понимаешь первого принципа поведения мужчин!

— Какого принципа? Спасайся сам и к дьяволу всех остальных? Благодарю вас, я его отлично понимаю!

— Убирайся! — взревел было приор, но тут же понизил голос и прошипел сквозь стиснутые зубы: — Убирайся к другим женщинам! И держи язык за зубами!

— Вы хотя бы позволите мне попробовать снять заклятие, если у целителей ничего не получится? — в отчаянии взмолилась Фьяметта.

— Перотто прав. Тебе здесь не место.

Сейчас он изобьет ее от отчаяния и назовет это епитимьей! Фьяметта оскалила на него зубы, увернулась и, держа спину прямой, как доска, вышла из галереи. Ей следовало бы промолчать! Ей следовало бы высказать все! Ей следовало бы… ей следовало бы…

В женском помещении двое младенцев срыгивали, трое орали, а спор между двумя матерями

из-за последнего чистого свивальника завершился таскaнием друг друга за волосы и истошным визгом. Фьяметта сбежала. Увидеть аббата Монреале в лазарете ей сурово помешал брат Марио. В трапезной монтефольский солдат попытался потискать ее грудь, а когда она вырвалась, отпустил ей на ухо непристойную шутку. Старая белица в чепце и сером одеянии отвесила ему пощечину и отругала, упомянув по имени его мать. Он попятился, ухмыляясь и держась за нос, а Фьяметта вновь юркнула в прибежище женской спальни, где вопили и рыгали младенцы и царил невообразимый хаос.

Она бросилась на соломенную подстилку, зарылась в нее лицом, стискивая зубы, чтобы сдержать слезы. Жесткий стебель впивался ей в шею, блоха прыгнула на рукав, а оттуда в волосы, прежде чем она успела ее раздавить. Она перевернулась на другой бок, и соседка больно ткнула ее локтем.

— Лежи на своей стороне, чернявая! — Голос девушки был злобным, но искажали бледное лицо страх и горе. Муки ожидания, что ее убьют со всеми остальными.

Фьяметта чуть было одним словом не подожгла ей волосы, но сжала зубы, не дав огню сорваться с языка, и свернулась в клубочек, вся дрожа. «Ис-

пользуя магию, — сказал тогда Монреале, — ты подвергаешься искушениям, которые неведомы непосвященным». Воистину. Ну а заклятие, заключенное в серебряной змейке, все еще укрытой бархатным платьем? Его действие, хотя оно не оказалось совсем уж смертоносным, назвать благотворным никак нельзя. Неужто батюшка ради своей магии все-таки немножко приобщился к погибели? А если так, то почему не она?

«Святая Мария, Матерь Божья, будь мне оградой!» По приказанию Монреале она молилась Пресвятой Деве о ниспослании терпения, упав на колени на плиты часовни и благоговейно созерцая безмятежный белый мраморный лик статуи с младенцем на руках. Терпение, видимо, принадлежало к чисто женским добродетелям. Во всяком случае, у своего отца она его не замечала. Взгляд Фьяметты упал на зажатую у нее в руке складку все той же бархатной юбки, грязной, порванной. «Святая Мария, Матерь Божья… матушка, кем была ты?» Алый бархат менее выцвел, чем сохранившиеся в памяти Фьяметты обрывочные воспоминания о женщине, которая первой носила это платье. Ее мать умерла, когда Фьяметте было восемь. Умерла в Риме от чумы, скосившей еще многих и многих. Тяжкий год, а

август был в нем самым тяжким месяцем, когда им пришлось совсем худо. Отец — в темнице замка Святого Ангела, брошенный туда по обвинению, сулившему казнь. Фьяметта не помнила смерти матери. Наверное, больная поручила ее чьим-то заботам. Она только смутно вспоминала, как шла за дешевым простым гробом по жарким, душным, вонючим улицам, одетая в жесткое неудобное платье, держась за руку какой-то дородной женщины.

Фьяметту смущало, что она так плохо помнит Рим. Вот Венеция ясно рисовалась в ее воображении — даже то, как отец в дороге усаживал ее на вьюк, привязанный к спине мерно шагающей лошади. Каким волнующим было это путешествие, каким чудесным, сверкающим и надменным оказался город… но в Венеции не было ничего от матушки. Фьяметта высматривала из окошка верхнего этажа, как в гондолах по каналу проезжали мимо купцы-мавры в ярких пестрых тюрбанах; порой видела чернокожего раба какого-нибудь знатного синьора или дамы, отполированного городской жизнью, почти не уступающего высокомерием своим господам, а один раз мимо проплыл эфиопский посланник со свитой. Но никто из них, казалось, не имел

никакого отношения к матушке, тоненькой смуглой колдунье из Бриндизи… Фьяметта привыкла считать отца могучим магом, но ее мать тоже колдовала. Фьяметта пощупала выпуклость змеиного пояса. Серебро работы батюшки, это несомненно, но вот заклятие… «Матушкино? Да…» Правда? Смуглая женщина улыбнулась Фьяметте из-за плеча белой статуи Пресвятой Девы.

«Матушка, почему вы отказались от своей силы, чтобы выйти замуж за батюшку?» — «Я сменяла ее на тебя, голубка, и ни разу об этом не пожалела. Магия — это сила, но дети — это сама жизнь, а без нее не было бы ни магии, ни чего-либо хорошего».

«Батюшка жалел, что я не родилась мальчиком. А вы?» — «Нет. Никогда. Не бойся, Фьяметта. Полнота силы приходит к женщине не скоро. Ты должна прожить это время по-своему, вырасти, познать больше жизни, и тогда все, что было моим, станет твоим в недвижном центре». Нет. У отца была не вся сила, ведь он обходил этот центр стороной, будто тот покачивался на конце серебряного шнура, который не разорвать. Пока его не разорвала смерть. Туманное спокойствие Фьяметты исчезло в приливе паники. «Но сила мне нужна теперь же. Сила, а не терпение. Ма-

тушка, Святая Мария, Матерь Божья…» Два лица — прохладный белый мрамор, нежная смуглая улыбающаяся плоть слились воедино в общности материнства. «Ты мое золотое дитятко?» Фьяметта внезапно пробудилась от вопля младенца; ускользнувший сон привел ее в смятение, она изнемогала от усталости, и вновь шум вокруг вверг ее в ужас. Неумолчный гвалт в этой комнате, где тесно от женщин и детей, сведет ее с ума. Лучи заходящего солнца врывались, как лезвия ножей, в узкие прорези окон в западной стене. Фьяметта скатилась с соломы и навестила отхожее место, где смердело. Даже там она не была одна.

Фьяметта посмотрела на темные квадраты отдушин под потолком и пожалела, что они не шире. Две другие женщины вышли. В соседней спальне завязался новый визгливый спор. Напрягшись до головокружения, Фьяметта вскинула руки, уцепилась за грязный подоконник, подтянулась и просунулась в отдушину. Лежа на животе в каменной дыре, она огляделась.

Край свинцовой крыши нависал над этими маленькими окошками точно полог, скрывая их от взглядов снаружи. Крышу тут поддерживали торчащие из стены балки потолка и распорки, образовывавшие подобие треугольников. Далеко

внизу внешняя монастырская стена упиралась в землю, заросшую бурьяном, каменистую, безлюдную. С трудом Фьяметта протиснула в отдушину бедра и вытянулась на балке. Узко, опасно, и все-таки неплохой тайник на случай, если лозимонцы возьмут монастырь? Пожалуй… пока балки не сгорят и крыша не рухнет.

Но здесь она хотя бы совсем одна! Оглушающий шум женской спальни сюда доносился еле-еле. И наконец она разрешила себе заплакать, но беззвучно, чтобы дозорный на крыше или внизу не услышал и не явился бы проверить, в чем дело. Ее слезы скатывались по щекам и падали вниз в солнечном свете, совсем как капли расплавленного золота в мастерской ее отца, которые падали в чашу с холодной водой и превращались в крохотные бусины. Эти капли разлетались брызгами в пыли далеко внизу. Слезы становились жемчужинами, а затем исчезали в тенях, по мере того как мерк свет. Голова, грудь и живот у нее болели от подавленных рыданий.

Все, в ком она искала опору, предали ее. Неудача за неудачей превращали ее доверие в насмешку: отец, Монреале, Тейр… бедный Тейр! Втянут во все это совершенно не готовый. Нет, его винить нельзя… Большой паук, сплетавший

свою паутину в треугольнике к западу от головы Фьяметты, вдруг повис, покачиваясь на нити. И пока он не взобрался по ней назад, Фьяметте чудился повешенный человек. Белокурый молодой человек, синеглазый, беззаботный, несчастливый в любви.

«Я могла бы принести такого паука аббату Монреале, — решила Фьяметта. — Ну и что, если мне придется взять его в руки?» Если бы она тогда заговорила! Может, с заклинанием аббата Монреале все получилось бы иначе! Паук сидел в центре своей паутины, которую чуть покачивал легкий ветерок. В оглушающих сумерках он выглядел черным комочком.

«Я всего лишь слабая девушка. Меня положено спасать. Мне не положено спасать себя. Или их!» Запертая в каменном мешке монастыря, она ничего сделать не может. Мастер-маг или слабая девушка, не важно — все равно необходимо подобраться ближе к цели. Не побояться. Не побояться… чего? Смерти? Оставшись здесь, она ее не избежит. Пыток? То же самое.

Вечной погибели?

Ну, совершенно очевидно, что такая опасность не остановила Ферранте и даже не умерила прыти Вителли. Да и кровожадности их брави.

«Будь я мужчиной, то поражала бы этих негодяев сталью». Будь она мужчиной, священник окропил бы ее окровавленный меч святой водой и отпустил бы ей грех прежде, чем трупы успели бы остыть. Но она не мужчина и вряд ли прошла бы даже десять шагов с мечом в руке. «Не мужчиной, но истинным магом». А если Бог хочет проклясть ее за то, что она применит единственную силу, которую Он даровал ей, воля Его.

В сгущающихся сумерках ее грудь исполнилась решимости. Она протянула руку и сомкнула пальцы на темном пятнышке, которое было пауком, висящим перед ней. Он зашевелился, защекотал ее ладонь. Для заклинания одной силы воли было мало. Необходимо было свести силу в фокус и накопить ее в симбиотической структуре.

— Бене, — прошептала она пауку, — форте! — Почти не видя его, она сдавила ему брюшко. Из ее руки вытянулась тончайшая серебристая нить и зацепилась за балку. Она высвободила юбки и на паутинке тверже железа кинулась вниз на землю. Ей чуть не выдернуло плечи, когда паутинка натянулась и выдержала ее вес. Она закружилась вправо, потом влево, а потом ее подошвы сильно стукнулись о землю, и она еле удержалась на ногах.

При таком падении ей следовало сломать обе ноги. Значит, заклинание удалось! Она разжала правую руку с липким бесформенным комочком.

— Прости меня, паучок! — К ее горлу подступила рвота, и она поспешно вытерла ладонь о теплую монастырскую стену.

Ошеломленная своим прыжком, слабостью, пронизавшей ее существо, — ценой, какую приходится платить за использование магии, она не сразу сообразила, что стоит ничем не заслоненная у стены, служа отличной мишенью для любого лозимонского арбалетчика, у которого хватило бы наблюдательности заметить ее плавное падение. Паутинка, едва заклятие перестало действовать, разлетелась пылью на ветру, и взобраться по ней наверх она уже не могла. И бедный раздавленный паучок уже никогда не сотворит новой нити. Задыхаясь, она распростерлась на земле. «О Боже! Ты уже воздаешь мне за гордыню? Святая Мария, Матерь Божья». Но у нее над головой не просвистела злобно стрела из арбалета; никто не закричал, поднимая тревогу. В остывающем воздухе разносилось только кваканье первых лягушек и щебет отходящих ко сну птиц. Окостенев от страха, Фьяметта выждала

несколько минут. Уже совсем стемнело.

«Ну вот! Вернуться назад ты не можешь. Иди вперед!» Она изгибалась, высвобождая змеиный пояс из-под платья, а затем застегнула его на талии совершенно открыто. Перевела дух, низко пригнулась, подобрала юбки и побежала к лесу.

Под деревьями мрак был гуще, но у нее под ногами похрустывали сухие ветки, шуршали опавшие листья. Она старалась ступать как можно осторожнее. Только бы пробраться за посты лозимонцев и выйти на дорогу…

Она не вскрикнула, когда на нее прыгнула темная фигура в кожаной солдатской куртке. Она ведь ждала чего-нибудь такого. Но все равно у нее перехватило дыхание, а сердце заколотилось, когда он повернул ее за плечи к себе.

— Ха! — крикнул он. — Попалась!

— Нет, попался ты, — начала она и замолкла в растерянности. Даже в темноте было видно, что он совершенно лыс и не носит ни бороды, ни усов, но под кожаной курткой на нем была шерстяная рубаха, разившая потом.

— Пиро! — произнесла она звонко.

Его рукава запылали, руки словно обвили гирлянды оранжевых цветов. Как зачарованная, она ускользнула в пляшущие тени, пока он вопил

и катался по земле. Она даже не побежала. На его крики соберутся его товарищи — она уже слышала, как они с треском продираются сквозь кусты, — но не следом за ней. Среди лозимонской солдатни найдется не так уж много охотников гнаться за неведомой колдуньей в темноте… во всяком случае, так, чтобы ее нагнать. Она шла вперед, испытывая вялость вроде той, которая охватывала ее, когда она выпивала слишком много неразбавленного вина. Она не чувствовала страха, и больше всего ей хотелось спать. Пальцы на руках словно бы распухли, ноги стали деревянными.

В лесу к югу от монастыря был овраг, спускавшийся к озеру и дороге в город. Она соскользнула по его склону, обдирая руки о кору деревьев, за которые хваталась, чтобы замедлить свой спуск. Она ощущала липкость крови на ладонях, но они онемели, и боли не было. На дне оврага между белесыми пятнами камней еле сочилась вода уже почти пересохшего ручья. Она побрела вперед, петляя между камнями.

И вдруг замерла, прижавшись к поваленному стволу, и скрестила руки под грудью, пряча белые рукава. Мимо с обнаженными мечами протопали двое лозимонских солдат. Они торопливо взби-

рались вверх по оврагу, туда, откуда доносились крики, и не заметили ее. Видимо, они несли дозор у дороги: во всяком случае, когда она добралась до пыльного тракта, смутно белевшего в безлунной мгле, там никого не было. Озеро казалось полотнищем черного шелка.

Фьяметта повернула на юг и направилась к городу и своему дому.

Глава 15

Миновала вечность, и боль в теле Тейра пошла на убыль, и он, хотя пах продолжал мучительно ныть, сумел привстать и сесть. Окошко выходило на север, и сквозь него не падал луч, который, ползя по стене, отмечал бы время, но темная синева клочка неба за прутьями говорила, что время движется к вечеру. Он осторожно потрогал распухшие губы, коснулся шатающихся зубов и охнул. Счастье еще, что он не перекусил язык! Боль в боках, спине, почках почти заглушала жжение вчерашней, вновь открывшейся раны. Его красная шапочка исчезла, как и башмаки. Вязаные чулки-трико были порваны, и по ним тянулись широкие дорожки. Он приподнялся, привалился спиной к стене, вытянув перед собой ноги, и наконец огляделся. Синьор Пия сидел, скрестив ноги на соломенном тюфяке, накрытом обрывком одеяла, уголок которого рассеянно покусывал — как грызут ногти. Красные глаза не мигая смотрели на Тейра. Его прекрасные шелковые чулки-трико тоже все были в дорожках, безвозвратно погубленные, заметил Тейр, испы-

тывая к нему товарищескую симпатию.

— Ты кто? — проскрежетал синьор Пия, не отводя неподвижного взгляда и не переставая покачиваться.

— Меня зовут Тейр Окс, — промямлил Тейр, еле справляясь с распухшим ртом. — Брат капитана Ури Окса. Я добрался сюда, чтобы увидеться с братом, но его убил синьор Ферранте. — Он уже столько раз повторял все эти слова, что они прозвучали свинцово и безразлично.

— Брат Ури? Правда? — Взгляд синьора Пия стал пронзительным. — Да, он упоминал брата… Я видел, как он погиб.

— В письмах он иногда называл ваше имя, синьор Пия. — Тейр почтительно наклонил голову. Ури и кастелян вместе служили у герцога Сандрино, занимая важные должности, и, наверное, встречались каждый день.

— Ури был хороший малый, — сказал синьор Пия, глядя теперь прямо перед собой. — Иногда он помогал мне ловить нетопырей в пещерах к западу от озера. После рудника ему пещеры не страшны, говаривал он. — Его пальцы теребили серебряную вышивку на вороте туники — узор из крохотных летучих мышей, рассмотрел теперь Тейр, соприкасающихся кончиками развернутых

крыльев. Такая же вышивка окаймляла рукава. Работа дамы Пии?

— А? — неопределенно отозвался Тейр, памятуя исступление, в которое накануне впал синьор Пия при упоминании этих летающих зверьков.

— В нетопыре суть, знаешь ли. Умнейшие создания. По-моему, человек мог бы летать не хуже их, если бы придумать крылья легкие, но крепкие… Кожа оказалась слишком тяжелой даже для рук Ури, привыкших к мечу и щиту. В следующий раз испробую пергамент… А ты знаешь, что летучие мыши поедают болотных комаров, которые нас изводят? Шерстка у них мягонькая, как у кротов. И они приучаются не кусать кормящую их руку. В отличие от людей. — Кастелян мрачно задумался. — Подумать только, что люди считают их злом, раз они летают, по ночам. Только поэтому! Тогда как люди совершают убийства при свете дня, лицемеры!

— Конечно, и они создания Божьи, — осторожно ответил Тейр.

— А! Приятно встретить человека, свободного от глупого суеверия.

— Я часто видел летучих мышей в старых штольнях. От них вреда не больше, чем от кобольдов.

— Так ты рудокоп? А да, Ури говорил. И темноты не боишься? Молодец! — Кастелян повеселел. Товарищеские чувства, которые синьор Пия питал к летучим мышам, больше походили на увлечение, чем на помешательство, если бы не странный огонек, который вспыхивал в его глазах при их упоминании.

— Я… видел утром даму Пию, — сказал Тейр еще более нерешительно. — Как будто с ней все хорошо. Она преданно остается с герцогиней и мадонной Джулией. Ферранте держит их всех вместе в северной надвратной башне.

— В моих комнатах, — сказал кастелян. — А! — Он напрягся, смаргивая слезы и кусая пальцы. Красные глаза теперь смотрели куда-то внутрь.

Тейр стиснул руки. Помешан кастелян или нет, но он уже дважды заведомо выбирался из этой темницы.

— Мой брат… — начал он и умолк. Раздался скрип кожи, рыгание, тщетно подавляемое. Напротив, на скамье у стены, сидел лозимонский страж, смотрел на них и слушал. Левая его рука была забинтована, а лицо носило следы синяков недельной давности, но к его поясу был пристегнут короткий меч. Тейр сжал губы. Какого черта, пусть слушает во все уши! — Тело моего брата

лежит в помещении прямо под нами, — продолжал он, повысив голос. — Ферранте и Вителли творят над ним какое-то черное колдовство. Такое черное, что за него гореть и гореть. — Он еще повысил голос. — И гореть с ними будут все их пособники! — Ему показалось, что страж вздрогнул. — И еще они похитили труп Просперо Бенефорте, мастера-мага. Хотят сделать его рабом кольца синьора Ферранте!

— А! — рассеянно сказал синьор Пия. — Я видел эту комнату. Так вот, значит, что они затевают!

— Все будете гореть! — заорал Тейр, повернувшись к стражу, а потом снова скорчился, закашлявшись от такого усилия. Наверное, он выглядит таким же помешанным, как кастелян. Тут он понизил голос до шепота: — Синьор Пия, помогите мне! Они удерживают дух бедного Ури с помощью его тела и намерены навлечь на него вечную погибель. Он их пленник, и даже после смерти ему угрожает страшная опасность. Я… я должен освободить его так или иначе. И мастера Бенефорте тоже.

— А! — сказал кастелян, поднимая брови. — Освободить! В том-то и соль, верно?

Тейр растерянно умолк. Кастелян сгорбился, отвернулся и принялся снова грызть одеяло, гля-

дя в никуда. «Он безумен. Все бесполезно!» Тейр вздохнул, но продолжал, нащупывая:

— Синьор Асканио… герцог Асканио пока в безопасности у аббата Монреале в монастыре Святого Иеронима, где их осаждают лозимонцы. — Но синьор Пия промолчал. — Аббат Монреале наложил заклятие на нетопырей, сделав их своими лазутчиками, но не знаю, добрались ли они сюда.

— А! — воскликнул кастелян. — Сам видишь, какие они хорошие и кроткие создания, раз служат святому отцу. Монреале знает! — Он умудренно кивнул и укусил одеяло. Тейр привалился к стене в отчаянии, вновь сполна ощущая, как болит его тело.

Очнуться его заставили шаги и голоса, приближающиеся по коридору. Перед решеткой возникли двое дюжих лозимонцев, а за ними появился мессер Вителли в своем красном одеянии. Вителли держал флакончик из зеленого стекла, оплетенный соломой. Коротышка вперил взгляд в Тейра, зевнул и пососал нижнюю губу.

— За дело! — приказал он, отступив в сторону, чтобы тюремный сержант смог отпереть дверь. Сержант, опасливо косясь на кастеляна, впустил в темницу дюжих брави. Но синьор Пия даже

головы не повернул.

Один приблизился к Тейру сбоку, рывком усадил и заломил ему руки за спину. Вителли прислонился к стене, зевнув так, что чуть не разорвал рот, затем притронулся к чему-то под своим одеянием и затряс головой, точно собака, отряхивающая воду с шерсти.

— Черт бы его побрал! — буркнул он и выпрямился с глубоким вздохом.

Тейра пробрала дрожь: темная аура Вителли поразила что-то более тонкое, чем его чувства. Ни волны жара, ни вспышки, ни запаха, но, казалось, дыхание магии разорвало ему нутро, не пройдя через его ноздри. Вителли накладывал заклятие, не вложенное в символический предмет, ограниченное и питаемое им, но поддерживаемое его собственными мыслями, заклятие могучее и давящее. И при этом он мог ходить и разговаривать, спокойно, совсем как обычно. Но не успел Тейр охнуть, как это ощущение исчезло, оставив после себя призрачную тошноту. А может, вновь просто сказались побои? Он зажмурился, быстро замигал, и темная аура отступила, осталась только в глазах Вителли, темных глазах.

Солдат за спиной Тейра, ухватив прямые белокурые волосы, задрал его голову, а второй вошел,

всунул палочку ему между зубами и зажал его ноздри. Вителли откупорил флакончик и выплеснул его содержимое в ноющий рот Тейра. Сладкое темное вино с горьковатым послевкусием. Тейр поперхнулся, задергался, захрипел. И проглотил.

— Отлично. — Вителли отступил и перевернул опустевший флакончик. Из него вылилась последняя капля и разбилась о каменный пол кровавым звездным пятном. — Этого должно хватить даже на такого верзилу. Вернитесь через полчаса и снесите его вниз.

Он вышел из темницы, предоставив своим людям запереть ее. Едва он повернулся, его глаза и все лицо вновь стали смутными. Потом и шаги солдат затихли в коридоре. Остался только сидящий страж. Голова Тейра неумолимо опустилась, лоб ударился о камень.

Кастелян поднял лицо. И захихикал. Хихиканье перешло в вой, потом в визг. Он вскочил на ноги.

— В нетопыре суть! — закричал он, схватил вонючее ведро в углу и закружил по тесной темнице. С хитрой усмешкой остановился у двери, сорвал с ведра крышку и выплеснул смрадную мочу в лицо растерявшегося стража.

Тот с возмущенным воплем вскочил со скамьи,

в результате, к несчастью, получив добавочную порцию гнусной жижи. Кастелян просунул руки сквозь решетку, сжимая и разжимая кулаки, а затем, пританцовывая, отступил вглубь, потому что солдат выхватил меч и ринулся на него. Синьор Пия подскочил, вырвал меч и начал им размахивать, выбивая искры из потолка. Ругаясь, вопя, чтобы сержант принес ключи — он прикончит этого полоумного! — солдат удалился по коридору, с отвращением одергивая тунику и чуть не плача.

— Быстро! — Синьор Пия бросил меч и нагнулся над Тейром, который одурманенно следил за происходящим, беспомощно валяясь на полу. Перед его глазами мерцали и переливались странные, точно шелковые, узоры. Синьор Пия подставил ведро под нос Тейра, за волосы задрал его голову еще бесцеремоннее, чем лозимонский браво, и всунул толстые грязные пальцы ему в глотку. А в придачу надавил коленом на его живот.

— Давай, давай, малый, опорожнись! — подбодрил он, когда Тейра вывернуло в вонючее ведро.

Тейру не понадобилось новой помощи, чтобы окончательно очистить желудок. Рот наполнился липкой сладостью вина, горечью желчи и ядовитой едкостью неведомого снадобья, и он

отчаянно сплевывал, из глаз катились слезы, из ноздрей ползли соленые струйки. Синьор Пия повернул голову, прислушиваясь, потом поднял ведро и аккуратно выплеснул за окошко новое мерзкое его содержимое.

— Пока они не вернулись, слушай! — прошипел синьор Пия, снова дергая за волосы так, что у него слезы и вовсе брызнули. — Лежи смирно! Притворяйся, будто зелье на тебя действует. Расслабься, как слизняк, не вскрикни, даже если они тебя раскаленной иглой уколют, и они сами тебя отсюда унесут. А ты и дальше притворяйся, пока я не прикажу тебе встать и нанести удар! Слышишь? Ты понял? — Его красные глаза пылали яростью. Тейр с трудом кивнул. Притвориться, что он потерял сознание, было совсем не трудно: мозг его окутывал черный туман. Ну, хотя бы онемение избавило его от боли в избитом теле. Он вытер губы рукавом и услышал снова:

— Лежи смирно!

Услышав шаги стража и сержанта, синьор Пия вновь схватил меч, принялся прыгать от стены к стене, размахивать им и завывать. Сержант с весьма раздраженным видом посмотрел сквозь прутья.

— Дурень! Позволил ему отобрать меч! Как,

по-твоему, я буду отбирать его у бесноватого? А? Дождаться, чтобы он сам себе глотку перерезал? Надо бы… — Оба отпрыгнули, потому что кастелян, продолжая стремительно кружить по темнице, загремел концом меча по прутьям. Они еще звенели, когда он остановился, хитро наклонив голову, и зачмокал, глядя на лозимонцев. Вне себя от ярости, страж ухватил кольцо с ключами, но сержант хлопнул его по руке.

— Олух безмозглый! Вот дам тебе палок, если не будешь выполнять приказы. Эй, ты! — Последнее было обращено к синьору Пия, который с жутким смешком протанцевал к окошку, просунул меч между прутьями решетки и выпустил его.

Страж завопил вне себя от бешенства, и сержант ударил его по уху.

— Телепень! Беги за ним, а заодно выкупайся в озере. Все равно тебе никуда не деться. Меч-то лежит на глубине в десять футов, не меньше. Да не прохлаждайся там!

— Я с ним посчитаюсь! — прохрипел злополучный страж, но был вынужден уйти под градом ругательств и определений его умственных способностей, а сержант посмотрел на кастеляна, покачал головой и плюхнулся на скамью, уныло исполняя приказ держать сумасшедшего, за-

ведшего привычку исчезать, под непрерывным надзором. Пыхтя и потея, синьор Пия улегся назад на свой тюфяк и уставился из-под всклокоченных седых волос пустым взглядом в потолок.

Двое дюжих брави Вителли явились раньше, чем вернулся обезоруженный страж. Кастелян словно не заметил, как они нагнулись над Тейром. Один пнул его в живот, беззлобно, просто для проверки. Тейр невольно вздрогнул, но закатил глаза и продолжал лежать все так же расслабленно. Это было не трудно, куда труднее было бы попробовать встать на ноги!

Приближалась ночь, в окошко просачивались розовато-оранжевые отблески заката. В полумраке сержант поднял фонарь повыше, дымно-золотистый, точно глаз какого-то ночного зверя. Один лозимонец ухватил Тейра за плечи, другой за ноги. Ощущать, что его несут, было приятно. Он словно отяжелел, как плащ от воды, каждый вздох был мукой. Когда его подняли, Тейр слегка скосил остекленевшие глаза на синьора Пия, который лежал на боку и встретил его взгляд без малейшего выражения. Его пальцы выбивали на каменном полу какой-то ритм с той же отчужденностью, с какой он грыз одеяло.

«Почему я выполняю план этого помешанного?

Да и есть ли у него план?» Но вот же его уносят, как предсказал синьор Пия. Лозимонцы, задевая им стены, спустились по узкой лестнице в уже знакомый нижний коридор с четырьмя дверями. Не стоит надеяться, что они запрут его с винными бочонками… нет, конечно. Они втащили его в комнату, где творилась магия.

— Положите вон там. — Вителли неопределенно махнул рукой на середину комнаты, и они швырнули Тейра туда без особой бережности.

— Еще что-нибудь, мессер? — спросил один подчеркнуто почтительно.

— Нет. Можете идти.

Второго разрешения они дожидаться не стали, и их шаги мгновенно протопали вверх по лестнице.

Тейр лежал, как его бросили, ничком, и осмелился приоткрыть глаз. Вителли спиной к нему зажигал восковые свечи, хотя в комнате уже ярко сияли десятки их. Красное одеяние коротышка сменил на облачение из полуночно-черного бархата. В его складках там и сям поблескивало золотое шитье. Символы. Магические знаки или просто нарядная отделка?

Вошел синьор Ферранте, помахивая кожаным мешочком, который на этот раз явно не содержал

никакой живности. Порез на его шее был промыт и зашит тончайшей шелковой ниткой. Он надел свежую рубашку без следов крови, но кольчуга, пояс с мечом и черные сапоги были теми же.

— У тебя есть все, что надо? — спросил он Вителли.

— Новую бронзу вы принесли?

— Да. — И Ферранте покрутил кожаный мешочек.

— Значит, у нас есть все, что необходимо.

Ферранте кивнул и нагнулся, запирая дверь. Большой железный ключ он убрал назад в кошель на поясе. Тейр чуть было не испустил громкий стон. Как, чтобы черт побрал, ему выбраться отсюда на этот раз? «Притворяйся, пока я не прикажу тебе встать и нанести удар». Как, черт побери, синьор Пия думает проникнуть сюда?!

— Погодите, — сказал Вителли, когда Ферранте направился к ящикам с солью. — Я должен поместить это проклятое сонное заклинание во что-то, в чем оно временно удержится.

— А не можешь ты просто покончить с ним? Даже перемещенное, оно же будет тебя отвлекать.

— Но не так, как меня отвлечет Монреале, если он придет в себя достаточно быстро, чтобы вмешаться в нужную и решающую минуту. А

поддерживать его легче, чем наложить заново. Предусмотрительность и терпение, ваша милость.

Ферранте поморщился, взгромоздился на край стола и начал покачивать ногой в черном сапоге. Он мрачно нахмурился на маленький ларчик, табурет для ног, возле стола и оттолкнул его. Потом вытащил из кошеля оплавленное серебряное кольцо и угрюмо повернул в руке. Только тут Тейр заметил, что повязка с нее снята, но кожа все еще была багровой и припухшей.

— Как ты ни старался, Никколо, Бенефорте освободил дух из кольца без всяких хлопот. Только рукой помахал. И что ты с тех пор ни вытворял и с трупом и с кольцом, силу кольцу не вернуло.

— Так я же говорил вам, что нам необходимо разыскать спрятанные записи Бенефорте о магии духов. Сколько раз я это повторял!

— По-моему, не слишком выгодная сделка, — негромко сказал Ферранте, — променять спасение моей души на такую недолговечную и непрочную силу.

Он хлопнул ладонью о ладонь.

Вителли, стоявший к нему спиной, в раздражении возвел глаза к потолку, но тотчас придал лицу почтительное выражение и обернулся.

— Мы все это уже обсуждали, ваша милость. Младенец родился хилым. Его мать была при смерти. До утра девочка не дожила бы. Так неужели вы предпочли бы, чтобы ее смерть пропала втуне? Какая в этом заслуга? А уж раз девочка, то и тем более.

— Я вряд ли бы разрешил тебе, Никколо, проделать такое с моим сыном и наследником, каким бы хилым он ни родился, — сухо сказал Ферранте и шумно выдохнул воздух. — И больше хилых девчонок мне не надо. Ты маг. Как сделать, чтобы в следующий раз у меня родился здоровый и крепкий сын?

Вителли пожал плечами:

— Сказано, что женщина дает материальную часть, а мужчина придает бесформенному форму своим семенем. Все в природе стремится к совершенной форме — мужской, как металлы в земных недрах стремятся преобразиться в золото, но многие терпят неудачу, и женщины — результат того.

— Ты хочешь сказать, что мне следовало добавить формы? — Брови Ферранте поднялись. — Она была все время больной. Ее постоянно рвало. Омерзительно. Мне не хватало духа ей докучать. И ведь в городе было полно женщин.

— Вина не ваша, синьор, я знаю, — умиротворяюще сказал Вителли.

Ферранте нахмурился:

— Ну, с меня хватит малолетних невест. Бледная немочь и плакса Джулия плод не доносит.

— Джулия принесет герцогство, — резко сказал Вителли. — Дайте ей немного времени.

— Герцогство я держу силой оружия. — Ферранте пожал плечами. — То есть вскоре так оно и будет. Какое еще мне нужно право? И какое право мне помогло бы, не будь у меня армии?

— Верно, ваша милость. Но Сфорца взял Милан и по тому, и по другому праву.

— И оставил в живых слишком много Висконти! Они теперь чуть ли не при всех дворах в Италии копят злобу и затевают интриги. — Ферранте, не глядя, повертел кольцо в пальцах, словно гадая, не готовится ли оно к какой-то тонкой мести.

Помолчав, Вителли сказал сухо:

— Отдайте мне серебряное кольцо, ваша милость. Я посмотрю, нельзя ли что-нибудь поправить.

Ферранте улыбнулся неприятной улыбкой.

— Нет, — сказал он негромко, но очень твердо. — Только справедливо, чтобы дух моей умершей дочери служил мне. Но только мне. Я

не отдам никого из моих в рабство худородному миланскому… проклятому знахарю!

Вителли наклонил голову, стискивая зубы.

— Как угодно вашей милости. Будут и другие случаи. Получше.

Он повернулся, расчистил место по другую свою руку, посыпал его серым порошком, потом смел порошок и расположил предметы для простого заклятия: крохотный золотой крестик оборотной стороной вверх и кусок прозрачной шелковой ткани. Его лицо обострилось от напряжения, он начал бормотать про себя. Несколько мгновений спустя кусок шелка приподнялся, точно змеиная голова, и легонько опустился на крестик. Вителли умолк, глубоко, облегченно вздохнул и обернулся к Ферранте.

— Готово. Это удержит Монреале… достаточно долго.

— Так разжечь тигель? — спросил Ферранте.

— Нет. Это сделаю я. Снимите со швейцарского лазутчика всю одежду. Я помогу вам приподнять его брата.

Ферранте бросил ему кожаный мешочек, который он поймал на лету. У окна на тесаных камнях стояла маленькая ювелирная тигельная печь. Вителли уже наложил в нее топливо. Теперь он

нагнулся к нижней заслонке и прошептал «пиро!». Синеватое пламя начало лизать сосновые плашки и древесный уголь, они занялись и вскоре уже горели ровным огнем. Вителли высыпал звенящее содержимое кожаного мешочка в новый глиняный тигель, не больше его кулака, и поставил его в печь.

Тейр покорно дал себя раздеть, расслабив руки и ноги, дыша глубоко и медленно. Ферранте раздевал его быстро и умело — наловчился на трупах убитых в сражениях? Впрочем, снимать требовалось немного — только погубленные красные чулки-трико да серую тунику. Пол холодил его голую кожу. Дрожат ли одурманенные люди? Долго он не выдержит. Необходимо скоро сбросить притворный сон и нанести удар, или он умрет. Или нанесет удар и умрет. Последняя возможность. Ему дана последняя возможность стать героем, как Ури…

Вителли немного поработал мехами, потом повернулся, чтобы помочь Ферранте извлечь серый окостеневший труп Ури из соляного ложа и опустить его лицом на пол возле Тейра. По плитам рассыпались кристаллы соли, тускло поблескивая. Ферранте снова подошел к Тейру и перевернул его на живот. А где, черт его побери,

околачивается дух мастера Бенефорте, пока тут творится такое? Впрочем, побери его черт, ничего этого не творилось бы. Краткий безумный миг Тейр от всего сердца желал ему такой судьбы. Из пыли на полу не возникла призрачная фигура, не пришла на помощь.

— Беритесь за мехи, — сказал Вителли Ферранте, и по напряжению в его голосе Тейр понял, что сейчас начнется волхвование. Вителли взял в левую руку новые палочки зеленого, черного и красного мела, расположив их веером, и скорчился перед Ури. Его напевная латынь звучала почти как молитва. Но Тейр решил, что это не молитва — во всяком случае, не молитва Богу. Вителли извлек из-под своего одеяния глиняную форму кольца и поставил ее на полу между живым и мертвым. Возле головы Тейра он положил нож с костяной рукояткой и очень длинным сверкающим лезвием. Из какой кости рукоятка? Было так трудно удержаться от того, чтобы не сосредоточить взгляд, а Вителли то и дело на него посматривал.

Вителли снова забормотал и начал вычерчивать фигуры между двумя братьями. Тейру вспомнились кот и петух. Пол после вчерашней ночи отскребли дочиста, причем навряд ли слу-

жанки, разве что у Вителли имелся прислужник с отрезанным языком. Мехи ритмично всхлипывали, гудение огня стало басистее.

— Дьявол! — Ферранте отшатнулся. В окно влетел нетопырь и начал описывать по комнате быстрые бесшумные круги, будто ребенок крутил игрушку на веревочке. Вителли, поглощенный своим заклинанием, не мог остановиться и бросил на Ферранте и нетопыря разъяренный взгляд. Ферранте выхватил меч и трижды промахнулся по летающей твари. С проклятием он кинулся за ней.

Вителли завершил строфу, перевел дыхание, бросил через плечо:

— Всего только летучая мышь. Забудьте про нее, черт побери! — И продолжил песнопение.

Ферранте поморщился, остановился, но снова замахнулся на нетопыря, когда тот пролетал мимо, и по счастливой случайности сбил его на пол. Волоча сломанное крыло, нетопырь пополз по полу и стер одну из линий, начертанных Вителли.

Вителли стиснул зубы, прервал песнопение. Его слова казались Тейру вереницей солдат, которые натыкались друг на друга, когда идущий первым остановился без предупреждения. Вителли развел руки, давая выход страшному напряжению,

прежде чем сделать шаг.

— Косорукий… — крикнул он Ферранте с подлинной мукой. — Придется начать все сначала. Бери губку и сотри эти линии! — Жутко гримасничая, он тяжело прошел вперед и раздавил раненого нетопыря. Брезгливо подобрал трупик за кончик крыла, держа его подальше от своего одеяния, и выбросил сквозь решетку окна.

Ферранте явно не понравилось столь грубое распоряжение его прислужника, но, с каменным лицом, он подчинился. Наверное, испытывая неуверенность в тенетах этого волхвования. Однако потрудился он на славу, и вскоре пол снова был чистым и сухим. Вителли подобрал форму с ножом и начал все сначала.

На этот раз он поставил Ферранте внутри линий, около Тейра. Тейр косился одним глазом на нож с костяной ручкой. Надо схватить его, опередив Ферранте, а там будь что будет. Если бы он не был так слаб! Достанет ли у него сил встать, а не то чтобы вступить в схватку? Миазмы магии настолько сгустились в комнате, что ему становилось трудно дышать. Словно темная аура Вителли раскинулась от стены до стены. Сбоку возник Вителли, держа в руках щипцы с зажатой в них раскаленной докрасна чашечкой, полной

расплавленной бронзы. По его лицу ползли капли пота, оставляя жирные следы. Когда он зальет бронзу, кольцо остынет почти сразу… заключив в себе дух Ури? Напев достиг крещендо. Кожаные сапоги Ферранте заскрипели, он опустился на колени позади Тейра, ожидая знака, чтобы взять нож. Тейр подумал: сейчас… шорох, пыхтение донеслись со стороны окна, выходящего на озеро. Слишком громкие для летучей мыши.

— Восстань и убей мерзавцев! — взревел синьор Пия.

Ферранте повернулся, выхватывая меч. «Восстань» было не слишком подходящим словом, но Тейр проделал что-то вроде лягушачьего прыжка, упал на нож и перекатился через него. Едва он сжал в руке костяную рукоятку, как словно жгучая парализующая волна прокатилась до его плеча. Пальцы безвольно разжались, нож со стуком упал и скользнул под козлы. Меловые линии обжигали кожу Тейра, точно тонкие хлысты, когда он пополз через них. Меч Ферранте вышиб искры и большой осколок камня из пола в том месте, где только что находился Тейр.

Вителли перегнулся пополам, судорожно кашляя. Щипцы выпали из его рук. Глиняная чашечка разбилась, и бронза разбрызгалась по холодным

плитам пола.

Кастелян протиснулся сквозь окно и стоял с коротким солдатским мечом в правой руке и прутом из решетки в левой. Глаза у него горели, волосы колыхались. Ноги были голыми и волосатыми. Зубы скалились, как у дикого зверя.

Добравшись до козел с ящиком, Тейр наконец кое-как поднялся на ноги. Колени у него подогнулись, но он сумел устоять. Ферранте кинулся было на синьора Пию, споткнулся на меловых линиях и только-только успел парировать выпад меча и подставить руку под опускающийся железный прут. Ферранте попятился, готовясь обороняться. Кастелян был солдатом, бесспорно, и не уступал Ферранте во владении мечом, но и возраст и дородность составляли немалую помеху. Уже он хрипел, как мехи.

Вителли скорчился на коленях возле Ури, что-то делая с его ртом. Тейр, пошатываясь, добрел до него, ухватил за ватные плечи бархатного одеяния, ударил его об стену.

— Чем бы ни кончилось, моего брата ты не получишь! — Тейр думал грозно закричать, но издал только сипение. Он ухватил Ури за окостенелые лодыжки и поволок его к окну.

Он заглянул туда и с изумлением увидел, как

кобольд погружает последний железный прут в каменную кладку, точно ложку в овсяную кашу. Кобольд ухмыльнулся ему и исчез следом за своей добычей. Тейр поднял Ури и выпрямился. Суставы у него хрустели и поскрипывали, как крепь в руднике. Он нацелил брата на квадратное отверстие окошка и ринулся вперед словно с тараном. Глазомер его не подвел: труп проскочил узкую нишу, не зацепившись, не застряв, и описал дугу в ночном воздухе. Секунду спустя снизу донесся громкий всплеск. Тейр ухватился за край подоконника и обернулся навстречу врагам.

Синьор Пия все еще дрался с Ферранте, их мечи гремели друг о друга, как молоты двух обезумевших кузнецов. Тейр, одетый в чем мать родила, не мог напасть на человека с мечом. Ну а некромант?

Вителли как раз поднялся на ноги и шагнул к синьору Пия, бормоча и шевеля пальцами. Тейр схватил железный подсвечник, а другой рукой смахнул со стола кусок шелка с золотым крестиком, хранившие заклятия. Вителли охнул, споткнулся и обернулся к Тейру.

Тейр размахнулся из последних сил, чтобы первым сокрушительным ударом разбить голову мага, ведь второй возможности не будет. Вителли

увернулся, и Тейр, увлекаемый инерцией, потерял равновесие. А когда он снова выпрямился, Ферранте пронзил правую руку синьора Пия, пригвоздив его к дубовой двери. Пия даже не вскрикнул. Ферранте бросил свой меч дрожать в плоти и дереве, схватил короткий меч синьора Пия, выпавший из его руки, мгновенно обернулся и ринулся на Тейра.

Тейр раз, другой отбил меч подсвечником. Ферранте заставлял его пятиться прямо на тигельную печь. Тейр уже чувствовал ее жар на своих голых ляжках. Он метнулся в сторону и оказался спиной к окну. Ферранте полностью обрел равновесие, двигался плавно и уверенно, будто спокойно примериваясь к Тейру. За спиной Ферранте Вителли тыкал в Тейра пальцами и пронзительно кричал по-латыни. Его темная аура вихрилась вокруг его головы, как смерч.

Тейр решил, что ему не след торчать тут и ждать, пока заклятие, каким бы оно ни было, поразит его. Ферранте сделал новый выпад, он из последних сил ударил подсвечником и вышиб меч из руки Ферранте, но у того в левой руке неведомо откуда появился нож… но не с костяной рукояткой. Тейр стремительно повернулся и нырнул в окно следом за Ури. На этот раз гла-

зомер его подвел: шершавый песчаник ободрал ему плечи и колени. Но вот он уже летит сквозь темный воздух.

«Человек может летать, как летает нетопырь, без перьев»… Так кастелян прилетел? Куда, черт побери, подевалось озеро?

Он хлопнулся в воду животом. После душной жары в магической комнате холод совсем оглушил его. Вода сомкнулась над его головой, мешая дышать. Он сумел всплыть на поверхность среди щекочущих пузырьков им же взбитой пены, ловя ртом воздух. Холодный, но чистый. Он, казалось, изгонял липкую вялость дурмана из его тела. Наконец-то! Тейр забил ногами и перевернулся на спину, стараясь понять, где находится.

Ночь была безлунной, звезды еле мерцали сквозь смутную дымку. Над поверхностью озера курился туман, заслоняя и то, что можно было бы разглядеть. На фоне огромного сгустка черноты Тейр увидел несколько неясных пятен света — окна в обрыве, а над ними стена замка. Только не туда! Он поплыл как мог бесшумнее в противоположном направлении, высовывая из темной воды только глаза и нос. И вдруг стукнулся о плавающее бревно.

Нет, не бревно. Тело Ури. В лихорадке драки

Тейр почему-то вообразил, что оно канет на дно, откуда Вителли его уже не поднять, но оно оказалось легче воды. Он попытался утопить тело, а оно всплывало. Любой лозимонец на лодке сможет завтра утром подобрать его и вернуть Вителли, и все это окажется напрасным.

Нет, не напрасным. Не напрасным! Но недостаточным. Ури он обрел, только чтобы потерять синьора Пия. Безумен — пусть, но хитер и смел… как аббат Монреале — святой, герцогиня Летиция вызывающе горда, Асканио невинен, а Фьяметта… Фьяметта… И все-все они — жертвы на алтаре колоссальной самовлюбленности Ферранте, его славы. Откуда у Ферранте право губить жизни их всех?

«Право тут ни при чем. Он дерется, чтобы выжить. И чем больше он будет барахтаться в пучине зла, тем отчаяннее он будет драться. Не может не драться». Так говорил рассудок. В беде на рассудок не обопрешься.

Тейр тоже барахтался. Холодная озерная вода выпивала тепло его тела, обещала ледяной озноб. Ну хотя бы она не так убийственно холодна, как вода в руднике. Может, Ури пропитается водой и уйдет на дно? В растерянности Тейр поплыл, толкая перед собой тело брата, как бревно. Он

уже толком не знал, где берег. Лучи свечи или фонаря не проникали сквозь туман. Попробовав так и эдак, он обрел своего рода равновесие: бил ногами достаточно быстро, чтобы согреваться, но не так быстро, чтобы задохнуться. Пожалуй, он сможет продержаться на воде так не один час. Но что тогда?

Когда он стукнулся о сваю пристани, у него уже исчезло всякое представление, много ли он проплыл и сколько времени это заняло. Ощущение было такое, что позади осталось полпути до Сеччино. За лестницей, пристанью и галечным пляжем маячил город. Когда Тейр, весь мокрый, встал на ноги, в подошвы ему впились острые камешки. Вода ведь больше не поддерживала его тело. Пока было возможно, он буксировал Ури, а потом втащил на берег, как большую рыбу, и почти такого же скользкого. Он выпрямился на подгибающихся коленях и уставился в темноту, кое-где пронизанную полосками слабого сияния, сочащегося в щелки закрытых ставен. Большие здания. Слишком большие для деревни. Залаяла собака и тут же смолкла. Какой это город?

О черт! Конечно, Монтефолья. Все еще Монтефолья… Он что, плавал кругами? Вполне возможно. Тейр обводил взглядом берег, мысленно вос-

станавливая те приметы, которые скрывала темнота. Направо — холм и замок, налево — большие пристани, нижние стены, а дальше большая городская стена, которая спускается к самой воде. Впереди — узкие петляющие улочки, темные, незнакомые. Ну, ничего страшнее того, что он оставил позади, в них быть не может!

Тейр постоял в нерешительности. Маленькие волны лизали ему лодыжки. Куда ему идти? Надо спрятать Ури. Ему нужно… ему нужно поговорить с Фьяметтой. Надо найти Фьяметту… Да! И рассудок сказал, что в таком случае ему надо прошлепать на глубину и поплыть к монастырю. Он отмахнулся от рассудка, опустился на колени, вскинул Ури на плечо, кряхтя встал на ноги и пошел.

Вверх по каменным ступеням от набережной. Под двойной тяжестью его ноги громко шлепали. Стражи? Хоть один стражник должен тут быть. А! И Тейр нырнул в ближайший проулок при виде человека с фонарем, спускавшегося на набережную. Старик. Городской сторож, не лозимонец. Тейр пошел дальше, не оглядываясь, осторожно ступая в темноте. Но что, если в этих закоулках он наткнется на одну из городских опасностей? И он словно увидел себя со стороны: голый сума-

сшедший швейцарец, несущий труп… Ну что же, во всяком случае, грабителя он не заинтересует.

Поворот. Еще поворот. Куда, черт возьми, он идет? Только не назад в замок, чего бы ни требовало его шестое чувство. В проулке он споткнулся о бугор под одеялом, который глухо вскрикнул. Тейр, сгибаясь под своей ношей, только-только сумел не упасть так, чтобы разбить коленную чашечку о булыжник.

— Проклятие! Только не кричи. Я тебя не трону. Забудь, что ты меня видел. Спи! — бормотал Тейр. Только бы избежать шума.

— Тейр? — спросил знакомый мальчишеский голос. — Это ты?

— Тич?! — Тейр окаменел. — Что ты тут делаешь?

— Да ты же совсем голый! — Старший сын Пико вскочил на ноги. Его лицо замаячило в темноте смутным пятном. — Что ты несешь?

— Ури. Моего брата. Ты же знаком с Ури, — растерянно сказал Тейр.

— Это же мертвец! — пробормотал Тич в ужасе, потрогав тело для верности.

— Да, я выкрал его у черного колдуна, который служит Ферранте. А ты почему здесь?

— Тейр, эти разбойники-лозимонцы… они

убили отца и Зильо! Перерезали ему горло как собаке… — От волнения он почти кричал: ведь уже два дня он не встречал ни одного человека, которому мог бы довериться, сообразил Тейр.

— Ш-ш! Ш-ш! Я знаю. Я видел вчера мулов твоего отца, когда их привели в замок.

— Да. Я шел следом. И теперь это мои мулы. Я их всех убью! Вот только придумаю, как пробраться в замок.

— Ш-ш! И не думай! В этом проклятом замке тебе делать нечего. Я сам сегодня ночью еле выбрался оттуда живой.

— А куда ты идешь? — спросил Тич с той же растерянностью, какую испытал Тейр.

— Я… я толком не знаю. Но стоять голым посреди улицы, пока не рассветет, я не могу.

— Возьми мое одеяло! — тут же предложил Тич, хотя и с сомнением в голосе.

— Спасибо! — Тейр завернулся в одеяло и сразу почувствовал себя лучше — и не только потому, что стало теплее. — Я… послушай, как это я вдруг заберу твое единственное одеяло? Пойдешь со мной?

— Но ты-то куда идешь? — повторил Тич свой вопрос.

— В… в один знакомый мне дом. — При этих

словах перед ним ясно возник дом Фьяметты, наконец-то не затуманенный наложившимся на него другим зовом… Тича? Да, он не случайно наткнулся на него в темноте, как не случайно тогда наткнулся на маленькую Хельгу в снегу. И теперь он знал, куда идет. — Там никого нет. Кроме, может быть, лозимонского стража… — добавил Тейр с внезапным сомнением. Может, все-таки разочек довериться рассудку?

— У меня есть кинжал, — сказал Тич. — Если он лозимонец, я его убью, будь спокоен.

— Я… Там посмотрим. Может, и не понадобится. Сначала надо туда добраться, э? — Он крякнул.

— Я… я возьму его за ноги, — мрачно сказал Тич.

— Спасибо.

Тейр понял, что ему придется расстаться с одеялом. Они неуклюже подвесили Ури между собой и пошли дальше в молчании, если не считать указаний, которые Тейр произносил шепотом:

— Поворот. По той улице… правильно. Вверх по склону. Почти дошли.

— Тихое местечко, — сказал Тич. — Дома точно крепости.

Наконец впереди показались знакомые стены дома мастера Бенефорте… Фьяметты. Вон дубовая

дверь под мраморной аркой, поблескивающей даже в темноте. Нигде ни огонька. А дверь, конечно, заперта и под охраной. Они положили свою ношу, и Тейр снова закутался в одеяло.

— А как мы войдем? — прошептал Тич. Тейр не знал, хватит ли ему сил просто забраться в постель, а чтобы перелезть через стену… Он шагнул вперед и постучал в дверь.

— Ты спятил? Ты же сам сказал, что там стража, — прошипел Тич.

Да, конечно, он не мог немножко не спятить к этому времени. Но вот Тичу про это говорить не надо. Тейр понимал только, что устал, устал, устал.

— Значит, если там есть сторож, он выйдет на стук. И тогда ты сможешь его убить, — пообещал Тейр.

Он снова постучал и поставил труп Ури стоймя рядом с собой, обнимая братской рукой холодные восковые плечи, чтобы он не упал. Он ждал, чтобы страж вышел разделаться с ними. Или они с ним. И постучал громче.

Наконец-то изнутри донесся скрип отодвигаемого засова и щелчок щеколды. Тич подобрался. Его рука подрагивала, стискивая обнаженный кинжал. Дверь распахнулась.

На пороге стояла Фьяметта с фонарем в одной руке и длинным кухонным ножом в другой. На ней все еще было красное платье, но без привязных рукавов. Она попятилась, и ее глаза расширились, когда фонарь осветил ее посетителей. А Тейр ощутил двойную благодарность Тичу за его грязное одеяло, которое он обмотал вокруг пояса, точно юбку.

Фьяметта переводила взгляд с одного брата на другого.

— Боже милостивый! Тейр, как ты разбираешься, кто из вас мертвый?

— Ури красивее! — решил Тейр, после секундного размышления.

— Боюсь, ты прав. Да входите же, входите! Надо закрыть дверь!

И Фьяметта втащила их в дом.

Глава 16

— Что ты сделала со стражами? — осведомился Тейр, тоскливо оглядывая темную прихожую. Они с Тичем уложили Ури на каменном полу, пока Фьяметта запирала дверь и задвигала засов.

— Со стражем, — поправила она, оборачиваясь. — Он был тут один. Сейчас он заперт в овощном погребе под кухней. Надеюсь, упьется там до бесчувствия. А то мне не удалось отобрать у него меч. — Она вопросительно посмотрела на Тича.

— Вы его туда магией отправили? — с уважением спросил Тейр. Брови Тича поднялись. — О, — сказал Тейр, — простите. Это Тич Пико. Вы его помните? Ну, на постоялом дворе Катти? Сын хозяина мулов. Шайка феррантовских брави убила его отца и брата и украла его мулов. Тич, это Фьяметта Бенефорте. Ее отец был мастером-магом, которого коптил Катти. Это его дом. То есть был его дом.

— Да, помню, я тебя видела, — сказала Фьяметта — Значит, Ферранте у нас в равном долгу. У нас всех троих.

— Да, мадонна Бенефорте. — Тич кивнул. — Хотите, чтобы я убил этого лозимонца в погребе?

— Не знаю. Но сделать с ним что-то надо. Боюсь, как бы он не выбрался. Ах, Тейр, я так рада, что ты здесь! — Она крепко его обняла.

Тейр покраснел от радости и ахнул от боли.

— Правда? — спросил он, вдруг оробев.

— Я сделала тебе больно? Ах, какая скверная рана! Ее нужно немедленно зашить и перебинтовать! Ты ужасно выглядишь! — Она отскочила, но он умудрился удержать ее теплые руки. Его все еще бил озноб после купания в озере и от ночного воздуха. Но затем он вынужден был отпустить ее, чтобы ухватить одеяло, которое начало соскальзывать. Он затянул его туже, приличия ради. Фьяметта вдруг осеклась и спросила с недоумением:

— Но каким образом ты очутился здесь?

— Искал вас.

— Но как ты догадался прийти сюда? Я сама не знала, сумею ли вернуться, и здесь всего час. Ты думаешь… опять мое кольцо? — Она прикоснулась к груди. Да, кольцо висело там под полотном и бархатом, Тейр в этом не сомневался. Но сам он про кольцо даже не вспомнил. И покачал головой.

— Не знаю. Этот дом был единственным известным мне местом в Монтефолье, где я мог бы спрятаться. То есть я знал… я чувствовал, что так разыщу вас. А вот откуда я знал, не знаю. Я умею находить потерянное. Всегда умел. А последнее время у меня стало получаться лучше. Я нашел Ури…

— Это дар! Только так. Ури правильно поступил, что отдал тебя в подмастерья моему отцу. Если бы он остался жив! — Она утерла глаза, увлажнившиеся от гнева, усталости и горя.

Торопясь, Тейр начал коротко и путано рассказывать о своем пребывании в Монтефольском замке, завершившемся спасением вместе с телом Ури. Тич слушал разинув рот. Фьяметта стиснула зубы.

— Мы знали, когда тебя схватили днем. Перед тем, как уничтожить последнее ухо, Вителли использовал его, чтобы сообщить Монреале о своем намерении убить тебя, — сказала она. — Я думала, тебя повесят, но такого ужаса я и вообразить не могла.

— Но… как вы покинули монастырь? — спросил он.

Она лукаво подняла бровь:

— Искала тебя. Хотела спасти от петли. Но толь-

ко еще не придумала, каким образом. Я думала, они сделают это на заре.

Уголки его губ поползли вверх в медлительной ухмылке.

— Так ведь никто же другой палец о палец не ударил… А! — Ее прервал разнесшийся по дому странный стук словно из отдаления. — Наверное, страж старается выбраться из погреба. Пошли! — Она взяла фонарь и повела их через внутренний двор в кухню. Тейр хромал следом. Тич замыкал процессию.

Широкие, натертые воском половицы посреди кухни подпрыгнули: по ним снизу ударило что-то тяжелое. Голова стража, ошеломленно подумал Тейр. Из-под пола вырвались непристойные ругательства, недостаточно приглушенные, — пленник услышал их шаги. Мгновение спустя из щели между половицами высунулось лезвие меча, слепо ища жертву. Тейр покосился вниз, удостоверяясь, что стоит на обожженной плитке, покрывавшей пол на одной стороне кухни.

— А как вы его туда засадили? — спросил Тич, тоже старательно огибая деревянную часть пола.

— Без магии, — ответила Фьяметта и зажгла от фонаря воткнутый в бутылку огарок на кухонном

столе. — Я хотела употребить магию, зажечь его. Я только это заклинание умею полностью сотворить в мыслях, без материального символа, чтобы его удерживать. Это дар. Но когда он подошел открыть дверь, я подумала, что мне лучше войти. Ну, я сказала ему, что жила здесь и хочу посмотреть, не сохранилась ли хоть часть моей одежды. Но потом разговор стал… странным. Он впустил меня и сказал, что поможет мне поискать одежду, если я позволю ему… меня… со мной…

Тейр вдруг подумал, что позволить Тичу убить лозимонца — мысль вовсе не такая уж плохая. Он стиснул зубы, но тут же снова их растиснул, когда расшатавшиеся сразу заныли.

— Я сказала ему… сказала, что согласна. — Ее рука прикоснулась к головке серебряной змейки искуснейшей работы, которая обвивала ее талию как пояс. — Но я сказала ему, что мой отец припрятал бочонок вина в овощном погребе позади репы. Вино особого урожая. Понимаете, там правда был спрятан бочонок. Может, он и сейчас там лежит. Когда он спустился посмотреть, я захлопнула крышку подполья и задвинула на нее буфет с оловянной посудой. — Она кивнула на ярко раскрашенный буфет, отодвинутый от стены. — Он настолько ее приподнял, что высунул пальцы.

Тут я начала прыгать на ней. И тут вы пришли. Я решила, если это его не остановит, подожгу ему волосы — во всяком случае, у него волосы имелись, а потом попытаюсь заколоть. — Она умолкла, потому что между половицами снова высунулся меч. — Но я и сейчас могу его поджечь, а ты его заколешь, — предложила она Тичу.

Тейр, вспомнив о своей стычке с Ферранте, даже вздрогнул, представив себе, как малютка Фьяметта схватывается с разъяренным лозимонцем, наверняка испытанным воином.

— Э… подождите минутку, — сказал он, взял фонарь и захромал во двор. Он вроде бы заметил там… ну да, из кучи инструментов под галереей торчал увесистый молот. Он принес его на кухню. — Для начала давайте-ка лишим его меча.

Для приманки он прошелся по половицам, следя за тем, чтобы не наступить ненароком на щель. И действительно, лезвие и проклятия вырвались из щели перед ним. Он поднял молот, такой привычный его руке, и ударил изо всех сил. Молот со звоном отскочил от лезвия, и Тейр чуть не потерял равновесия, вновь вцепился в соскальзывающее одеяло и, отупев от усилия, отдал молот Тичу, который сразу понял, что надо делать, и с восторгом принялся колотить по

согнувшемуся лезвию, пока лозимонец тщетно старался выдернуть меч. Третий удар переломил лезвие. Грохот падения в подвале и новый залп ругательств, когда лозимонец упал на спину.

— Тейр, это ты чудесно придумал, — сказала Фьяметта несколько удивленным тоном. Тейр наморщил лоб: поменьше бы удивления, и похвала была бы слаще.

— Теперь мы на равных, — переводя дух, ухмыльнулся Тейр, размахивая кинжалом.

— Давайте вытащим его оттуда!

— Погоди! — перебил Тейр. — Что у вас найдется, чтобы связать его?

Фьяметта задумалась, покусывая губы.

— Если они их не забрали… это не железо, не золото, не серебро… так может быть… погодите? — Она схватила фонарь и убежала. Лозимонец перестал стучать. Вскоре Фьяметта вернулась с длинной железной цепью на шее.

— Это оковы, которые мой отец делал для герцога. У них нет ключа. Их открывает заклинание.

— А вы его знаете? — спросил Тейр.

— Да нет… Я знаю, где оно записано в тетрадях батюшки, но их все забрали Ферранте с Вителли.

— А чтобы их запереть, заклинание нужно?

— Нет, просто защелкиваются. Они так устро-

ены.

Тейр оглядел оковы, затем подошел к двери и посмотрел во внутренний двор, на опирающиеся на столбы каменные арки, которые поддерживали внутреннюю деревянную галерею.

— Ну хорошо! — Он вернулся в кухню и крикнул сквозь щель: — Эй, ты! Лозимонец!

Ответом была злобная тишина.

— Нас здесь двое вооруженных мужчин (его рука сомкнулась на ручке молота) и очень рассерженная колдунья. Она хочет тебя поджечь. Если ты вылезешь и сдашься, не причиняя нам больше хлопот, я не позволю им убить тебя.

— Откуда мне знать, что ты не свяжешь меня и не прирежешь? — спросил грубый мужской голос.

— Даю слово, — ответил Тейр.

— А чего оно стоит?

— Побольше твоего. Я-то не лозимонец! — свирепо сказал Тейр.

Последовало долгое молчание, пока лозимонец, скорчившись в темноте, раздумывал над возможным выбором.

— Синьор Ферранте с меня голову снимет за то, что я его подвел.

— Может, тебе потом дезертировать?

Лозимонец ответил непристойным советом, который Тейр пропустил мимо ушей и тут же прошептал Фьяметте:

— Ты не могла бы… ну, немножечко его подогреть? Не поджечь по-настоящему, а просто показать ему.

— Попробую. — Фьяметта закрыла глаза. Ее нежные губы зашевелились.

Из-под пола донесся вопль и хлопки ладонями.

— Хватит! Хватит! Я сдаюсь.

Тейр предоставил Тичу и Фьяметте отодвинуть буфет с крышки подполья и встал над ней, занеся молот. Медленно, со скрипом крышка поднялась, и лозимонец осторожно выглянул наружу. Седые волосы — крепкий мужчина, но уже далеко не юноша. В его курчавых волосах еще поблескивали алые искорки, от головы разило паленым. Он не захватил обломок меча, а выполз наружу и встал с пустыми руками.

Тейр велел Тичу замкнуть один браслет оков на запястье стража, вывел его во двор, обмотал цепь вокруг столба и защелкнул второй браслет. Тейр не выпустил молота из рук, пока Тич не дернул за цепь, проверяя, держат ли браслеты и лозимонец не ударился о столб. А Тич уперся в столб ногой и держал лозимонца так, чтобы Фьяметта могла

засунуть ему в рот кляп. Тот косился на молот и не пробовал сопротивляться.

Фьяметта увела их назад на кухню.

— Садись на этот стул, — приказала она Тейру. — У Руберты была целебная мазь для ушибов. Бока у тебя… ну просто как у пегой лошади. И ребра сломаны?

— Не думаю. Не то я сюда бы не добрался! — Тейр очень осторожно сел.

Фьяметта рылась в шкафчиках, продолжая говорить:

— Эта скверная рана не заживет, если не стянуть края. Ну, хотя бы она выглядит чисто. Я не целительница, но шить умею. Если… если у меня достанет духа ее зашить, у тебя достанет духа потерпеть?

— Да. — Тейр проглотил стон-задаток.

— А, вот мазь! — Фьяметта вынырнула из глубин резного ларя, сжимая банку венецианского стекла. От светлой мази внутри исходил приятный аромат полевых цветов и свежего масла. Она бережно начала мазать бока Тейра. По ним разлилось теплое, снимающее боль онемение. — Я принесу мою рабочую шкатулку, если только лозимонцы ее не забрали.

Она поставила банку и выбежала из кухни.

Тейр быстро подцепил большой комок мази, сунул руку под одеяло и намазал свой ноющий распухший пах. Ему сразу полегчало, и он удовлетворенно вздохнул.

— А чего ты не дал ей намазать тебя там? — хихикнул Тич, усаживаясь на полу.

— Это могло бы… принести больше вреда, чем пользы, — пробурчал Тейр, очарованный этой мыслью и обозленный, что она пришла в голову Тичу. Черт! Он же еще даже не поцеловал Фьяметту, даже не пытался. И вспомнил, как мучился из-за этого в замке, ожидая смерти. — Господи, у меня все тело болит.

Фьяметта вскоре вернулась, неся корзиночку с крышкой.

— Нам повезло! Я нашла кривую иглу, которой Руберта зашивает начинку в гусе, перед тем, как его зажарить.

— По-моему, замечательно, — сказал Тич со злоехидной усмешкой.

Тейр решил, что не стоит улыбаться, когда губы так болят.

— По-моему, тебе надо лечь навзничь на кухонном столе, — заявила Фьяметта.

— Как кладут гуся, — вставил Тич, но Фьяметта нахмурилась на него, удерживая смех, и он

унялся.

Тейр влез на стол и улегся, пока Фьяметта вдевала нитку в иглу. Она внимательно рассмотрела два стежка, уцелевшие у конца пореза.

— Так я могу! — Решительно выпятив нижнюю губу, она глубоко вздохнула и воткнула иглу в край раны.

Тейр со свистом втянул воздух, вцепился в края стола и устремил взгляд в потолок.

— А как вы думаете, кто-нибудь придет проверить стража? — спросил Тич, встав и вытягивая шею, чтобы лучше видеть. Фьяметта тут же всунула ему в руки горящий огарок, чтобы он ей светил.

— До утра никто не придет, — ответила она, завязывая узелок. Шила она аккуратно, но куда медленнее лекаря Ферранте.

— Или вовсе не придет, — выдавил из себя Тейр. — Им не хватает людей, а все ценное из дома уже унесли. Разве что Вителли явится снова продолжить поиски. Он уверен… Ох!

— Прости.

— Шей-шей! Он уверен, что ваш отец спрятал где-то в доме тайные записи или книги о магии духов. Поэтому я и столкнулся с ними тут позавчера.

— Тайные книги? — Фьяметта сдвинула брови. — У батюшки? Ну… может быть.

— А вы про них что-нибудь знаете?

— Нет. Если это правда, то он прятал их и от меня.

Тейр глядел на потолок сквозь слезы боли.

— Я думаю, они тут есть. Где-то… наверху. Я их почувствовал, когда Вителли велел мне проверять половицы. Конечно… ох!.. Вителли я не сказал.

Фьяметта продолжала сосредоточенно хмуриться.

— Наверху… хм… — Она завязала еще узелок и посмотрела на потолок. Половина позади. Медленно, но верно. Во всяком случае, медленно.

— Вителли они необходимы. Я уверен, что он придет сюда, — просипел Тейр. — Но может, не завтра, его прямо скрутило, когда я помешал его заклинаниям.

— Почти… при завершении… и такие сложные… — задумчиво кивнула Фьяметта. — Бьюсь об заклад, он сейчас валяется совсем больной.

Наступило молчание, и она продолжала прилежно накладывать стежки на порез. Наконец-то последний! Бледнеть Фьяметте было несвойственно, однако сквозь смуглость ее кожи про-

ступил явный зеленоватый оттенок. Сжав губы, она щедро намазала порез целительной мазью, а потом посадила Тейра и для надежности обвязала вокруг его талии полоску ткани, подозрительно смахивавшую на оборку нижней юбки.

— Хорошо… очень хорошо, — галантно прохрипел Тейр. — Лучше лекаря!

— Правда? — Счастливая улыбка изогнула ее пухлые губы.

— Да! — Он спустил ноги со стола на пол и встал. В глазах у него заклубились розовые и черные тучи, комната накренилась. Он вдруг заметил, что согнулся и держится за стол.

— Тич, помоги! — Фьяметта кинулась к Тейру, он махнул рукой, чтобы она держалась подальше, опасаясь раздавить ее, если упадет. Но она мужественно подставила плечо ему под мышку и объявила: — Ты сейчас же отправишься в постель! Я уложу тебя в комнате Руберты, она тут, за кухней. Только ее кровать лозимонцы не разломали, когда искали сокровища. Тич, фонарь.

К тому времени, когда у Тейра прояснилось в голове, они уже умудрились отвести его в комнату домоправительницы.

— Нет! — заспорил он. — Тайные книги твоего отца, Фьяметта. Мы должны их найти, укрыть

от Вителли. Это очень важно. И тебе нужна моя помощь!

— А тебе нужно лечь здесь! — Фьяметта откинула одеяло на первой настоящей кровати, какую Тейр увидел после нескольких недель. Застеленной льняными простынями!

— Ого! — потрясенно пробормотал Тейр. Кровать словно засосала его. Она была коротковатой, но удивительно мягкой.

Фьяметта укрыла его, а потом аккуратно сдернула с него одеяло Тича, которое вернула владельцу.

— Но книги… — сказал Тейр, почти сдаваясь.

— Я их поищу, — обещала Фьяметта.

— Они наверху. Над вторым этажом.

— Так в доме всего два этажа, верно? — Тич вытянул шею, словно собираясь заглянуть за потолок.

— Я кое-что сообразила, — сказала Фьяметта. — Спи, Тейр, не то от тебя не будет никакого толка.

Уступив, Тейр откинулся на подушку, а Фьяметта с Тичем на цыпочках вышли за дверь. Тейр изнемогал от страшной усталости, но в голове кружились обрывочные воспоминания о событиях последних дней. Ури он спас Но мастеру Бенефорте по-прежнему грозила опасность. Гер-

цогиня. Дама Пия. Синьор Пия и его странное пристрастие к летучим мышам… пригвожден к дубовой двери и истекает кровью. Темная аура Вителли, все более грозная, все более мощная…

Но через несколько минут вернулась Фьяметта с большой глиняной кружкой. Она поставила фонарь на пол, и Тейр с трудом сел.

— Ты ел? Думаю, что нет. Но в доме сейчас есть только немного муки, сухой фасоли да подгнившей репы. Но я нашла вино. Выпей! — Она присела на край кровати и помогла ему взять кружку в руки.

Она не добавила в кружку воды. Вино было густое, темно-красное, тяжелое, слегка сладковатое. Тейр отпил его с наслаждением.

— Очень подкрепляет. Спасибо. Я просто с голоду умирал.

— Тебя трясло. — Она озабоченно смотрела на него.

И он смотрел на нее над краем кружки. Предательские убийства в Монтефолье сплели их жизни, как и странное пророчество ее львиного кольца. Может, заклинание мастера Клюни — это самоисполняющееся пророчество? Вначале Тейра поразила прелесть Фьяметты: он был готов полюбить любую девушку, которая дала бы по-

нять, что любит его. Но теперь он не был так уж уверен, что она любит его, кольцо или не кольцо. О чем она думает? Его тревожила мысль, что он и наполовину не постигнул ее. Все так сложно! И она — сложная натура. Всегда ли жизнь с Фьяметтой будет полна всяческими осложнениями? Он приходил к выводу, что всегда.

Он вспомнил, как в саду замка смотрел на длинный сверкающий меч Ферранте. Вот это было просто.

Свободной рукой он неуклюже обнял Фьяметту за талию, наклонился и поцеловал ее. Они столкнулись носами, и поцеловал он только уголок ее рта. Большие карие глаза стали еще больше, и он покорно ждал, что она отшатнется от него.

А она… сама его поцеловала. Сочно. И сумела не промахнуться. Его рука радостно сжала ее плечи. Ее пальцы стиснули змеиную головку серебряного пояса. Было как-то странно целоваться распухшими губами. Когда он оторвался, ее глаза сияли. «Я правильно сделал! — подумал Тейр в восторге. — Только вот что?» Но прежде чем он повторил свой опыт, Фьяметта вскочила. Ну, если вспомнить, как ему ломит все тело, оно, пожалуй, и к лучшему. Она нагнулась и чмокнула его в лоб.

— Спи, Тейр!

Ну, во всяком случае, ушла она, улыбаясь. Таинственной девичьей улыбкой. Тейр улегся, и на этот раз сон пришел почти сразу с темнотой.

* * *

Проснулся он в неверном сером свете, сочившемся сквозь полуоткрытые ставни. Он с трудом приподнялся и сел. Таким разбитым он себя не чувствовал со дня обвала и наводнения в руднике. И все-таки ему было много лучше, чем накануне. Головокружение прошло, его больше не тошнило. Тем не менее, решил он, будет неплохо опять испробовать эту мазь. Он свесил голые ноги с маленькой кровати.

Ну во всяком случае, кутаться в одеяло ему больше не придется — поперек постели лежала одежда: довольно ветхая туника из умягченной временем шерсти. Он натянул ее через голову. Несомненно, шилась она для человека пониже ростом, возможно — для мастера Бенефорте, так как нижний край, которому полагалось бы мести пол, подчеркивая величавое достоинство ученого мужа, ему доставал только до икр, а привязные рукава не налезали на плечи. Их он оставил на кровати, перепоясался куском веревки для

пристойности, а затем выглянул в окно на обнесенный стеной сад позади дома. Да, вон нужник. А серым свет был не потому, что рассветало, а просто все затягивал туман позднего утра. Он спал так долго? Охваченный тревогой, он вошел в кухню и остановился как вкопанный.

Незнакомая женщина в чепце и переднике с деревянной ложкой в руке отвернулась от выложенной голубой плиткой печки и посмотрела на него без всякого удивления.

— А, молодой человек! — Она кивнула, ласково, но оценивающе, словно он был штукой сукна, которое она и хотела бы купить, и опасалась, не выгорит ли оно слишком быстро. Была она средних лет, не столько дородная, сколько крепкого сложения.

— Э… э… — сказал Тейр.

— Каше надо еще увариться, — сказала она, указывая ложкой на черный чугунный котелок. — А потом пирог из сушеных яблок, подслащенный медом. Пирога-то много, а вот яблок мало, но надо довольствоваться и этим. И я сварила питье из трав, которое утром полезней будет крепкого красного вина, а ничего другого в доме нет. И пива тоже. — Она решительно кивнула и ручкой ложки начала подцеплять чугунную дверцу топ-

ки, а открыв, помешала угли.

У Тейра слюни потекли. До чего же вкусно пахнет!

— Тебе, думается, для начала надо нужник навестить. Вон там! — Она неопределенно махнула ложкой на окованную железом дверь, которая вела в сад.

— Да, я как раз туда и шел… э… сударыня. — Тейр помолчал. — Меня зовут Тейр Окс.

— Брат бедного капитана Ури из Бруинвальда, да, я знаю.

— А вы не Руберта ли?

— Домоправительница мастера, да. То есть так было, прежде чем эти лозимонские воры и убийцы напали на нас. — Она скорбно нахмурилась. — Преступление на преступлении… Служить у Просперо Бенефорте было нелегко, но это был великий человек, другого такого в Монтефолье нет. Ну иди, иди. А вернешься, вымой руки вон в том тазу и позови Фьяметту завтракать.

— А где… мадонна Бенефорте?

— Где-то в доме, проверяет, не проглядели ли проклятые грабители какие-нибудь инструменты ее батюшки.

Тейр выполнил все ее указания, а затем вышел через кухню во внутренний двор. Их пленник

лежал на одеяле без кляпа во рту и крепко спал, прижимая к груди бурдюк — с дешевым вином, конечно, а не с отличным красным. Кто-то успел заняться розысками. Наверное, Фьяметта. И она сходила за Рубертой. Тейр успокоил себя мыслью, что у нее хватило благоразумия взять с собой Тича. Хотя, конечно, мальчишка с ножом — плохая защита от солдат с мечами.

Он прошел по плитам прихожей. Ури там не было. Он заглянул в комнату справа — особый очаг в углу, ковры и кресла. Приемная для гостей или важных заказчиков. На козлах были положены наспех сооруженные носилки, а на них лежало прикрытое простыней тело. Тейр вздохнул, вошел и приподнял простыню, чтобы посмотреть на брата, а также, если быть честным, проверить, не тронуло ли его тление. Он растрогался, увидев, что Ури пристойно облачен в другие обноски мастера Бенефорте: вязаные чулки-трико, короткая туника, не новые, не нарядные — не то их забрали бы солдаты, — но надетые заботливыми руками. Фьяметта и Руберта, конечно. Заклятие, наложенное Вителли для сохранения, видимо, еще действовало. Он вновь укрыл брата и прошел через прихожую заглянуть в мастерскую напротив.

Там на высоком табурете сидела Фьяметта, упершись локтями в рабочий стол. Она так и не выбрала времени, чтобы переодеться самой, и все еще была в рваном бархате, лишившемся рукавов. А выбрала ли она время поспать, спросил себя Тейр. На столе перед ней лежала раскрытая большая книга, переплетенная в кожу, а вокруг валялись бумаги и пергаменты. Она читала, свирепо хмурясь Но оглянулась на звук его шагов.

— Тейр, ты был прав Я их нашла. — Лицо у нее было измученное.

— Где? — Он подошел к ней.

— Ты был в маленькой угловой комнате с двумя окнами за батюшкиной спальней, где он устроил себе кабинет?

— Да. И Вителли тоже. Он приказал ее обыскать как следует. Я… чувство там было очень сильным, а потому я не слишком усердствовал. Потолок там обшит квадратными панелями с вырезанными в центре розетками. Мы их все простучали. Нигде никакой пустоты. И мы даже содрали пару, а потом я убедил лозимонского солдата, что они все одинаковы.

— Если бы вы содрали их все, то нашли бы что искали. Стоит повернуть одну из них, и панель вынимается. На самом деле это дно ящика. Не

очень большого. Он был битком набит всем этим Понятно, почему пустота не простукивалась. — Она указала на бумаги. — Если бы их нашли, батюшке грозила бы серьезная опасность.

Тейр кашлянул:

— Костер?

— Ну… не совсем, я думаю. Зависит от того, насколько инквизитор предубежден против флорентийцев. Но вот разрешение на магию и его хлеб насущный оказались бы под угрозой. Тут есть рецепты заклинаний… записи опытов… записи в дневнике о двух ночных посещениях кладбища, хотя, по-видимому, они не дали желаемых результатов. И полный отчет о том, что, насколько я поняла, было отливкой кольца духов для главы дома Медичи, с указанием выплаченных сумм. Имен, правда, нет, только инициалы. Но помечен он годом, когда батюшка последний раз жил во Флоренции. Опасные сведения о людях, которые еще живы. Батюшка как будто проделывал с животными вещи… очень сомнительные. Не просто кольца. Кольца в сравнении — ничто. Мой бедный кролик! Вот, — она открыла страницу, густо исписанную латынью, — вот описание того, как он использовал дух одного из моих кроликов, чтобы оживить отлитого им

медного зайца. Нос у него подергивался, он двигался… — Ее палец остановился на строке, и она перевела: — «Он прыгал на моем рабочем столе четверть часа, прежде чем его дух был поглощен и мое заклинание утратило силу. Твердость остывающей меди, казалось, быстрее его утомляла. В следующий раз я постараюсь сохранить отливку горячей, чтобы улучшить гибкость». Боже милосердный, это невероятно, Тейр. И он ни словечка… На этом самом столе. А этого кролика мы потом, наверное, съели на ужин? И я помню, какой тончайшей работы был медный заяц. Он простоял у него на подоконнике полтора года, пока лозимонцы его не похитили. — Гордость, ужас и досада отражались на ее лице. Руки властно легли на книгу, то ли подавляя ее, то ли оберегая — решить этого Тейр не смог.

— Так что нам со всем этим делать? Отдать их аббату? Земные преследования, я думаю, твоему отцу уже не угрожают.

— Если сможем. Если все останемся живы Я… здесь есть вещи… здесь на этих страницах мысли целой жизни, все труды. Я и подумать не могу, чтобы их уничтожить, но… Тейр, последствия могут быть жуткими. Вителли ведь не ограничится кроликами! А что, если он захочет создать войско

медных солдат из порабощенных духов? Батюшка думал об этом… он назвал их войском големов. Я этого слова не знаю. По-моему, оно даже не латинское. Батюшка так искусно балансировал, пытаясь применять магию, не обрекая себя на вечную погибель. Но другие увидят только власть и потянутся за ней, ни с чем не считаясь. — Она глубоко вздохнула. — Я предпочту отдать книгу Монреале, лишь бы не уничтожить ее. Но я сама ее сожгу, чтобы она не попала в черные руки Ферранте или Вителли.

— В их руки вот-вот попадет вся Монтефолья, — с горечью сказал Тейр. — И словно бы никто не может… или не хочет остановить их. Я пытался, прости меня Господи. И потерпел неудачу. Даже с трусливым ударом ножа в спину. С молотом я, может, и преуспел бы. Я тебе не нужен, Фьяметта. Тебе нужен герой вроде Ури. Не тот брат лежит сейчас мертвый в той комнате.

— Тейр, не вини себя! Синьор Ферранте двадцать лет провел в сражениях. Так как же ты мог бы взять над ним верх в поединке?

— Синьор Пия некоторое время продержался. Вдвоем у нас чуть было не получилось! Пока я не покинул его, не оставил пригвожденным к двери, точно мученика среди врагов. Но чуть было все

не получилось, Фьяметта! Синьор Ферранте не непобедим. Во всяком случае, пока сюда не добралось его войско. Сегодня вечером, завтра… — Тейр помрачнел.

— Не сегодня. Руберта говорит, что на рынке она услышала, будто лозимонцы замешкались у брода на границе с переправой пушек. Но завтра… завтра они могут быть здесь. — Фьяметта устало провела рукой по лицу. — Утром я отыскала Руберту у ее сестры. Я знала, она там, если осталась жива. Она рассказала, что произошло тут. Когда явились солдаты, Тесео струсил и открыл им дверь. Руберта еле успела перелезть через заднюю стену в саду. Ну, полагаю, это спасло бедную дверь, не то бы ее разнесли в щепки, и все кончилось бы тем же.

— Да, кстати о Руберте. Она зовет завтракать.

Фьяметта вздохнула.

— Наверное, поесть нам следует. Подкрепить силы. Хотя бы для того, чтобы бежать отсюда. — Лицо у нее сморщилось, она ударила кулачком по столу с такой силой, что книга подпрыгнула. — Нет! — закричала она. — Я не хочу спасаться бегством! Этот дом — единственное оставшееся мне приданое. Лозимонские убийцы забрали все, что можно было унести. Я не пойду замуж без

приданого, точно нищая, точно рабыня… — И она расплакалась.

— Фьяметта… Фьяметта… — Тейр растопырил пальцы, не решаясь прикоснуться к содрогающимся плечам. — Твой дар, твоя магия — они сами по себе редкостное приданое. Этого не поймет только круглый дурак. А ты слишком хороша, чтобы повенчаться с дураком. Хотя я бы обвенчался с тобой сию же минуту. Но у меня тоже нет ничего — даже одежды и башмаков! Если бы мы могли… жить в Бруинвальде, я бы вернулся на рудник или в плавильню. Правда, золотых дел мастеру в Бруинвальде дела найдется мало.

Фьяметта подняла заплаканное лицо:

— Но… разве тебе не понравилось бы жить здесь, Тейр? Я бы могла работать в мастерской батюшки — сначала по мелочам, но ведь почти все инструменты уцелели… ты бы носил дрова, строил горны, исполнял бы большие заказы и был бы моим м-м-мужем. Тебе цеховой совет выдаст разрешение сразу. Пока я несовершеннолетняя сирота, моим имуществом распоряжается цех, но если я выйду замуж, распоряжаться им станешь ты. А Руберта по-прежнему могла бы готовить для нас, и мы были бы счастливы здесь!

Тейра ошеломили все эти практические подроб-

ности в картине брачного блаженства. Значит, она много думала об этом. Себе он не позволял почти ничего, кроме смутного томления, но это прекрасный дом, и настолько великолепнее хижины рудокопа, насколько… насколько замок герцогов Монтефольи превосходит дом золотых дел мастера. Конечно, надо будет многое починить и построить заново после разграбления. Ну да он сам все это сделает: глазомер у него есть, и руки ловкие.

— Я был бы очень рад, — сказал он. Как удивится матушка, что он женится таким молодым и так удачно… — А моей матери можно будет переехать сюда? В Бруинвальде зимой так холодно и одиноко!

Да, рано или поздно он должен будет рассказать ей про судьбу Ури. При этой мысли все внутри у него похолодело.

Фьяметта заморгала.

— Ну, места тут много… По-твоему, я ей понравлюсь? — добавила она с сомнением.

— Да! — твердо ответил Тейр. Ему представилось, как его мать тетешкает внука у себя на коленях, а Фьяметта трудится над какой-нибудь изящной золотой вещицей. Руберта стряпает, а он работает у горна, отливает оловянные подносы,

и подсвечники, и другие прочные нужные вещи.

Радужное видение рассеялось при воспоминании о марширующем по дороге войске Ферранте. Фьяметта подумала о том же, и блеск в ее глазах угас.

— Все ни к чему, если победит Ферранте, — вздохнула она.

— Да… Идем завтракать. — Робко, назло Ферранте и всем судьбам, он взял ее за руку, когда они вышли во двор, и ощутил ответное пожатие.

Она остановилась, глядя в яму для отливки, на глиняную глыбу, хрупкую форму для великого Персея.

— Столько работ батюшки остались неоконченными. Если бы мне было дано хоть чем-то утешить его бедную тень, я бы отлила для него эту статую. Прежде чем лозимонцы разобьют форму или время и небрежение разрушат ее. Но нам теперь не раздобыть для нее металла.

— Жаль, что мы не можем вселить Ури в этого старого греческого героя, как кролика в медного зайца, — угрюмо сказал Тейр. — Вот он бы заставил Ферранте улепетывать!

Фьяметта замерла:

— Что?

— Но мы же не можем… или все-таки? Ведь это

же будет самая черная магия. Смертный грех.

— Более черный, чем убийство?

Тейр тревожно смотрел на ее сосредоточенное лицо.

— Но предположим… предположим, что дух, дух Ури не будет заклят против его воли? Предположим, его позовут не как раба, но по доброй его воле, как духа могущественного кольца герцога Лоренцо? — спросила она, задыхаясь. — Вителли ведь уже укрепил дух Ури для заклятия, пусть и гнусными средствами… А у нас есть форма, горн, дрова и написанное заклинание… Ах, Тейр, я ведь его поняла. Не слова, внутреннюю структуру… — Ее плечи поникли. — Но металла у нас нет. Даже сам Вителли не мог бы добыть из воздуха столько бронзы, сколько нужно для отливки героя.

Тейра словно молния ударила: перед его глазами возник ухмыляющийся кобольд, втыкающий железный прут в глубь камня точно в кашу…

— Из воздуха я его добыть не могу! — Тейру показалось, будто его задыхающийся голос доносится откуда-то издалека, словно из-за моря. — Но клянусь, я могу достать его из-под земли!

Глава 17

— Вот это действительно и прямо воспрещено, — сказала Фьяметта, обводя взглядом своих союзников в большой мастерской.

Друзья. Помощники. Руберта и Тич сидели друг против друга по сторонам двойной фигуры, которую она начертила мелом на полу. По одной оси было положено тело Ури. Повинуясь нелепому неизвинительному порыву, она подсунула ему под голову подушку, словно он спал. Но он не был похож на спящего. Серая окостенелость неопровержимо свидетельствовала о смерти.

На другой оси, скрестив ноги, сидел Тейр, испуганный, но полный решимости. Ставни на окнах были закрыты и заперты, и свечи в важнейших точках фигуры озаряли комнату не только символически, но и вполне реально.

— Если кто-то хочет отказаться, лучше сделать это сейчас.

Тич и Руберта покачали головами, одинаково крепко сжав губы.

— Я готов, — мужественно объявил Тейр.

«Мы все помешались!» — подумала Фьяметта.

Ну что же, если так, их до этого довел Ферранте. Так зло плодит зло. «Но тут не все зло. Я не принуждаю душу Ури. Я только молю ее». Она еще раз прочла указания в заметках своего отца. Если он ничего не упустил, то она помнит всё.

— Ты уверена, что мне не надо ничего делать самому? — спросил Тейр.

— Ничего в… в прямом смысле. Думаю, это окажется нелегко. Ты должен будешь уступить власть над собой. — Фьяметта поразмыслила. — Ты должен по-настоящему доверять своему… своему гостю…

Тейр покачал головой, печально улыбнувшись:

— Любому другому… гостю — нет. Ури — да.

— Да. — Она прикусила губу. — Аббат Монреале приступает к каждому заклинанию с молитвой. Здесь это выглядит немного лицемерным, но…

Молиться, но как? Нельзя же просить о благословении их намерения… Фьяметта склонила голову, и ее помощники последовали ее примеру.

— Во имя Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии молим тебя. Господи, помилуй нас! Господи, помилуй нас! Господи, помилуй нас всех.

— Аминь! — прошелестело по комнате. И к ним

присоединилось тревожное, безгласное.

Фьяметта последний раз взглянула на заметки, написанные кудрявым латинским почерком ее отца. Словесная часть заклинания была короткой. Она перебрала в уме все слоги, проверяя каждый, и вдруг ее озарило. Суть заклинания заключалась не в латыни, а в субструктуре мысли… Может быть, латынь служит только уловкой, чтобы помешать неучам обрести власть? И ведь Ури не говорил по-латыни, только по-немецки, по-итальянски, да еще мог объясниться с французскими солдатами. Но сейчас, конечно, не время для проверок.

И в любом случае губы ее уже произносили слова, мост звуков, переброшенный через комбинации, секунду за секундой удерживаемые в ее мозгу. Меловые линии служили просто напоминанием об их системе.

— Ури, войди! — И это магические слова? Такие простые и прямые? Ее порывистость испортила заклинание. Придется начать сначала…

Тейр дернулся, его глаза расширились, губы полураскрылись. Плечи, сутулившиеся отчасти от усталости, а отчасти по привычке скрадывать свой рост в неумолимо низких туннелях рудника, выпрямились, расправились, Как у солдата на

параде. Поспешное, жадное, почти отчаянное овладение телом.

— Фьяметта, я здесь. — Голос был Тейра, но с выговором и интонациями Ури, утратившими резкость после долгих лет на юге. А глаза… его глаза были внимательными, блестящими и гневными, такими гневными! — Оставаться трудно. Поторопись!

— Ах Ури, мне так жалко, что тебя убили!

— Но и вполовину не так жалко, как мне! — Этот проблеск мрачной шутливости принадлежал только Ури. Его гнев был обращен не на нее.

— А вина моя! Я отвлекла тебя своим криком!

— Не ты, а то, что выпало из этой проклятой подставки. Мерзость!

Узел сожалений и раскаяния, стягивавший ее сердце, расслабился. Глаза Ури-Тейра закрылись.

— Благословляю тебя, брат, за то, что ты вырвал меня из рук некромантов. — Глаза сильнее зажмурились, словно от нескончаемой муки. — Я так старался воспрепятствовать им. Но они… действуют подло.

— Еще бы! — слабым голосом произнесла Фьяметта. — Да помилует тебя Всемогущий Бог!

— В этом темном месте трудно думать о Боге. Некоторые обретают его в тюремных подземе-

льях, в рудниках, словно краски, шум и суета жизни ослепляют их, и лишь во мраке они способны видеть ясно. Но я пришел слишком поздно и попал не в твое подземелье. Тень Вителли — это тьма, пустая тьма без Бога. — Его лицо окаменело при воспоминании об этой пустоте, об этой тьме.

— Ш-ш-ш, теперь все хорошо! — («Ну, навряд ли!» — подумала Фьяметта, посмотрев на серый труп.) — Но можешь ли ты, посмеешь ли ты снова противостоять ему?

Ури-Тейр вздрогнул:

— Вителли?

— Да, но на этот раз у него не будет такого большого преимущества, Ури… Мы нашли заклинание моего батюшки, замечательное заклинание. Вместо того, чтобы заключить твой дух в кольцо, мне кажется, с помощью этого заклинания мы можем открыть тебе доступ в великого Персея. Он же как-никак был тобой, если не считать лица и рябины. Тело не из плоти, но из бронзы, неуязвимое, обладающее колоссальной силой. Наверное, ненадолго, хотя, думаю, с помощью моего огненного заклинания я смогу какое-то время сохранять его горячим и подвижным. И в течение этого времени у тебя будет возможность, неповторяемая возможность, нанести ответный

удар Ферранте и Вителли. Я не могу… не хочу как-либо принуждать тебя или связывать. Но буду молить тебя. Ури, помоги нам.

— Открой мне путь к этой цели, — выдохнул Ури-Тейр, — и я полечу ей навстречу. Великая колдунья! Сандрино доверил мне свою жизнь. И я стоял, точно деревенский дурачок, разинув рот, пока Ферранте отнимал ее. Я не сдержал свою клятву, меня застали врасплох, и я опозорен. Ах, Фьяметта, мне следовало бы предусмотреть предательство, ведь я не доверял Ферранте! Смыть мое бесчестье кровью Ферранте! Я бы пожертвовал душой ради этого!

— Не говори так! — в ужасе вскричала Фьяметта. — Этого я не хочу. Но если крестоносцы могли быть воинами Господними, почему не можешь ты? Вителли хуже любого сарацина. Но для этого нам требуется еще помощь. Для такой отливки батюшка нанял бы десять сильных помощников. А нас только четверо… нет, трое. Я ведь буду творить заклинание. Ты был там, в замке, ты не знаешь, как синьор Пия принудил кобольдов помогать ему?

— У синьора Пии давняя дружба с народцем недр. Вот почему они так и кишат вокруг замка. Их объединял взаимный интерес к пещерам и

к живущим там существам, — Ури-Тейр поднял ладони и изобразил крылья летучих мышей. — Один раз я навестил гнездо кобольдов в обществе синьора Пии. А вот как вам заручиться их помощью, я не знаю, тем более если надо, чтобы они потрудились. Ведь они ленивы, ненадежны и предпочитают играть с людьми шутки. И очень неприятные, если вы причините им боль. И принуждать кобольдов — затея опасная.

Внезапно его лицо стало растерянным. И голос Тейра вырвался из его собственного рта, произнося слова с трудом, медленно, невнятно:

— Подкупить их. Материнское молоко. Они за него все сделают!

Его рот широко открылся, закрылся, и Ури вернулся в некотором удивлении.

— Это сработает лучше, чем кража дойной козы! Им не часто предлагают подобное угощение! Они к вам валом повалят!

— Но где нам взять… Как все запутывается!

— Странно… — Взгляд Ури-Тейра был теперь устремлен в пространство. — То, что я способен видеть теперь. Больше. Меньше. По-другому. Стены точно стеклянные. Камень словно вода. Но я вижу кобольдов в их теневой форме внутри породы, и они кажутся таким плотными! Люди…

вы в вашей плоти… совсем как прежде тени — искаженные, отъединенные, недостижимые. Но только не сейчас, глядя этими глазами. Так приятно увидеть вас всех еще раз. — Он улыбнулся, но тут же стал угрюмым. — Все вы, кроме Вителли. Его тень плотна внутри его плоти. Плотна и темна. Его я страшусь. — Ури-Тейр испустил долгий вздох. — Ты должна торопиться. Даже в эту минуту Вителли приближается к тому, чтобы заключить твоего отца в свое кольцо. Это как поединок. И мастер Бенефорте проигрывает! А подчинив своей воле дух твоего отца, Вителли завладеет всем его могуществом и всеми знаниями. А кто усомнится в способности мастера Бенефорте возобладать над его собственными заклинаниями — твоим заклинанием, нашим заклинанием?

— Когда Вителли собирается отлить кольцо? — напряженно спросила Фьяметта. — Ты знаешь? Ты можешь сказать?

— Сегодня вечером.

— Сегодня вечером! Ах, нет! Ты можешь увидеть батюшку, говорить с ним? Скажи ему…

Но лицо Ури-Тейра болезненно исказилось, с его губ сорвалось последнее жалобное:

— Не могу больше! Прощайте… — И он, за-

дыхаясь, упал навзничь, вновь Тейр и только Тейр. — Господи! Господи! — Он почти рыдал.

— Было больно? — с тревогой спросила Фьяметта.

— Больно? — Тейр в недоумении помотал головой, остекленевшие глаза закатывались. — Мне тошно. Ури… Ури больно. Вителли причинил ему боль.

— Нам можно пошевелиться? — спросил Тич шепотом. — Не опасно?

— Да, это кончилось, — кивнула Фьяметта. Тич выставил вперед ноги, согнулся, потянулся, а Руберта начала одергивать свои многочисленные юбки.

— Нет, — вдруг спохватилась Фьяметта, — все только начинается. А времени так мало! И все так запуталось. А солдаты Ферранте могут явиться сюда в любую минуту, и… о… — Она задрожала, почти потеряв власть над собой.

— Мы все сделаем шаг за шагом, Фьяметта, — сказал Тейр. — И последний не покажется таким уж большим, едва будет сделан первый. А какой первый? Медь. Для этого нам нужны кобольды. А для этого нам нужно… э… хм… — Он, нахмурившись, уставился на потолок.

— Не думаю, что кормилица упадет с неба, —

язвительно заметила Фьяметта, проследив его взгляд. — Во всяком случае, не такая, которая охотно даст грудь мерзкому демончику из глубины камня. А мы не можем просить об этом живую душу без ее согласия. И значит, мы должны открыть, чем занимаемся. А тогда, если она не согласится, то может выдать нас…

— Ах, дети вы, дети! — фыркнула Руберта, и Фьяметта обернулась к ней, удивленная сухостью ее тона.

— По-вашему, только вы одни страдаете из-за этих бед? — осведомилась домоправительница. — Солдаты Ферранте уже много дней шляются по городу, наживая ему врагов. Они ведут себя не как гвардия нового синьора, а буйствуют, будто завоеватели. Я могу найти десяток женщин, таких несчастных, что они согласятся на куда более плохое, лишь бы нанести ответный удар. Предоставь это мне, девочка. — Кряхтя, Руберта поднялась с пола и уперла руки в бока. — Я бы и сама это сделала, но я четыре года назад согласилась стать домоправительницей твоего батюшки и перестала кормить. Да и старовата я уже для такого. Но это обязанности не для жеманниц. Не понимаю, почему девушек приучают жеманничать — тем, кто боится загрязнить свои ручки,

никакая женская работа не подойдет. — Она сердито кивнула и промаршировала из комнаты с неумолимым видом.

Тич поднял брови, словно его насмешила или по крайней мере поставила в тупик ее воинственность.

— Не смей так смотреть на нее, — резко сказала Фьяметта. — Две ночи назад пьяные солдаты Ферранте надругались над ее племянницей. Схватили прямо на улице, когда ей пришлось выйти из дома, потому что им есть было нечего, И она все еще лежала в постели, рыдала, вся избитая, вся в синяках, когда я пришла туда на рассвете за Рубертой. Вся их семья вне себя.

Тич смущенно поежился. Тейр перевел дух и поднялся на ноги:

— Тич, пока ждем, давай-ка начнем укладывать дрова в печь. И перенесем туда оловянные слитки.

— Ладно. — Тич вскочил.

Фьяметта поникла, совсем измученная.

— Ах, Тейр, мне кажется, будто я скатила камешек с вершины одной из ваших гор и смотрю, как он ударился в два других камня, и они покатились, и ударили пять камней… Сегодня вечером на кого-то обрушится гора. Не на нас ли?

— На Ферранте, я уж постараюсь. — Он протянул ей руку, она сжала ее, и он поднял ее на ноги с такой легкостью, словно соломенную куклу.

Фьяметта нагнулась и взяла драгоценную книгу.

— Мне следует еще поучить заклинание. И собрать необходимые символы. Из дома нам лучше выходить пореже. Дым из печки Руберты объяснят тем, что страж стряпает себе еду, но что случится, когда мы запалим горн для отливки? Он нас выдаст.

— К тому времени скорее всего уже смеркнется, ведь полдень миновал, — заметил Тейр. — И тебе необходимо немного отдохнуть.

— Да.

Теперь для половинчатых усилий и сомнений места не оставалось. Фьяметта расправила плечи. Она будет плясать на вершине этой валящейся горы или все они будут погребены под обвалом. «Да смилуется над нами Бог. Аминь».

* * *

В дверь с улицы постучали. Конечно, Руберта: ее обычный громовой удар, а затем три нетерпеливых отрывистых стука. Фьяметта побежала из большой мастерской открыть ей. День клонился

к вечеру. Конечно, Руберта отсутствовала не так уж и долго, если вспомнить, насколько щекотливыми и сложными были ее поиски, но Фьяметта считала каждую минуту, все больше отчаиваясь. Где уж тут до спокойствия и упорядоченности мыслей, приличествующих мастеру-магу перед наложением важнейшего заклятия, уныло думала Фьяметта. Но ведь она же и не мастер-маг! Только бы Руберта не забыла про сушеную руту…

Тич, не знакомый со стуком Руберты, тоже примчался в прихожую, сжимая нож. Фьяметта махнула, чтобы он шел работать, и отодвинула засов на дубовой двери. Распахнув ее, она увидела Руберту в чепце с шалью на плечах, с корзиной и большим кувшином в руках. Рядом с ней безмолвно стояла высокая женщина в длинном плаще с капюшоном, затенявшим ей лицо. Руберта успокоительно кивнула Фьяметте, как бы говоря: «Ну вот, я свое дело сделала!» Фьяметта жестом пригласила женщину войти, а потом заперла дверь и заложила засов.

— Добрый вам день, — сказала Фьяметта женщине. Даме, женщине, а не девушке. В ее черных волосах серебрились седые пряди, а волосы были заплетены в косу и защиплены на затылке. Дама,

решила затем Фьяметта: ее одежда была столь же прекрасно сшита, как платья самой Фьяметты, которые украли лозимонцы.

— Спасибо, что вы пришли. Благослови вас Бог! Руберта объяснила… Ах, простите, меня зовут…

Руберта предостерегающе подняла палец:

— Мы уговорились не называть ничьих имен.

— Разумно! — Фьяметта кивнула. — Ну, мне вряд ли удастся остаться неизвестной, но вы останетесь безымянной, если вам так угодно, А меня называйте Фьяметтой. — Та кивнула. — Так Руберта объяснила, о чем мы вас просим?

Уж конечно, эта дама не кормилица!

— Да. Я поручила своего маленького свекрови и хорошо поела.

— А я купила хорошего пива, — добавила Руберта, поднимая кувшин. — Чтобы ей было чем подкреплять силы.

— Но Руберта объяснила, кого мы просим вас покормить? — настойчиво спросила Фьяметта, чтобы удостовериться.

— Да. Демона камня, гнома, кобольда, хоть самого дьявола, называйте как хотите, лишь бы это отозвалось вечной мукой для Уберто Ферранте. — Ее лицо горело той же ненавистью, какую Фьяметта уже не раз видела в глазах монтефоль-

цев. — Лозимонцы убили моего мужа в первый же день. Они закололи моего первенца, моего сыночка, моего цветущего юношу два дня назад в уличной стычке. А второго и третьего моего ребенка уже давно унесла чума. Остался только младенчик, и теперь у меня больше детей не будет! — Она стиснула руки, Фьяметта опустилась на колени и поцеловала их обе.

— Значит, вы так же готовы, как и я. — Она встала. — Пойдемте.

Она повела их через внутренний дворик к кухне, обойдя стороной скованного лозимонца, который теперь бодрствовал снова с кляпом во рту. Он угрожающе рванулся к ним, а когда цепь его остановила, скроил насмешливую рожу. Высокая женщина подобрала свой плащ — не из страха, но словно он был прокаженным, и бросила на него прямой испепеляющий взгляд. Несмотря на оковы, он умудрился ответить непристойным жестом, но тут появился Тейр, поигрывая молотом, и солдат угрюмо сел у столба.

Тейр и Тич проводили женщин в кухню, и Тейр поднял крышку подполья.

Фьяметта зажгла фонарь и помогла женщине спуститься в овощной погреб, помещение вдвое меньше кухни с полками и каменными кувши-

нами по стенам. Тейр также спустился по узким крутым ступенькам. Руберта и Тич тревожно следили за ними сверху. Фьяметта поставила стоймя ящик, и женщина опустилась на него изящно, словно в бархатное кресло.

Стены были обложены булыжником, полом служила утрамбованная земля, но под ней ощущалась твердость камня — почва Монтефольи была скудной. Фьяметта поставила фонарь и присела на корточки рядом с Тейром, который смотрел на стену так, словно видел сквозь камень. Однако какой бы прозрачной она ни была для духа Ури, Фьяметте внутрь заглянуть не удалось. Тейр прижал ладони к шершавой поверхности и наклонил голову, будто прислушиваясь.

— Помажьте камень молоком, — попросил он затем. Безымянная дама поднялась, расстегнула корсаж и нагнулась, чтобы брызнуть молоком туда, куда он указывал. Фьяметта размазала капли и с отчаянием позвала:

— Эй, кобольд, кобольд, кобольд!

— Ты же не бездомных кошек скликаешь! — насмешливо сказал Тич, заглядывая поглубже. — Почему ты не прочтешь какого-нибудь заклинания?

Уязвленная даже больнее оттого, что она и сама

подумала о том же, Фьяметта огрызнулась:

— Если ты такой умный, сам прочитай! Эй, кобольд, кобольд, кобольд!

Сумрак. Тусклый неверный свет фонаря, безмолвие. Ни даже топотка крысы или шороха таракана. Они ждали. Ждали. Ждали.

— Нет, не помогло, — буркнул Тич, покусывая палец.

Фьяметта с тревогой посмотрела на высокую женщину:

— Еще чуточку.

— Я не тороплюсь, — сказала та. Терпеливое ожидание мести в ее голосе обжигало, точно кислота. Даже Тич присмирел.

— Эй!!! Кобольд, кобольд, кобольд, — снова попробовала Фьяметта, и Тич скривился, словно такое жутко обычное, неколдовское отсутствие даже намека на ритуал глубоко его оскорбляло. Тут глаза у него полезли на лоб.

На стене извивались темные фигурки, сползая по булыжникам. Не порождение мерцающего света фонаря. Два… три… четыре — шесть коряевых человечков. Казалось, не они отбрасывают тени, а тени отбрасывают их. Они бесшумно столпились около сидящей на ящике высокой женщины. Самый смелый подергал ее за юбку и

наклонил голову с робкой, но хитрой улыбкой.

— Дама? — пропищал он. — Добрая дама. — Она ответила ему спокойным взглядом.

— Вы получите молоко, — сказал Тейр. — Но не сразу.

— А тебе что за дело, мастер-металльщик? — спросил вожак кобольдов, нахмурился и выпятил костлявую грудку.

— Он говорит за меня, — тихо произнесла высокая женщина. Кобольд сник и пожал плечами, словно говоря: «Это я так!» Блестящие черные глазки жадно впивались в нее.

— В саду замка Монтефольи, — сказал Тейр, — сложены медные чушки. Каждый из вас, кто поможет перенести их через землю во двор этого дома, получит позволение пить, сколько он… она… оно пожелает. Когда вся медь будет тут. И не раньше.

— Слишком много работы. Да еще тяжелой, — захныкал кобольд.

— А вы работайте сообща.

— Мы не можем ходить по солнцу.

— День пасмурный, и скоро вечер! Тот угол сада уже накрыла тень.

— Прежде один глоточек, мастер-металльщик, а?

Тейр провел пальцами по мазку молока на стене и помахал ими под носом кобольда.

— Нравится? Хорошо? Так сначала принеси нам медь.

— Ты обманешь, надуешь нас, э?

— Если вы сделаете, что он просит, — сказала высокая женщина, — вы получите свою награду. Даю вам мое слово! — Ее глаза впились в глаза кобольда, и он отпрянул, как обожженный.

— Слово дамы, слышали? — пропел он своим товарищам.

— Будьте осторожны, малыши, — сказал Тейр. — Прячьтесь от темного человека, которого зовут Вителли. Боюсь, он может причинить вам зло.

Кобольд оскорбленно взглянул на него:

— Будто мы сами не знаем, мастер-металльщик.

— А вы… — Тейр внимательно посмотрел на него, — вы не видели синьора Пию? Он убит? Или жив?

Кобольд отпрянул и прильнул к камню.

— Друг Пия жив, но не встает. Много слез в его глазах.

— А дама Пия? Герцогиня? Джулия? Что с ними?

— Их держат слишком высоко в воздухе. Кобольдам туда нельзя.

— Хорошо. Отправляйтесь! Чем скорее вернетесь, тем скорее получите вознаграждение. — Тейр вздохнул и встал, памятуя о балках над головой.

Они все поднялись в кухню. Руберта тщательно протерла венецианский бокал, налила в него пива, хлопнула Тича по протянувшейся руке и подала бокал высокой женщине, которая послушно села и начала прихлебывать укрепляющий напиток. Фьяметта, Тейр и Тич вышли во двор.

Когда они с отцом только приехали в Монтефолью, то часто завтракали здесь за деревянным столом на свежем воздухе. Тогда дворик напоминал сад — такой прохладный, мирный! Цветы в горшках, фонтан. Но теперь он от стены до стены был отдан под создание Персея. Деревянный стол задвинули под галерею, завалили инструментами и всяким хламом. Горн — кирпичный улей высотой с Тейра — стоял на основании из утрамбованной земли, выкопанной из ямы для отливки. Он был облицован плитками, которыми прежде был красиво вымощен дворик.

Фьяметта заглянула в горн. Тейр уже уложил первый слой сухих сосновых дров. Тич тщатель-

но почистил и накрыл густо обмазанной глиной деревянный желоб, который наклонно шел от пода горна к отверстию в форме. Ворот из бревен, с помощью которого форму бережно опустили в яму, а потом должны были использовать, чтобы поднять из нее готовую статую, пока оттащили в сторону. Глиняную глыбу стягивали железные обручи, как при отливке колокола, объяснил ей отец. Чтобы форма не развалилась под тяжестью расплавленного металла.

Фьяметта обошла яму, обдумывая, как приготовить все к заклинанию. Тело Ури надо положить у края напротив горна. Во взаимодействие сил сам горн включать нужды нет. Во-первых, Тейру с Тичем пришлось бы все время пересекать ее линии, чтобы подкладывать дрова, следить за плавкой и налаживать мехи. Простой процесс плавки бронзы магии не требовал. Направить нетерпеливый дух Ури в рождающуюся статую надо будет в тот момент, когда Тейр вышибет железную втулку в основании горна и металл польется в форму. Тут Фьяметта сообразила, что не очень представляет себе, как происходит остывание. Железные обручи надо будет разнять, чтобы освободить… Ури. Но если поспешить, форма может развалиться, и статуя оплывет. А если

промедлить, металл слишком затвердеет. Отец всегда говорил, что самое трудное — соразмерить. И вот она соразмеряет-рассоразмеряет заклятие.

«Нет, я сошла с ума!» Какой-то странный звук донесся с той стороны, где был прикован лозимонец. Фьяметта не сразу сообразила, что это из-под кляпа вырывался вопль. Перепуганный солдат отскочил на длину цепи. По другую сторону столба на него с писком пятились два кобольда с медным слитком между ними. Лозимонец пытался перекреститься и хрипел сквозь тряпку во рту:

— Демоны! Демоны посредь бела дня!

— Урод! Урод-человек! — пищали кобольды.

Собственно, наступили уже сумерки, решила Фьяметта, взглянув на небо. Двор погрузился в тень, а по лиловеющему небу мчались клубящиеся тучи. Становилось прохладно. Собирался дождь.

— Сюда! — Тейр сделал знак кобольдам положить их ношу у горна. Тич бросился на кухню сообщить новость. Когда он возвратился с Рубертой и безымянной женщиной, у ног Тейра как раз появилась вторая пара гномов. Было что-то омерзительно натуральное в том, как земля словно выдавливала их из себя. Фьяметте вспомнился ярмарочный шут, который вот так

выдавливал из раздутого рта яйцо в скорлупе. Но они притащили еще слиток. А первая парочка с хихиканьем нырнула в землю. И тут появилась третья, весело стрекоча.

Тейр начал аккуратно укладывать слитки в горн и перекладывать их новыми дровами. Мастер Бенефорте занял всю нижнюю кладовую отборными сосновыми поленьями и оставил их там хорошенько сохнуть специально для этой отливки. Часть забрали лозимонцы.

Что, если ее отец заранее определил их количество? Ну, Тейр разберется. А из земли все выскакивали и выскакивали новые кобольды. Или те же самые? Она скоро потеряла им счет. Она — но не Тейр.

— Последний? — объявил он.

Фьяметта подошла к нему. Попятившись, он закрыл чугунную дверцу, через которую накладывал слитки и поленья. Тыльной стороной грязной ладони он отбросил волосы с глаз. Он был большой, теплый, синие глаза сияли. Даже нелепо короткая туника, открывавшая его голые икры, не придавала ему смешного вида.

Его могут сжечь за это. Из-за нее. Но тут было и что-то, не имеющее отношения к Ферранте. Она ощущала силу искусства, необоримо рвущуюся

наружу, решимость завершить. Случались дни, когда она ненавидела отца, пожирающего не только себя, но и других во имя этой решимости. И ей совсем не понравилось обнаружить в себе то, что она ненавидела в отце.

— Тебе страшно? — спросила она Тейра.

— Нет. Да. Страшно, что я могу погубить эти прекрасные приготовления. Ведь даже горн — произведение искусства. Неудивительно, что его дух медлил тут, лишенный жизни, когда подобное близилось к завершению. Еще чудо, что он не стонет в этом дворе. Если мне удастся, твой батюшка получит выкуп за невесту, достойный тебя, и к черту сына бедного рудокопа!

«Нет!»

— Тейр, ты понимаешь, я ведь не знаю, что сделается со статуей, когда заклятие утратит силу. «И с Ури тоже».

— С медным зайчиком ничего не случилось, ты сама говорила. Она будет великолепной, вот увидишь! — Он помолчал. — Можно разжечь огонь.

— Это моя работа. — Фьяметта повеселела от приятного воспоминания. — Я всегда все разжигала для батюшки.

Они на миг взялись за руки, потом Тейр отступил, Фьяметта закрыла глаза. «Для вас, батюшка!»

И для аббата Монреале, и Асканио, и его матушки, и бедных синьора Пии и дамы Пии, и Тича, и Руберты, и ее племянницы, и дамы без имени. Для всей Монтефольи…

— Пиро!

В горне взревело пламя, затем рев перешел в басистое шипение. Тейр взялся за одни мехи, а по ту сторону улья Тич встал ко вторым. В укромном месте под галереей сидела безымянная дама, с интересом следя за происходящим. Вскользнувшееся в горне пламя вызвало ответный одобрительный блеск в ее глазах. Она запахнула в свой плащ кобольда — одного из примостившейся у ее ног кучки, — и он с обожанием поднял к ней морщинистое лицо. В сумерках можно было почти убедить себя, что это дети. Почти.

Несколько искр поднялось на волне жара из отверстий горна, но дыма почти не было. Дрова горели жарко, звонко, чисто, как и полагалось. И… и не очень заметно, тихо надеялась Фьяметта. «Но лучше нам не мешкать!» Она позвала на помощь Руберту, и вместе они принесли носилки с телом Ури в сумрак двора. Отблесков горна было достаточно, чтобы не спотыкаться, но для дальнейшего она велела Руберте посветить ей фонарем.

— Я могу начертить фигуру и разложить символы, а потом отдохнуть, пока будет плавиться бронза. Только нам всем надо будет следить, чтобы не наступить на линии. Я начерчу их так близко к носилкам и яме и так плотно, как сумею. Свети ровнее, чтобы я могла вести непрерывную линию.

— А где мел, деточка?

— В этом заклинании мел не применяется. — Фьяметта опустилась на колени и достала из корзинки с инструментами и различными предметами, которые собрала заранее, острый ножичек. Потом закатала правый рукав и отогнула ладонь, выставляя запястье. Поглядела на свои вены и ойкнула.

Руберта испуганно прижала пальцы к губам и посоветовала слабым голосом:

— Вдоль сухожилий, голубка, а не поперек. То есть если хочешь и после писать и заниматься рукоделием.

— Э… правильно. Хорошая мысль. Спасибо.

Вот это было трудно! «А ты думай, что так готовишься рожать!» Линии надо было чертить собственной кровью мага. Ничья другая не годилась. Ей следовало отдать должное отцу: нелегкий способ! Она вонзила острие в кожу и провела

им по своей плоти. Ей пришлось повторить это, прежде чем кровь потекла достаточно обильно, чтобы ее хватило на все линии, чертить которые нужно было указательным пальцем. Она очистила свои мысли, подошла к носилкам и начала. К тому времени, когда она, шепча формулы, завершила полный круг, в голове у нее был туман. Еще одна трудность с соразмерностью. Она перестала надавливать на руку, и кровь перестала сочиться. Лучше посидеть немножко на земле.

— Уже расплавилась? — прохрипел Тич, почти повисая на мехах. — Пора добавлять олово?

— Куда там! — Тейр высунул голову из-за горна и ухмыльнулся ему. — Если добавить олово слишком рано, оно не сплавится, и твои труды и расходы — все пропадут впустую. Нам еще не один час понадобится.

Тич застонал. Однако после недолгих переговоров шепотом из угла, где сидела безымянная дама, выбралась пара хихикающих кобольдов и сменила его у мехов, подпрыгивая и повисая на ручке точно пара мартышек. Тич, мокрый от испарины, сел отдохнуть возле Фьяметты. Остальные кобольды присоединились к своим товарищам, то и дело в своих теневых ипостасях с хохотом и уханьем ныряя в горн и выныри-

вая оттуда. Оранжевые отблески огня озаряли демоническое зрелище. Лозимонцу оно и вовсе представилось видением ада. Куда девалась его презрительная насмешливость! Натянув цепь до отказа, он скорчился, хныкал и рыдал, а глаза у него закатывались, посверкивая белками. Руберта обнесла всех разбавленным вином, хлебом и твердой чесночной колбасой. Фьяметта с благодарностью грызла колбасу, но думала: «Нам необходимо как-то ускорить плавку!» Ах, батюшка! «Еще чудо, что он не стонет в этом дворе», — сказал простодушно Тейр. И правда чудо. Где мастер Бенефорте? Почему его тень не устремляется сюда, к тому, на чем сосредотачивались все его помыслы? И не в расстоянии тут дело — появился же он у стен монастыря! Она закрыла глаза и попыталась не думать ни о чем, а только слушать и ощущать. «Батюшка?» Ничего нигде. Если он не здесь, значит, не волен в этом. Скован или полускован. Ей представилось, как Вителли загоняет его во все более и более тесное пространство: комната, начертанная мелом фигура и, наконец, окружность пальца. Когда ему это удастся?

«Очень скоро», — подумала она со страхом. А сам Вителли? Хотя она вела свои приготовления

втайне, все равно они должны привлечь его магическое внимание, если он ведет поиски. Если ее отца и Вителли тут не чувствуется, значит, они целиком заняты друг другом. «Это как поединок. И мастер Бенефорте проигрывает…» Фьяметта открыла глаза, встала и подошла к горну. Тейр опустил с плеч свое одеяние и, голый по пояс, лоснясь потом в жарком свете, просовывал в окошечко длинную железную мешалку.

— Плавится? — с тревогой спросила Фьяметта.

— Начинает.

Она закрыла глаза, сосредоточилась и произнесла нараспев:

— Пиро. Пиро! Пиро! — И умолкла, испытывая головокружение. А когда она открыла рот, ее дыхание превратилось в пар. Огонь ревел, оранжевые искры, закручивая спирали, вылетали из отверстий, и поднявшийся ветер уносил их во мрак.

— Фьяметта, побереги силы. — Широкая ладонь Тейра легла ей на плечо.

— У нас осталось мало времени, я чувствую. «И я боюсь».

— У нас получится! — Он крепче сжал ее плечо. — Отливка будет великолепной!

В ярком синем блеске его глаз она почти по-

верила. Пошатываясь, подошел Тич с двойной охапкой сосновых поленьев и со стуком бросил их у своих ног.

— Последние! — пропыхтел он.

— Как! — воскликнул Тейр. — Уже? — И он с тревогой взглянул в окошечко.

— Больше ни единой щепки не осталось, как ни жалко, — ответил Тич.

— Ладно, положим эти.

Они вместе побросали поленья в горн, с мехами управлялись кобольды.

Тейр всунул в окошечко мешалку и поворочал ею.

— Пожалуй, надо положить остальное олово. А тогда уже недолго, Фьяметта.

Она кивнула и, отступив на шаг, следила, как отблески огня играют на его лице, пока он размешивал плавящуюся массу. «Он тоже испытывает ее — страсть сотворения». На сердце у нее потеплело, а губы изогнулись в невольной радостной улыбке. «Какой он красивый сейчас. Точно вырезан из слоновой кости. Мой погонщик мулов. Кто бы мог подумать?» Внезапно зубы Тейра оскалились.

— Нет! — простонал он, начал мешать сильнее, потом отступил, не выдержав жара. — Он

спекается!

— А что это значит? — в недоумении спросил Тич, испуганный отчаянием в голосе и на лице Тейра.

— Это значит, что отливка погублена. Металл загустевает. — Он топнул босой ногой, бросил мешалку наземь и выпрямился, весь дрожа.

Тич ссутулился. Фьяметта перестала дышать. Руберта застонала. Кобольды запищали в растерянности.

Тейр откинул голову.

— Нет! — взревел он. — Должен быть способ спасти отливку! Еще дров, еще олова!

— Так больше ведь нет, — робко возразил Тич.

— Как бы не так! Сейчас я подкину дров! — Тейр кинулся через двор к старому деревянному столу и опрокинул его, со стуком сбросив все, что его загромождало. Вопя как безумный, он ударил по столу молотом. — Сухой дуб! Ничто не горит так жарко! Еще, Фьяметта, Руберта! Все, что есть в доме из дуба! Скамьи, столы, полки, стулья — тащите их сюда. Торопитесь! Кобольды, ко мне! Работайте мехами, чудища. Подсуньте эти доски под решетку, куда сыплется зола, пусть жар поднимается вверх!

Следующие несколько минут превратились

в вакханалию разрушения. Тейр один приволок большой рабочий стол, точно в священном безумии, удесятеряющем силы. Фьяметта даже испугалась, как бы у него снова не лопнул шов, который она наложила с таким старанием. Тейр, Тич и даже кобольды рубили и ломали мебель. Кобольды, казалось, получали большое удовольствие — они радостно повизгивали и урчали. Руберта даже бросила в огонь свои деревянные ложки. Огонь ревел, искры и языки пламени вырывались из отверстий потоком, устремляющимся в небеса. Снаружи это, наверное, походило на сигнальный костер.

Задыхаясь, Тейр открыл окошечко и снова помешал. Лицо у него вытянулось, плечи сгорбились, он скорчился, почти прижимая к коленям опаленные, закопченные щеки и лоб.

— Мало… — еле выговорил он. — Кончено. — Тейр перевалился на бок, глядя в никуда.

Фьяметта перегнулась пополам, испытывая ту же внутреннюю боль. Почти добиться и потерпеть неудачу… Бог не ждет их смерти, чтобы обречь их на вечные муки. Муки эти начинаются здесь, сейчас.

— Оловянная посуда… — прошептал Тейр в дымном безмолвии.

— Что?

— Оловянная посуда! — закричал он. — Несите мне всю, какая есть у вас в доме! — И, никого не дожидаясь, кинулся на кухню, откуда появился вновь, таща в охапке видавшие виды тарелки, подносы, миски. Торопливо побросал их в пасть горна и кинулся за другими.

Фьяметта взбежала на галерею и пронеслась по верхним комнатам. Она вернулась с кружкой, помятым тазиком для омовения рук и парой магических подсвечников, свечи а которых зажигались по слову любого человека, — лозимонцы не распознали их замечательного свойства. Руберта принесла оловянные ложки. Всего в горн полетело более ста фунтов металла. Тейр покидал все это туда, хрипло дыша. Размешал, подложил еще дубовых обломков мебели, снова помешал. Всепожирающий огонь ревел, заглушая раскаты грома над озером.

— Плавится! — ликующе взвыл Тейр, оскалившись в безумной улыбке. — Становится жидким. Как прекрасно! Фьяметта, готовься.

Она бросилась к намеченному месту — вершине треугольника между головой Ури и ямой, опустилась на колени среди комьев развороченной земли. Но как она сумеет думать, обрести

властное спокойствие мастера-мага среди этого сатанинского шума и хаоса? «Для того-то ты и выучила заклинание наизусть. Не думай, делай!» Она прикоснулась к шести разложенным перед ней травам, ножу, кресту. Помазала порошками лоб и губы. Подчиняясь нежданному порыву, осенила себя торопливо крестным знамением. Во имя-Отца-Сына-и-Святого-Духа. Господь! «Да восхвалим… да восхвалим Господа за все чудеса». Она закрыла глаза, распахнула свои мысли и сердце. Ури был давящей силой, грозной волей, ждущей рядом с ней — на три четверти ярость и на четверть ужас. От его веселого обаяния почти не осталось следа. «Во мне жила любовь к тебе». Она открыла глаза, посмотрела на Тейра и кивнула. Тич сдернул холст, укрывавший желоб, Тейр схватил изогнутый железный лом и выбил втулку из пода горна. Оттуда хлынул поток белого огня, разгоняя сумрак. Он заструился вниз через линию запекшейся крови Фьяметты и полился в отверстие великой глиняной формы — река света, текущая с быстротой разогретого масла.

Ури заструился через Фьяметту. Тысяча тысяч обрывочных воспоминаний, кульминирующих в жуткой тьме его смерти — и все в движении… Ее рот раскрылся, спина изогнулась в агонии.

«Жжет, как жжет!» Божья Матерь. Божья…

Над ними в ревущем столбе жара загорелась деревянная галерея. Желтые языки пламени лизали столбики балюстрады и перила. Входная дверь затряслась под мощными ударами, с улицы донеслись разъяренные крики. Но огонь все разливался и разливался по жилам Фьяметты. Она не осмеливалась пошевелиться, не осмеливалась нарушить… Вот-вот она вспыхнет, как галерея, превратится в живой факел… Тич бросился к лестнице с жалким ведром воды. Тейр поднял молот с земли.

В прихожей дверь опрокинулась на плиты пола. В проем, увлекаемые инерцией, влетели три лозимонских солдата, держа таран. За ними, продолжая хрипло кричать, вошел с обнаженным мечом их начальник. Бородатый, свирепый, изрыгая ругательства из черного провала рта. Последняя капля сияющего жидкого металла скатилась с желоба в форму. Сила магии внезапно покинула Фьяметту. Словно разжалась державшая ее рука, и она скорчилась на земле, не способная пошевелиться, почти не способная дышать, не зная, преуспела она или потерпела неудачу.

Лозимонцы вбежали во двор и растерянно

остановились, несомненно ошеломленные открывшимся перед ними хаотичным зрелищем: горящая галерея, кричащие женщины (Руберта и безымянная дама бежали за Тичем, тоже с ведрами), прыскающие во все стороны кобольды и страж, дико бьющийся в своих оковах, завывая сквозь кляп. Фьяметта, прижимаясь щекой к земле, захихикала. Тейр стоял, помахивая молотом. Один человек с рабочим инструментом против четырех солдат с мечами. Фьяметта перестала хихикать, перекатилась на другой бок и устремила стекленеющий взгляд в яму. Что произошло там?

«Выпусти меня!» — требовал кто-то. Фьяметта решила, что слышит это не ушами. «Выпусти меня!»

— Тейр, — просипела она, — спрыгни туда, сбей обручи. Железные стягивающие обручи.

Он поглядел на нее, на форму, на лозимонцев, которые медленно двигались вперед, осторожно тыча перед собой мечами, будто их подстерегали невидимые враги. Он соскользнул в яму и начал бить молотом по защелкам обручей. Сердце Фьяметты заколотилось. Что, если еще рано? Что, если форма развалится и Тейра зальет раскаленная добела жидкая бронза… Один обруч

распался, второй, третий. Горла Фьяметты коснулось острие меча, прижало к земле. Она подняла глаза на темное бородатое лицо — ни искры души, ни искры ума, почти ничего человеческого.

— Бросай молот и вылезай, или я ее проткну! — рявкнул лозимонский лейтенант. Тейр положил молот, подтянулся и перекатился через противоположный край ямы. Он корчился, точно большая лягушка, опираясь на колени и ладони, и растянул губы в усмешке. Глаза у него горели, он с трудом переводил дух.

В яме начала лопаться глина — словно одна за другой разбивались миски. Обваливались куски, разбиваясь на мелкие осколки, рассыпаясь прахом. В глубине трещин проглядывало что-то, красное как кровь.

Что-то стряхивало с себя глину, точно собака — налипший на шерсть снег. Сначала возникла отрубленная голова, схваченная и высоко поднятая сильной рукой. Вишнево-красные бронзовые змеи извивались, как пряди всклокоченных волос. Плечи согнулись, расправились, На свободу вырвалась мускулистая рука, сжимая изогнутый меч. Затем крылатый шлем и дернувшееся кверху мужское лицо. Но не безмятежное лицо неведомого грека, нет!

«Это Ури! — подумала Фьяметта. — Совсем как живой. Даже с рябинами!» Увидев рябины, она невыразимо обрадовалась.

Пышущий жаром взгляд поднялся, нашел щербатого лейтенанта. «Помнишь меня? — безмолвно кричали пылающие глаза. — Ибо я тебя помню!» Бронзовые губы улыбнулись в жуткой угрозе.

Тут лейтенант не выдержал и с криком бросился бежать.

Глава 18

Фьяметта привстала на колени, потом села на пятки. Вопящего щербатого лозимонца схватили двое его подчиненных, не видевших, что происходило в яме. Третий солдат наконец разбил цепь стража там, где она обвивала каменный столб, и был вознагражден за свои труды тем, что освобожденный сбил его с ног, кинувшись к выходу. Над их головами в полуночном небе грянул такой оглушительный гром, что дом содрогнулся.

Над краем ямы возникли руки Ури, держащие кривой меч и огненную голову Медузы. Раскаленные бронзовые мышцы напряглись, и он выбрался из ямы, великолепный нагой герой. Как ярко ни пылала галерея, исходящее от него багровое сияние соперничало с ее светом. Только его глаза были золотисто-белыми. Магия, не дающая ему распасться при подобной температуре, смутно подумала Фьяметта. Его очертания выглядели более четкими, более совершенными, чем даже у восковой модели, сотворенной ее отцом. Тейр легко спрыгнул в опустевшую яму за своим молотом, который, видимо, внушал ему столько

же уверенности, сколько страха его врагам, как свидетельствовали их боязливые взгляды.

Горячий бронзовый Ури посмотрел вниз, на холодного плотского Ури, а затем поднял глаза на Тейра. Братья обменялись взглядами и даже в пустом золотистом свечении горячего металла Фьяметта уловила сожаление, печаль и что-то похожее на любовь, смешанные с решимостью и гневом.

В синих глазах Тейра блестели подернувшие их слезы. Он поднял молот, торжественно отдавая честь.

— Веди нас, капитан Окс. Во имя Бога, Бруинвальда и герцога Сандрино.

— Следуй за мной, малыш, — ответил Ури с медленной улыбкой, — и я покажу тебе такое, о чем ты сможешь рассказать моим племянницам и племянникам. Обязательно расскажи им! — Бронзовый голос гудел, как трубы органа, — громкий, басистый, способный разбудить мертвых, и все-таки это был голос Ури. Золотистые глаза остановились на Фьяметте, которая как раз поднялась на ноги. — У меня мало времени. Поторопимся!

— Веди! Мы за тобой, — еле выговорила Фьяметта. Пожар пожирал ее дом. Ну и что? Она

повернулась к галерее спиной.

Ури устремил взгляд на четверых лозимонцев, которые, подбадривая друг друга, более или менее оправились от испуга. Они стояли плечо к плечу спиной к двери, благоразумно обеспечив себе путь для отступления. Пальцы Ури крепче сжали рукоятку меча, и он мерным шагом направился к ним, под его ногами земля проваливалась, чернела и дымилась.

Щербатый лейтенант с показным мужеством прыгнул навстречу, занося меч. Его меч со звоном скользнул по обнаженному боку, и он чуть не вывихнул плечо. Ури поднял голову Медузы и опустил на череп своего убийцы, разбив его. Лозимонец упал, судорожно дернул ногами и замер. Его подчиненные отступили, пригибаясь, прикрывая друг друга словно на ученьях — пока не добрались до сорванной с петель дубовой двери. Всякое подобие дисциплины было забыто, и они обратились в паническое бегство. Фьяметта чуть было не подобрала меч убитого — на всякий случай. Меч Ури выглядел внушительно, но выдержит ли бронза, а тем более размягченная жаром бронза, удары стальных мечей? Но тут же она сообразила, что сменить оружие Ури не мог бы: его меч был сплавлен с его рукой.

Тейр обнял Фьяметту за плечи, и они последовали за Ури на улицу. Фьяметта попятилась при виде собравшейся там толпы. Десятка три мужчин, мальчиков и даже несколько женщин, одетых, полуодетых, в ночных рубашках. Фьяметта узнала нескольких соседей.

Лоренцетти, нотариус, владелец дома рядом, бросился к ней. Лозимонцы разграбили и его дом. Он все еще ходил с перевязанной головой — памяткой о неблагоразумной попытке сопротивляться.

— Фьяметта! Что происходит? Что ты натворила?

— Мой дом горит, — ответила она уныло, а толпа с испуганными криками отпрянула от Ури — правда, всего на шаг-другой. Они таращили глаза и задавали изумленные вопросы. — Мы создали бронзового героя, воина, который сразится за нас с лозимонцами и освободит Монтефолью. Мы идем убить Ферранте. Прошу вас, посторонитесь!

Трое уцелевших лозимонцев остановились и вновь встали плечо к плечу посреди темной улицы дальше за толпой. Они покачивались на носках, смотрели и выжидали. Свечник Бембо, другой сосед Фьяметты, поднял повыше факел,

откуда-то появились новые факелы — Фьяметта не поняла откуда. Их зажигали друг о друга.

Лоренцетти вгляделся, ахнул и пробормотал:

— Так это же Ури Окс, швейцарец Сандрино?! Я играл с ним в кости. Он погиб и остался должен мне дукат… Эй! Ури!

Ури весело отсалютовал ему рукой с мечом в ответном приветствии, Лоренцетти попятился, дико глядя на него, и развел руками в поклоне:

— Самые лучшие мои пожелания. Эй там, дорогу!

Повинуясь его жесту, толпа раздалась, и лозимонцы внезапно оказались между двумя рядами своих жертв. Наступила странная внезапная тишина, ничем не прерываемая. Затем в воздухе промелькнул булыжник, брошенный разгневанным юношей. Камень лязгнул о нагрудник лозимонца и отскочил. Лозимонец зашатался. Ури пошел по улице между двумя людскими шеренгами, Тейр и Фьяметта, взявшись за руки, будто дети в темноте, шли за ним, не отставая. Толпа взревела — словно пламя в горне, подумала Фьяметта. Лозимонцы повернулись и пустились наутек — на этот раз окончательно, даже не поглядывая через плечо.

По улицам эхом разносились крики. В домах со

стуком распахивались ставни на верхних этажах, в окна высовывались головы, увенчанные ночными колпаками. Раздавались возгласы удивления и страха. Фьяметта оглянулась. Люди двигались за ними, сначала по двое, по трое, затем потоком, затем — могучей рекой. Распахивались двери, из них выбегали мужчины. Замелькали ножи и кинжалы, а у некоторых нашлись и мечи. Оружием стали и орудия мирного труда — топоры и молоты, мотыги, кирка, заржавелый серп и просто дубинки. К идущим присоединилась толстуха с большой чугунной сковородой в руке. Еще и еще факелы, поднятые высоко над головами. Фьяметта понятия не имела, за кем, по их мнению, следовали люди в задних рядах, но они шли не то на смотр, не то на бой, воодушевленные, полные злобы и решимости, ничего толком не понимая.

А она-то думала, что они бесшумно проберутся по улицам Монтефольи под покровом ночного мрака. Впрочем, Ури вряд ли мог бы остаться незаметным, багряно светясь в темноте. Если инквизиция когда-нибудь решит судить ее за то, что было проделано нынче, свидетелей найдутся тысячи.

Молния расколола небо. Первые редкие крупные капли дождя упали на запрокинутое лицо

Фьяметты.

На Ури они тотчас закипали, и вокруг него закурились струйки пара. Увлажнившийся поблескивающий булыжник шипел у него под подошвами. «Слишком холодный! — мысленно сказала Фьяметта дождю. — Остановись, перестань, еще не время!» Они подошли к подножию холма и начали подниматься к воротам замка. И никакой надежды пробраться туда тайком, захватить Ферранте врасплох. Лозимонские солдаты уже бегали по стенам, зажигая факелы. Она услышала скрип опускаемой решетки. И тут же тяжелые дубовые створки ворот захлопнулись с гулким стуком, на который эхом отозвался раскат грома над черным озером.

— Нет! — отчаянно вскричала она. — Что нам делать? Ферранте просто переждет, пока… пока…

Ури улыбнулся ей через плечо:

— Посмотрим. — Он остановился в нескольких шагах от ворот. Сверху в него пустили стальную стрелу из арбалета, она ударилась о его плечо и впилась в металл. Он пожал плечами, смахнул ее точно жалящего слепня и продолжал осматривать ворота. — Фьяметта, согрей меня! — сказал он.

— Пиро, — произнесла Фьяметта, с трудом

восстанавливая заклинание, приводя в порядок непослушные мысли. Но такая привычная формула помогла ей успокоиться. — Пиро. Пиро.

Ури поднял руку с мечом:

— Пока достаточно.

Он подошел к дубовым створкам и прислонился к ним. Дерево затлело, а потом заполыхал огонь. Он засунул руки в обугленную дыру и начал выламывать и выщипывать доски, словно древесина была совсем трухлявой. Горящие щепки полетели во все стороны. Фьяметта и Тич кинулись от ворот и пригнулись во рву.

Ури вошел в темный проход между двумя башнями. Дальше вход во двор перегораживала решетка. Из отверстия в стене перепуганный насмерть лозимонский солдат опрокинул на Ури котел горящего масла.

Ури откинул голову и захохотал, будто затрубили в бронзовые трубы. Он поворачивался под огненным потоком, словно человек — под освежающими струями водопада. Неведомо, в каком припадке отчаяния лозимонцы вылили на Ури второй котел, потом третий, и только тогда кто-то из офицеров сообразил, что от этого им нет никакой пользы. Языки пламени плясали на сверкающем теле Ури, а он, точно саламандр,

подошел к решетке.

Он просунул руку с мечом между прутьями, обхватил один и рванул. Чугунный прут с треском переломился, потом еще один, и еще, пока Ури не смог пройти между оставшимися, расправив плечи. Фьяметта подобрала юбки и побежала за ним через пламя, угасающее на полу прохода. Тейр бежал за ней, но остановился и двумя-тремя точно рассчитанными ударами молота расширил проход в решетке для тех, кто следовал за ними. А за ними бежали люди, не испугавшись нескольких арбалетных стрел, которые кое-как пустили растерянные солдаты Ферранте. Люди бежали кучками по трое, по шестеро, справа и слева, и тут же бросались на поиски мучителей Монтефольи. Подоспевшая следом толпа застряла было в проходе, но затем прорвалась во двор, Фьяметта скорчилась на булыжнике, переводя дух и внимательно следя за происходящим. Ури вошел во двор точно живой факел. Под налетевшим порывом ветра с дождем он заклубился паром, как поверхность вулканического озерка.

— УБЕРТО ФЕРРАНТЕ! — прогремел он, и стены ответили многоголосым эхом. — Уберто Ферранте! Выходи!

Из дверей замка показались солдаты с обна-

женными мечами. Около десятка. И побежали вниз по мраморным ступенькам, но, увидев, кто бросил им вызов, замерли в оборонительных позах, переглядываясь в ужасе. Из двери вышел синьор Ферранте и обвел взглядом двор. На нем была его блестящая кольчуга, и неверные отблески огня словно посеребрили ее. На ногах у него были черные сапоги, но он вышел без шляпы и без шлема. Капли дождя алмазами переливались в его курчавых волосах. Мгновение он сохранял полную неподвижность, потом извлек свой меч — медленно, со скрежетом, от которого у Фьяметты заломило зубы, таким нескончаемым он казался. Затем повернул голову, позвал через плечо «Никколо», вздернул подбородок, взглянул на северную надвратную башню и поднял меч в приветственном жесте, словно говоря кому-то, кого Фьяметта не видела: «Эту смерть я посвящаю тебе!» После чего, весь подобравшись, держа меч наготове, медленно спустился по ступенькам.

Его солдаты, боязливо оглядываясь, образовали перед ним заслон — пока Ури не поднял руки и не направился к ним. Все до единого они кинулись врассыпную. Ферранте следил за ними без удивления. На губах у него играла легкая насмешливая улыбка. Но он все-таки открыл рот

и закричал:

— Никколо! — И опять, громче: — Никколо! Ко мне немедленно!

Решил ли Ферранте, что обречен? Так, во всяком случае, показалось Фьяметте. Тем не менее он продолжал стоять на посеребренной дождем мраморной ступеньке и не пытался спастись.

— Он негодяй, — прошептал Тейр. — И все же…

Фьяметта также почувствовала это:

— Храбр. Или бесшабашен…

Неудивительно, что люди идут за таким человеком. Фьяметта иногда недоумевала, почему ангелы, если верить тому, что о них говорят, тратят столько слез на грешников. «Они оплакивают не зло, они оплакивают погибшее втуне добро в нем».

— Вот так, — сказал Ферранте, облизывая губы. — Бездарный капитан гвардии Сандрино восстает из волн подобно Венере. Я думал, мы тебя убили.

— Да, так, — ответил Ури с той же иронией. — Мой бездарный убийца. Хочешь попробовать еще раз? — Он приглашающе поднял свой раскаленный меч.

Ферранте, подумала Фьяметта, умеет иронизировать лучше. Изящнее. Но гнев Ури пылал

зримо в поднимающихся волнах жара, и если его словам не хватало язвительности, это возмещалось его силой.

Ферранте, полуулыбаясь, наклонил голову и сошел с лестницы.

— Мне кажется… ты больше по части моего секретаря. Но я постараюсь занять тебя, пока он не явится. — Он, сдвинув брови и в раздражении оттягивая губы, крикнул через плечо: — Никколо!!

— Чем он так занят, что не бежит сюда? — прошептал Тейр.

— По-моему, я знаю, — шепнула в ответ Фьяметта, у которой мучительно сжалось сердце. Но она пока еще не могла броситься в замок на поиски отца, ей надо было оставаться с Ури и раскалять его. Ферранте сделал выпад.

Первый обмен ударами завершился быстро. Лезвие Ферранте отклонило меч Ури, но со звоном отскочило от бронзовой кожи, не оставив на ней ни следа. Ферранте отпрыгнул в сторону, перебирая сразу онемевшими пальцами по рукоятке меча. Ирония исчезла, сменившись всепоглощающей сосредоточенностью. Он опять сделал выпад, стараясь попасть в золотистый глаз Ури, но тут же отпрянул, зашипев от боли, — Ури попытался оглушить его головой Медузы, и она

скользнула по его щеке, оставив за собой полосу мгновенно вздувшихся белых пузырей.

— Он не может победить, он должен обратиться в бегство! Почему он не бежит? — яростно шептала Фьяметта. Она хотела, чтобы Ферранте побежал, показал бы себя трусом, да! Достойным только глубочайшего презрения. А он опять бросился на Ури, делая выпады, отбивая, отбивая…

— Он испытывает себя, — внезапно сказал Тейр. — Он хочет быть самым лучшим. Он хочет знать, что он самый лучший. И хочет, чтобы об этом знали все.

— Он безумен.

— Но почему Ури мешкает? Почему просто не схватит Ферранте и не раздавит его?

Наконец стало ясно, чего добивался Ури: он оттеснил Ферранте к лестнице, тот споткнулся и упал на мраморную ступеньку, и Ури стремительным выпадом прижал острие меча к кольчуге в том месте, где сам он получил смертельную рану. Лицо Ури свела судорога гнева, и он налег на меч всей тяжестью своего металлического тела.

— Никколо! — пронзительно закричал Ферранте. Наконец-то в его голосе прорвался чисто человеческий ужас.

«Он повержен, — думала Фьяметта. — Он по-

вержен». Но это не вызвало у нее радости.

Кольчуга лопнула, и меч погрузился в грудь Ферранте, рассекая плоть и остужая лезвие в крови. Ури долгое-долгое мгновение стоял, наклонившись и удерживая Ферранте в том же положении.

Из дверей замка выскочил Вителли и ударился о мраморную балюстраду, его черное, испещренное символами одеяние развевалось. Он торжествующе размахивал правым кулаком. На указательном пальце сверкало золотое кольцо с изображением бородатого мужчины.

— Ваша милость, вот оно!

Фьяметта испустила беззвучный стон, беспомощно сжимая кулаки. «Мы слишком мешкали». Ферранте перевел глаза на Вителли.

— Ты опоздал… Никколо. Нарочно?

— Нет, синьор! — Вителли завопил от ужаса, увидев меч в его груди. Но вышло это не совсем убедительно.

— Не… лги мне, Никколо. Ненавижу лжецов. Я видел, как ты прятался там. Выжидал. Видел белки твоих глаз. Будь прокляты твои глаза, Никколо… — Его рот остался открытым, лицо исказила агония. Ури наступил ему на грудь и выдернул меч.

Мгновение Ури колебался, настороженно поглядывая на колдуна. Его лицо так застыло, что он выглядел настоящей статуей. Затем в два прыжка, кроша мрамор, Ури очутился между Вителли и дверью. Вителли, опершись одной рукой о балюстраду, перескочил через нее на мощеный двор. Колени у него подогнулись, он охнул, но устоял на ногах, попятился и расправил бархатное одеяние.

— Ты в моей власти, симулакрум! — заверещал он, вперяя взгляд в Ури. — Хлад скует тебя там, где ты стоишь, и птицы будут вить гнезда в твоих ушах! — Он забормотал, взмахивая руками. Ури, решительным шагом спускавшийся к нему, стал двигаться медленнее. Багряное сияние потускнело, сменяясь блеском бронзы на его носе, ушах, пальцах ног. С мучительным усилием он занес руку с мечом.

— Пиро, пиро, пиропиропиро! — закричала Фьяметта. Ури встряхнулся, вновь став раскаленно-красным, и мягкой кошачьей походкой двинулся вперед, примеряясь для удара.

Вителли бросил на Фьяметту взгляд, говоривший. «Попозже. И тогда ты пожалеешь, что родилась на свет», — но тут же сосредоточился на Ури и начал пятиться, потирая новое кольцо.

Его тихое бормотание участилось, затем перешло в крик:

— Так я освобождаю тебя! Лети, отпущенный, и будь свободен!

Бронзовый Ури остановился как вкопанный. Вителли, торжествующе щурясь, выпрямился и неторопливо приблизился, чтобы хорошенько осмотреть застывшего героя.

— Нет! — простонал Тейр. — Он воспользовался заклинанием твоего отца, Фьяметта. Ну тем, каким он воспользовался, как ты рассказывала, чтобы освободить дух младенца из первого серебряного кольца Ферранте. Мы погибли! Да смилуется над нами Господь. И над Ури тоже! — Он поднял свой молот, косясь на Вителли, и глубоко вздохнул, готовясь вступить в безнадежную схватку.

Ухмыляющийся некромант обошел безмолвную статую.

— Нет! Погоди! — прошипела Фьяметта, вскочила и вцепилась в руку Тейра. — Не то, не то… Погоди!

Бронзовый Ури ухмыльнулся. Его шепот эхом отразился от стен замка:

— Ты не можешь меня освободить, Я не заключенный!

Его меч со свистом описал горизонтальный круг и снес голову Вителли. Но лишь после того, как его слова были услышаны и поняты, а потому последним выражением на этом лице с густыми черными бровями было, когда оно закувыркалось в воздухе, выражение полнейшей растерянности и отчаяния.

Голова упала, покатилась, замерла в неподвижности. Наступила тишина. Хлестал дождь. Фьяметта огляделась. Около ста человек жалось по сторонам двора, глядя во все глаза. В прорезях окон северной башни белели три смутных пятна — три женских лица. Почти все свидетели были монтефольские горожане, да несколько ошалелых лозимонцев, к чьим горлам были прижаты кинжалы. Из дальних закоулков замка доносились крики, истошные вопли, грохот — толпа разделывалась с последними солдатами Ферранте. Кровь Вителли, разлившаяся по булыжнику, чуть курилась паром, застывая. Поднимался пар и от Ури, стоящего под дождем. Багряное свечение угасало, и его поверхность начинала отливать металлическим блеском бронзы. Холод и тоска неизбывного одиночества сменяли в его глазах ликование победы. Вскоре ему придется уйти из своего временного металлического тела.

Уйти куда?

И где батюшка? Она вспомнила новое золотое кольцо на теперь мертвой руке Вителли и пошла к трупу. Надо забрать кольцо. Может, аббат Монреале знает, как поступить с кольцом. Конечно же, должен быть способ освободить батюшку из кольца, а кольцо — от воли Вителли. Не может же один мертвец владеть другим?

Тут Фьяметта с ужасом заметила, что к безголовому трупу ползет Ферранте. Синьор Лозимо не умер, как ей показалось! Видимо, раскаленное лезвие прижигало рану, и, хотя ребра у него были сломаны, Ферранте не истекал кровью так быстро, как Ури.

Она, опережая его, бросилась к кольцу. Тейр последовал за ней, держа молот наготове, хотя вряд ли Ферранте мог теперь кому-то угрожать. И все-таки в его непобедимой воле было какое-то жуткое величие — в воле, волочившей его бесполезное тело по мокрым от дождя булыжникам.

Но чуть только она протянула руку к Вителли, как волна холода отшвырнула ее назад, точно удар дубинки. Ферранте тоже вскинул руку, будто отражал незримый удар. Это усилие, видимо, разорвало что-то у него внутри: он хрипло вздохнул, темные глаза остекленели и остались

открытыми. Фьяметта скорчилась на булыжнике, смотря на то, чего не могло быть.

Над телом Вителли сгущалась фигура, словно ночной мрак обретал осязаемость. Темный человек — чернота более плотная, чем любая тень в освещенном факелами дворе. Фьяметте почудилось, что внутри черного человека она видит другие маленькие полупереваренные призраки, десятки и десятки, изуродованных, корчащихся в смертной муке.

— Ох, нет! — охнул Тейр. — Мы сотворили еще один призрак! Неужто этому не будет конца!

— Нет, — еле выговорила Фьяметта. — Хуже… куда хуже! Мы сотворили демона!

Где же батюшка внутри темного человека? Один из этих призраков выглядел совсем свежим и словно бы испытывал немыслимую боль…

Лицо темного человека обрело выражение, черты стали четкими и знакомыми. Черные глаза открылись, зажглись собственным красным огнем. Выглядел Вителли почти столь же ошеломленным, как Фьяметта. Он растопырил пальцы и уставился на них в изумлении. Один черный палец опоясывало яркое сияние. Вителли откинул голову и захохотал, смакуя свое продолжающееся существование и власть.

— Удалось! Я жив! Теперь я бессмертен! — Темный человек даже запрыгал от радости и отвесил иронический поклон в сторону Ури, остывающего, оглушенного. — Благодарю тебя!

И все ее вина, с горечью подумала Фьяметта. В одной из своих многочисленных проповедей на эту тему аббат Монреале назвал грехом непоправимую ошибку с роковыми последствиями. Теперь она видела перед собой такую свою ошибку и думала: «Восьмой смертный грех, конечно же, глупость». И невежество. Она не имела представления, как бороться с демоном, ни малейшего. Зато всем своим существом чувствовала, что стоит Вителли окончательно вырваться на свободу, и последствия будут ужасны.

— Что ты сделал с моим батюшкой? — дрожащим голосом спросила она у Вителли-демона.

Едва он перевел на нее красные-глаза, она поняла, что ей не следовало бы привлекать его внимание.

— Его воля теперь принадлежит мне, — прошептал Вителли, словно зашуршал лед. — Ты опоздала. — И улыбнулся адской улыбкой. — Он тоже опоздал! — Его лицо обратилось к воротам.

По булыжнику зацокали лошадиные копыта. Сердце Фьяметты подпрыгнуло, ей захотелось

закричать от радости и облегчения. Аббат Монреале поспешал к ним на выручку на белом коне!

— Фьяметта! Тейр! — восклицал он. Крик радости замер у нее на губах, едва она вгляделась получше. Во-первых, лошадь. Она знала этого мерина. Даже кавалерийское седло, которое где-то раздобыл Монреале, не могло скрыть прогнутую спину. Он стоял, тяжело, со свистом дыша, на седой морде краснели круги раздувавшихся ноздрей, и выражение у него было самое унылое, а колени дрожали. Нет, аббат Монреале, без сомнения, чудотворец, возлюбленный Господом, раз понудил этого одра подниматься по склонам.

Монреале подобрал серое монашеское одеяние, оголив ноги до колен, а сандалии сбились на сторону, так усердно он лупил пятками по бокам старика мерина. В руках он умудрялся держать поводья, свой пастырский посох и пару флаконов. Волосы под кустистыми бровями торчали во все стороны, а на лбу лиловела огромная шишка.

— Фьяметта! — крикнул он снова и осекся, увидев картину в центре двора. — Я собирался сказать, — продолжал он странным, мягким, почти домашним тоном, — Фьяметта, что бы вы ни делали, ни в коем случае не убивайте Вителли.

Его серые глаза вперились в красные глаза

темного человека, Фьяметта с облегчением и благодарностью почувствовала, что перестала служить средоточием внимания Вителли. В эту минуту Монреале выглядел нелепо. Если не считать его глаз.

Все так же пристально глядя на темного человека, Монреале перекинул ногу через понуренную голову мерина и легко спрыгнул на землю. Флаконы он засунул за пояс, поднял посох вертикально и задумчиво провел ладонью по всей его длине. Потом двинулся вперед и вдруг резко остановился, словно получив такой же удар холодом, как Фьяметта.

— Джакопо Шпренгер. Хотя твой дух расстался с телом, ты все еще отчасти существуешь в мире воли. Пока твоя воля свободна, ты еще можешь искренне раскаяться, исповедаться в грехах и подтвердить свою веру. Клянусь тебе, Бог превыше любого зла, какое ты можешь измыслить. Остановись. Остановись не медля и отврати свое лицо от греха!

Голос Монреале звучал страдальчески в своей искренности.

И Фьяметта поняла, что он трясся на разбитом одре всю ночь не для того, чтобы уничтожить Вителли, а чтобы его спасти. И она уловила в

этом страшную опасность. Вителли ничто не помешает обмануть Монреале, притвориться, чтобы аббат ослабил свою защиту. Как бы ни сомневался Монреале, совесть понудит его поверить Вителли.

Но Вителли, гордый своим могуществом, не снизошел до обмана. Темная фигура осенила крестным знамением непотребное место. А следующее ее движение оказалось не таким безобидным: когда в глазах Фьяметты перестали мелькать радужные пятна, а грохот в ушах затих, она увидела, что аббат Монреале стоит на коленях, но не молится. Однако он взмахнул посохом, отвечая ударом на удар. Вителли словно бы съежился, но лишь на миг.

Ури уже был не в состоянии помочь. На глазах Фьяметты он превращался в холодную бронзу, а в ней больше не было огня, чтобы вновь его раскалить. Она даже встать не могла, а упала на колени, потом на четвереньки и, наконец, распростерлась на мокром булыжнике. Пройди мимо какой-нибудь лозимонец, он без всякого труда перерезал бы ей горло, а она бы тупо подставила себя под нож. Тейр испуганно присел на корточки рядом с ней и потрогал ее за плечо.

Кольцо духов! Золото поблескивало на паль-

це безголового трупа всего в двух шагах от нее. Неудивительно, что магия духов столь редка! Так трудна и так ненадежна! Если бы она знала формулу снятия заклятия, как ее отец! И ей будто привиделась эта минута: поднятая рука Ферранте, треск, вспышка серебряного кольца, запах обожженной кожи…

Но ведь она знает кольца! Вложила частицу себя в золото своего львиного кольца. И она удерживалась там… удерживалась там…

— Структурой! — прошептала Фьяметта ошеломленно. Заклятие кануло в жидкий металл, как кристалл квасцов в воду, которой пользуются дубильщики, и создало структуру, такую же изящную и сложную, как узоры инея. У нее не осталось сил, чтобы оживить Ури, это правда. Но какие-то все-таки есть! А золото — более плавкий металл, чем бронза, а в кольце его не больше наперстка. Их хватит. Должно хватить…

— Пиро, — простонала она. — Пиро.

Золотая маска утратила четкость, поплыла, металл расползался каплями, а опоясанный им палец потемнел, зашипел, обуглился. Едкий запах горелого мяса ударил ей в ноздри.

Темный Вителли завопил, а сияние на его пальце-тени погасло. Он стремительно обернулся,

красные глаза, извергая пламя, остановились на Фьяметте. Она язвительно улыбнулась ему из объятий Тейра, не в силах пошевелиться.

Он словно набирал в грудь воздуха, рос, рос, превратился в спираль дыма, и она, извиваясь, заползла в разинутый рот бронзовой головы Медузы, которую Ури высоко поднимал застывшей левой рукой. Змеи на ней стали вишнево-красными и зашевелились. Веки головы разомкнулись, щелки глаз были как две раскаленные до белого каления свинцовые полоски. Лицо исказилось в гримасе, жуткие глаза широко раскрылись и отыскали Фьяметту.

«Он сейчас меня испепелит!»

— Тейр, прочь от меня! Назад! — Она попыталась вырваться из его рук, бессильных ее укрыть, но он в смятении только крепче сжал их. И тут между ней и омерзительной головой возник дождевой человек из удерживаемых воедино, повисших в воздухе алмазных капель, которые в свете факелов вспыхивали маленькими радугами. Насколько тень-Вителли был темен, настолько светло и ясно сиял он. И был изумительно красив. Мерцающая туника со сборчатыми складками, большой круглый головной убор, словно из парчи, расшитой дождем. Туман

кудрявился бородой у его подбородка, а глаза влажно светились.

— Батюшка! — ликуя, прошептала Фьяметта. Он послал ей воздушный поцелуй… или просто на щеку ей упала холодная капля дождя? Она потерла щеку в трепетном недоумении.

Из глаз Медузы вырвались два огненных луча. Все капли воды, оказавшиеся в них, заклубились облаками пара, но дождевой человек тут же возник снова, став чуть белее, потому что к каплям теперь добавился туман.

— Вылезай-ка оттуда! Она моя! — ворчливо потребовал мастер Бенефорте, пригнулся и сложил ладони ковшиком.

Медленно, точно деготь, изо рта медузы наружу поползла чернота, и дождевой человек опрокинул ее в себя. И Фьяметта увидела там корчащегося черного человечка, исходящего в беззвучных воплях. Мастер Бенефорте обернулся к аббату:

— Быстрей, Монреале! Отправь нас теперь же вместе, пока я удерживаю его. Долго я так не смогу.

Монреале тяжело оперся на посох. Он выглядел оглушенным.

— Где… где лежит твое тело, Просперо?

— Швейцарский мальчишка знает.

— Тейр! — Аббат Монреале обернулся к нему. — Иди сейчас же, возьми в подмогу этих двоих (как раз подоспели два монаха, видимо, отставшие от своего настоятеля) и принеси сюда смертные останки мастера Бенефорте. Не мешкай.

Тейр кивнул, ухватил свой молот и припустил через двор, махнув монахам, чтобы они следовали за ним. В замок они вошли через боковую дверь.

Монреале осторожно подошел к голове Вителли, подобрал ее и приложил к перерубленной шее. Потом опустился на колени, совершил обряд, побрызгав на труп из одного флакона, и склонил голову в молитве. Человечек внутри дождевого человека забился в конвульсиях и затих.

Когда Монреале поднялся с колен, мастер Бенефорте заметил:

— Мне понравилась эта твоя коротенькая проповедь о свободе воли. Но ведь мне всегда нравились твои проповеди, Монреале. Случалось, они на полдня возвращали меня на стезю добродетели.

— В таком случае жаль, что ты не слушал их чаще! — По губам аббата пробежала улыбка.

— И ты предупреждал нас, как смерть застигает

человека врасплох, не готовым к ней. И я никак не был готов к этой странной полумере. — Он шагнул к Монреале, весь переливаясь, чтобы их не могли услышать охваченные благоговейным ужасом зрители, которые робко подходили все ближе. Он понизил голос до шелеста капель, сбегающих по ставням. — Благослови меня, отче, ибо я согрешил…

Монреале наклонил голову, и голос продолжал шелестеть, пока не появился Тейр с окостенелой, завернутой в реднину фигурой на носилках, которыми служила крышка от большого соснового ящика. Монреале благословил дождевое обличье, а потом повторил обряд над телом, от которого дух отлетел не совсем.

Фьяметта тихонечко приблизилась к дождевому человеку и спросила робко:

— Мы хорошо его отлили, батюшка? Вашего великого Персея?

— Велика дерзость для двух неучей… — начал он и вдруг оборвал свое обличение на полуслове и приподнял перед ней головной убор, точно лишь сейчас увидел ее по-настоящему, и чуть улыбнулся. — Сносно, сносно.

Только сносно?! Ну… да ведь это батюшка. А он добавил:

— Выходи за швейцарца, если хочешь. Он честный молодой олух и не предаст тебя. Лучшего ты ни с какими деньгами не найдешь. Да, кстати о деньгах. Руберте полагается сто дукатов. Так обозначено в моем завещании. Оно у Лоренцетти, нотариуса. Прощай, веди себя хо… — Его радужная оболочка заколыхалась от бешеных прыжков черного человечка внутри. — И, Фьяметта, если уж ты не можешь вести себя хорошо, будь хотя бы осмотрительной! — Он обернулся к Монреале: — Отче, действие твоей проповеди на исходе. Отошли нас скорее. Пока у меня еще остается воля удерживать его.

— С Богом, мой друг, — прошептал Монреале и осенил его последним крестным знамением.

Рассыпались дождевые капли. И не осталось ничего. Тейр умоляюще простер руки к Монреале:

— Отче! Вы не благословите Ури? Моего брата?

Монреале заморгал, словно приходя в себя.

— Ну конечно, юноша. — Он с трудом обернулся, еле сохраняя равновесие.

Тейр подхватил его под руку, и они вместе приблизились к статуе. Застыла она точно в той позе, которую получила при отливке, но в глазах еще сохранялась, тускнея, живая искорка. Каким

ощущал он это металлическое тело? Тот же жар, который оживил его, не позволил обнять брата или поцеловать на прощание Фьяметту.

А она на коленях молилась ниспослать ей силы и в последний раз пробормотала «пиро!». Но только бронзовые губы стали вишнево-красными.

— Благослови меня, отче, ибо я согрешил, — прозвучал неживой голос будто дальние переливы флейты. — Хотя далеко не так, как мне хотелось бы.

Уголки рта Монреале дрогнули, но он прошептал:

— Не шути. Не трать понапрасну малое время, которое тебе осталось.

— Все мое малое время было истрачено понапрасну, отче, — вздохнул замирающий голос.

Монреале согласно склонил голову:

— Это достаточно полная исповедь. Не отчаивайся, ибо это грех. Надейся, юноша.

— А мог ли я надеяться на покой? Я так устал…

— Ты будешь покоиться с совершеннейшим миром. — К тому мгновению, когда руки Монреале опустились, перед ними стояла всего лишь бронзовая статуя.

Но не совсем такая, как в первоначальной отливке, вдруг заметила Фьяметта. Безмятежное

греческое лицо не возвратилось. В бронзе навеки запечатлелись собственные выразительные, далекие от безупречности черты Ури. В уголках губ даже пряталась веселая усмешка, совсем уж чуждая классическому оригиналу.

И с дрожью она убедилась, что изменилось и лицо Медузы. Темный Вителли обрел бессмертие, которого ждал. Своего рода.

Глава 19

Тейр поднес ладонь к лицу статуи. Хотя бронза перестала светиться, прикоснуться к ней пока еще было нельзя. Но даже если бы Тейр не побоялся обжечься, Ури там все равно уже не было. А дождь скоро остудит металл. Тейр запрокинул голову, чтобы холодные капли смешивались с горячими, ползущими по его щекам, чтобы никто из этих посторонних не стал свидетелем его горя. Ури больше не будет в их мире, они скоро забудут, что он жил и смеялся. «Но клянусь, я буду помнить».

Тейр смахнул влагу с глаз и увидел, что в разбитые ворота вбегают солдаты — монтефольские гвардейцы. Двое-трое удивленно указывали на статую, узнав черты своего покойного капитана, но тут же поспешили дальше. Фьяметта стояла под искрящимися дождевыми каплями, такая маленькая, измученная, насквозь промокшая. Выбившиеся из косы непокорные черные кудри прилипли к коже, словно потеряв упругость. Тейр был бы рад накинуть на нее плащ, но он и сам стоял полуголый в старом одеянии, прилипшем к

бедрам. Он натянул его на плечи, дрожа отчасти от холода, отчасти от пережитого. Вокруг его босых ног разливалась лужа. Фьяметта повернула измученное лицо к Монреале:

— Как вы добрались сюда, отче? Когда вас унесли в монастырский лазарет во власти заклятия Вителли, вы были бледным и неподвижным, точно мертвец. Брат Марио не допустил меня к вам.

Монреале, раздвинув обутые в сандалии ступни, тяжело опирался на посох. Он отвел задумчивый взгляд от остывающей бронзы.

— Заклятие утратило власть надо мной вчера поздно вечером. Это ты сделал, Тейр?

— Я… может быть, отче. Я точно не знал, какое заклятие обезвредил, когда смахнул со стола символы, но Вителли это отвлекло. А я почти тут же выбрался из темницы вместе с телом брата.

— Вот как! — сказал Монреале. — Я очнулся, но мне было очень скверно, и целители продержали меня в постели до утра, а тогда мне прибавилось сил, чтобы поставить на своем. Но я только днем услышал, Фьяметта, что ты исчезла из монастыря, и никто не знал, как давно. Я послал моих птиц, но выяснил только, что Ферранте и Вителли нигде не видно и что Тейр не висит на стене надвратной башни замка. С офицерами Сандрино

мы решили, что должны напасть, как задумали накануне. Но я знал, что должен подобраться как можно ближе, прежде чем вновь схватиться с Вителли. Его силы явно необычайно окрепли. Мы приготовились к ночному штурму, чтобы темнота скрыла нашу малочисленность…

Он устало потер затылок. Глаза его сощурились и замерцали под воздействием воспоминаний об этих недавних часах.

— Мы сделали вылазку, когда стемнело, и схватка с осаждавшими задержала нас. В конце концов мы прорвались и направились к городу. Лошадей у нас было мало, и они требовались солдатам, но кто-то из братии увидел белого мерина, пасущегося среди наших овец. Наших уцелевших овец. Это одер, которого твой отец купил в Сеччино, Фьяметта? Его бесстыдно ограбили. Но… он, полагаю, все-таки помог мне сберечь силы. А когда мы приблизились к городским воротам, намереваясь вступить в отчаянный бой, с лозимонцами там уже разделалась толпа горожан. И вместо того, чтобы увлечь монтефольцев за собой к замку, мы последовали за ними. К этому времени я узнал, что ты, Фьяметта, ведешь какое-то магическое нападение, и я погнал мерина как мог, в великом страхе, что демонические силы Вителли стали

достаточно мощными, чтобы возобладать над смертью. Как оно и оказалось. — Монреале скорбно вздохнул. — Правда, этот немощный старик вовсе не воображал себя равным противником этой черной силы.

— И все же вы поспешили сюда, — сказал Тейр.

— Отче, без вас мы бы погибли. То есть… — Фьяметта задумчиво сдвинула брови, — никто из нас в одиночку не мог противостоять Вителли. Батюшка мог удерживать Вителли, но не покончить с ним. Вы могли навсегда изгнать его из этого мира, но только если кто-то его удерживал. И мы никогда не ворвались бы сюда без Ури, а он не был бы сотворен без Тейра. Пусть сами по себе мы слабы, но вместе оказались славным отрядом.

— Ха, — произнес Монреале, полузакрыв глаза и медленно улыбнувшись. — Не этот ли урок преподал мне Господь? Устами младенца…

— Я не младенец, — решительно возразила Фьяметта.

— Дитя, с высоты моего полувека вы все выглядите младенцами. — Монреале крепче обхватил посох и выпрямился с большим трудом. Он несколько мгновений смотрел на бронзовую статую. — Нет, ты не младенец. А потому подвержена всем опасностям, которые грозят взрослым

женщинам.

— Отче, — сказал Тейр, — вам надо бы кое-что осмотреть до того, как там что-либо тронут. Я оставил одного из ваших монахов стеречь дверь.

Монреале кивнул:

— Проводи меня, юноша, ибо нам еще нужно сделать многое!

Тейр повел его в замок через вход для слуг и вниз по теперь уже таким знакомым лестницам и коридорам в темницу. Ну хотя бы тут их не мочил дождь! Монах нес факел перед своим настоятелем. Тейр не совсем понимал, как могут ходы и помещения, пробитые в скале, быть ночью темнее, чем днем, но выглядели они именно так. Силы, которые придавал ему беспощадный ужас, убывали, и он то и дело натыкался на стены. Он начал прихрамывать, все его мышцы словно заржавели, были полны песка; при каждом шаге их пронизывала боль, и они тупо ныли, когда он останавливался.

Решетчатые двери темниц стояли распахнутые, и узников там почти не осталось. Те, кто не ослабел, кинулись принять участие в схватке. Ослабевших и больных уводили и уносили горожане, родственники и не родственники.

Тейр во главе своей маленькой процессии спу-

стился в нижнее помещение. Белый как полотно монах стоял перед сокрушенной, разбитой в щепу дверью комнаты, где некромант вершил свои черные дела. Первым вошел Монреале, и Тейр зажег от единственной горящей свечи все оставшиеся огарки.

Монреале со свистом выпустил воздух сквозь сжатые зубы. Козлы были опрокинуты, ящик перевернулся и треснул, соль высыпалась, когда Тейр и монах срывали с него крышку, торопясь унести тело мастера Бенефорте. На полу извивались линии сложной двойной фигуры. Одна половина пустовала — Тейр сам забрал оттуда смертные останки, когда перепуганный монах отказался прикоснуться к ним. Вторая половина обрамляла еще один труп. Молодого мужчины, страшно изуродованный, с перерезанным горлом.

— Вот та сила, с помощью которой они сумели все-таки загнать батюшку в кольцо духов, — прошептала Фьяметта, боязливо взглядывая на Монреале. — Новый призрак! Я же видела его внутри Вителли, отче! — Она отвернулась, закрыла глаза и сглотнула.

Ведь это мог бы быть он сам, подумал Тейр, решаясь взглянуть лишь искоса.

— Кто этот бедняга, отче?

Монреале облизнул губы, осторожно приблизился и опустился на колени у головы мертвеца. Но какие бы чары ни породило это черное злодейство, они, видимо, уже рассеялись.

— Да, я знаю этого юношу. Один из моих монахов… Лука было его имя. Он тот, кого я послал сюда лазутчиком за два дня до тебя, Тейр, и о ком больше ничего не слышал. Вителли, видимо, выбрал его среди узников для вот этого, после того как ты спасся. У него семья в городе — родители, братья, сестры… Убийство, чернейшее убийство! — Он склонил голову в глубокой скорби и начал читать заупокойную молитву.

Когда он поднялся на ноги, Тейр спросил с беспокойством:

— Может, заколотить дверь досками или как-нибудь еще закрыть вход сюда?

Монреале мрачно пожевал нижнюю губу, а потом обошел помещение, пряча испуг и осматривая все свидетельства некромантии со спокойной внимательностью человека, которому предстоит написать подробный отчет.

— А? Да нет… — Он собрал валявшиеся на столе бумаги и записи. — А вот это тут лучше не оставлять. Нет, Тейр, напротив. Эту комнату надо

оставить открытой, с тем чтобы все солдаты, все горожане могли ее увидеть. Пусть свидетельства козней Вителли и Ферранте станут известны как можно большему числу людей. — Он помолчал. — Во всяком случае, всем тем, кто видел, как бронзовая статуя прошла по городу и сразила мечом двоих. По меньшей мере им.

Он повернулся на каблуках к Тейру и Фьяметте.

— Вы двое знаете, что было вами сделано, и мы еще обсудим это. Но позднее. Первые сообщения архиепископу, в курию и генералу моего ордена напишу я. А пока… не сомневайтесь, что о событиях этой ночи поползут всевозможные и самые невероятные слухи. Уповаю, что связаны они окажутся больше с Вителли, чем с вами. Вы понимаете?

Фьяметта неуверенно кивнула. Тейр покачал головой с искренним недоумением. Монреале поманил его к себе и понизил голос:

— Послушай, юноша, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы Фьяметту допросила инквизиция. В конце первого же дня они ее сожгут только за ее слишком острый язычок, и других доказательств им не потребуется. Понимаешь?

— А-а… — Да, Тейр понял.

— Если любишь ее, помоги ей держать голову пониже, а рот на замке. Церковная политика — мое дело. Если понадобится… кое-кто мне кое-чем обязан, но Фьяметта должна стараться не наступать на ногу соседям и не выглядеть… особенной. Не то может оказаться, что я не сумею предотвратить последствия.

— Э… а выйти замуж и открыть мастерскую в доме отца… это сделает ее особенной?

— Нет. Это было бы превосходно. Вот открыть мастерскую, не выйдя замуж, было бы опасно.

Тейр повеселел:

— Я ей во всем помогу, отче, только бы она позволила!

— Лучше, юноша, будь готов помогать и во многом другом, если понадобится, — сухо бросил Монреале.

— От всего сердца, монсеньор.

Монреале кивнул Тейру и повернулся к двери. Тейр задержался и бросил последний расстроенный взгляд на принесенного в жертву молодого человека в запекшейся луже его же крови:

— Он стал… козлом отпущения за меня.

Лука. Он обязан запомнить это имя, как надеется, что другие люди не забудут имени Ури.

Монреале пожевал губами.

— Да, в каком-то смысле… хотя умри ты вчера, это не спасло бы его сегодня вечером. Тем не менее ты каждое воскресенье будешь ставить ему свечу в монтефольском соборе и молиться о его душе.

— Да, отче, — сказал Тейр, слегка утешенный. Монреале кивнул, и они вышли следом за ним.

В верхнем, теперь опустевшем коридоре Тейр услышал слабый стон.

— Погодите… — Он бросился к последней темнице. Да, на соломе там лежало скорченное тело. — Почему эту дверь не открыли? Где ключ? — крикнул он.

Из комнатки стражи вышел пожилой горожанин, побрякивая связкой ключей.

— Нам сказали, что он помешанный. А когда придет сержант, взять ключи?

— Я их возьму, — сказал Монреале, забирая у него связку. Ее он передал Тейру, который нагнулся над скважиной.

Синьор Пия лежал один в темнице под тонким одеялом. Лицо у него было совсем землистым, остекленевшие глаза, казалось, не узнавали Тейра. Рану в плече ему не перевязали, и на ней комьями запеклась кровь. Судя по множеству синяков, его безжалостно избили, когда поймали

в последний раз. Чтобы разрешить свои сомнения, Тейр высунул голову в окошко. В отверстии с краю сохранился один прут, и к нему были привязаны шелковые чулки-трико, а к их нижнему концу — еще одни. Вдоль обрыва свисала намоченная дождем самодельная веревка! Как просто. Тейр ощутил облегчение, но и легкое разочарование. Значит, синьор Пия не слетел в темную берлогу Вителли огромным нетопырем вчера вечером, как бы ему этого ни хотелось.

Монреале послал за помощью, так что вскоре бедняга кастелян был уложен на широкую доску, на которой крепкий монах и еще один горожанин понесли его впереди них. Когда они вышли во двор, там возбужденно кричащие люди толпились вокруг герцогини Летиции, освобожденной из башни. Она призвала к себе уцелевших офицеров Сандрино и поручила им очистить замок, во-первых, от еще не схваченных лозимонцев, а во-вторых, от монтефольцев, которые ни за что не позволили бы себе поживиться имуществом своего покойного герцога, но не видели ничего зазорного в том, чтобы отобрать у взятого в плен или убитого лозимонца его добычу. Монреале тут же был втянут в человеческий смерч вокруг герцогини.

Дама Пия кинулась к мужу в страшной тревоге. Однако синьор Пия как будто узнал ее вопреки своей крайней слабости и помрачению рассудка. Он чуть-чуть улыбнулся ей, когда она опустилась на колени возле носилок, и взял ее руку. Она тут же приказала оказавшимся рядом мужчинам отнести его в их комнаты в башне, которые вновь из места заключения стали домашним очагом. И, не слушая никаких возражений, увела туда целителя-монаха из свиты Монреале.

Каким-то образом весь этот ночной хаос оставил их с Фьяметтой в стороне, сосредоточился вокруг Монреале и герцогини. Тейр только обрадовался. Дождь стихал, превращаясь в сеющуюся водяную пыль. Тейр обнял Фьяметту за дрожащие плечи.

— Думается, мы можем теперь отнести тело твоего отца к тебе домой.

— Если мой дом еще стоят. А… а Ури?

— Ты о статуе? Оставим здесь, что же еще? Ведь теперь это просто статуя. И без двух упряжек волов ее не украсть.

Фьяметта кивнула. В дрожащем полусвете ее глаза казались очень большими. Они пробрались к крышке от ящика с завернутым телом на ней.

— Тейр, я не смогу нести свой конец, — сказала

она с тревогой.

— Да и у меня сейчас вряд ли получится, — честно ответил Тейр. — А свою лошадь ты хочешь забрать?

Белый мерин тоскливо обнюхивал булыжник, на котором не росла трава. Он смирно стоял на месте, и почему-то никто не попытался увести его, пока Монреале смотрел в другую сторону. Тейр просто подошел к нему и почесал за ушами. Мерин потерся о него мордой, царапая ему кожу бляшками уздечки и осыпая его мокрыми белыми волосками.

Тейр отдал поводья Фьяметте и пошел на поиски веревки. В конюшне с гвоздя свисал моток, который никто не стал у него оспаривать. Один конец Тейр привязал к стремени, затянул в тугой петле крышку у верхнего края и завязал другой конец на втором стремени, превратив крышку в подобие волокуши. Белый мерин услышал позади себя скрежет, испуганно раздул ноздри и отпрянул в сторону. Тейру представилось, как взбесившаяся от страха лошадь мчится, не разбирая дороги, а позади нее подпрыгивает, только-только не переворачиваясь, мастер Бенефорте, которому уже не придется больше никогда и никуда ездить. Но мерин тут же перешел на

свой обычный вялый шаг, и Тейр счел, что может подсадить Фьяметту ему на спину, ничего не опасаясь. Она обеими руками вцепилась в длинную гриву и почти припала к толстой шее. Тейр повел мерина к разбитым воротам замка и дальше с холма.

Ночь близилась к концу, и улицы Монтефольи затихли. Им повстречались только две компании возбужденных мужчин с факелами, но они прижались к домам по сторонам узкой улицы, давая дорогу мерину с его грузом. Тейр был измучен и постарался просто их не замечать. И они добрались до разбитой двери Фьяметты, так никем и не окликнутые. Стены все еще стояли, не провалилась и черепичная крыша. Приятная неожиданность!

Тейр помог Фьяметте слезть с лошади. Она, спотыкаясь, пошла в дом. Онемевшими пальцами Тейр развязал узлы на стременах и крышке ящика. К этому времени появился Тич с фонарем и увел мерина через ворота в сад. Вместе они привязали его подальше от грядок с весенним луком и салатом, и Тич принес ему ведро воды, которую он жадно выпил и с благодарностью громко фыркнул, обдав Тича брызгами слюны. Но туника Тича особенно не пострадала, так как

уже была покрыта коростой грязи и золы.

— Утром надо будет найти для него корм, — тоном знатока объявил Тич. — Этой травки надолго не хватит.

— Да уж, ему этого только на один зуб. Утром я помогу тебе отыскать твоих мулов.

Тич удовлетворенно кивнул, и они заперли ворота. С помощью Тича Тейр внес носилки с мастером Бенефорте в парадную комнату и положил его рядом с Ури, которого кто-то перенес в это тихое место.

— Их надо будет поскорее похоронить, — сказал Тейр. — Как положено.

— Завтра в Монтефолье будет много похорон, судя по всему, — заметил Тич.

— Ну, для них выберут время, — ответил Тейр. — Я уж позабочусь!

— Руберта постелила нам в прихожей, — сообщил Тич, — чтоб мы заодно сторожили вход, пока дверь снова не навесят.

Тейр чуть улыбнулся:

— Не думаю, что кто-нибудь посмеет сунуться в этот дом.

Постелила! Какое чудесное слово. Тейр готов был заплакать при мысли о таком добросердечии: ему постелили постель?

Тич тут же улегся, но Тейр, спотыкаясь, вновь вышел во двор, где мерцал свет то ли свечи, то ли фонаря. Оказалось, что и свечи, и фонаря. Фьяметта прилепила огарок в грязи рядом с ямой для отливки, теперь пустой, и поднимала фонарь повыше, чтобы лучше осмотреть двор.

Там царил полнейший хаос. Брошенный горн, зияющая яма, обломки мебели, разбросанные инструменты. Центральная часть галереи сгорела. Беленая стена была черной от копоти, а по сторонам опасно торчали обгоревшие балки.

— Но пожар-то они погасили! — радостно заметил Тейр.

— Да, — сказала Фьяметта. — Руберта, Тич и соседи. Я не знала… что у меня такие друзья. — Она тяжело опустилась на засыпанные угольками плиты. Останки бархатного платья влажно облепляли ее фигурку. — Ах, Тейр! Мой бедный, бедный дом!

— Ну-ну! — Он осторожно сел рядом с ней и погладил ее трясущиеся плечи. — Утром он, наверное, будет выглядеть получше. Я помогу тебе со всеми починками. Галерея — это чепуха. Я ведь ставил крепи в руднике. И такую отстрою тебе галерею, что она никогда не провалится.

Из ее дрожащих губ вырвалось не то рыдание,

не то смешок, Тейр не понял.

— Есть ли хоть что-нибудь, чего ты не умеешь?

— Не знаю, — ответил Тейр, подумав. — Я ведь всего не пробовал.

— А ты бы хотел все попробовать? — Ее бровь насмешливо поднялась.

Тейр поглубже вдохнул воздух для храбрости.

— Я хотел бы попробовать стать твоим мужем.

Она часто-часто заморгала и протерла глаза перепачканной в саже рукой.

— Я буду плохой женой. Слишком у меня острый язык. Так все говорят. Тебе ни минуты покоя не будет.

Тейр наморщил лоб.

— Так это «да» или «нет»? Ну послушай, где еще ты отыщешь жениха, готового взять в жены девушку, которая в любую минуту может его подпалить?

— Да никогда! — Она возмущенно выпрямилась. — Но я правда даю волю языку — так батюшка говорил. И у меня мало терпения.

— А у меня много, — отозвался Тейр. — Его хватит на двоих.

— С загустевающей бронзой ты был не слишком-то терпелив! — Уголки ее губ вздернулись.

— Да, но… мне же требовалось, чтобы она была

безупречной! — А теперь ему требовалось красноречие. Зачем он начал этот разговор, когда на него навалилось такое утомление, что в глазах двоится? Он поднял голову и испугался: за черным квадратом крыши небо стало оранжевым. В городе пожар? — Почему небо такого странного цвета?

Фьяметта, в свою очередь, подняла голову.

— Заря, — сказала она после долгой паузы. — Тучи расходятся.

И правда, темно-синие нагромождения туч были обведены медовой каймой.

— А-а… — Голова у него была словно набита кашей. Фьяметта хихикнула и чихнула. Это ей нужно лежать в постели! И переодетой в сухое! Он притянул ее к себе и обнял, согревая. Она не сопротивлялась, И даже обняла его за шею. Так они и сидели под светлеющим небом.

— Он выглядит похуже, — сонным голосом заметила Фьяметта.

— А? — Тейр вздрогнул и проснулся.

— Он выглядит похуже. Утром.

Тейр взглянул над вороньим гнездом ее волос на то, что прежде было двором.

— Ну да.

Фьяметта сморщила нос.

— Да.

— Что — да? — спросил Тейр после паузы, сообразив, что понятия не имеет, о чем она говорит.

— Да. Я хочу выйти за тебя замуж.

— О! Отлично! — Он заморгал и крепче обнял ее.

— По-моему, это потому, что ты понимаешь безупречность. Чего она требует.

— Чего?

— Вот почему я тебя люблю.

На его окаменевшее от усталости лицо пробралась медленная усмешка.

— Конечно. Вот почему я люблю тебя.

Эпилог

Как и замыслил зодчий, утренний свет дня летнего солнцестояния, вливаясь в верхние окна Монтефольского собора, падал широким лучом на аналой. Свет этот заиграл в гранате львиного кольца, когда Фьяметта надела его на палец Тейра. Он блистал, как рубин, как звезда. Золотая львиная маска, казалось, замурлыкала в руке Фьяметты, точно напившаяся вдоволь сливок и всем довольная самая огромная из кошек. Тейр это тоже почувствовал, решила Фьяметта, потому что улыбнулся, будто сам был котом, напившимся сливок. Он обнял ее так, что ребра затрещали, и не отпускал, пока епископ Монреале не кашлянул. А тогда они послушно стали рука об руку, чтобы принять его завершающее благословение. Фьяметта не могла решить, какое одеяние больше подходит Монреале — серое монашеское или вот это облачение из алого шелка и высокая епископская митра. Пожалуй, равно оба. Монреале не принадлежал к тем, кого создает одежда, а потому в любой он выглядел величаво.

И Тейра одежда не делает, продолжала она раз-

мышлять, а показывает, какой он. Она то и дело радостно косилась на него, даже когда благоговейно склонила голову. Его брачный наряд она увидела лишь сегодня — плод заговора между ним, Рубертой и портным. А вот штуку шелка они из бережливости купили одну на двоих, и поэтому его зеленая туника гармонировала с ее распашным платьем. Однако искусный портной сумел заложить подобающее число складок. Благодаря его прямой осанке скромная отделка рукавов и нижнего края позументами выглядела не простенько, а изящно. А сколько знатных синьоров с тощими кривыми ногами позавидовало бы крепким икрам, которые белые шелковые чулки обтягивали без единой морщинки. Новые блестящие башмаки, а что у него всего одна пара сапог, другим знать не обязательно. Его белокурые волосы были убраны под щегольской головной убор из темно-зеленого сукна с позолоченной бляхой работы самой Фьяметты. «Кусайте пальцы от зависти, монтефольские дамы! Он мой!» Свое обручальное кольцо Фьяметта тоже отлила сама — но на этот раз без заклинания — с маской львицы. Ее крохотные золотые зубы сжимали ограненный зеленый камешек, позаимствованный из глаза серебряной змеи-пояса.

Он, как и его пара, оказался при проверке настоящим изумрудом. Ну а целомудренная змея пусть пощурится, пока она не соберет деньги купить замену. Фьяметта чуть повернула руку, чтобы изумруд сверкнул, и наклонила голову ниже, пряча гордую усмешку.

Они повернулись принимать поцелуи, объятия и горячие поздравления свидетелей — кто-то, как Лоренцетти, нотариус, пожал им руки. Тич чмокнул ее в щеку. Руберта обняла всех, утирая глаза. Мать Тейра схватила Фьяметту за обе руки и одарила ее ласковой улыбкой, хотя в полных слез глазах все еще пряталось пытливое сомнение. Время рассеет это сомнение, заверил Монреале Фьяметту в беседе с глазу на глаз. И потому Фьяметта улыбнулась в ответ, уповая, что так оно и будет.

Тич самолично доставил вдову Окс из Бруинвальда, в первый раз отправившись в путь со своими мулами. В конце концов ему удалось вернуть их — кроме двух. Без его усердных уговоров и услуг пожилая женщина, возможно, и не решилась бы расстаться с домиком, в котором прошла почти вся ее жизнь, и отправиться в путь, суливший и печаль и радость — на могилу одного сына и на свадьбу другого. Тейр и Фьяметта с

тревожным нетерпением ожидали ее приезда, так как согласились сыграть свадьбу на следующий же день. Она оказалась тихой женщиной, и было видно, как преданно она любит Тейра. Быть может, этот ее взаимный интерес с невесткой поможет им сблизиться. Его свадебный наряд явно привел ее в восторг.

Перед тем как выйти из собора, они свернули в один из приделов, которому более года назад мастер Бенефорте принес в дар несравненное распятие — Христос из белого мрамора на черном мраморном кресте, и теперь оно было приделано к стене железными скобами. В ответ капитул уважил его смиренную просьбу и дозволил установить под столпами Господа Нашего каменный саркофаг. Фьяметта не истолковала эту просьбу как дурное предчувствие, потому что сам он саркофаг так и не заказал. Камнерезчики, которых наняла она, завершили гробницу всего неделю назад, но, как бы то ни было, теперь можно опуститься перед ней на колени и возложить на нее свой свадебный букет.

— Покойтесь с миром, батюшка, — прошептала она.

К жгучему своему сожалению, ей не удалось найти смертную маску матери. Самые тщатель-

ные поиски в разгромленном доме не привели ни к чему, как и расспросы соседей, вернувших себе кое-что из украденного имущества. Даже особый талант Тейра на этот раз не помог, хотя он часами сосредоточенно обходил Монтефолью, мысленно разбив ее на квадраты. Видимо, бронзовую маску увезли из города.

«Я колдунья. И если буду искать со всей душой, я наконец найду вас, матушка, — безмолвно поклялась Фьяметта. — Когда-нибудь. Когда-нибудь».

Поднявшись с колен, она увидела, что позади нее стоит Монреале и глядит на Христа — взглядом не благочестивца, но знатока искусств, как свидетельствовали его слова:

— Чудесно. Пропорции необычны, но они притягивают глаза и мысли.

— Он, говорил мне батюшка, был изваян не с натуры, а по ниспосланному ему видению, когда он был брошен в Риме в темницу по… э… по ложному обвинению, сказал он.

— Да, он мне рассказывал. Видение, во всяком случае, было истинным. — Монреале задумался. — Ну теперь он покоится под взором, перед которым я прах. Благо ему, что у него такой хранитель. Кстати, о хранителях. — Аббат обернулся к ней. — У меня есть для тебя свадебный

подарок. — Из складок своего одеяния он извлек сложенный лист пергамента и протянул ей.

Она торопливо развернула похрустывающий лист, прочла и дважды подпрыгнула высоко в воздух…

— Чудесно! Мое цеховое разрешение! Теперь я могу не только делать и продавать металлические безделицы, но творить и продавать заклятия!

— Только с помощью заклинаний, проверенных и одобренных для твоей ступени, — предостерег он. — Официально ты записана как мой подмастерье, так что я отчасти несу ответственность за последствия твоих действий. Следить за тобой ежедневно, как положено мастерам, я не смогу, но не сомневайся, проверять твою мастерскую я буду часто. — Для пущего впечатления он умудрился строго нахмуриться. — И я не потерплю бенефортовских штучек, на какие был горазд твой отец!

— Конечно, монсеньор! — Фьяметта еще раз подпрыгнула и обняла Тейра. — Теперь мы потрудимся!

Тейр ухмыльнулся, разделяя ее сияющий восторг. Монреале понизил голос, чтобы слышала его она одна:

— Я говорю совершенно серьезно, Фьяметта! Мне пришлось вести себя сугубо осторожно с советом инквизиции касательно дела покойного и проклятого Вителли, чтобы ты не оказалась в нем замешанной. В отчете указано, что дух Ури сам проник в статую, в результате промаха в волхвованиях Вителли. Не советую тебе вновь привлекать к себе их внимание.

— Так ведь так и было! — вполголоса возразила Фьяметта. — Я ведь не вынуждала, а только направила его.

— Я постарался не утруждать их умы столь тонким различием. Считай, что дело закончено под моим ручательством как твоего мастера, и не обсуждай его без моего разрешения. А?

Фьяметта улыбнулась:

— Слушаюсь… мастер.

Монреале кивнул с мрачным удовлетворением. Благословив всех присутствующих, он удалился: его ждали дела не только епархии, но и канцлеровские, так как он оказался главным советником герцогини Летиции в ее непривычной роли регентши при малолетнем герцоге Асканио.

Новобрачные и свадебные гости вышли под чудесные лучи утреннего солнца, заливавшего ступени собора. Руберта и Лоренцетти поспешили

пешком в дом, чтобы посмотреть, как накрывают столы — она, и вскрывают бочку вина — он, до того, как там соберутся все соседи, помогавшие тушить пожар.

— Да как я могу поручить этой нанятой девчонке проследить за моими пирогами? — сердито фыркнула Руберта.

Кобольдов не пригласили. Да и после безумного вечера заклинаний и отливки Фьяметта ни разу даже не видела ни единого из этих застенчивых гномов. Однако миска козьего молока, которую она теперь ежевечерне ставила на полу овощного подвала, наутро неизменно оказывалась пустой.

Тейр подсадил свою мать на белого мула, которого одолжил им Тич, а Фьяметту на их белого мерина. Накануне Фьяметта собственноручно мыла и чистила обоих, так что белизну их шерсти не портил ни единый комочек присохшего навоза. На ночь она зашпилила на них старые простыни, чтобы сохранить плоды своего труда. Копыта обоих были вычернены, а в расчесанные гривы и хвосты вплетены яркие ленты. Вогнутую спину мерина маскировали подушечки и цветочные гирлянды, и Фьяметта ловко расправила над попоной зеленую юбку распашного платья и белую — нижнего. Словно польщенный этими

заботами, старый коняга грациозно изгибал шею, гордо шагая по булыжнику. Тейр шел между ним и мулом. Они покружили по улицам и начали подниматься на холм к замку Монтефольи.

Стены окутывало приветливое солнечное сияние, будто не они зловещей преградой вставали там в полуночной тьме шесть недель назад. Всего шесть недель? Словно все это случилось давным-давно и в другом мире. Едва лозимонское войско получило известие о смерти своего вождя и его темного секретаря, как оно повернуло от пограничного брода и отправилось обратно в свою столицу. Родич Ферранте, утвержденный курией его наследником, теперь пытался утвердиться там, и ему меньше всего нужны были лишние неприятности от его соседей.

Цоканье копыт отдалось эхом от каменных стен, когда женщины въехали через ворота между башнями в шумный двор, где кипела жизнь. Кузнецы чинили подъемную решетку, их подмастерья раздували огонь в переносном горне. За работой, опираясь на трость, следил синьор Пия в летней полотняной одежде и рубахе из египетской ткани. Преданный уход жены помог ему оправиться, хотя он выглядел уже не таким крепким, как прежде, волосы его стали почти

совсем седыми, и у него поубыло дородности. Если не считать чуждой ему прежде нерешительности, рассудок его почти совсем прояснился после горячечного помрачения тех дней безумия, магии и убийств. Он узнал Фьяметту и почтил ее дружеским взмахом руки. Фьяметта помахала в ответ, стараясь придать себе очень занятой вид из опасения, как бы он не подошел и не втянул бы Тейра в новые обсуждения опытов с крыльями летучих мышей — опытов, которыми он намеревался заняться в ближайшем будущем.

Бронзовый Персей-Ури был установлен на каменном пьедестале прямо перед мраморной лестницей. Капитан герцога Сандрино теперь бессменно охранял его замок. Фьяметта вновь закусила губу от непреходящей обиды: герцогиня поручила завершить работу над статуей не ей, а ди Римини. Надо надеяться, что батюшка унесся очень далеко от этой юдоли скорбей, ведь даже его дух пришел бы в черное бешенство при мысли, что величайший труд его жизни попал в руки его соперника. А впрочем, скорее всего в такое же бешенство его привела бы и мысль, что труд этот оказался в руках его дочери. Что же, ди Римини как будто справился. Во всяком случае, статуя пока еще не опрокинулась.

Приходится принимать то, что есть. Герцогиня, в первые неясные дни своего вдовствования ставшая довольно прижимистой, решила, что можно обойтись без туловища Медузы у ног Персея, которое завершило бы группу, и установить статую в ее нынешнем виде. Конечно, это спасло статую от лап ди Римини, но также дало герцогине предлог уполовинить сумму, которую мастер Бенефорте рассчитывал получить с герцога Сандрино.

Тейр по лицу Фьяметты прочел эти ее мысли — она не раз и весьма бурно высказывала их ему. Сняв ее с лошади у пьедестала, он поцеловал жену в лоб и шепнул:

— Думай о хлебе насущном, любовь моя.

Она кивнула со вздохом покорности судьбе. Полученных денег вместе с окончательным расчетом за солонку хотя бы хватило на уплату всех долгов ее отца. Купив новые инструменты для мастерской и отложив сумму на расходы до получения заказов, Тейр ничего из нее не потратил на починку дома, все сделав сам. Его новая галерея выглядела достаточно прочно, чтобы на ней затевали пляску слоны султана.

Новая мебель и одежда могли подождать. Тейр остудил ее язычок, указав, что Господь обещал лишь хлеб насущный, а не пекарню к нему. И

правда, герцогиня вскоре заказала ей украшения для Джулии из серебра и жемчуга. А мастерская, которую удостоила вниманием герцогиня, конечно же, будет завалена заказами всех знатных дам Монтефольи.

Тейр положил охапку привезенных ими цветов к ногам бронзового Ури, и Фьяметта деликатно отступила в сторону, чтобы мать Тейра могла в последний, нежданный, раз вглядеться в черты своего погибшего сына. Оценит ли она чудесную плавность линий, победную позу, безупречность отливки? Согреет ли ее сердце эта дань его памяти и его доблести?

— Тейр, — прерывающимся голосом произнесла пожилая женщина, — он же голый! — И, расстроенно прижала ладонь к губам.

— Ну да, матушка, — ответил Тейр с умиротворяющей невозмутимостью. — У итальянцев все статуи такие. Наверное, из-за жаркого климата.

— Господи! Господи!

Тейр почесал в затылке, словно взвешивая, не вскочить ли на пьедестал и не утешить ли ее, поместив букет в стратегическом пункте.

Но она справилась со своим ужасом настолько, что произнесла дрожащим голосом:

— Она… она, наверное, очень хороша…

«Но он же голый!» — почти услышала Фьяметта ее страдальческий мысленный вопль.

Фьяметта, не зная, то ли засмеяться, то ли огрызнуться, укусила себя за палец и промолчала. Она подняла глаза на бронзовое лицо под крылатым шлемом. Металлические губы чуть-чуть изгибались в уголках. И она поняла.

Ури засмеялся бы.

Послесловие автора

Для любителей редких книг я хотела бы добавить несколько слов о главных исторических источниках «Кольца духов».

Толчком к роману послужил том — вернее, три тома, все связанные с историей моей семьи и много лет простоявшие в тесном соседстве на одной из моих книжных полок. Первое семя с моего фамильного древа (и, бесспорно, редчайшая из книг, меня вдохновивших) — это ученая монография, которая была опубликована в 1907 году под заглавием «Благодарный мертвец. История народного сказания» и принадлежала перу моего двоюродного деда Гордона Холла Джерулда, бакалавра литературы (Оксфорд) и преподавателя Принстонского университета. Мне эта книга досталась по материнской линии. На 174 убористо набранных страницах дядя Гордон проследил примерно в двадцати странах и на протяжении двадцати веков судьбу очень древнего фольклорного сказания с таким названием. В кратчайшем изложении оно сводится к следующему: молодой человек отправляется на поиски счастья и оказы-

вается свидетелем спора из-за трупа должника, который должен оставаться непогребенным, пока долги не будут уплачены. Наш герой предлагает свое имущество — самое различное в зависимости от версии, но обязательно все, что у него есть за душой, — и мертвеца погребают. Он идет дальше навстречу новым приключениям, но теперь обретает в них сверхъестественную помощь благодарного духа мертвого должника — награду за благочестивое деяние.

Большое разнообразие вариантов, которые нашпиговывали монографию точно засохшие изюминки и просто молили, чтобы в них снова вдохнули жизнь, неопровержимо свидетельствовало, что речь идет о вселенской теме большой силы.

И тут в игру вступают два других тома, наследие из обширной и крайне эклектичной библиотеки моего отца-инженера. «De Re Metallica» Агриколы, написанный в XVI веке по-латыни трактат о горном деле и металлургии и переведенный на английский Гербертом и Лу Гувер. (Да-да, президентом. Он был горным инженером, прежде чем занялся политикой. А его супруга была также знатоком латыни.) Агрикола подсказал героя «Колец духов», скромного сына швейцарского рудокопа,

Тейра Окса. Кобольды появились из примечания к этому же трактату. А «Биография Бенвенуто Челлини», естественно, стала источником для Просперо Бенефорте и еще многого. Агрикола — чтение не из легких, но Челлини я горячо рекомендую всем любопытствующим. Там вы найдете золотую солонку, бронзового Персея, сумасшедшего кастеляна и тысячи других восхитительных и устрашающих подробностей, живописующих ту эпоху, не говоря уж об изумительном эгоистичном чудовище, самом Челлини.

Затем последовали еще десятка два книг справочного характера (кольцо духов, принадлежавшее Лоренцо Медичи, вы найдете в великолепно иллюстрированной «Европе 1492» Франко Кардини), но эти три были семенами, из которых вырос роман.

Нет никаких сведений, что у Челлини была дочь. И Фьяметта — мое собственное создание.